

Стивен Кинг

Кладбище домашних животных

«Кладбище домашних животных»: ООО "Издательство «АСТ»; Москва; 1997
ISBN 5-17-001587-9

Аннотация

Луис Крид и не предполагал, чем обернется для него и его семьи переезд в новый дом. До сих пор он и слыхом не слыхивал о Вендиге — зловещем духе индейских племен. И уж тем более не догадывался, что рядом с этим домом находится кладбище домашних животных. Однако очень скоро ему пришлось пожалеть о своем неведении...

Стивен Кинг

Кладбище домашних животных

Посвящается Кирби Мокколи

ЧАСТЬ I. КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ ЛЮБИМЦЕВ

*После этих слов Иисус говорит им:
Лазарь, друг наш, уснул. Но я пойду и разбужу его.
Ученики сказали Ему: если уснул, значит, выздоровеет.
Иисус же говорил о смерти его, а они решили, что Он говорит
об обычном сне.
Тогда Иисус прямо сказал им: Лазарь умер...
...однако, пойдем к нему.
Евангелие от Иоанна (пересказ).*

ГЛАВА 1

Луис Крид, потерявший отца в три года и никогда не знавший своего деда, не ожидал найти «отца», став взрослым, хотя произошло именно так... он называл этого человека другом, как должен делать любой взрослый, когда, сравнительно поздно в жизни, встречается того, кто становится ему «отцом». Этого человека Луис встретил вечером, когда с женой и

двумя детьми переезжал в большой белый дом в Ладлоу. С ними переехал и Уинстон Черчилль. Черч был котом Елены — дочери Луиса.

Администрация университета не пошевелилась и утомительные поиски своего дома на приемлемом расстоянии от университета пришлось вести самостоятельно. Наконец. Криды приблизились к месту, где, как считал Луис, должен был находиться их дом. «Все ориентиры правильные... словно астрологические знаки перед убийством Цезаря», — с тяжелым сердцем подумал Луис. Криды устали и были раздражены до предела. У Гаджа резались зубы и он капризничал не переставая, никак не засыпал, несмотря на то, что Речел вес время баюкала его. Она хотела накормить Гаджа грудью, хотя время кормления еще не наступило. Гадж знал свое обеденное расписание так же хорошо, как Речел (а может, и лучше) и проворно укусил маму новыми зубками. Речел, до сих пор не совсем уверенная в необходимости переезда в Мэйн из Чикаго, где она прожила всю жизнь, залилась слезами. Елена быстро присоединилась к маме. В задней части легкового автомобиля продолжал беспокойно метаться Черч. Кот вел себя так последние три дня, с тех пор как они уехали из Чикаго. Когда он сидел в клетке для кошек, его завывания были невыносимы, но не меньше раздражали непрерывные метания Черча по салону автомобиля, после того как Криды, наконец, сдались и выпустили его.

Луис чувствовал, что сам почти срывается на крик. Дикая, но привлекательная идея, неожиданно родилась у него: он представил, как они возвращаются в Бангор что-нибудь перекусить и подождать грузовик с вещами; а когда три подарка судьбы выйдут из машины, он надавит акселератор и умчится, не оглядываясь, ноги в руки; огромный четырехцилиндровый двигатель легкового автомобиля начнет жадно глотать дорогой бензин. Он мог бы поехать на юг, до Орlando во Флориде, где под новым именем стал бы работать врачом в Диснейленде. Но перед тем, как он доберется до пункта оплаты проезда на старой, широкой 95-й дороге у южной границы штата, он остановится на обочине и вышвырнет этого е..... о кота.

И вот, когда последний поворот остался позади, они увидели дом, который раньше видел только Луис. Прилетев заранее, он осмотрел каждый из семи домов, которые они выбрали по фотографиям, когда за Луисом закрепили место в Университете Мэйна. Этот дом нравился ему самому: большой, старый особняк в стиле Новой Англии (но заново переоблицованный и утепленный; цены за обогрев, до сих пор выглядевшие просто ужасно, оказались приемлемыми, учитывая размеры дома); три большие комнаты внизу, четыре наверху; рядом длинный сарай, который позже можно будет перестроить в жилое помещение — дом, окруженный ярко-зеленеющими лужайками, несмотря на августовскую жару.

За домом была большая площадка для детских игр, а за площадкой — лес, конца которому видно не было. «Ваш участок граничит с землями штата, и поэтому в ближайшем будущем тут не предвидится никакого строительства, — так объяснил агент по продаже недвижимости. — Остатки индейского племени Микмака потребовали признания их прав на восемь тысяч акров земель по соседству с Ладлоу и в городках восточное, поэтому возникла запутанная тяжба, в которой федеральное правительство увязло так сильно, что судебное разбирательство продлится до следующего столетия».

Речел перестала плакать, привсталала.

— Этот...

— Это он, — ответил Луис, встревожившись... нет, неожиданно испугавшись. На самом деле он почувствовал ужас. В обмен на дом он заложил двенадцать лет их жизни: за дом будет выплачено, когда Елене исполнится семнадцать.

Он сглотнул.

— Что ты думаешь? — Думаю, он прекрасен, — проговорила Речел, и огромный камень свалился с души Луиса. Он видел, жена говорит искренне. Пока они ехали по асфальтированному проезду, ведущему вокруг сарая на задний двор, она смотрела на дом; ее взгляд скользил по пустым окнам; она уже отметила отсутствие таких вещей как занавески,

клеенки на полках, устроенных на наружной стороне сарая и бог еще знает что.

— Папочка! — позвала Элли с заднего сиденья. Она тоже перестала плакать. Даже Гадж перестал капризничать. Луис наслаждался тишиной.

— Что, дорогая?

Ее глаза, карие, под челкой светлых волос, в отражении зеркала заднего вида, тоже внимательно изучали дом, лужайку, крышу другого дома, слева в отдалении, пустырь, вытянувшийся к лесу.

— Этот дом?

— Он наш, милая, — сказал Луис.

— Ураа! — взвыла Елена, так что у Луиса заложило уши. И Луис, который мог иногда становиться очень раздражительным при общении с Элли, решил, что и без Диснейленда — его жизнь прекрасна.

Луис припарковал машину перед сараем и включил холостой ход.

Двигатель тихо урчал на холостом ходу. В послеполуденной тишине, которая казалась мертвой после Чикаго, суматохи Улицы Штата и Кольцевой, сладко пели птицы.

— Дома, — мягко сказала Речел, все еще глядя на коттедж.

— Дома, — самодовольно произнес Гадж у нее на коленях. Луис и Речел переглянулись. В зеркале заднего вида у отражения Елены округлились глаза.

— Ты...

— Он...

— Что это...

Они заговорили одновременно, потом все вместе рассмеялись. Гадж не обращал на них внимания, продолжая сосать палец. Он уже месяц говорил «Ма» и произносил то, что иногда можно было принять за «Пааа», а может, так лишь хотелось Луису.

Но в этот раз, даже если получилась случайная имитация, прозвучала она как настоящее слово. «Дома».

Луис подхватил Гаджа с коленей жены и обнял его.

Вот так они приехали в Ладлоу.

ГЛАВА 2

В памяти Луиса Крида этот эпизод навсегда сохранил оттенок волшебства, может, потому, что он и в самом деле был волшебным, а может, потому, что остаток вечера оказался безумным. Следующие три часа никакого отдыха — никакого волшебства...

Луис все время держал ключи от дома под рукой (он был аккуратным и методичным человеком), в коробке из-под мантильских сигар, на которую наклеил ярлык: «Дом в Ладлоу. Ключи получены 29 июня». Он убрал коробочку с ключами в отделение для перчаток «Файрлайна». В этом Луис был абсолютно уверен. Сейчас их там не оказалось.

Пока он охотился за ключами, становясь все раздражительнее, Речел, взяв Гаджа на руки, пошла за Еленой к дереву, возвышавшемуся посреди пустыря за домом. Луис третий раз проверял под сиденьем, когда его дочь отчаянно закричала.

— Луис! — позвала Речел. — Она разбила колено! Елена упала с качелей, сделанных из автомобильной шины, и ударилась коленкой о камень. «Ссадина пустяковая, но вопит, словно ногу потеряла», — подумал Луис (капелька бездушия). Он посмотрел на дом на противоположной стороне дороги; там в гостиной горел свет.

— Все в порядке, Элли, — сказал он. — Хватит рыдать. Соседи могут подумать, что тут кого-то убили.

— Боооолит!

Луис приложил максимум усилий, чтобы сдержаться, и молча вернулся к автомобилю. Ключей в отделении для перчаток не было, но аптечка оказалась на месте. Взяв ее, он отправился назад. Когда аптечку увидела Элли, она стала кричать еще громче.

— Нет! Только не йод! Я не хочу йода, папочка! Нет...

— Елена, это — зеленка, а не йод.
 — Будь большой девочкой, — сказала Речел. — Только...
 — Нет... пет — пет... нет... пет...
 — Ты сейчас же прекратишь или у тебя еще и попа заболит, — сказал Луис.
 — Она устала, Луис, — спокойно объяснила Речел.
 — Конечно. Я знаю. Подержи ее ногу.
 Положив Гаджа, Речел подержала ногу Елены, которую, злясь на усилившиеся истерические завывания, Луис красил зеленкой.
 — Кто-то вышел на веранду дома на противоположной стороне улицы, — заметила Речел. Она подняла Гаджа, который пытался уползти по траве.
 — Замечательно, — прошептал Луис.
 — Луи, она...
 — Устала, знаю, — он закрыл зеленку и сумрачно посмотрел на дочь. — Вот так. И на самом деле ни капли не болит. Потерпи, Елена.
 — Болит! На самом деле болит! Боооол...
 У Луиса руки чесались отшлепать ее, но он сдержался.
 — Ты нашел ключи? — спросила Речел.
 — Конечно, нет, — ответил Луис, щелчком закрыв аптечку, и встал. — Я...
 Завопил Гадж. Он не капризничал, не кричал, а по-настоящему вопил, корчась на руках у Речел.
 — Что с ним? — воскликнула Речел, протянув ребенка Луису.
 «Одно из преимуществ, когда выходишь замуж за врача: вы можете пихнуть ребенка своему мужу всякий раз, когда кажется, что ребенок умирает», — в этом Луис был уверен. — Луис! Что?..
 Малыш тер ручками шею и дико кричал. Луис поднял его повыше и увидел раздувающуюся белую опухоль сбоку на шее Гаджа. И еще что-то было на завязке детского комбинезончика, что-то лохматое, слабо подергивающееся.
 Елена, которая стала уже успокаиваться, снова завопила.
 — Пчела! Пчела! Пчееела! — она отскочила, споткнувшись о камень, с которым ей один раз уже не повезло, сильно шлепнулась на попу и снова начала реветь от боли, удивления и страха.
 «Я сойду с ума, — подумал Луис. — Ух-ххххх!»
 — Луис, сделай что-нибудь! Ты можешь что-нибудь сделать?
 — Сперва надо вырвать жало, — донесся сзади голос, растягивавший слова. — Точно. Сперва вырвать жало и приложить немного гашеной извести. Шишка спадет. — Говоривший обладал таким сильным восточным акцентом, что некоторое время смущенный Луис не мог понять о чем речь. «Перва надрвать жал иприложить немногопогшеной звести. Шка падет».
 Луис повернулся и увидел старика лет семидесяти — крепкого и здорового семидесятилетнего старика. Он носил синюю рубашку-поло, открывавшую морщинистую шею с толстыми складками. Обожженное солнцем лицо; и еще он курил сигареты без фильтра. Когда Луис посмотрел на него, старик закончил разминать сигарету между большим и указательным пальцами и ловко положил ее в карман. Протянув руку, он слегка улыбнулся... улыбка понравилась Луису; старик был не из тех, кто «располагает» к себе.
 — Вам виднее в ваших делах, док, — сказал он. Вот так Луис встретил Джадеона Крандолла, человека, который стал ему как отец.

ГЛАВА 3

С противоположной стороны улицы старик видел, как они приехали, и пришел посмотреть, не может ли он чем-то помочь, когда у них возникли «мелкие трудности», как он называл их.

Пока Луис держал мальчика на руках, Крандолл подошел ближе, осмотрел опухоль на

шее Гаджа и вытянул грубую, кривую руку. Речел открыла рот, чтобы запротестовать — рука старика выглядела ужасно неловкой и почти такой же большой, как голова Гаджа — но прежде чем Речел успела что-то сказать, пальцы старика сделали простое, уверенное движение, такое же стремительное и ловкое, как движение шулера, тасующего колоду карт, или наперсточника, играющего шариками. И жало оказалось на ладони у старика.

— Большое, — заметил старик. — Приза не возьмет, но медаль вручить можно, так я считаю. — Луис взорвался от смеха.

Крандолл взглянул на него с плутоватой улыбкой и сказал:

— Храбрец, не так ли?

— Что он сказал, мамочка? — спросила Елена, и тогда Речел тоже взорвалась от смеха. Конечно, это было ужасно невежливо, но каким-то образом дальше все пошло хорошо. Крандолл вытащил пачку «Королей Честерфильда», сунул одного из них в морщинистый уголок своего рта, вежливо кивая, пока Криды смеялись... даже Гадж сдавленно захихикал, несмотря на опухоль от пчелиного укуса. Старик зажег деревянную спичку, чиркнув ее о ноготь большого пальца. «У каждого старика есть свои трюк, — подумал Луис. — Порой безыскусный, но некоторые из них красиво смотрятся».

Луис перестал смеяться и протянул руку, не ту, которой только что поддерживал Гаджа за попку — определенно мокрую попку.

— Рад встрече с вами, мистер...

— Джад Крандолл, — сказал старик и потряс руку Луиса. — Я догадался, что вы — доктор.

— Да. Луис Крид. Это моя жена Речел, моя дочь — Элли, а малыш, которого ужалила пчела, — Гадж.

— Приятно с вами познакомиться.

— Я не хотел смеяться... то есть, мы не хотели смеяться... дело в том, что мы... немного устали.

Эти слова — явное преуменьшение, заставили Луиса снова захихикать. Он почувствовал себя полностью истощенным от смеха.

Крандолл кивнул.

— Все в порядке, — сказал он, и это прозвучало: «Все в рядке». А потом старик посмотрел на Речел, — Почему бы вам не прогуляться с малышами к нам, миссис Крид? Мы дадим гашеной извести на примочку. Моя жена будет рад а с вами познакомиться. Она почти не выходит из дому. Последние два-три года ее артрит обострился.

Речел взглянула на Луиса, который кивнул.

— Это очень любезно с вашей стороны, мистер Крандолл.

— Зовите меня просто Джад, — сказал старик. Неожиданно раздался протяжный автомобильный гудок, взревел мотор и из-за поворота появился большой грузовик: неуклюже двигаясь, он свернул к их новому дому.

— Боже, а я не знаю, где ключи, — вспомнил Луис.

— Все в порядке, — сказал Крандолл. — Я принесу ключи. Мистер и миссис Кливленд (они жили тут до вас) оставили нам комплект ключей, ох, может, четырнадцать или пятнадцать лет назад. Они долго тут жили. Джоан Кливленд была лучшей подругой моей жены. Она умерла года два назад. Бил переехал в дом престарелых в Оррингтоне. Я верну вам ключи. Во всяком случае, теперь они ваши.

— Вы очень любезны, мистер Крандолл, — заметила Речел.

— Вовсе нет, — сказал он. — Просто надеюсь, у нас в округе снова появится молодежь. — Его речь звучала гораздо экзотичнее для их слуха — слуха жителей среднего запада; что-то вроде «млдеш». — Вы только приглядывайте за дорогой, миссис Крид. По этой дороге ездит много больших грузовиков.

Хлопнула дверь, водитель выпрыгнул из кабины и направился к ним.

В это время Элли, отошедшая чуть подальше, воскликнула:

— Папочка, что это?

Луис, направившийся навстречу шоферу, оглянулся. На краю пустыря, где кончалась лужайка и поднималась высокая летняя трава, начиналась выкошенная тропинка фута четыре шириной. Она вела на холм, изгибаясь среди низких зарослей кустов и пары берез, а дальше исчезала из поля зрения.

— Выглядит как тропинка, — сказал Луис.

— О, кнешно, — улыбаясь проговорил Крандолл. — Когда-нибудь я тебе об этом расскажу, мисси. Хочешь, пойдем и приведем в порядок твоего крошку-брата?

— Ага! — согласилась Элли, а потом с надеждой прибавила. — А гашеная известь жжется?

ГЛАВА 4

Крандолл принес ключи, но Луис уже нашел свой комплект. Ключи оказались в углу отделения для перчаток; маленькая коробочка забила под электропроводку. Выудив ее, Луис пустил грузчиков в дом. Крандолл вручил Луису еще один комплект ключей. Ключи были на старом, тусклом кольце. Луис поблагодарил старика и рассеянно опустил ключи в карман, глядя, как грузчики вносят в дом коробки, кухонную утварь, комоды и другие вещи, которые Криды собрали за десять лет совместной жизни. Сорванные со своих родных мест, они казались жалкими. «Точно дерьмо, рассыпанное по коробкам», — подумал Луис и неожиданно почувствовал печаль, уныние — наверное, это была тоска по родине.

— Сорвались с насиженных мест, — неожиданно рядом с ним произнес Крандолл, Луис аж подпрыгнул.

— Вы говорите так, словно испытали нечто подобное, — проговорил он.

— Пожалуй, нет, — Крандолл зажег сигарету. Пшш! Отшвырнул спичку, ярко вспыхнувшую в ранних сумерках. — Дом на той стороне дороги построил мой отец. Он привез сюда свою жену, и она родила там ребенка. Этот ребенок, родившийся в 1900 году, был я.

— Значит вам...

— Восемьдесят три, — проговорил Крандолл, и Луис вздохнул с облегчением, когда старик не прибавил «года, юноша» — фраза, которую Луис искренне ненавидел.

— Вы выглядите значительно моложе. Крандолл пожал плечами.

— Я всегда жил здесь. Меня призвали, когда началась Первая Мировая, но конечный пункт, которого я достиг, направляясь в Европу, оказался городок Бауонн в Нью-Джерси. Скверное место. Даже в 1917 году это было скверное место. Я был так рад вернуться сюда, жениться на моей Норме, работать на железной дороге. Мы прожили здесь всю жизнь. Но я многое повидал тут в Ладлоу. Ей-богу!

Грузчики остановились напротив входа в сарай, держа пружинный матрац от большой двуспальной кровати.

— Куда это, мистер Крид?

— Наверх... одну минуточку, я покажу вам, — он направился к грузчикам, потом на мгновение остановился, посмотрел назад на Крандолла.

— Идите. — улыбаясь, сказал Крандолл. — Я прослежу за вашей семьей. Отведу их к себе домой, чтоб они не мешались под ногами. Переезд в новый дом тяжелое занятие, и после него неплохо примочить горло. Я обычно около девяти сажусь на веранде и выпиваю парочку банок пива. В теплую погоду люблю смотреть, как приходит ночь. Иногда Норма составляет мне компанию. Если хотите, приходите.

— Ладно, может быть, приду, — сказал Луис. Он не собирался делать ничего подобного. Следующим шагом будет неофициальное (и бесплатное) обследование артрита Нормы на веранде. Луису понравился Крандолл, понравилась его плутоватая улыбка, бесцеремонные манеры разговора, акцент янки, который сметал части слов, но был мягким, почти тягучим. «Хороший человек. — подумал Луис. — Но врачи быстро начинают зло смотреть на людей. Неприятно, но рано или поздно даже самый лучший друг захочет, чтоб

его осмотрели. А у стариков это сплошь и рядом», — Не высматривайте меня, и если меня не будет, ложитесь спать... у нас выдался адский день.

— Главное, чтоб вы поняли — к нам можно заходить и без письменного приглашения. — сказал Крандолл, и что-то в его плутоватой усмешке заставило Луиса подумать, что старик читает все его мысли.

Мгновение, прежде чем присоединиться к грузчикам, Луис смотрел на старика. Крандолл держался прямо и легко, словно ему было лет шестьдесят, а не восемьдесят. Луис почувствовал первый, слабый порыв сыновней любви.

ГЛАВА 5

В девять часов грузчики ушли. Элли и Гадж, оба совершенно измученные, спали, каждый в своей комнате; Гадж в детской кроватке, Элли на матрасе на полу, окруженная горами коробок — биллионы карандашей, большей частью поломанные или тупые; плакаты с улицы Тысячи и Одной Ночи; книги с картинками: одежда; одни небеса знают, что еще. И Черч, конечно, был с ней, тоже спал и хрипкое ворчание вырывалось из его пасти. Хрипкое ворчание — так мурлыкает большой кот.

Речел беспокойно бродила по дому, освободившись от Гаджа; она смотрела, где какие вещи оставили грузчики, работавшие под предводительством Луиса, начинала приводить вещи в порядок, перекладывая их и перетасовывая. Луис не потерял чек; он до сих пор лежал в нагрудном кармане, среди пяти десятидолларовых купюр, которые он отложил на чаевые. Когда грузовик наконец опустел, Луис передал чек и вручил наличные, кивнув в ответ на благодарности грузчиков, расписался на накладной и остался стоять на веранде, глядя, как большой грузовик задом выезжает с их участка. Наверное, грузчики останутся в Бангоре и промочат горло, выпив несколько банок пива.

Пара банок пива и ему не помешала бы. Он снова вспомнил о Джаде Крандолле.

Луис и Речел присели у кухонного стола, он увидел синяки у жены под глазами.

— Ты иди, укладывайся, — проговорил он.

— Рекомендация врача? — спросила она, чуть улыбнувшись.

— Конечно.

— Хорошо, — сказала она, поднимаясь. — Меня словно избили. Да и Гадж может ночью проснуться. Ты идешь? Луис заколебался.

— Пока не собираюсь. Этот старикан с противоположной стороны улицы...

— Дороги. В этой деревне можешь называть ее дорогой. А если бы ты был Джадеоном Крандоллом, думаю, ты назвал бы ее дорогой.

— Хорошо, на противоположной стороне дроги. Он приглашал меня на пиво. Думаю, пойду, хлебну. Я устал, но слишком возбужден, чтобы уснуть.

Речел улыбнулась.

— Закончишь тем, что Норма Крандолл расскажет тебе, что у нее болит и на каком тьюфке она спит.

Луис засмеялся, думая, как потешно... потешно и пугающе-то, что жены со временем могут читать мысли своих мужей.

— Он был тут, когда мы нуждались в нем, — проговорил Луис. — Думаю, я тоже смогу сделать ему одолжение.

— Ты — мне, я — тебе?

Луис пожал плечами. Он не знал, как сказать жене, что ему вот так, сразу, понравилось общество Крандолла.

— Как его жена?

— Очень милая, — сказала Речел. — Гадж сидел у нас на коленях. Я удивлена, у него был трудный день, а ведь ты знаешь, он быстро не принимает новых людей даже в нормальной обстановке. У нее была куколка, и она дала Елене поиграть с ней.

— Насколько, по-твоему, плох ее артрит?

— Совсем плох.
— Кресло-каталка?
— Нет... но она ходит очень медленно, а ее пальцы... — Речел подняла свои изящные руки и, для примера, изогнула их, превратив кисть в лапу с когтями. Луис кивнул. — В любом случае, Лу, не задерживайся. У меня мурашки идут по коже, когда я ночую одна в незнакомом доме.

— Не долго он останется для тебя незнакомым, — проговорил Луис и поцеловал ее.

ГЛАВА 6

Луис вернулся из гостей, чувствуя себя пристыженным. Никто не просил его осматривать Норму Крандолл, когда он пересек улицу («дрогну» — напомнил он себе, улыбаясь). Хозяйка уже ушла спать. Джад смутным силуэтом маячил на веранде за сеткой от насекомых. Слышался скрип кресла-качалки по старому линолеуму. Луис постучал по сетке от насекомых, которая загремела в раме. Сигарета Крандолла пылала в темной летней ночи, словно большая огненная муха. Из динамика радиоприемника доносился тихий голос, комментирующий игру Красной футбольной Лиги, и от всего этого на Луиса Крида нахлынуло странное чувство: как будто после долгих странствий он вернулся домой.

— Я так и думал, что вы придете, — сказал Крандолл.

— Надеюсь, вы говорили всерьез насчет пива, — входя, сказал Луис.

— Насчет пива я никогда не обманываю, — проговорил Крандолл. — Люди, которые врут насчет пива, наживают себе врагов. Садитесь, Док. Я положил пару банок на лед на всякий случай.

Веранда была длинной и узкой, обставленной ротанговыми стульями и софами. Луис скользнул на одну из них и удивился, как удобно. Под левой рукой оказалась бадья с кубиками льда и несколькими банками «Черной Этикетки». Он взял одну из банок пива.

— Спасибо, — сказал Луис и открыл пиво. Первые два глотка — словно благословение.

— Не за что, — проговорил Крандолл. — Надеюсь, вы тут будете счастливы, Док.

— Аминь, — сказал Луис.

— Послушайте! Если хотите крекеров или еще чего, я могу принести. У меня есть «крысиная вырезка».

— Какая вырезка?

— Кусок рокфора — крысиного сыра, — с улыбкой пояснил Крандолл.

— Благодарю, но я, только пиво.

— Тогда пусть себе там и лежит, — довольно отпрыгнул Крандолл.

— Ваша жена легла? — поинтересовался Луис, удивляясь; что его тянет за язык?

— Кнешно. Иногда она остается посидеть. Иногда нет.

— Ее артрит сильно беспокоит, так?

— Вы когда-нибудь видели, чтоб артрит сильно не беспокоил? — поинтересовался Крандолл.

Луис покачал головой.

— Я считаю, дела обстоят сносно, — объяснил Крандолл. — Она почти не жалуется. Хорошая старушка, моя Норма. — В его голосе чувствовалась любовь. С 15 шоссе вынырнул грузовик с цистерной — такой большой и длинной, что на мгновение закрыл от Луиса дом на другой стороне дороги. На боку его в последних лучах солнца можно было едва разобрать: «Оринго».

— Черт возьми, большой грузовик, — заметил Луис.

— Оринго поблизости от Оррингтона, — сказал Крандолл. — Завод по производству химических удобрений. Все время ездят туда-сюда. Нефтяные цистерны, самосвалы, люди, которые утром едут на работу, в Бангор или Бревер, а вечером возвращаются. — Он потряс головой. — Только одна вещь в Ладлоуммене нравится — это задроченная дорога. Нет покоя

из-за нее. Едут весь день и всю ночь. Иногда они будят Норму. Да, черт возьми, меня иногда будят, а я-то сплю, словно мертвый.

Луис, который думал о странном ландшафте Мэйна, как о сверхъестественно спокойном, после постоянного рева Чикаго, только покачал головой.

— Скоро арабы перекроют нефть и тогда на белой полосе шоссе будут выращивать африканские фиалки. — проговорил Крандолл.

— Может, вы и правы, — Луис приложился к банке и удивился, обнаружив, что она уже пуста. Крандолл засмеялся.

— Вы, док, берите еще бутылочку. Луис поколебался, а потом сказал:

— Договорились, но только одну. Мне уже пора возвращаться.

— Разумеется. Ведь переезд — чертовски утомительное занятие?

— Да, — согласился Луис, и потом некоторое время они молчали. Приятная тишина, так, словно они знали друг друга долгое время. Чувство, о котором Луис читал в книгах, но которого раньше никогда не испытывал. Он чувствовал себя пристыженно от того, что раньше думал о бесплатном медицинском осмотре Нормы.

По дороге проревела полуторка, ее фары мерцали, как звезды.

— Главная дорога, все правильно, — повторил Крандолл, непонятно к чему, но потом повернулся к Луису. Морщинистый рот растянулся в едва заметной улыбке. Старик воткнул Честерфильд в уголок улыбающегося рта и чиркнул спичкой о ноготь. — Помните тропинку, которую заметила ваша дочь?

Мгновение Луис пытался припомнить; Элли болтала о множестве вещей, перед тем как в изнеможении рухнуть спать. Потом он вспомнил. Широкая, выкошенная тропинка, исчезающая среди деревьев.

— Да. Вы ей пообещали когда-нибудь рассказать об этой тропинке.

— Обещал и расскажу когда-нибудь, — сказал Крандолл — Тропинка длиной мили полторы ведет в лес. Местные ребятишки, что живут вдоль 15 дороги и Центрального шоссе, следят за ней, потому что часто ею пользуются. Дети приходят и уходят... теперь переезжают намного чаще, чем в те годы, когда я был мальчиком; тогда выбирали место для дома на всю оставшуюся жизнь. Кажется, они даже договорились между собой, и каждую весну кто-то из них выкашивает тропинку. Все лето они следят за ней. Не все взрослые о ней знают — большинство, конечно, но не все, далеко не все,... но все дети знают о ней. Могу поспорить.

— Вы знаете, куда она ведет?

— На кладбище домашних любимцев, — ответил Крандолл.

— Кладбище домашних любимцев? — удивленно повторил Луис.

— Не так странно, как может показаться вначале, — заметил Крандолл, покуривая и раскачиваясь. — А все дорога. На кладбище домашних любимцев хоронят большую часть домашних животных, и во всем виновата дорога. Собаки и кошки, в основном, но они не одни. Один из грузовиков «Оринго» задавил домашнего енота, который жил у детей Ридера. Это случилось... боже, должно быть в 73, а может, раньше. Еще до того, как власти запретили держать дома енотов и даже прирученных скунсов.

— Запретили?

— Бешенство, — пояснил Крандолл. — В Мэйне участились случаи бешенства. Неподалеку жил сенбернар, который пару лет назад заразился бешенством, и погибло четыре человека. Вот такая жуткая история. Собаке не сделали прививки. Если бы эти глупые люди следили за тем, чтоб прививки были сделаны, ничего бы не случилось. Но еноту или скунсу можете делать прививку дважды в год, и это не всегда срабатывает. А такого енота, как был у детей Ридера, в старые времена называли «сладким енотом». Он бы, переваливаясь, подошел к вам (господи, ну и жирным он был!) и лизнул бы вас в лицо, словно пес. Они даже заплатили ветеринару, чтобы тот отрезал еноту яйца и сточил когти. Должно быть, это обошлось им в целое состояние! Ридер... он работал на фирму IBM в Бангоре. Теперь прошло уже лет пять... а может, и шесть, как они уехали в Колорадо. Странно думать о них,

как о взрослых, которые могут водить машину. Горевали они из-за этого енота? Думаю, да. Мэтти Ридер плакал так долго, что его мать испугалась и хотела было вызвать доктора. Со временем он примирился с потерей любимца, но никогда не забудет о нем. Когда любимый зверек выбегает на дорогу и гибнет, ребенок никогда не забывает.

Луис подумал об Элли, представил ее, как видел, перед тем как она отправилась спать. Черч мурлыкал у ног своей хозяйки.

— У моей дочери есть кот, — сказал Луис. — Уинстон Черчилль. Мы зовем его попросту: Черч.

— Они тянут его гулять?

— Извините? — Луис не понял, что имеет в виду старик.

— У него яйца отрезаны или нет? — Нет, — сказал Луис. — Нет, его не кастрировали. Да, это вызывало определенные хлопоты в Чикаго. Речел хотела кастрировать Черча, даже ходила к ветеринару. Луис отговорил ее. Даже сейчас он не мог с уверенностью сказать, почему. Дело было не в том, что он подсознательно сравнивал свое мужское начало с мужским началом кота дочери. Луис возмутился из-за причины кастрации, оказывается, толстую домохозяйку за соседней дверью не должны беспокоить падающие мусорные бачки... хотя это была только часть проблемы; гораздо важнее оказалось сильное, но смутное ощущение, что придется лишиться Черча того, чем сам Луис так дорожил... и полный страданий взгляд зеленых глаз кота. Наконец, Луис сказал Речел, что так как теперь они переезжают в сельскую местность, с этим проблем не будет. А теперь Джадеон Крандолл сообщил ему, что жизнь Ладлоу связана с 15 шоссе и спросил, кастрирован ли кот. Попробуйте хоть немного развеселиться, доктор Крид... это пойдет вам на пользу.

— Я бы его кастрировал, — сказал Крандолл. — Кастрированный кот бродит не так уж много. Если он вес время станет бегать туда-сюда через дорогу, удача рано или поздно изменит ему, и он кончит как енот Ридеров, как коккер-спаниель маленького Тимми Десслера или длиннохвостый попугай миссис Брэдли. Но длиннохвостый попугай не перебежал через дорогу, вы же понимаете. Он просто однажды сдох.

— Приму к сведению, — сказал Луис.

— Да уж, примите, — отозвался Крандолл и встал. — Так как насчет еще по пивку? И, верно, придется отрезать кусочек «старого крыса»?

— Да хватит, — ответил Луис, тоже вставая. — Я должен идти. Завтра тяжелый день.

— Поедете в университет? Луис кивнул.

— Студентов не будет еще недели две, но к тому времени я должен буду полностью разобраться с делами, не так ли?

— Конечно, если вы не знаете, где что лежит, у вас могут появиться проблемы, — Крандолл протянул руку, и Луис пожал ее, не забывая, что старые кости легко начинают болеть. — Приходите в любой день, — сказал старик. — Вам, наверное, захочется познакомиться с Нормой. Думаю, она вам понравится.

— Я тоже так считаю, — сказал Луис. — Приятно было повстречаться с вами, Джад.

— Взаимно. А пока обстраиваетесь. Может, даже поживете тут некоторое время.

— Надеюсь.

Луис вышел на дорожку, вымощенную камнями различной формы, ведущей к дороге, и остановился, пропустить грузовик. В направлении Бакспорта, одна за другой, проехали пять машин. Потом, махнув на прощание, он пересек улицу («дрог») и направился прямо к своему новому дому.

Сонная тишина. Элли не шелохнулась, и Гадж застыл в колыбели, почивая в типичной гаджевской манере, распластавшись на спине, но так, что бутылочка с молоком находилась в пределах досягаемости. Луис постоял, глядя на сына, и его сердце наполнилось любовью, такой сильной, что она показалась почти опасной. Луис решил, что отчасти это просто тоска по Чикаго, к которому привык, людям Чикаго, оставшимся где-то там; людей стертых милями, которые он никогда не сможет преодолеть. «Теперь переезжают намного чаще, чем раньше... раньше место для дома выбирали на всю жизнь». В этом была определенная

правда.

Луис подошел к сыну и, пока никто не видел, даже Речел, поцеловал пальчики малыша, а потом легонько сжал их, на мгновение прикоснувшись к щеке Гаджа сквозь прутья колыбели.

Гадж захихикал во сне и повернулся на другой бок.

— Спи спокойно, малыш, — сказал Луис.

* * *

Луис тихо разделся и скользнул на свою половину постели, устроенной из двух простых матрасов, разложенных прямо на полу. Он почувствовал, как напряжение, накопившееся в течение дня, начинает проходить. Речел не шелохнулась. Призрачно возвышались нераспакованные коробки.

Перед тем как уснуть, Луис приподнялся на локте и выглянул в окно. Их комната находилась в передней части здания, и Луис видел гнездышко Крандоллов на другой стороне дороги. Оно казалось темной тенью (в эту ночь не светила луна), но Луис разглядел янтарный огонек сигареты. «Не ушел спать, — подумал Луис. — Старик еще долго может не ложиться. Старость бедна снами. Может, все старики несут бессрочную вахту... Зачем?»

Луис задумался над этим и незаметно уснул. Во сне он оказался в Диснейленде, ехал на сверкающем белом грузовике с красной полосой на борту. Рядом был Гадж, и во сне ему было лет десять. Черч лежал на белом щитке грузовика, глядел на Луиса ярко-зелеными глазами, а на главной улице возле почтовой станции 1890-х годов Микки Маус жал руки детям, собравшимся вокруг него, его большие мультипликационные перчатки сжимали маленькие, доверчивые ручонки.

ГЛАВА 7

Следующие две недели выдались очень хлопотными. Мало-помалу новая работа начала затягивать Луиса (то ли еще будет, когда десять тысяч студентов, многие злоупотребляющие наркотиками и спиртными напитками, некоторые, пораженные венерическими болезнями, слишком рвущиеся к высоким оценкам или окутанные тоской по оставленному в первый раз дому; дюжина из них, в основном девушки, полностью потерявшие аппетит... то ли еще будет, когда эти студенты заполнят университет) Пока Луис начал вникать в работу, как глава Медицинской Службы университета, Речел начала обстраиваться в доме.

Гадж падал и получал шишки, знакомясь с новым окружением; первое время его никак нельзя было уложить спать вовремя, но к середине второй недели в Ладлоу, он снова стал спать спокойно. Только Элли, которой предстояло пойти в школу в новом месте, всегда казалась чересчур возбужденной и вспыльчивой. То она подолгу хихикала в кулак, то впадала в климактерическую *note 1* депрессию; иногда начинала капризничать из-за случайно брошенного слова. Речел сказала: у Элли это пройдет, когда она увидит, что школа, ожидающая ее в сентябре, совсем не ужасный, огромный красный дьявол, и усвоит это; а Луис подумал, что Речел права. Но большую часть времени Элли оставалась прежним милым ребенком — дорогушей.

Вечерняя банка-другая пива с Джадом Крандоллом стала чем-то обыденным. Когда Гадж снова стал нормально засыпать, Луис начал задерживаться у старика подольше, прихватив с собой банок шесть пива — раз в два-три дня. Он познакомился с Нормой Крандолл, приятной милой женщиной, страдающей от артрита — гнусного, старого, ревматического артрита, портившего жизнь пожилым людям, которые в остальном здоровы... Но в общем отношении Нормы к своей болезни оказалось совершенно

Note1

Связанную с половым созреванием у девочек (прим, переводчика).

правильным. Она не сдалась боли и не выбросила белый флаг. Пусть болезнь возьмет свое, если сможет. Луис прикинул, что у Нормы есть еще пять или семь лет жизни, хотя она проведет их не так уж комфортабельно.

Вопреки своим привычкам, Луис обследовал Норму по собственной инициативе, проверил все лекарства, которые выписал ей доктор, и обнаружил, что все в полном порядке. Он почувствовал разочарование из-за того, что больше ничего не может сделать или предложить ей. Доктор Вейбридж держал болезнь Нормы под контролем, насколько это было возможно. Конечно, всегда оставалась возможность выздоровления, хотя надежды на это было мало. Нужно отвлеченно относиться к проблемам других, иначе самому можно оказаться в психушке.

Речел понравилась Норме, и они скрепили дружбу, обменявшись рецептами, как малыши меняются бейсбольными программками, начиная от яблочного пирога Нормы Крандолл, пирога, который подают в глубокой тарелке, и до бефстроганов Речел. Норме очень понравились дети Кридов — в основном Элли, которая, по словам старой женщины, скоро станет «настоящей старосветской красавицей». Слава богу, сказал этой ночью Луис, уже лежа в постели, что Норма не назвала Элли «настоящим, милым енотом». Речел расхохоталась, да так сильно, что непроизвольно пукнула. После этого они вместе смеялись так долго и громко, что даже разбудили Гаджа, спавшего в соседней комнате.

Начались занятия в школе. Луис, который к этому времени уже полностью разобрался в работе университетского лазарета и медпунктов университета, устроил себе выходной (по правде сказать, в лазарете было совсем пусто; последняя пациентка — студентка, сломавшая ногу летом во время Объединенного Студенческого Марша, выписалась неделю назад). Луис стоял на лужайке перед домом рядом с Речел, державшей на руках Гаджа, когда с шоссе свернул большой желтый автобус и неуклюже остановился перед их домом. Двери автобуса открылись, бормотания и пронзительные крики детей поплыли в мягком сентябрьском воздухе.

Элли бросила странный, полный отчаяния взгляд через плечо, словно спрашивая родителей: может быть, еще остановить этот неизбежный процесс, и, наверное то, что она прочитала на их лицах, убедило ее: уже поздно, все, что последует дальше — неизбежно, как развитие артрита Нормы Крандолл. Элли отвернулась и залезла в автобус. Двери закрылись, довольно чмокнув. Автобус покатил дальше. Речел разрыдалась.

— Ради всего святого, не надо, — проговорил Луис. Он не плакал, но и у него на душе кошки скребли. — Елены не будет всего полдня.

— Даже полдня слишком долго, — ответила Речел срывающимся голосом и зарыдала еще пуще. Луис обнял ее, а Гадж обвил ручонками шеи родителей. Когда Речел зарыдала, Гадж обычно вторил ей. Но не в этот раз. «Теперь наше внимание будет отдано только ему, и он прекрасно это понимает», — подумал Луис.

* * *

Они с трепетом ждали возвращения дочери. Выпили так много кофе, переволновались о том, как ей в школе. Луис вышел в заднюю комнату, которую оборудовал под кабинет, и пытался убить время, передвигая бумаги с места на место — единственное, чем он сейчас мог заниматься. Речел приготовила ленч до смешного рано.

Когда в четверть одиннадцатого позвонил телефон, Речел подняла трубку и не дыша ответила:

— Алло? — она сделала это прежде, чем телефон прозвонил во второй раз. Луис застыл в дверях между кабинетом и кухней, уверенный: это звонит учительница, сказать им, что у Элли ничего не получится: желудку общественного образования не удалось переварить Елену и он исторг ее обратно. Но звонила Норма Крандолл, сказать, что Джад собрал остатки кукурузы, и Криды могут забрать дюжину початков, если хотят. Луис, прихватив сумку для покупок, пошел к Крандоллам и сердито высказал Джаду за то, что старик не позвал его

помочь собрать урожай.

— Да, ладно, урожай все равно дерьмовый, — ответил на это Джад.

— Не употребляй таких выражений в моем присутствии, — вмешалась Норма. Она принесла на веранду охлажденный чай на старом подносе «кока-кола».

— Извини, моя любовь.

— И выдумаете, что ему стыдно? — спросила Норма Луиса и, морщась от боли, присела.

— Мы видели, как Элли укатила на автобусе, — сказал Джад, зажигая Честерфильд.

— С ней все будет в порядке, — добавила Норма. — С ними почти всегда так.

«Почти», — содрогнувшись, подумал Луис.

* * *

Но с Элли действительно оказалось все в порядке. После полудня она приехала домой, улыбаясь, радостная; ее синее платье «первого школьного дня» милым колокольчиком покачивалось над счесанными коленками. В руках у девочки была картина, на которой было нарисовано не то два ребенка, не то два самоходных крана; шнурки на одной туфле развязались, и одна ленточка расплелась. Элли кричала:

— Мы пели «Старого МакДональда»! Мамочка! Папочка! Мы пели «Старого МакДональда»! Того самого, что по телику поют в кортосейской школе!

Речел посмотрела на Луиса, который сидел на подоконнике, посадив Гаджа на колени. Малыш почти уснул. Что-то печальное было во взгляде Речел, и хотя она быстро отвернулась, Луис на мгновение почувствовал ужасное смятение. «Мы в самом деле начинаем стареть, — подумал он. — Это на самом деле правда. Никто не сделает для нас исключение. Теперь Элли пойдет своей дорогой... а мы своей».

Элли подбежала к нему, пытаясь показать ему картину, новую ссадину на колени и рассказать о «Старом МакДональде» и миссис Берримен — все одновременно. Черч терся у ее ног, громко мурлыкая, и просто чудо, что ни разу Элли не споткнулась о него.

— Ш-ш-ш, — сказал Луис и поцеловал дочь. Гадж уснул, не поддавшись всеобщему оживлению. — Только дай мне положить крошку на кровать, а потом я все выслушаю.

Он отнес Гаджа вверх по лестнице, прошел под горячими косыми лучами, а когда достиг лестничной площадки, страшное предчувствие — предчувствие надвигающегося ужаса и темноты накатилось на него. Луис остановился... застыл на месте... и удивленно огляделся, пытаясь понять, что происходит. Он крепче сжал крошку, почти стиснул его, и Гадж, почувствовав себя неуютно, зашевелился. Руки и спина Луиса покрылись гусиной кожей.

«Что случилось?» — удивился Луис; он смутился и испугался. Его сердце учащенно забило, голове стало холодно и неожиданно у Луиса зашевелились волосы. Он почувствовал, как под действием адреналина увеличивается давление глазного дна. Действительно, глаза могут вылезти из орбит, когда человек испытывает смертельный ужас — Луис знал об этом; в таких случаях не только расширяются зрачки, а сами глаза выпячиваются, когда поднимается кровяное давление, а из-за увеличения кровяного давления увеличивается гидростатическое давление внутричерепной жидкости. «Что это, черт побери? Духи? Боже, я чувствую себя так, словно в этом коридоре мимо меня что-то проскользнуло. Еще мгновение, и я сумел бы разглядеть, что это».

Внизу сильно хлопнула дверь веранды.

Луис Крид подскочил, вскрикнув, а потом засмеялся. Это был просто один из тех «холодных карманов» *note 2*, которые появляются иногда... ни больше, ни меньше. На

Note2

Термин из психиатрии, обозначающий область, где человек по непонятным причинам начинает испытывать страх (прим, переводчика).

минуту возникший карман. Так случилось и раньше, вот и все. Что сказал Скрудждуху Джекоба Марли? «Может быть, вы вовсе не вы, а непереваренный кусок говядины, или лишняя капля горчицы, или ломтик сыра, или непрожаренная картофелина. Может, вы явились не из царства духов, а из духовки, почему я знаю!» И хотя Диккенс вряд ли это понимал, на самом деле это было совершенно верно не только с точки зрения психологии, но и физиологии. Духов не существует. По крайней мере, Луис ничего подобного раньше не встречал. Луис несколько десятков раз сталкивался со случаями с летальным исходом и никогда не наблюдал такого явления как «исход души»

Луис отнес Гаджа в его комнату и уложил малыша в колыбельку. Когда он укутал сына одеялом, мурашки снова побежали у него по спине, и неожиданно он подумал о «выставочном зале» дяди Карла. Там не было ни машин, ни телевизоров, со всеми этими новомодными штучками, ни посудомоечных машин со стеклянной передней стенкой, устроенной так, чтоб вы видели, как действует волшебная пена. Только гробы с поднятыми крышками, и над каждым была заботливо установлена лампа для подсветки. Брат его отца был владельцем похоронного бюро.

«Великий боже, почему ты насылаешь такие ужасы? Отгони их! Уничтожь их!»

Луис поцеловал сына и пошел послушать рассказ Элли о ее первом учебном дне.

ГЛАВА 8

В субботу, после того как закончилась первая школьная неделя Элли, до того как университетские ребята вернулись в университетский городок, Джад Крандолл, перейдя дорогу, направился к лужайке, на которой расположилась семья Кридов. Элли слезла с велосипеда и пила из стаканчика охлажденный чай. Гадж ползал по траве, изучал жуков, может, даже съел нескольких. Он был неразборчив в выборе протеинов.

— Джад, — начал Луис, поднимаясь. — Присаживайтесь.

— Не нужно, — Джад был в джинсах и рубашке с вырезом, открывающим горло, зеленых резиновых сапогах. Он посмотрел на Элли. — Ты вес еще хочешь взглянуть, куда ведет вон та дорожка, Элли?

— Да! — воскликнула она, немедленно вскакивая. Ее глаза засверкали. — Джордж Бак в школе говорил мне, что там кладбище домашних любимцев; я сказала об этом мамочке, но она велела подождать вас, потому что вы точно знаете, где оно.

— Да, я знаю, — согласился Джад. — Если родители разрешат, мы прогуляемся туда. Только надень сапоги. Там, кое-где очень сыро.

Элли помчалась в дом.

Джад с удивлением посмотрел ей вслед.

— Может, вы, Луис, тоже захотите прогуляться с нами?

— Да, — ответил Луис и посмотрел на Речел. — Ты хочешь пойти, дорогая?

— А как же Гадж? Я думаю, тут идти с милую.

— Я посажу его в подвеску. Речел засмеялась.

— Ладно... но только понесете его вы, мистер.

* * *

Они вышли через десять минут. Все, кроме Гаджа, были в резиновых сапогах. Гадж сидел в подвеске и смотрел вперед через плечо Луиса круглыми глазами. Элли постоянно забегала вперед, пугала бабочек и рвала цветы.

Трава на пустыре оказалась почти по пояс и, позолоченная осенью, шуршала последними летними новостями, которые каждый год превращались в осенние сплетни. Но сегодня осени еще не чувствовалось в воздухе; сегодня солнце светило как в августе, хотя по календарю август закончился почти две недели назад. Достигнув вершины первого холма, они пошли по выкошенной тропинке. На рубашке Луиса проступили большие пятна пота.

Джад остановился. Сперва Луис подумал, что старик устал, но потом он увидел пейзаж, открывающийся у них за спиной.

— Здесь красиво, — проговорил Джад, зажав в зубах соломинку. Луис решил, что услышал типичное преуменьшение янки.

— Тут прекрасно, — выдохнула Речел, а потом повернулась к Луису и сказала почти обвиняюще:

— Почему ты не говорил мне, что тут так красиво?

— Потому что не знал, — ответил Луис немного пристыженно. Они все еще находились на своем участке, но раньше у Луиса никак не находилось свободного времени, чтобы забраться на холм позади дома.

Элли ушла далеко вперед. Теперь она вернулась и тоже глядела с искренним удивлением. Черч терся о ее лодыжки.

Холм был невысок, но его высоты оказалось достаточно. На востоке все закрывал густой лес, а на западе простирались золотистые земли, грезящие летними снами. Всюду тихо, все неподвижно. Даже бензовозы «Оринго» не нарушали тишины.

Конечно, они увидели речную долину Пенобскота, где когда-то по реке сплавляли бревна на север в Бангор и Дерри. Холм находился к югу от Бангора и чуть севернее Дерри. Река тут была широкой и медленной, словно крепко уснувшей. Луис видел вдали Гамфден и Винтерпорт, видел протянувшуюся туда параллельно реке, до самого Бакпорта, черную змею 15 шоссе. Крыды смотрели на реку, окруженную буйной зеленью деревьев, на дорогу и поля. Шпиль Северной Ладлоудской Баптистской церкви пронзил балдахин старых вязов, а справа Луис увидел массивное, квадратное кирпичное здание школы Элли.

Над головой к горизонту медленно плыли белые, словно выпцветшие облака. Где-то там протянулись поля, которые сейчас, в конце сезона стояли пустыми: дремлющие, а не мертвые, отдыхающие под паром поля, невероятного, рыжего цвета.

— Великолепно — вот верное слово, — наконец сказал Луис.

— В старые дни этот холм называли Холмом Панорамы, — заметил Джад. Он сунул сигарету в уголок рта, но не закурил. — Некоторые до сих пор продолжают его так называть, но теперь, когда молодежь переехала в город, об этом месте забыли. Не думаю, чтоб тут бывало много народу. Снизу кажется, что отсюда ничего не увидишь, ведь холм не так уж высок. Но вы видите... — он обвел рукой открывающуюся панораму и замолчал.

— Можно увидеть все, — сказала Речел низким, почтительным голосом. Она повернулась к Луису. — Милый, неужели это принадлежит нам?

Раньше, чем Луис ответил, Джад сказал:

— Конечно. Это — часть вашей собственности. «А это совсем не одно и то же», — подумал Луис.

* * *

В лесу оказалось холоднее, может, градуса на три или четыре. Тропинка стала шире и местами была отгорожена цветками в горшках или банках из-под кофе (большей частью цветки давно увяли), выстелена сухими хвойными иголками. Они прошли с четверть мили, двигаясь вниз по склону, когда Джад позвал Элли.

— Хорошая тропинка для маленьких девочек, — дружелюбно проговорил он, — и я хочу, чтобы ты пообещала матери и отцу, что, если и придешь сюда без них, всегда будешь ходить только по тропинке.

— Обещаю, — быстро сказала Элли. — А почему? Старик посмотрел на Луиса, который вместе с остальными остановился передохнуть. Нести малыша Гаджа оказалось тяжело, несмотря на то, что в тени старых канадских елей и сосен было прохладно.

— Знаете, где вы? — спросил Джад Луиса.

Луис подумал и отверг ответ типа: Ладлоу, северная часть Ладлоу, позади дома, между 15 шоссе и главной магистралью, и покачал головой.

Джад ткнул пальцем назад, через плечо.

— В той стороне цивилизация, — сказал он. — Там город. А там ничего нет — только лес миль на пятьдесят или больше. Северные Леса Ладлоу — так они называются, но сюда же попадает маленький уголок Оррингтона, если ехать к Рокфорду. Они граничат с теми землями, о которых я вам рассказывал, теми, что хотят вернуть себе индейцы. Я знаю, смешно так говорить, когда ваш хорошенький, маленький дом стоит на главном шоссе, и у вас есть телефон, электричество, кабельное телевидение и все остальное, но он на границе диких мест... это так, — старик снова посмотрел на Элли. — Я говорю к тому, что ведь ты же не хочешь заблудиться в этих лесах, Элли. Ты можешь потерять тропинку и, бог знает где ты можешь очутиться.

— Я не хочу заблудиться, мистер Крандолл, — на Элли рассказ Джада произвел должное впечатление, припугнул, но не испугал, как заметил Луис. Речел, однако, с опаской посмотрела на Джада, и Луис почувствовал, что у него тоже остался неприятный осадок. «Почти инстинктивный страх рожденных в городе перед лесом», — предположил Луис. Он не держал в руках компаса с тех пор как был бойскаутом, лет двадцать назад, и его воспоминания о том, как определить направление по Полярной звезде, и с какой стороны у деревьев растет мох, были такими же смутными, как инструкции по завязыванию колышка *note 3* и затяжной петли.

Джад, посмотрев на них, чуть улыбнулся.

— С тысяча девятьсот тридцать четвертого года никто не терялся в этих лесах, — проговорил он. — По крайней мере, никто из местных. Последним заблудившимся был Уилл Джеппсон — небольшая потеря. Я считаю, что если исключить Станни Бучарда, Уилл был самым большим пьяницей по эту сторону Бак спорта.

— Вы сказали: «никто из местных», — заметила Речел, и голос ее звучал не совсем обычно, а Луис почти точно смог угадать ход ее мыслей: «Мы-то не местные, во всяком случае пока еще».

Джад помолчал, потом кивнул.

— Каждые два-три года теряется кто-нибудь из туристов, потому что они думают: нельзя заблудиться рядом с шоссе. Но никто из них не потерялся по-настоящему, миссис. Не беспокойтесь.

— А здесь водятся лоси? — боязливо спросила Речел, и Луис улыбнулся. Если Речел хочет беспокоиться, то найдет причину.

— Да, мы можем увидеть лося, — сказал Джад, — но он не побеспокоит нас, Речел. Во время сезона спаривания они становятся раздражительными, но в другое время только наблюдают за людьми издалека. Обычно те, на кого они бросаются — люди из Массачусетса. Не знаю почему, но факт. — Луис подумал, что старик шутит, но не был в этом уверен. Джад выглядел совершенно серьезным. — Я наблюдаю это время от времени. Какой-нибудь придурок из Саугуса, Милтона или Вестона лезет на дерево, вопя о стаде лосей, каждый из которых размером с моторный катер. Кажется, что лоси чуют приехавших из Массачусетса, будь то мужчина или женщина. А может, запах новой одежды от Л. Л. Беана... не знаю. Мне хотелось бы, чтобы один из студентов колледжа, специализирующийся в животноводстве, изучил это явление, но, наверное с моей стороны это — пустые надежды.

— Что такое «сезон спаривания»? — поинтересовалась Элли.

— Не забивай голову, — обрезала Речел. — Я не хочу, чтобы ты ходила сюда без сопровождения взрослых, Элли. — Речел шагнула поближе к Луису.

Джад выглядел огорченным.

— Я не хотел пугать вас, Речел... ни вас, ни вашу дочь. Не нужно бояться лесов. Тут есть хорошая тропа: она становится слегка болотистой весной, и всегда немного грязна... кроме 55 года, когда выдалось самое сухое лето на моей памяти... но, черт возьми, тут нет ни

Note3

Узел для временного укорочения снастей (морск.)

ядовитого плюща, ни одного ядовитого вяза из тех, что вызывают аллергию и растут на заднем дворе школы... а ты, Элли, должна держаться подальше от тех деревьев, если не хочешь недели три провести, принимая разнообразные ванны.

Элли, прикрыв рот, захихикала.

— Это — безопасная тропа, — искренне сказал Джад, обращаясь к Речел, которая до сих пор не выглядела убежденной. — Я уверен, что даже Гадж смог бы пройти по ней. Да и ребята из города часто бывают тут, я уже говорил об этом. Они следят за тропинкой. Никто не говорит им, чтоб они следили, но они следят. А я не хотел бы напугать Элли. — Он наклонился к девочке и подмигнул. — Это, как и многое другое в жизни, Элли. Ты держишься тропинки, и все хорошо; ты сходишь с тропинки и должна знать, что потеряешься, удача оставит тебя. Тогда кому-то придется вызывать отряд спасателей.

* * *

Они пошли дальше. У Луиса от ноши стала болеть спина. Время от времени Гадж хватал обеими руками Луиса за волосы и с энтузиазмом тянул за них или, подгоняя, начинал пинать Луиса по почкам. Москиты облепили лицо и шею Луиса, гудя в ушах.

Дорожка повернула вниз, исчезла меж двух старых елей и снова появилась с другой стороны, а потом рассекла широкой просекой колючий, переплетенный подлесок. Идти тут было тяжело: сапоги Луиса хлюпали по грязи и застоявшейся воде. В одном месте они смогли пройти дальше, ступая по болотным кочкам как по путеводным камням. Это оказалось самое плохое место. Потом они начали снова карабкаться вверх, и вокруг снова появились деревья. Гадж, казалось, волшебным образом прибавил фунтов десять, а воздух при помощи какой-то зловредной магии стал теплее градусов на десять. Пот катил по лицу Луиса.

— Как ты, дорогуша? — спросила Речел. — Хочешь я немного понесу малыша?

— Нет, все в порядке, — ответил Луис, и это было правдой, хотя его сердце сильно колотилось в груди. Честно говоря, он с куда большей охотой советовал своим пациентам физические упражнения и отнюдь не горел желанием сам заниматься физкультурой.

Джад шел рядом с Элли; ее лимонно-желтые девичьи брюки и красная блуза ярким пятном выделялись в коричнево-зеленом полумраке теней.

— Луис, ты уверен, что старик знает куда идти? — спросила Речел тихим, слегка встревоженным голосом.

— Конечно, — ответил Луис.

— Уже недалеко осталось... — ободрительно бросил через плечо Джад. — Луис, как ты?

«Мой бог, — подумал Луис, — человеку за восемьдесят, но не думаю, чтобы он хоть чуть-чуть вспотел».

— Я в порядке, — ответил Луис сзади немного вызывающе. Возможно, гордость не позволила ему пожаловаться, даже если бы он почувствовал, что у него отнялись ноги. Он усмехнулся, подтянул пояс подвески и снова полез вверх.

Они забрались на вершину второго холма, тропинка скользнула через высокие кусты и стала петлять в подлеске, сузилась и потом Луис увидел, как Элли и Джад, идущие впереди, прошли под арку, сделанную из старых выцветших досок. Там была надпись выцветшей черной краской, еще достаточно разборчивая:

«хладбище домашних любимцев».

Луис обменялся с Речел удивленными взглядами. Они вошли под арку, инстинктивно потянувшись друг к другу и взявшись за руки, словно во время венчания.

Второй раз за это утро Луис оказался удивлен чем-то необыкновенным.

Тут не было ковра хвойных иголок. Вместо иголок — почти правильный круг выкошенной травы, около сорока футов в диаметре, с трех сторон он граничил с густым подлеском, а с четвертой стороны дорогу закрывал бурелом из упавших деревьев, который

выглядел зловещим и опасным. «Человек, который попытается продраться через этот бурелом, должен надеть стальные штаны», — подумал Луис. Поляна была переполнена надгробиями, сделанными из того, что смогли выпросить или позаимствовать дети — из досок от ящиков, просто деревянного лома, разрезанных банок — кусков белой жести. И, конечно, вид ограды из низких кустов и растущие в беспорядке деревья (которые боролись за жизненное пространство и солнечный свет), сам факт, что они специально посажены; то, что человек создал это, усиливало ощущение симметрии. Лес на заднем плане придавал кладбищу безумное очарование, но нехристианское, а языческое.

— Тут мило, — сказала Речел, но ее слова прозвучали так, словно она имела в виду совсем другое.

— Здорово! — закричала Элли.

Луис снял с плечей Гаджа, вытащил его из подвески, так, чтоб ребенок мог поползть самостоятельно, и с облегчением распрямил спину.

Элли перебегала от одной могилки к другой, охая над каждой. Луис последовал за ней, оставив малыша под присмотром Речел. Джад сел, скрестив ноги, прислонившись спиной к выступающему из земли камню, и закурил.

Луису показалось, что это место обладает некой упорядоченностью, планировкой; могилы располагались грубыми концентрическими кругами.

«Кот Смаки» — гласила одна из надписей. Видно, что писала рука ребенка, но написано было аккуратно. «Он был послушным», — а ниже: «1971—1974», пройдя вдоль внешнего круга, Луис подошел к обломку природного сланца с поблекшим, но хорошо разборчивым именем, написанным красной краской: «Кусун», а ниже такие строфы: «Кусун, Кусун — адский Фыркун. Пока он не умер, мы были счастливы».

— Кусун был коккер-спаниелем Десслеров, — объяснил Джад. Он вырыл небольшую ямку в земле пяткой ботинка и осторожно стряхнул туда пепел сигареты. — В прошлом году его переехала какая-то колымага. Ну как вам стишок?

— Ничего, — согласился Луис.

Некоторые из могил были украшены цветами, кое-где свежими, но по большей части старыми, а на некоторых могилах полностью сгнившими. Больше половины нарисованных краской и написанных карандашами надписей, которые пытался прочитать Луис, стерлись частично или полностью. Иные вообще нельзя было разобрать, и Луис решил, что их писали мелом или пастелью.

— Мам! — воскликнула Елена. — Здесь даже золотая рыбка похоронена! Подойди, посмотри!

— Я лучше постою здесь, — ответила Речел, и Луис взглянул на нее. Его жена стояла в одиночку за пределами внешнего круга и, казалось, ей неприятно было тут находиться. Луис подумал:

«Даже здесь ей не по себе». Ей всегда было особенно тяжело, когда она оказывалась лицом к лицу с атрибутами Смерти (да и кто в таком случае чувствует себя совершенно свободно), и все из-за ее сестры. Сестра Речел умерла молодой: ее смерть оставила шрам в душе Речел, о котором Луис узнал сразу после свадьбы и который старался не задевать. Сестру Речел звали Зельдой, и умерла она от менингита спинного мозга. Она, видимо, долго и тяжело болела, а Речел была впечатлительным ребенком. Если Речел хотела забыть это, то Луис считал, что лучше не бередить рану.

Луис подмигнул ей, и Речел благодарно улыбнулась в ответ. Он посмотрел вверх. Они находились на естественной прогалине. Луис решил, что именно этим объясняется то, что тут так хорошо растет трава: она без помех впитывала тепло солнца. Тем не менее, траву нужно было поливать и тщательно о ней заботиться. Это значит бидоны воды, которые нужно тащить наверх, или индейские помпы, более тяжелые, чем Гадж, которого он с таким трудом дотащил сюда. Луис удивился: как странно, что дети так долго сохраняют это место. Собственные воспоминания о детском энтузиазме, подтвержденные общением с Элли, говорили, что такой энтузиазм сгорает словно газета — быстро... страстно — слишком

быстро для такого понятия, как Смерть.

Чем дальше, тем старше становились могилы домашних любимцев, все меньше и меньше надписей можно было разобрать, но те, что не уступили грубому натиску времени, уводили в прошлое. «Трикси, убитый на шоссе 15 сентября 1968 года». В одном из рядов стояла широкая доска, вогнанная глубоко в землю. От морозов и оттепелей ее покорило и скривило на один бок, но Луис смог прочесть: «В память о Марте, нашей любимице-крольчихе, умершей 1 марта 1965 года». В следующем ряду было:

«Генерал Паттион. Наш! Хороший! Пес! Умер в 1958 году». «Полинезия» (попугайка, если Луис правильно запомнил рассказ своего Дулитла *note 4*), которая пронзительно прокричала свое последнее: «Поли хочет печенья» летом 1953 года. На могилах в следующих двух рядах ничего нельзя было прочесть, а потом все еще на большом расстоянии от центра, Луис прочитал грубо высеченную надпись на куске песчаника: «Ганнан — лучшая собака из всех, что когда-либо жили 1929—1939». Хотя песчаник был относительно мягким камнем (в результате, ныне надпись превратилась не более чем в тень). Луис обнаружил, что ему трудно представить себе те долгие часы, которые должен был провести здесь какой-то ребенок, пытаясь воспроизвести на камне эти слова. Такие глубокие чувства потрясли Луиса: дети для своих домашних любимцев сделали то, что не всякие сделают для родственника, и даже для своего ребенка, если тот умер рано.

— Господи, это все, должно быть, началось очень давно, — сказал Луис Джаду, подошедшему к нему. Джад кивнул.

— Идите сюда, Луис. Хочу кое-что вам показать. Они подошли к третьему ряду от центра. Здесь концентрическое расположение могил, которое во внешних рядах казалось почти случайным, было совершенно очевидным. Джад остановился перед маленькой, упавшей надгробной доской. Осторожно, опустившись на колени, старик поправил надгробие.

— Тут когда-то были слова, — проговорил Джад. — Я нацарапал их сам, но они стерлись давным-давно. Я похоронил тут моего пса, Спота. Он умер от старости в 1914 году, в тот год, когда США ввязались в Первую Мировую.

Ошеломленный мыслью о том, что он находится на кладбище для животных, которое имеет более долгую историю, чем большинство кладбищ для людей, Луис пошел вперед, к центру, разглядывая надписи. Но ни одну из них нельзя было прочесть, многие надгробия попадали на землю. Одно из надгробий почти полностью скрылось в траве, и, когда Луис приподнял его от земли, донесся протестующий звук, похожий на тихий стон. Слепые жуки копошились на земле, которую Луис открыл солнечному Свету. Ощувив легкий холодок, Луис подумал: «Вот те, кто живет у Подножия Холма *note 5*... Не уверен, что мне это нравится».

— Как давно тут начали хоронить?

— Даже не представляю, — ответил Джад, засунув руки глубоко в карманы. — Конечно, это место уже существовало, когда умер Спот. В те дни у меня была целая компания приятелей. Они помогли мне вырыть могилу Слоту. Копать здесь нелегко — земля словно каменная... знаете ли; трудно копается. А иногда я помогал им, — старик показал на несколько могил мозолистым пальцем. — Там зарыта собака Лита Лавассеура, если я правильно помню, а там три котенка из помета кошки Албиона Гроатли. Они похоронены в ряд. Старик Фритчи держал почтовых голубей. Я, Ал Гроатли и Карл Ганнах похоронили одного из них, когда до него добралась собака. Вон там, — старик задумавшись, сделал паузу. — Я — последний из этой компании. Все остальные умерли. Все из моей компании.

Note4

Аналог доктора Айболита

Note5

У Подножия Холма на Диком Западе хоронили «стрелков», если их имена были неизвестны

Все.

Луис ничего не говорил, просто стоял и смотрел на могилы домашних любимцев, засунув руки в карманы.

— Земля каменистая, — повторил Джад. — Тут нельзя ничего высаживать, только разве что мертвецов.

На другой стороне кладбища тоненьким голоском заплакал Гадж; Речел подняла его, взяла на руки.

— Он голоден, — сказала она. — Думаю, мы должны вернуться, Луис. «Пожалуйста, согласись!» — говорили ее глаза.

— Ладно, — проговорил Луис. Он снова забросил за спину подвеску и повернулся так, чтобы Речел смогла пристегнуть малыша. — Элли! Элли, где ты?

— Она там, — проговорила Речел и показала на бурелом. Элли ползала по бурелому как по школьной шведской стенке.

— Дорогая, ты хочешь упасть оттуда! — проговорил Джад, встревожившись. — Ты провалишься в какую-нибудь дыру. Эти старые деревья сдвинутся, и ты сломаешь лодыжку.

Элли спрыгнула.

— Ох! — воскликнула она и побежала прямо к ним, потирая бедро. Кожа содрана не была, но сухая ветвь порвала ее штаны.

— Видишь, что я имел в виду, — проговорил Джад, взъерошив ей волосы. — Даже люди, хорошо знающие лес, никогда не лезут через старый бурелом, если его можно обойти стороной. Деревья, сваленные в кучу, становятся злыми. Они бы укусили тебя, если б смогли.

— В самом деле? — спросила Элли.

— В самом деле. Они навалены тут, словно солома. И если ты попытаешься полезть дальше, они могут обрушиться на тебя. Элли посмотрела на Луиса.

— Это правда, папочка?

— Думаю так, дорогуша.

— Ух! — Елена посмотрела назад, на бурелом и воскликнула. — Вы порвали мои штаны! Вы — дерьмовые деревья!

Все трое прыснули со смеха. Бурелом не ответил. Он стоял, белея на солнце, как стоял десятилетия. Луису он напоминал скелет — останки какого-то давным-давно умершего чудовища, нечто убитое славным, добрым языческим рыцарем. Кости дракона, лежащие тут огромным надгробным памятником.

Луису уже тогда показалось, что есть что-то в этом буреломе. Он стоял между кладбищем домашних любимцев и лесными дебрями, лесами, которые Джад Крандолл позже иногда называл «Индийскими лесами». Бурелом казался чем-то слишком хитроумным, слишком совершенным для природного образования. Он...

Тут Гадж схватил Луиса за ухо и закрутил, счастливо гукая, и Луис забыл о буреломе в лесу за кладбищем домашних любимцев. Пришло время идти домой.

ГЛАВА 9

Элли подошла к отцу на следующий день рано утром. Выглядела она обеспокоенной. Луис работал над моделью в своем кабинете. Роллс-Ройс «Серебряный призрак» 1917 года — 680 деталей, 50 движущихся частей. Модель была почти готова, и Луис уже представлял себе шофера в ливрее, выходящего из английских кучеров восемнадцатого-девятнадцатого столетия, величественно восседающего за рулем.

Луис помешался на моделях в десять лет. Начав со «Спэда» Первой Мировой, который подарил ему дядя Карл, Луис собрал большинство аэропланов «Ревела», и с десяти до двадцати лет делал вещи большие по размеру и намного более сложные. Он прошел период кораблей в бутылках и период военных машин, период, когда делал копии ручного оружия, такие реалистичные, что верилось: оно не может не выстрелить, если надавить на курок-

кольты, винчестеры, люгеры и даже «бантлин спецал». Но последние пять лет или около того было отдано большим кораблям для круизов. Модель «Луизианы» и одна из моделей «Титаника» стояли на полках в его кабинете в лазарете университета, а «Андреа Дория», законченная только-только перед тем как они покинули Чикаго, ныне совершала круизы на камине в их гостиной. Теперь Луис перешел к классическим автомобилям, а если все сохранится как есть, пройдет четыре-пять лет, так он предполагал, прежде чем желание делать что-то новенькое захлестнет его. Речел смотрела на это, его единственное настоящее хобби, с поистине женским снисхождением, которое, по мнению Луиса, несло в себе элемент легкого презрения. Даже после десяти лет совместной жизни, она, кажется, думала, что когда-нибудь Луис повзрослеет. Возможно, отчасти такое отношение передалось ей от отца, который до сих пор так же сильно, как и в то время, когда Речел и Луис поженились, верил, что Луис для зятя слишком большая жопа.

«Может, Речел права, — думал Луис. — Может, проснувшись как-нибудь утром, когда мне исполнится тридцать семь, я сложу все эти модели на чердаке и займусь дельтапланеризмом». Между тем Элли выглядела серьезно настроенной. Луис услышал разносящийся далеко в чистом воздухе воскресный колокольный звон, созывающий паству.

— Пап, — начала Элли.

— Привет, ягодка. Что, случилось?

— Да ничего, — ответила девочка, но выражение ее лица говорило об обратном; по ее лицу было видно, что проблем куча, да еще каких, благодарю покорно! Ее волосы были только что расчесаны и свободно спадали ей на плечи. В таком освещении они казались намного светлее, чем каштановые, хотя со временем они безусловно потемнеют. Елена надела нарядное платьице, и это навело Луиса на мысль, что его дочь почти всегда по воскресеньям надевает платье, хотя Криды не ходили в церковь.

— Что ты строишь, пап?

Осторожно приклеивая крыло, Луис повернулся к дочери.

— Посмотри, — сказал он и осторожно дал ей колпаки на колеса. — Видишь, сюда пойдут колпаки со сдвоенным R? Крошечная деталь, правда? Если бы мы полетели в Шутаун на День благодарения *note 6* на реактивном L-1011, ты бы увидела на двигателях те же сдвоенные R.

— большое дело — крышки на колеса! — девочка положила деталь назад.

— Ради бога, — взмолился Луис. — Имея собственный Роллс-Ройс, можно называть их крышками на колесах. Имея достаточно денег, чтобы купить Роллс, можно немного важничать. Когда я заработаю второй миллион, непременно куплю себе «Роллс-Ройс Корнич». Потом, когда Гаджу станет плохо в машине, он сможет рыгнуть на чехлы настоящей кожи. — «И, кстати, Элли, что же у тебя на уме?» С Элли такие фокусы не срабатывали. Ее нельзя было спрашивать прямо. Елена всегда вела себя осторожно и могла решить, что не стоит высказывать свои мысли вслух. Этой чертой ее характера Луис иногда просто восхищался.

— А мы богаты, папочка?

— Нет, — ответил он, — но и голодать не будем.

— Майкл Барнс в школе сказал, что все врачи богатые.

— Ладно. Можешь сказать Майклу Барнсу, что многие врачи становятся богатыми, но для этого нужно проработать лет двадцать... и невозможно стать богатым, работая в университетском лазарете. Становятся богатыми специалисты: гинекологи, ортопеды или неврологи. Они быстро богатеют. А у терапевтов, вроде меня, это занимает много времени.

— Тогда почему, папочка, ты не стал специалистом? Луис снова подумал о своих моделях и о том, почему больше не захотел строить военных самолетов; о том, как забросил танки типа «Тигр» и ручное огнестрельное оружие; о том, как решил (среди ночи, так

Note6

Официальный праздник в память первых колонистов Массачусетса (последний четверг ноября)

казалось в ретроспективе), что строить корабли в бутылках просто глупо; и еще Луис подумал: на что будет похоже, если он потратит всю жизнь, оберегая детские ножки от плоскостопия или, надев тонкие латексные перчатки, станет всю жизнь прощупывать указательным пальцем канал вагины, изучая опухоли или повреждения.

— Мне это определенно не нравится, — сказал он. В кабинет вошел Черч, остановился, изучая обстановку ярко-зелеными глазами. Потом он тихо запрыгнул на подоконник и, удобно устроившись, решил вздремнуть.

Элли посмотрела на кота и нахмурилась. Луис был поражен; такое поведение дочери выглядело чересчур странным. Обычно Элли смотрела на Черча с любовью, такой сильной, что это слегка шокировало. Элли прошлась по кабинету, разглядывая разные модели, и почти небрежно сказала:

— Мальчишки многих похоронили на кладбище домашних любимцев, ведь так?

«Ах, вот в чем дело», — подумал Луис, но не стал озираясь, а, изучив инструкции, начал приделывать на Ролле габаритные фары.

— Пожалуй, — наконец ответил он. — Мне кажется, больше сотни домашних зверьков.

— Папочка, почему животные не живут так же долго как люди?

— Некоторые живут так же долго, а иные много дольше, — ответил Луис. — Слоны живут очень долго... а есть морские черепахи, такие древние, что люди не знают, сколько им лет... или знают, но не могут в это поверить.

Элли пропустила слова отца мимо ушей.

— Слоны и морские черепахи не домашние животные. Вес домашние животные долго не живут. Майкл Барнс сказал, что один год в жизни собак — девять лет нашей жизни.

— Семь, — автоматически поправил Луис. — Я вижу, куда ты клонишь, дорогуша. В этом есть определенная правда. Собака, которая прожила двенадцать лет — старая собака. Видишь ли, эта вещь называется метаболизмом, и именно метаболизм отмеряет время жизни. Конечно, он, кроме того, делает и другие вещи: некоторые люди, как твоя мама, много едят и остаются тонкими. Другие, например я, не могут много есть, не поправляясь. Наш метаболизм другой, вот и все. Метаболизм делает большую часть работы по обслуживанию живого существа. Он как часы тела. Собаки обладают очень быстрым метаболизмом. Метаболизм людей много медленнее. Мы живем до семидесяти двух... большинство из нас. И поверь мне: семьдесят два года — очень долго.

Поскольку Элли выглядела на самом деле встревоженной, Луис надеялся, что его рассказ звучит научно и убедительно. Ему было тридцать пять, и, казалось, эти годы пролетели так быстро и незаметно, словно мгновенно канули в небытие.

— Морские черепахи имеют достаточно медленный метаболизм...

— А коты? — спросила Элли и снова покосилась на Черча.

— Коты живут столько же, сколько собаки, — ответил Луис, — в основном. — Это была ложь, и Луис знал это. У котов стремительная жизнь, и они часто принимают кровавую смерть, обычно так, что люди не видят этого. Вот Черч, нежащийся под солнцем (или делающий вид); Черч, который мирно спит на кровати его дочери каждую ночь; Черч, который был таким милым, когда был котенком, и все время запутывал нитки в клубки. Но Луис видел, как Черч подкрадывался к птице со сломанным крылом; зеленые глаза кота тогда блестели от любопытства и... да, Луис мог поклясться... холодного восторга, Черч редко убивал того, за кем охотился, но было одно выдающееся исключение — большая крыса, видимо, пойманная между домом, где находилась их квартира, когда они жили в Чикаго, и соседним. Эту крошку Черч просто растерзал. Было пролито так много крови, что Речел, тогда шестой месяц вынашивавшая Гаджа, убежала в ванную, где ее вырвало. Стремительная жизнь, стремительная смерть. Собаки ловят кошек и терзают их, вместо того, чтоб просто гоняться за ними, как это делают глупые, доверчивые псы в мультфильмах по телевизору, да и сами коты грызутся между собой; отравленные приманки и проезжающие автомобили. Коты — гангстеры животного мира, живут вне закона и часто так и гибнут. Огромное их число так никогда и не доживает до старости.

Но об этом нельзя рассказывать пятилетней дочери, которая впервые в жизни столкнулась со Смертью.

— Я имею в виду, — продолжал Луис, — что Черчу сейчас всего три года, а тебе пять. Он еще будет жив, когда тебе исполнится пятнадцать, и ты станешь студенткой второго курса высшей школы. А это случится еще не скоро.

— Не так уж долго ждать, — заявила Элли. Теперь ее голос дрожал. — Не так уж долго!

Луис прервал работу над моделью и жестом подозвал дочь. Она села ему на колено, и он снова был поражен ее красотой; от волнения она стала удивительно хороша. У Элли была темная, почти левантийская кожа. Тони Бентон — один из докторов, что работал с Луисом в Чикаго, однажды назвал Елену Принцессой Индейцев.

— Дорогая, что до меня, так я отпустил бы Черчу сто лет жизни, — сказал Луис. — Но не я определяю правила игры.

— А кто? — спросила Элли, а потом с бесконечным презрением добавила:

— Я так думаю: Бог!

Луис не мог сдержать улыбки. Слова девочки прозвучали так серьезно.

— Бог или кто-нибудь еще, — сказал он. — Часы жизни бегут... это я знаю точно. И нельзя их остановить, крошка.

— Я не хочу, чтобы Черч был похож на тех мертвых домашних любимцев! — неожиданно с яростью взорвалась она. — Я не хочу, чтобы Черчумер! Он — мойкот! Он не кот Бога! Пусть у Бога будет свой кот! Пусть у Бога будут все проклятые, старые коты, если он хочет, пусть убивает их! Черч — мой!

Осторожно пройдя через кухню, в кабинет заглянула испуганная Речел. Элли плакала на груди Луиса. Теперь страх получил Имя, маска упала с его лица и можно было посмотреть ему в глаза. Теперь, даже если от страха нельзя будет полностью избавиться, его, по крайней мере, можно выплакать.

— Элли, — проговорил Луис, крепко обнимая ее. — Элли, Элли, Черч не мертв. Он тут, спит.

— Но он может умереть, — всхлипнула девочка. — Он может умереть в любой момент.

Луис держал, обнимал ее, понимая правда это или нет, что дочь плачет из-за несговорчивости Смерти, ее безразличия к протестам и слезам маленькой девочки; что Элли плачет из-за жестокой непредсказуемости Смерти; она плачет из-за удивительной и одновременно ужасной способности человека на основании ассоциаций делать выводы, которые или красивы и благородны, или ужасающе мрачны. Все те домашние зверьки умерли, значит умрет и Черч...

(в любой момент) ...и будет похоронен, а если это случится с Черчем, то может случиться с мамой, с папой, с ее братом-малышом, с ней самой. Смерть — неопределенное понятие, а вот Хладбище Домашних Любимцев — определенное. В этих вещах есть правда, которую могут почувствовать даже дети.

Легко соврать в такой момент, так как он соврал, говоря о продолжительности жизни кота. Но ложь вспомнят позже, и, возможно, она, в конце концов, окажется отмеченной в таблице успеваемости, которые все дети составляют на своих родителей. Его собственная мать тоже однажды сказала ему такую ложь... безвредную ложь о том, что женщины, когда по-настоящему хотят этого, находят малышей в мокрой от росы траве. И хотя ложь эта была совершенно безвредной, Луис никогда не простил мать за то, что она обманула его... да и себя самого за то, что поверил в эти рассказы.

— Милая, это случается, — сказал он. — Это — часть жизни.

— Плохая часть, — закричала девочка. — Очень плохая! На это было нечего ответить. Елена заплакала. Возможно, ее можно было успокоить, но ее слезы — необходимый первый шаг к нелегкому примирению с действительностью, которая никуда не денется.

Луис обнимал дочь и прислушивался к воскресному, колокольному звону, плывущему над сентябрьскими полями. Выплакавшись, Элли заснула, а Луис не сразу заметил, что

девочка спит.

* * *

Луис уложил дочь в кровать, а потом спустился на кухню, где Речел демонстративно громко взбивала тесто для кекса.

— Не понимаю, почему Элли снова улеглась спать, хотя сейчас утро. Это так не похоже на нее, — удивился Луис.

— Ничего удивительного, — сказала Речел, решительно стукнув миской. — Это на нее не похоже, но я думаю, она не спала почти всю ночь. Я слышала, как она беспокойно металась, а Черч часа в три начал проситься на улицу. Он делает так только тогда, когда Элли спит беспокойно.

— Почему она?..

— А ты не знаешь, почему? — резко сказала Речел. — Из-за проклятого кладбища домашних животных — вот почему! Прогулка туда очень расстроила ее, Луис. Это первое кладбище, на котором побывала Элли, и поэтому оно так... взволновало девочку. Не думаю, что скажу твоему другу Джаду Крандоллу спасибо за вчерашнюю прогулку.

«Вот так он и стал моим „другом“, — подумал Луис, смущенный и расстроенный.

— Речел...

— И я не хочу, чтобы она ходила туда снова.

— Речел, Джад просто рассказал правду о тропинке.

— Дело не в тропинке, и ты знаешь об этом, — заявила Речел. Она снова взяла миску и продолжала демонстративно взбивать тесто. — Это дурацкое место. Надо же было выдумать такое! Дети ходят туда и следят за могилами, следят за тропинкой... Это — е... я патология. Дети в городе чем-то больны, и я не хочу, чтобы Элли подхватила эту заразу.

Луис в замешательстве посмотрел на жену. Он был почти уверен, что одна из причин, хранивших их брак, когда, как казалось, каждый год приносил новости о том, что двое или трое из их знакомых пар разводятся, заключалась в их понимании тайнства — мысленно ощутимой, но никогда не обсуждавшейся вслух идеи, что если обратиться к началу начал, то не существует такого понятия как брак или единение душ; что каждый человек является совершенно независимой личностью, которую в принципе невозможно познать полностью. Вот в этом и заключается тайнство! И не зависимо от того, как хорошо, по-вашему, вы знаете своего партнера, всегда можно натолкнуться на неожиданную преграду. А иногда (редко, слава Богу! можно ворваться в тщательно оберегаемый от всех внутренний мир партнера, заполненный идеями и предрассудками, о которых вы раньше не имели ни малейшего представления, такими страстными (по крайней мере, с вашей точки зрения), что они кажутся прямо-таки психическими отклонениями. И вот тогда-то, если вы желаете сохранить брак и свой покой, следует двигаться дальше крайне осторожно; необходимо помнить, что гнев в такие мгновения — удел глупцов, которые верят, что одна личность может полностью познать другую.

— Дорогая, там всего лишь кладбище домашних животных, — проговорил Луис.

— Поэтому Элли так плакала, — сказала Речел, махнув рукой в сторону кабинета Луиса. — Ты думаешь для нее это всего лишь кладбище домашних животных? Эта прогулка оставила у нее в душе шрам, Луис. Нет, больше она туда не пойдет. Дело не в тропинке, дело в том месте, куда она ведет. Теперь Элли все время будет думать, что Черч должен умереть.

На какое-то мгновение у Луиса возникло безумное ощущение, что он все еще разговаривает с Элли; что его дочь просто-напросто надела ходули, переделалась в платье матери и напялила маску, сделанную в виде лица Речел. Даже выражение лица было очень похожим — упрямым и немного угрюмым, но на самом деле очень решительным.

Луис помедлил, потому что неожиданно вопрос, который они обсуждали, показался ему весьма значительным, слишком значительным, чтобы его можно было просто обойти вниманием из уважения к этому тайнству... невозможно познать душу другого человека...

Он медлил, потому что ему казалось, что Речел упускает из видимости весьма очевидный факт; факт, настолько явный, что его невозможно не заметить, если только не делать этого специально.

— Речел, — проговорил он. — Черч все равно когда-нибудь умрет.

Она с яростью посмотрела на мужа.

— Не в этом дело, — сказала она, медленно и четко произнося каждое слово, как разговаривают с умственно отсталым ребенком. — Черч не умрет ни сегодня, ни завтра...

— Я пытался сказать ей об этом.

— Ни послезавтра, и даже ни через год... или два...

— Дорогая, мы не можем быть уверены...

— Конечно, можем! — взорвалась она. — Мы хорошо заботимся о нем, он не умрет. Вообще, никто здесь не умрет. Так почему ты хочешь пойти и испортить настроение маленькой девочке, рассказав ей что-то такое, чего ей все равно не понять, пока она не повзрослела.

— Послушай, Речел.

Но Речел не хотела слушать. Она кипела.

— Так трудно перенести Смерть... все равно, смерть домашнего зверька, друга или родственника... а когда она приходит, нельзя превращать это в... в черт побери, в аттракцион... л-лесную лужайку для з-зверушек!.. — слезы побежали у нее по щекам.

— Речел, — сказал Луис, попытавшись положить руки ей на плечи. Она сбросила их быстрым, резким жестом.

— Отстань, — заявила она. — Ты даже не понимаешь, и чем я говорю.

Луис вздохнул.

— Я чувствую себя так, словно неожиданно провалился в замаскированный люк и попал в гигантскую мясорубку, — сказал он, надеясь вызвать улыбку, но ничего не добился; только взгляд ее, остановившись на нем, стал более сумрачным, злым. «Речел в ярости. — понял Луис, — не просто в ярости, а в страшной ярости». — Речел, — продолжал он, уверенный в том, что должен говорить, пока она не остынет, — как ты спала этой ночью?

— Мальчишка, — презрительно вздохнула она и отвернулась... но он успел заметить обиду, появившуюся в глазах жены. — Это — умный ход. Очень умный. С возрастом ты не меняешься. Луис. Когда что-то идет неправильно, значит во всем виновата Речел, так? Просто у Речел очередной эмоциональный взрыв.

— Ты не права!

— Да? — Она взяла миску с тестом и перенесла ее на дальний край стола и со стуком шлепнула его перед собой. Она начала смазывать форму жиром. Ее губы были крепко сжаты.

Луис начал терпеливо объяснять:

— Нет ничего страшного в том, что ребенок узнает что-то о Смерти, Речел. Точнее, я назвал бы это даже необходимым. Реакция Элли... ее плач... все кажется мне вполне естественным. Это...

— Ах, естественным! — возмутилась Речел, снова наступая на мужа. — Очень естественно... слушать, как она убивается над котом, с которым пока еще все в порядке...

— Прекрати, — сказал Луис. — Ты говоришь ерунду.

— Не хочу больше спорить об этом.

— Да. Но придется, — сказал Луис, теперь уже рассердившись. — Ты высказалась... а как насчет того, чтобы послушать меня?

— Элли никогда больше не пойдет туда. Я считаю, тема закрыта.

— Элли уже год знает, откуда берутся дети, — упрямо продолжал Луис. — Мы дали ей книгу Майера и поговорили с ней об этом, помнишь? Мы оба решили, что ребенок должен знать такие вещи.

— Это не имеет ничего общего с...

— Имеет! — грубо сказал Луис. — Когда в кабинете я говорил с ней о Черче, я думал о своей матери, как она обманула меня старой историей о капустных листьях в ответ на мой

вопрос: откуда берутся дети? Я так и не забыл этого. Не думаю, чтобы дети забывали, когда родители обманывают их.

— Вопрос: «откуда берутся дети», не имеет ничего общего с этим богомерзким кладбищем домашних животных. — закричала Речел, а ее глаза сказали Луису: «Если хочешь, Луис, можешь болтать о параллелях весь день не переставая, тверди до посинения! Но я никогда не соглашусь с этим!»

Однако, Луис попытался еще раз вразумить супругу:

— Елена уже знает о деторождении; кладбище в лесу заставило ее подумать о противоположном конце жизни. Это совершенно естественно... более того, думаю, что это совершенно очевидно...

— Прекрати повторять это! — неожиданно закричала Речел... закричала, сорвавшись... и Луис испуганно отпрянул. Под локоть ему попала открытая банка муки. Соскользнув с края стола, она упала на пол и раскололась. Пол накрыло сухое белое облако.

— О, с... твою мать! — в сердцах выругался он. В комнате наверху заплакал Гадж.

— Мило, — заявила Речел, теперь почти плача. — Ты и ребенка разбудил! Благодарю за спокойное воскресное утро! Речел хотела пройти мимо мужа, но он остановил ее.

— Позволь мне кое-что спросить у тебя, — сказал он. — Я уверен... у тебя может случиться психологический срыв. Я говорю это как врач. Я вообще могу молчать. Ты хочешь сама объяснять Елене, что случится, если ее кот заболеет чумкой или лейкемией... коты часто болеют лейкемией, ты знаешь? А если он станет все время бегать через дорогу... Тогда ты будешь объясняться с Еленой. Речел?

— Дай мне пройти, — прошипела она. В ее голосе еще звучал гнев, но слова мужа заставили ее призадуматься... «Не хочу говорить об этом, Луис, и ты не сможешь заставить меня», — это говорил ее взгляд. — Дай мне пройти, я хочу успокоить Гаджа, иначе он может вывалиться из своей колыбели.

— А может, ты просто должна побыть одна? — поинтересовался Луис. — Ты можешь сказать Елене, что об этом не принято говорить, ведь хорошие люди не говорят об этом, они только хоронят... ап! Но нельзя говорить «хоронят». Ты выработаешь у девочки комплекс.

— Ненавижу тебя! — зарыдала Речел и метнулась прочь от мужа.

Потом Луис пожалел, но было поздно.

— Речел...

Она грубо оттолкнула его, резко закричав.

— Оставь меня одну! — она остановилась в дверях кухни, отвернувшись от него, слезы катились у нее по щекам. — Я не хочу, чтобы с Элли велись подобные разговоры, Луис. Я это имела в виду. В смерти нет ничего естественного. Ничего. Ты, как доктор, должен это знать.

Она ушла, оставив Луиса в пустой кухне, где вес еще дрожало от их криков. Наконец, он полез в кладовку в поисках метлы. Подметая пол, Луис все время мысленно возвращался к последним словам жены и к их диаметрально противоположным мнениям. Как доктор, Луис знал, что смерть — самое естественное в этом мире, разве за исключением рождения. И как тогда объяснять девочке о налогах? Ведь Смерть гораздо естественнее, чем конфликты между людьми, взлеты и падения общества... И не надо никакой рекламы и фейерверков! Только время неумолимо отсчитывает часы жизни; с течением времени даже надгробия размываются и становятся безымянными... Морские черепахи и секвойи тоже когда-то умирают...

— Зельда, — протяжно сказал Луис. — Боже, именно ее смерть, должно быть, так повлияла на Речел.

Единственное, в чем вопрос: нужно ли ему что-то теперь менять?

Он наклонил совок над помойным ведром, и мука с мягким ф-у-у-у высыпалась в ведро, похоронив выброшенные картонки и пустые банки.

ГЛАВА 10

— Надеюсь, Элли не станет долго задумываться над этим, — сказал Джад Крандолл. Не в первый раз Луис подумал, что этот человек любит сыпать соль на раны.

Он, Джад и Норма Крандоллы сидели на веранде и, несмотря на вечернюю прохладу, пили чай со льдом вместо пива. По 15 шоссе горожане возвращались домой после выходных. «Многие понимали, как хорошо провести выходные в одиночестве на лоне природы, раз лето задержалось», — подумал Луис. Завтра он в полной мере ощутит груз ответственности на новой работе. Весь день вчера, да и сегодня, в городок съезжались студенты, наполняя квартиры и коттеджи общежития университета, устанавливая кровати, возобновляя знакомства и, без сомнения, постанывали по поводу еще одного года, когда занятия будут начинаться в восемь, а питаться придется в общественной столовой... Весь день Речел была холодна с Луисом — нет, даже больше подходит слово «заморожена»... и когда Луис ночью перейдет дорогу, вернется домой, он знал: Речел будет уже в кровати, а Гадж будет спать с ней, очень сладко спать, на самом краешке, так что может запросто упасть с кровати. Половина кровати Луиса увеличится на три четверти и будет выглядеть как большая, стерильная пустыня.

— Я сказал, что надеюсь...

— Извините, — перебил Луис. — Я витал в облаках. Конечно, Речел расстроилась. Как вы догадались об этом?

— Вроде бы я говорил о том, что машины идут и идут, — глядя на дорогу, Джад нежно взял за руку свою жену и ухмыльнулся.

— Разве не так, дорогая?

— Машины — стая за стаей, — проговорила Норма. — ..А детей мы любим.

— Иногда кладбище домашних животных — их первая встреча со смертью, — снова заговорил Джад, сменив тему. — Они видят смерть людей по телевизору, но они знают, что это — притворство... словно старые вестерны, которые смотрят по воскресеньям после обеда. По телевизору и в вестернах все хватаются за желудки или за грудь и падают. Кладбище на холме выглядит реальнее для большинства из них, чем все фильмы по телевизору — все вместе взятые. Подумав, Луис кивнул: «Скажите это моей жене! А почему бы и нет!»

— Кладбище на всех действует одинаково: не все подают вид, хотя, мне кажется, большинство... как бы сказать... берут Смерть домой, положив в карман, чтобы снова рассмотреть на досуге, как и многие другие вещи, которые они собирают за долгую жизнь. Но некоторые... Норма, ты помнишь того мальчика из Голливуда?

Она кивнула. Льдинки мягко зазвенели в ее стакане. Цепочка, на которой висели очки, блеснула в свете фар проходящей машины.

— Он видел во сне такие кошмары, — сказала она, — Грезил трупами, встающими из земли и еще невесть чем. Потом умерла его собака... Все в городе решили, что она съела какую-то отравленную приманку, помнишь, Джад?

— Отравленную приманку, — кивнув, согласился Джад. — Так думало большинство людей, да-с. Это был 3925 год. Билли Холловзю тогда было около десяти. Потом он получил кресло сенатора штата, а после баллотировался в Палату Представителей Конгресса США, но пролетел. Еще до Кореи.

— Он вместе с друзьями похоронил собаку, — продолжала вспоминать Норма. — Обычная дворняжка, но он крепко ее любил. Я помню, его родители были против похорон, из-за плохих снов и все такое, но все оказалось здорово обставлено. Двое мальчиков постарше сделали гроб, ведь так, Джад?

Джад кивнул и отхлебнул чай.

— Дин и Дэн Холлы, — сказал он. — Они и еще один мальчик — их закадычный приятель... не помню его фамилии, но уверен, он один из детей Бови. Ты помнишь семейство Бови, которое жило на Главной Дороге в старом доме Брочеттов. Норма?

— Да! — воскликнула Норма так возбужденно, словно это происходило вчера... а

может, для нас так и было. — Ах, Бови! Мальчика звали Алан или Барт...

— Или Кендолл, — согласился Джад. — Я помню, у братьев нашлись веские причины нести гроб. Но собака оказалась не очень большой, и вдвоем нести ее было неудобно. Сделав гроб, мальчики Холла заявили: гроб нести должны они, потому что они — близнецы, сделанные точно под копирку. А Билли возразил, что они не знали Бовера (так звали собаку) и не могут нести гроб. «Мой отец говорил, что только близкие друзья могут нести гроб, а не какие-то плотники» — вот его аргумент.

Джад и Норма рассмеялись, а Луис лишь усмехнулся.

— Они уже готовы были подраться, когда Манди Холлидей, сестра Билли, принесла четвертый том Энциклопедии Британики, — продолжал Джад. — Ее отец — Стефан Холлидей был всего лишь доктором в той стороне Бангора и этом месте Бакспорта, но в те дни, Луис, только у их семьи — у единственно! — семьи в Ладлоу, была Энциклопедия Британики: только они могли себе это позволить.

— У них у первых появилось электрическое освещение, — перебила мужа Норма.

— Во всяком случае, Манди прибежала очень возбужденная, такая восьмилетняя соплячка с большой книгой в руках. Билли и отпрыск Бови, думаю он-таки был Кендоллом, тем, который разбился и сгорел в Пенсаколе, где все они служили в авиации в начале 1942 года, были готовы сцепиться с двойняшками Холла за право тащить бедную, старую, отравленную дворняжку на кладбище.

Луис захихикал. Скоро он громко смеялся. Он живо представил, как все это происходило, почувствовал привкус старины, и напряжение от разговора с Речел спало.

— Девочка сказала: «Подожди! Подождите! Посмотрите сюда!» Все остановились и посмотрели. И, черт возьми, если она не...

— Джад! — встревоженно сказала Норма:

— Ты опять чертыхаешься!

— Извини, дорогая, я увлекся рассказом. Ты знаешь, как это бывает.

— Догадываюсь, — сказала она.

— И будь я проклят, если девчонка не открыла книгу на главе: «Похороны». Там есть картинка, где Королева Виктория отправляется в последний «бон вояж» *note 7*. Куча людей шествует с каждой стороны гроба, некоторые потеют, с усилием поднимая всю эту хреновину, остальные стоят вокруг в траурных одеждах и гофрированных манжетах, словно ждут, когда скамандуют: «старт!» А потом Манди объявила: «Если церемония похорон официальна, народу может быть сколько угодно! Так гласит книга!»

— Это все решило? — спросил Луис.

— Именно так. Закончилось тем, что собралось ребят двадцать, и, будь я проклят, если они не напоминали картинку, которую нашла Манди, разве что не было гофрированных манжет и высоких шляп. Манди взяла всю организацию похорон на себя. Построив всех, она дала каждому по лесному цветку: одуванчик, венерин башмачок или маргаритку, и они отправились в путь. Господи, я всегда думал, что потеряла наша страна от того, что Манди Холлидей никогда не баллотировалась в конгресс, — старик засмеялся и потряс головой. — Во всяком случае, после этого Билли перестали терзать сны о кладбище домашних любимцев. Он похоронил свою собаку, перестал оплакивать ее и после этого все прошло. Да и мы все именно так относились к смерти.

Луис вспомнил Речел, почти впавшую в истерику.

— Ваша Элли сильнее многих, — заметила Норма, переменив позу. — Вы, Луис, не думаете, что все, вокруг чего мы тут разговариваем, — Смерть — скоро придет за Джадом или за мной, и нам совсем не нравится обсуждать вопросы, касающиеся ее...

— Ну, извините, — проговорил Луис.

— ..но в общем, не такая уж плохая мысль: свести со Смертью шапочное знакомство. В

Note7

Счастливым путем (фр.)

те дни... не знаю... кажется, никто не говорил о Смерти и не думал о ней. Смерть изъяли из телепрограмм, потому что решили: разговоры о Смерти могут повредить детям... повредить их развитию... и люди захотели закрывать гробы так, чтоб те не выглядели как останки кого-то, и сказать «пока, Смерь!»... похоже, люди просто хотят забыть о Смерти.

— А теперь они показывают все это по кабельному телевидению — Джад посмотрел на Норму и прочистил горло. — Они показывают даже то, чем люди обычно занимаются за опущенными шторами, — закончил он. — Странно, как изменилось отношение к таким вещам с приходом нового поколения, ведь так?

— Да, — согласился Луис. — Я тоже так считаю.

— Ладно, мы пришли из другого времени, — продолжал Джад, и его слова звучали словно извинение. — Мы ближе к Смерти. Мы видели эпидемии после Первой Мировой, когда матери умирали вместе с детьми, умирали от инфекций и лихорадки; в те дни казалось, что врачи только и могут размахивать руками. В те дни, когда мы с Нормой были молодыми, если бы у вас был рак, вы бы точно померли, и быстро. В 1920 году не существовало лечения от рака, этого курса облучений! Две войны, убийства, самоубийства...

Он почувствовал, что пора перевести дух.

— Мы знали Смерть, — наконец продолжил он. — Ее знали и наши друзья и наши враги. Мой брат Пит умер от перитонита аппендикса в 1912 году, когда Тафт был Президентом. Питу только исполнилось четырнадцать, и в бейсбол он играл лучше любого парня в городе. В те дни не надо было учиться в колледже, чтобы изучать Смерть... Острую Приправу, или как там ее еще называют. В те дни Смерть заходила в дом, грубо говорила с вами, порой ужинала, а иногда вы чувствовали, как она покусывает вас за задницу, черт возьми!

В этот раз Норма не поправила мужа. Она просто молча кивнула.

Луис встал, потянулся.

— Пойду я, — сказал он. — Завтра у меня трудный день.

— Да, завтра закрутится карусель, — сказал Джад, тоже поднимаясь. Он увидел, что Норма тоже собирается встать, и протянул ей руку. Она поднялась, но, несмотря на помощь мужа, лицо ее перекосило от боли.

— Плохая ночь? — поинтересовался Луис.

— Не так, чтобы очень, — ответила она.

— Согрейте кровать, прежде чем ложиться.

— Хорошо, — сказала Норма. — Я всегда так делаю. И. Луис... не беспокойтесь насчет Элли. Она отвлечется, займется чем-нибудь со своими новыми друзьями и не станет беспокоиться, вспоминая кладбище. Может, даже однажды дети соберутся и отремонтируют несколько старых надгробий, покосят траву или сорвут цветы на могилы. Когда-нибудь, если у них возникнет такое желание, они займутся этим. И Елене от этого будет только лучше. Тогда она, может быть, начнет иначе воспринимать Смерть. "Если только моя жена не воспротивится».

— Приходите завтра вечером и расскажете, как оно повернулось в университете, если хватит сил, — пригласил Джад. — Заодно перекинемся в картишки.

— Может быть, может быть, только если вы сначала напьетесь до бесчувствия, — сказал Луис. — Тогда-то я и разделаю вас под орех.

— Док, — очень торжественно сказал Джад. — В тот день, когда кто-нибудь разделает меня под орех за карточным столом... я позволю такому шарлатану, как вы, лечить меня.

Луис ушел, а Крандоллы еще долго смеялись над шуткой Джада, после того как Луис пересек дорогу.

* * *

Свернувшись на своей половине кровати, словно эмбрион, спала Речел. Она крепко обнимала Гаджа. Все, как предполагал Луис, — в другие времена были другие причины для

наступления сезона холодных отношений между ними, но в этот раз получилось хуже, чем обычно. Луис опечалился, разозлился и некоторое время чувствовал себя несчастным, хотел все исправить, но не знал как и не был уверен в том, что первый шаг должен сделать он. Все казалось ему бессмысленным — единственный легкий порыв ветра превратился в ураган. Спор и аргументы... да... точно, но все это так же проходяще, как вопросы и слезы Элли. Луис был уверен, что не выдержит такого количества ударов судьбы, похоже, еще немного и его семейная жизнь треснет... и однажды случится непоправимое. Он прочитал о подобной ситуации в письме одного из друзей: «Ладно, уверен, я могу сказать тебе, до того как ты услышишь это от кого-нибудь другого, Луис: Мэгги и я расходимся...» Или он прочитал это в газете?

Быстро раздевшись до трусов, Луис поставил будильник на шесть утра. Потом он оглядел себя, вымыл голову, побрился и похрустел «ролайдом» перед тем как чистить зубы — ледяной чай Нормы вызвал у него боль в желудке. А может, всему виной Речел, свернувшаяся на своей половине кровати. Кровать — территория, которая определяет все остальное, — не об этом ли он читал в каком-то университетском учебнике?

Пока он закончил все дела, наступила ночь. Луис лег в постель... но не смог заснуть. Было еще что-то, что-то изводившее его. Последние два дня это крутилось и крутилось у него в голове, так же как сейчас, когда он вслушивался в почти синхронное дыхание Речел и Гаджа. Генерал Паттион... Ганнан — лучшая собака из тех, что когда-либо жили... В память о Марте, нашей любимице-крольчихе... Неистовая Элли: «Я не хочу, чтобы Черч умер! Он — мой кот! Он не кот Бога! Пусть у Бога будет свой кот!» Совсем обезумевшая Речел: «Ты, как доктор, должен знать это!» Норма Крандолл: «...никто не говорил о Смерти и не думал о ней».

И твердый голос Джада, очень твердый — голос другого века: «В те дни Смерть заходила в дом, грубо говорила с вами, порой ужинала, а иногда вы чувствовали, как она покусывает вас за задницу, черт возьми!»

И этот голос сливался с голосом его матери, которая наврала ему, Луису Криду, когда разговор зашел о вопросах секса. Тогда Луису было четыре года. Но его мать сказала ему правду о Смерти, когда ему исполнилось двенадцать, когда его двоюродная сестра Руги погибла в автомобильной катастрофе. Она разбилась в машине отца, которой управлял парнишка, обманом раздобывший ключи. Он решил покататься на машине, но потом обнаружил, что не знает, как тормозить. Ребенок сносил только незначительные шишки и контузии; дядя Луиса — Карл Фарлайн оказался полностью деморализован, узнав о смерти дочери. «Она не мертва, — заявил он в ответ на слова-мамы Луиса. Луис слышал тот разговор, но не мог понять его до конца. — Что ты имеешь в виду, говоря, что моя дочь мертва? Что ты знаешь об этом?» Хотя отец Руги, дядя Луиса, владел похоронным бюро, Луис не мог представить, как дядя Карл сам хоронил свою дочь. В мучительном, приводящем в замешательство страхе, Луис рассматривал Смерть как один из наиболее важных аспектов бытия. Настоящая загадка типа: кто стрижет городского парикмахера?

«Ведешь себя словно Донни Донахью, — заявила тогда дяде мать Луиса. Под глазами у нее были синяки от усталости. Тогда мать казалась Луису больной и слабой. — Твой дядя хорошо разбирается в делах... Ах, Луис... бедная маленькая Руги... не могу думать о том, как она страдала, умирая... ты станешь молиться со мной, Луис? Помолимся за Руги. Ты должен помолиться со мной!»

И они опустились на колени прямо на кухне, и молились. Во время молитвы Смерть нашла тропинку в сердце Луиса: если мама молится за душу Руги Крид, значит ее тело мертво. Воображение Луиса тогда нарисовало ужасный образ Руги, оказавшейся в тринадцать лет со сгнившими глазницами и синей плесенью, подернувшей рыжие волосы; но этот образ не столько пугал, сколько вызывал благоговейный трепет.

Луис кричал, объятый Великим Желанием Жизни:

«Она не может умереть. Мамочка, она не может умереть... я люблю ее!»

И ответ матери, невнятный, но вызывающий яркие ассоциации: мертвые поля под

ноябрьским небом, разбросанные розы — лепестки бурые и вялые по краям, лужи, пенящиеся водорослями, гнилью, разложением, грязью.

— Так получилось, мой дорогой. Сожалею, но она ушла. Рути ушла.

Луис вздрогнул, подумав:

— Мертвое — мертво. Это все, в чем вы нуждаетесь? Неожиданно Луис понял, что он забыл сделать, почему он до сих пор не спит в ночь перед первым днем начала настоящей работы, а путается в старых, неприятных воспоминаниях.

Он встал, направился к лестнице и неожиданно сделал крюк, завернув в комнату Элли. Девочка мирно спала: рот открыт. Она была одета в синюю кукольную пижаму, из которой уже выросла. «Боже, Элли, — подумал он, — ты растешь, словно кукуруза». Черч лежал между ее неуклюжих лодыжек, словно мертвый, извините, за сравнение.

Внизу на лестнице висел поминальник с номерами телефонов, различными записками, напоминаниями самим себе, с приколотыми к ним деньгами. Один листок был перечеркнут: «откладывать как можно дольше». Луис взял телефонную книгу, посмотрел номер и записал на бумажке телефон. Под номером он подписал: «Квентин Л. Джоландер. Доктор-ветеринар, позвонить о Черче. Если Джоландер не кастрирует животных сам, он к кому-нибудь направит».

Луис посмотрел на номер, раздумывая, пришло ли время это сделать, хотя внутренний голос подсказывал, что пришло. Что-то конкретное порой рождается из всех этих плохих предчувствий, и Луис решил кое-что для себя в ту ночь, до того, как наступило утро, не сознавая даже, что именно решил... Луис не хотел, чтоб Черч перебежал дорогу, и хотел сделать для этого все, что было в его силах.

У Луиса вновь появилось ощущение, что кастрация унизит кота, превратит его раньше времени в толстого и старого; в зверюгу, довольно дремлющую на радиаторе, пока в него чем-нибудь не запустят. Луис не хотел видеть Черча таким. Ему нравился нынешний Черч — тощий и подвижный.

На улице, в темноте, по 15 шоссе прогромычала полуторка, и это подтолкнуло Луиса. Он прикрепил листок на видное место и отправился в постель.

ГЛАВА 11

На следующее утро за завтраком Элли увидела новый листок на поминальнике и спросила, что это значит.

— Это значит, что Черчу надо сделать одну маленькую операцию, — ответил Луис. — На одну ночь кот отправится к ветеринару, а когда вернется домой, у него исчезнет желание шастать по округе.

— И бегать через дорогу? — спросила Элли. «Может, ей только пять, — подумал Луис, — но она здорово соображает».

— Или перебегать через дорогу, — согласился он.

— Класс! — воскликнула Элли, и тема была закрыта. Луис, приготовивший резкие и, быть может, немного эмоциональные аргументы о том, что Черчу нужно оставить дом на одну ночь, оказался слегка контужен легкостью, с которой Елена согласилась. Луис понимал, как девочка должна тревожиться. Может, Речел не ошиблась и посещение кладбища домашних любимцев и впрямь повлияло на нее.

Речел накормила Гаджа; обычно она давала ему яйцо на завтрак, осторожно бросая на Луиса одобрительные взгляды, и Луис почувствовал, как у него камень упал с души. Взгляд сказал ему: холод ушел, топор войны зарыт. Зарыт навсегда, надеялся Луис.

Позже, после того как большой желтый школьный автобус проглотил Элли, Речел подошла к мужу, обвила руками его шею и нежно поцеловала в губы.

— Ты большой молодец, раз так решил, — сказала она. — Извини, что я такая сука.

Луис вернул ей поцелуй, почувствовав себя немного неудобно. Он помнил, что заявление: «Извини, что я такая сука» (выражение, не очень часто употребляемое Речел) он

слышал и раньше не один и не два раза. Обычно Речел делала такое заявление после того, как со скандалом получала то, чего добивалась.

Гадж тем временем безуспешно пытался открыть входную дверь, глядя через нижнюю часть стекла на пустынную дорогу.

— Авто, — проговорил он, трогательно подтягивая свои сползающие ползунки. — Элли-авто.

— Он растет так быстро, — заметил Луис. Речел кивнула.

— Вот и замечательно.

— Он скоро вырастет из ползунков, — сказал Луис. — Тогда его развитие несколько замедлится.

Речел рассмеялась. Между ними снова восстановился мир. Задержавшись, Речел поправила Луису галстук, а потом с ног до головы критически осмотрела его.

— Я прошел осмотр, сержант? — спросил Луис.

— Выглядишь очень мило.

— Конечно, я знаю. Я выгляжу словно хирург, проводящий операции на сердце? Или как человек, который зарабатывает две сотни тысяч долларов в год?

— Нет, всего лишь как старый Луис Крид — дитя рок-н-ролла, — сказала Речел и захихикала. Луис посмотрел на часы.

— Дитю рок-н-ролла пора одевать грязные ботинки и смываться, — проговорил он.

— Нервничаешь?

— Конечно, немного.

— Не стоит, — сказала Речел. — Шестьдесят тысяч долларов в год за то, чтоб прописать лекарство от кашля, гриппа и похмелья, пилюли против беременности...

— И жидкость для выведения блох, — закончил Луис, снова улыбнувшись. Одна из вещей, которая удивляла его в первом путешествии по лазарету, — запасы жидкости для выведения блох, которые показались Луису ненормальными, более уместными на какой-нибудь военной базе, а не в университете одного из североамериканских штатов.

Миссис Чарлтон — Главная Медсестра цинично улыбнулась в ответ на его вопрос:

— Некоторые квартиры в районе, те, что подальше от университета, довольно злые местечки. Сами увидите. Луис догадывался об этом.

— Хорошенький денек, — сказала Речел и снова поцеловала его. Поцелуй вышел вульгарным. Когда она отодвинулась, в ее взгляде сквозила насмешка. — И, ради Бога, помни, что ты — администратор, а не студент-медик или второгодник какой-то.

— Да, доктор, — смиренно произнес Луис, и они оба рассмеялись. На мгновение Луис захотел спросить: «А как же Зельда? Та, что занозой засела у тебя под кожей? Об этом теперь можно говорить? О Зельде, о том, как она умерла?» Нет, не хотел он говорить на эту тему сейчас. Как доктор, он знал многое, в том числе и то, что Смерть столь же естественна, как Рождение, а может, даже величественнее, но раненая обезьяна, в конце концов, начинает выздоравливать, если не станет ковыряться в своей ране.

Итак, вместо ответа, он лишь поцеловал Речел и вывел машину на улицу.

Хорошее начало, хороший день. Мэйн давал представление позднего лета: небо синее и безоблачное, температура около +25°. Доехав до конца дорожки, Луис остановил машину, чтобы без аварии влиться в поток уличного движения. Он стал размышлять о том, что до сих пор не видел ни следа листопада, который должен красиво выглядеть в этих местах. Нужно подождать.

Он повернул «Хонду Цивик» — свою вторую машину — к университету. Сегодня утром Речел должна позвонить ветеринару и договориться, когда отдать Черча на кастрацию. Надо положить конец всем этим страданиям вокруг кладбища домашних любимцев (просто удивительно, как эти грамматические ошибки западают в голову и начинают казаться вовсе не ошибками, а единственно правильным написанием) и страх уйдет вместе с ними. Не было нужды думать о смерти в такое прекрасное утро.

Луис повернул выключатель приемника и стал крутить ручку настройки, пока не

обнаружил Раморн урезающих «Рокэвэй Бич». Он сделал звук громче и запел... не очень чисто, но со страстным наслаждением.

ГЛАВА 12

Первой вещью, известившей, что он уже на территории университета, было неожиданно нахлынувшее, особое движение — зыбь. Легковые машины, велосипеды, даже два десятка джо-гингов *note 8*. Луис быстро остановился, избегая столкновения с двумя опоздавшими, бегущими в направлении Данн Хилла. Луис резко затормозил, повиснув на ремне безопасности, и вдавил кнопку гудка. Его всегда раздражали джогинги (велосипедисты, кстати, тоже имеют такие же гнусные привычки), которые, казалось, автоматически, одним своим видом заявляли, что не отвечают за дорожные происшествия, ведь они, в конце концов, занимаются спортом. А ведь именно они были источником дорожно-транспортных происшествий. Сейчас один из них показал Луису безымянный палец, даже не оглядываясь. Луис только вздохнул и поехал дальше.

И еще: карета «скорой помощи» отсутствовала на своем месте — маленькой автостоянке перед лазаретом. Это удивило и напугало Луиса. Лазарет был оснащен для лечения любой болезни иди, при несчастном случае, для оказания первой помощи в полевых условиях: там имелось три хорошо оборудованных диагностических бокса, выходящих в большое фойе, и еще две палаты, каждая на пятнадцать коек. Хотя все это несколько напоминало театральную бутафорию. Если возникали серьезные проблемы, в Медицинском Центре Восточного Мэйна существовала амбулатория, готовая принять больных в случае эпидемии или кого-нибудь серьезно больного. Стив Мастертон — ассистент-психолог, который в первый раз провел Луиса по университету, показал Луису журнал за предыдущие два учебных года, показал с уместной гордостью: за все время у них было тридцать восемь пациентов, которым требовалось амбулаторное лечение... не так уж плохо, если принять во внимание., что студентов десять тысяч, а все население университета — почти семнадцать.

Сегодня у Луиса был первый настоящий рабочий день, с вызовом «скорой помощи».

Луис припарковал свой автомобиль на стоянке у недавно обновленного знака, где теперь красовалась надпись: «Стоянка доктора Крида», и поспешил в лазарет.

Луис нашел миссис Чарлтон — седую, но гибкую женщину, которой было около пятидесяти, в первом диагностическом боксе. Она измеряла температуру девушке в джинсах и «топе». «Пациентка не так давно обгорела на солнце, — заметил Луис. — Кожа шелушится всюду».

— Доброе утро, Джоан, — поздоровался он с медсестрой. — Где «скорая помощь»?

— Ох, у нас настоящая трагедия, но в общем... все в порядке, загадочно ответила Чарлтон, вынимая термометр изо рта студентки и рассматривая его показания. — Стив Мастертон приехал в семь утра и увидел огромную лужу под двигателем и передними колесами. Полетела какая-то трубка. И они увезли машину.

— Боже, — сказал Луис и почувствовал облегчение. Хорошо, что машину не угнали, как он решил сначала, услышав первые слова Главной Медсестры.

Джоан Чарлтон рассмеялась.

— Знаменитая Лужа Автомобилей Университета, — продолжала она. — Эта лужа появляется обычно в пятнадцатых числах декабря, обвязанная рождественскими ленточками. — Медсестра пристально посмотрела на студентку. — До лихорадки вам не хватает целых полградуса, — продолжала медсестра. — Возьмите пару таблеток аспирина, посидите в кафе или на аллее в тени.

Девушка встала, наградив Луиса быстрым, оценивающим взглядом, и вышла.

— Наш первый клиент в новом семестре, — кисло проговорила Чарлтон. Она стала

Note8

Люди, занимающиеся спортивным бегом (амер.)

встряхивать термометр с резким пощелкиванием.

— Вы не выглядите радостной.

— Знаю, я такой тип, — ответила она. — Но мы скоро столкнемся и с другим типом — спортсмены, которые играют так, что трещат кости, сухожилия и все остальное; они не хотят сидеть на скамье запасных, они — люди-машины, не хотят покидать поле, даже если подвергают опасности свою жизнь. Тогда вы захотите визита мисс, у которой полградуса не хватает до повышенной температуры... — Она кивнула головой на окно, где Луис увидел девушку с кожей, шелушащейся от солнечного ожога, идущую в направлении учебных корпусов. В боксе девушка производила впечатление, согласно которому ей было очень нехорошо, но она пытается не показывать вида. Теперь она шагала бодро, ее бедра призывно покачивались, как у женщин, которые знают, перед кем вихлять задницей... да и на самом деле ее задница была достойна того, чтоб на нее обратили внимание. — Вот ваш основной тип — ипохондрики, коллега. — Чарлтон опустила термометр в стерилизатор. — Мы видим ее несколько десятков раз за год. Ее визиты учащаются перед началом зачетной недели. За неделю, или около того до экзаменов, она убеждает себя, что у нее воспаление одного или обоих легких. Бронхит — наполовину сданные позиции. Потом она пролетает на пяти или шести экзаменах, где преподаватели пользуются словами, какими они обычно пользуются в курилке... чтоб дать от ворот поворот. Таких дамочек всегда тошнит, когда им сообщают о начале зачетной недели или о том, что необходимо отработать пропуски перед тем как сесть писать экзаменационное сочинение.

— По-моему, сегодня утром мы чересчур циничны, — заметил Луис. Он был, если точнее сказать, в несколько затруднительном положении.

Сестра подмигнула ему, и Луису пришлось улыбнуться в ответ.

— Я никогда не принимаю их проблем близко к сердцу. И вам не советую.

— Где сейчас Стивен?

— В своем кабинете отвечает на почту и пытается прикинуть, какая из рубашек лучше всего подходит под эмблему темно-синего креста на голубом фоне *note 9*, — ответила она.

Луис вышел. Цинизм миссис Чарлтон был ему непонятен, Луис приятно чувствовал себя в новой должности.

* * *

«Оглянись назад, — подумал Луис, — когда только я мог мечтать обо всем этом? И тут-то и начался тот кошмар. Он начался около десяти, когда в лазарет принесли умирающего Виктора Ласкова».

До тех пор все было спокойно. В девять, через полчаса после появления Луиса, заявили две практикантки, работавшие с девяти до трех утра. Луис дал каждой по пончику и по чашечке кофе, поговорил с ними минут пятнадцать о чем-то отвлеченном. Потом постучалась миссис Чарлтон. Когда практикантки проскочили мимо Старшей Медсестры, выходя из кабинета Луиса, он услышал ее вопрос:

— У вас нет аллергии на бл... й и тошнотворных баб? Ничего, вы еще в избытке увидите и тех и других.

— Боже, — прошептал Луис и прикрыл глаза. Но он улыбался. Упрямство старого ребенка, такого как миссис Чарлтон, не всегда помеха.

Луис начал, дорисовывая, удлинять крест на бланке для заказа комплекта наркотических лекарств и медицинского оборудования («Каждый год, — агрессивно выступал Стив Мастертон по поводу медицинского оборудования. — Каждый долбаный год одно и то же. Полностью укомплектованный операционный комплект для пересадки сердца

Note9

Американская эмблема медслужбы, аналогичная нашему красному кресту на белом фоне (прим, переводчика).

за какие-нибудь восемь миллионов долларов!

Это же мелочи!»), а потом полностью окунулся в работу, думая о том, как хорошо было бы опрокинуть чашечку кофе, когда из фойе донеслись крики Мастертона:

— Луис! Выходите! Случилась беда!

Почти панический голос Мастертона заставил Луиса поторопиться. Он перевернул свой стул, словно собирался исследовать его. Крик, пронзительный и резкий, как звон разбитого стекла, донесся вслед за воплями Мастертона. Последовала звонкая пощечина, после чего раздался голос Чарлтон:

— Прекратите орать или убирайтесь к черту! Немедленно прекратите!

Луис ворвался в приемный покой, и первое, что он увидел, — кровь. Там было много крови. Одна из практиканток всхлипывала. Другая, бледная, как полотно, прижимала руки к уголкам рта, искривив губы в большой, вызывающей отвращение усмешке. Мастертон стоял на коленях, поддерживая голову юноши, лежавшего на полу.

Стив посмотрел на Луиса, глаза мрачные, расширенные и испуганные. Он пытался говорить, но слова не могли сорваться с его языка.

Люди собрались у Студенческого Медицинского Центра за большими стеклянными дверьми, всматриваясь через них, прижимая руки к лицам, чтобы заглянуть внутрь. Воображение Луиса вызвало безумно подходящее воспоминание. Ребенком, не более шести лет, он сидел в гостиной с мамой (скоро она должна была отправиться на работу), смотрел телевизор. Показывали старое, «вчерашнее» шоу с Дэвидом Гарровэйем. Снаружи стояли люди, изумленно глядели на Дэвида, Фрэнка Блайра и доброго, старого Дж. Фреда Мигтса. Луис оглянулся и увидел людей, стоящих у окон и смотревших телешоу по их телевизору. Ему нужно было что-то сделать со стеклянными дверьми лазарета...

— Задерните занавески! — фыркнул он на практикантку, которая всхлипывала.

Когда она немедленно не подчинилась, Чарлтон дала ей пощечину.

— Быстро, девочка!

Практикантка начала двигаться. Через мгновение зеленые занавеси закрыли окна. Чарлтон и Стив Мастертон жались к дверям, косясь на умирающего.

— Жесткие носилки, доктор? — спросила Чарлтон.

— Если они нужны, давайте, — согласился Луис, присев рядом с Мастертоном. — Я еще даже не посмотрел, что с ним.

— Сюда, — приказала Чарлтон девушке, которая закрывала занавески. Та снова прижала кулачки ко рту, изображая невеселую, перекошенную от ужаса усмешку. Посмотрев на миссис Чарлтон, практикантка вздохнула:

— Ох, бедный...

— Конечно, он бедный, но ты-то в порядке. Живей! — она резко дернула девушку, побуждая ту двигаться; наконец практикантка зашуршала красной юбкой с белыми кнопками.

Луис склонился над своим первым пациентом в Университете Мэйна.

Пациент — юноша, приблизительно лет двадцати. Луису понадобилось меньше трех секунд для того, чтобы поставить диагноз: молодой человек умирал. У него была разбита голова и, по-видимому, был перелом основания черепа. Одна ключица, выбитая из сустава, выпирала, отчего правое плечо оказалось вывернуто. Из головы умирающего по окровавленной и пожелтевшей коже медленно стекала мозговая жидкость; она впитывалась в ковер. Луис видел мозг умирающего: беловато-серый и пульсирующий; он видел мозг через дыру в голове, словно смотрел через разбитое окно. «Вторжение» возможно глубиной сантиметров на пять. Если бы у умирающего в голове вынашивался бы ребенок, он смог бы родить, словно Зевс, разразившийся от беременности через лоб. Юноша еще оставался жив, что было вовсе невероятно. В голове Луиса неожиданно прозвучали слова Джада: «...а иногда вы чувствовали, как она покусывает вас за задницу». И слова матери:

«Мертвый — есть мертвый». Луиса охватило безудержное желание засмеяться. Мертвый есть мертвый, все в порядке. Точно так, дружок.

— Готовьте машину, — фыркнул Луис на Мастертон. — Мы...

— Луис, машина...

— О, боже! — протянул Луис, хлопнув себя полбу. Он перенес взгляд на Чарлтон. — Джоан, что бы вы сделали в подобном случае? Позвонить Секретарю Университета или в МЦВМ?

Джоан выглядела взволнованной, выведенной из душевного равновесия — она редко попадала в экстремальные ситуации — так, по крайней мере, решил Луис. Но когда она заговорила, ее голос звучал совсем спокойно:

— Доктор, я не знаю. Мы никогда не попадали в такую ситуацию за все время, что я работаю в Медицинском Центре этого университета.

Луис старался думать как можно быстрее:

— Звоните в полицию. Мы не можем ждать, пока из МЦВМ пришлют «скорую помощь». Если у полицейских есть микроавтобус, они смогут подкинуть парня в Бангор на скоростной машине. Наконец, у них есть огни, сирена... Звоните, Джоан.

Чарлтон пошла звонить, но не раньше, чем Луис поймал ее восхищенный взгляд и интерпретировал его для себя. Молодой человек был загорелым, с хорошо развитыми мускулами — возможно, он подрабатывал летом где-то на железной дороге или на покраске домов, а может, давал уроки тенниса... и одет он был только в красные, спортивные шорты с белыми лампасами. Он умирал и умрет, независимо от их действий. Он был бы точно также мертв, если бы их «скорая помощь» в этот момент оказалась бы на месте с исправным мотором.

Невероятно, но умирающий зашевелился. Его веки затрепетали, и глаза открылись. Синие глаза с белками, полностью залитыми кровью. Они стали рассеянно смотреть по сторонам, ничего не видя. Юноша попытался пошевелить головой, но Луис силой заставил его не двигаться, помня о сломанной шее. Травма головы не блокировала болевые центры.

«Дыра в голове. О, боже! Дыра в голове!»

— Что с ним случилось? — спросил Луис Стива, в данных обстоятельствах глупый и бессмысленный вопрос. Вопрос зрителя. Но дыра в голове подтверждала статус Луиса: он был всего лишь одним из зрителей. — Его принесли полицейские?

— Несколько студентов принесли его на одеяле. Я не знаю, что случилось.

А вот о том, что произойдет дальше, стоило и в самом деле подумать. Ответственность лежала и на Луисе.

— Идите и найдите их, — распорядился Луис. — Проведите через другую дверь. Я хочу, чтоб они оказались под рукой, но не хочу, чтоб они видели больше остальных.

Мастертон с облегчением ушел от кошмара, подошел к двери, открыл ее и залепетал от возбуждения, собирая любопытных и приводя в замешательство толпу уже собравшихся. И еще Луис услышал пенис полицейской сирены. Службы университетского городка шли на помощь. Он почувствовал слабое облегчение.

Умирающий забулькал горлом. Он пытался заговорить. Луис слышал отдельные слова... отдельные звуки, наконец... но слива умирающего звучали неясно, нечетко.

Луис наклонился над ним и сказал:

— Все будет в порядке, приятель. — Он подумал о Речел и Элли, как он расскажет им об этом, и его желудок сильно, неприятно сжался. Прижав руку ко рту, Луис задохнулся.

— Клааа... — проговорил юноша. — Клааа... Луис оглянулся и увидел, что один остался рядом с умирающим. Он едва слышал Джоан Чарлтон, кричащую на практиканток, вытянувшихся по стойке смирно в кладовке Второго Бокса. Луис сомневался, могли ли они отличить Второй Бокс от яиц лягушки. Бедные девочки, они тоже первый день как вышли на работу и столкнулись с адом в преддверии мира медицины. На зеленом ковре, покрывающем весь пол, образовался хлюпающий грязно-пурпурный круг; из разбитой головы молодого человека вытекала внутричерепная жидкость.

— На хладбище домашних любимцев, — прохрипел молодой человек... и ухмыльнулся. Его усмешка напоминала невеселые, истерические смешки практиканток, когда те закрывали

занавески.

Луис пристально посмотрел на умирающего, сперва отказавшись верить тому, что услышал. Потом Луис решил, что у него, должно быть, слуховые галлюцинации. «Он произнес несколько звуков, а мое подсознание превратило их в нечто осмысленное, связав их с моей собственной жизнью». Как бы то ни было, через мгновение Луис уже понял это. Замерев, скованный безумным ужасом, покрывшись мурашками, он чувствовал, как что-то двигается волнами вверх-вниз у него в животе... но даже тогда он просто отказался поверить в то, что слышал. Да, едва различимые для уха Луиса слова срывались с окровавленных губ человека, лежавшего на ковре. Но это означало только то, что галлюцинация была не только слуховой, но и визуальной.

— Что ты сказал? — прошептал Луис.

И в этот раз, четко, как говорящий попугай или ворона, щелкающим голосом, юноша заговорил снова, и ошибиться в значении слов было невозможно.

— Это не настоящее кладбище.

Глаза смотрели отсутствующе, ничего не видя, окруженные кровавыми кругами; рот искривился в большой усмешке мертвой рыбы.

Волна ужаса прокатилась через Луиса; страх взял его сердце в холодные руки и сжал. Страх сделал его маленьким и продолжал сжимать дальше и дальше... Луис почувствовал, что хочет повернуться и помчаться со всех ног прочь от этой окровавленной, склоненной набок головы. Луису не привили большой религиозности, но у него была склонность к оккультизму. Определенным образом он оказался готов к случившемуся... чем бы оно ни было на самом деле.

Борясь с желанием убежать со всех ног, Луис заставил себя наклониться еще ниже.

— Что ты сказал? — спросил Луис во второй раз. Усмешка. Парень был плох.

— Грязь человеческого сердца сильнее, Луис, — прошептал умирающий. — Но мужчина тоже выращивает, что может... и пожинает плоды.

«Луис, — подумал доктор Крид, не слыша ничего после того, как разобрал свое имя. — О, мой бог, он назвал меня по имени».

— Кто ты? — спросил Луис дрожащим, тонким голосом. — Кто ты?

— Я из индейцев.

— Откуда ты знаешь мое имя...

— Сохрани нас чистыми. Знай...

— Ты...

— А-а-а, — закричал юноша, и теперь Луису показалось, он почуял запах смерти в его дыхании: внутренние повреждения, сердечная недостаточность, переломы...

— Что? — безумие подстегивало Луиса.

— Ха-хлаааааад...

Молодой человек в красных спортивных трусах дрожал все сильнее. Неожиданно, после того как все его мускулы напряглись, он, казалось, превратился в камень. Отсутствующее выражение на мгновение исчезло с лица умирающего, и он встретился взглядом с Луисом. Тотчас наступила смерть. Жуткая вонь. Луис подумал, что юноша должен заговорить снова. Но глаза умирающего стали безразличными... начали стекленеть. Он был мертв.

Луис откинулся назад, смутно сознавая, что одежда прилипла к его телу: он насквозь промок от пота. В глазах потемнело, словно он оказался в центре смерча, и мир перед глазами отвратительно поплыл. Поняв, что случилось, Луис отвернулся от мертвеца; опустил голову между колен и до крови прикусил кончики большого и указательного пальцев.

Через мгновение все стало на свои места.

ГЛАВА 13

Потом приемный покой наполнился людьми, которые, словно актеры раньше, ожидали

своего выхода. Это прибавило Луису ощущение нереальности, дезориентировало — такие чувства раньше он никогда не испытывал, только изучал на курсе психологии, Луис был уверен: такой путь проходит каждый сразу после того, как кто-нибудь подмешает в питье большую дозу ЛСД.

«Похоже, пьесу поставили специально для моего бенефиса, — подумал он. — Комната... начало удобное, никого нет, так что умирающая Сивилла может произнести несколько туманных пророчеств для меня одного. А как только парень умер, все вернулись».

Практикантки неумело держали жесткие носилки, те, что использовались для переноски людей с повреждениями спины или позвоночника. Вместе с ними появилась Джоан Чарлтон, сказавшая, что машина полиции университета уже выехала. Оказалось, молодой человек — джогинг — был сбит машиной.

Луис подумал о джогингах, которые проскочили перед его машиной рано утром, и у него свело низ живота.

Позади Чарлтон появился Стив Мастертон с двумя полицейскими университетского городка.

— Луис, люди, которые принесли Паскова в... — он прервался и быстро спросил:

— С вами все в порядке, Луис?

— Со мной все в порядке, — ответил доктор и встал. Слабость нахлынула на него снова и отступила. — Его фамилия Пасков?

— Виктор Пасков, — сказал один из полицейских университетского городка. — Так говорит девушка, с которой он вместе бегал.

Луис взглянул на свои часы и отнял минуты две. Из комнаты, где Мастертон собрал людей, которые принесли Паскова, доносились дикие рыдания. «Добро пожаловать в университет, крошка, — подумал он. — Хорошенький семестрик».

— Мистер Пасков умер в 10. 09 утра, — объявил Луис. Один из полицейских прижал тыльную часть кисти ко рту. Снова заговорил Мастертон:

— Луис, с тобой в самом деле все в порядке? Выглядишь ты ужасно.

Луис открыл было рот ответить, но одна из практиканток неожиданно уронила свой конец носилок и выбежала, извергая рвоту себе на передник. Зазвонил телефон. Рыдающая девушка за стеной теперь стала кричать, она звала мертвеца:

— Вик! Вик! Вик! — снова и снова.

Бедлам. Смятение. Один из полицейских спросил у миссис Чарлтон, могут ли они взять одеяло, накрыть мертвеца, а Чарлтон ответила, что не знает, имеет ли она необходимую власть, чтобы выдать одеяло. Тут Луис обнаружил, что думает о происходящем в духе Мориса Синдака: «Пусть начнется суета сует!»

Гаденькое хихиканье снова попыталось вырваться у него из горла, но Луису как-то удалось с ним справиться. Этот Пасков на самом деле сказал: «Хладбище Домашних Любимцев»? Этот Пасков на самом деле назвал его по имени? Слова умирающего нарушили привычный для Луиса порядок вещей, выбили его из колеи. Но теперь казалось, Луис мысленно прокручивал те несколько мгновений, что провел наедине с умирающим, словно монтируя фильм-спасение: склеивая, изменяя и разрезая. Точно, умирающий говорил что-то еще (если он на самом деле что-то говорил) и потрясенный Луис неправильно истолковал его слова. Скорее всего, Пасков только двигал губами, не издавая звуков, как в самом начале.

Луис стал изучать себя, ту свою часть, что заставила администрацию дать эту работу именно ему, выбрав именно его из пятидесяти трех претендентов. Не прозвучало ни одного распоряжения, ничего не изменилось: комната была полна народу.

— Стив, дай девушке успокоительное, — приказал Луис и, сказав это, почувствовал себя лучше. Казалось, что он в огромной ракете с перегрузками тащится прочь от крохотного метеорита. И этим метеоритом был иррациональный момент бытия, когда заговорил Пасков. Луиса взяли на работу, чтобы он нес ответственность: он должен был выполнять свои обязанности.

— Джоан. Дайте полицейскому одеяло прикрыть труп.

— Доктор, мы не можем. Инвентарь...

— Дайте ему одеяло. Потом проверьте, что с той практиканткой.

Он посмотрел на вторую девушку, которая все еще держала свой конец носилок. Она гладела на труп Паскова с гипнотической зачарованностью.

— Эй! — позвал Луис, и глаза девушки метнулись от тела.

— К-к-к...

— Как зовут твою подругу?

— К-кого?

— Ту, которая блеванула, — намеренно грубо сказал Луис.

— Джу-джу-джуди. Джуди Де Лессо.

— Твое имя?

— Клара, — теперь девушка заговорила немного спокойнее.

— Клара, сходи проверь, как там Джуди. И помогите Джоан с одеялом. Возьмите одно из стопки в маленькой кладовой в Боксе номер один. Идите. Давайте соберемся с силами, надо работать.

Все занялись делом. Очень скоро крики в соседней комнате поутихли. Телефон, который перестал было звонить, зазвонил снова. Луис надавил клавишу, не поднимая телефонной трубки.

— Кого мы должны уведомить? Вы можете набросать мне список?

Полицейский кивнул.

— Ничего подобного не случилось последние шесть лет. — сказал он. — Плохое начало семестра.

— Точно, — согласился Луис. Подойдя к телефонному аппарату, он снова рывком сорвал трубку.

— Алло? Кто... — начал было возбужденный голос, но Луис отключил линию. Ему нужно было позвонить самому.

ГЛАВА 14

Все стихло только около четырех часов, после того как Луис и Ричард Ирвинг — глава безопасности университетского городка, подготовили заявление для прессы. Молодой человек — Виктор Пасков бежал вдоль дороги со своей невестой и приятелем. Машина, которую вел Тремонт Витерс — молодой человек двадцати трех лет, уроженец Хавена (Мэйн), ехала по шоссе, ведущему из Ленгуллской женской гимназии к центру университетского городка. Он ехал, превышая скорость. Машина Витерса ударила Паскова, и тот полетел прямо головой в дерево. Паскова принесли в лазарет на одеяле его друзья и двое пробежавших мимо студентов. Умер Виктор через несколько секунд после того, как его доставили в лазарет. Витерса и раньше задерживали за превышение скорости, вождение машины в нетрезвом состоянии; вроде бы он даже кого-то сбил.

Редактор газеты университетского городка спросил, может ли он написать, что Пасков умер от травмы головы. Луис вспомнил дыру в голове молодого человека; дыру, через которую можно было видеть мозг, и сказал, что он должен сперва вручить заключение о смерти следователю Пенобскота. Потом редактор спросил: не могли ли четверо молодых людей, перенося Паскова в лазарет, неумышленно стать причиной его смерти?

— Нет, — ответил Луис. — Такого не может быть. Несчастный мистер Пасков, по-моему, при ударе получил смертельную травму.

Там были и другие вопросы, несколько, но предыдущий вопрос подытожил пресс-конференцию. Сейчас Луис сидел в своем кабинете (Стив Мастертон отправился домой час назад, сразу после «пресс-конференции» посмотреть на себя в вечерних новостях, так подозревал Луис) и пытался собрать осколки прошедшего дня... или, быть может, просто охватить случившееся одним взглядом. Он и Чарлтон долго сидели над карточками из первоочередных, над карточками тех студентов, кто упрямо продолжал заниматься в

колледже вопреки своим физическим недостаткам. В колледже было двадцать три диабетика, пятнадцать эпилептиков, четырнадцать паралитиков и еще несколько всяких разных: студенты с лейкемией, студенты с церебральным параличом и мускульной дистрофией; слепые студенты, двое немых и один перенесший полную амнезию, с которой Луис никогда раньше не сталкивался.

Уже к вечеру, после того как ушел Стив, в кабинет заглянула миссис Чарлтон и положила на стол Луиса розовый листок. «Бангорский ковер привезут завтра в 9. 30», — было написано на листке.

— Ковер? — удивился Луис.

— Его же надо заменить, — словно извиняясь, сказала сестра. — Пятно вывести не удастся.

— Да, вы правы.

Наконец, заглянув в аптечку, Луис взял туинал, который первый мединститутский квартирант Луиса называл Тунервиллом. «Попробуй Тунервиллских колес, Луис,» — говорил он, поставив пластинку Криденса. Обычно Луис отказывался от путешествия в сказочную Тунервиллмандию, так что, может, вышло к лучшему, когда его сосед провалился в середине третьего семестра, и на Тунервиллских колесах укатил во Вьетнам, армейским санитаром. Луису иногда он рисовался в видениях; глаза Луиса стекленели, когда он слышал «Бегство через джунгли» Криденса.

Но сейчас лекарство казалось необходимым. Если он должен просмотреть записку о ковре на том розовом листочке, ему необходим транквилизатор.

Луис поплыл довольно сильно к тому времени, когда миссис Байллинс — ночная сестра, просунула голову в дверь его кабинета и сказала:

— Ваша жена, доктор Крид. Она на «линии один». Луис посмотрел на часы и увидел, что уже почти пять тридцать. Он хотел уехать отсюда часа полтора назад.

— Хорошо, Нэнси. Спасибо.

Подняв трубку, он подключился к «линии один».

— Ах, дорогая. Только на моей...

— Луис, с тобой все в порядке?

— Конечно.

— Я слышала о случившемся в новостях. Луис, мне так жаль, — мгновение она молчала. — Это передавали по радио в новостях... Они были у тебя, задавали вопросы. Ты держался молодцом.

— Я? Ладно.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Да, Речел. Со мной все в порядке.

— Приезжай домой, — попросила она.

— Да, — сказал он. «Домой» — звучало заманчиво.

ГЛАВА 15

Речел встретила Луиса у дверей, и у него отвисла челюсть. Речел надела тонкий, как паутина, бюстгальтер, который он так любил, полупрозрачные трусики, а больше на ней ничего не было.

— Выглядишь великолепно, — сказал он. — Где дети?

— Их взяла Мисси Дандридж. Мы свободны до полдевятого... то есть два с половиной часа. Не будем терять время.

Она прижалась к нему. Луис почувствовал слабый, приятный запах, эфирные масла или розы? Его руки сплелись вокруг нес, сперва вокруг талии, а потом они нашли ее соски, когда ее язык, уже легко протанцевав по губам Луиса, нырнул ему в рот; там он вылизывал, метался...

Наконец поцелуй прервался, и Луис грубовато спросил Речел:

— На обед — ты?

— Я на десерт, — ответила она, а потом начала возбуждающе вращать бедрами. — Но я обещаю, что не буду предлагать тебе ничего из того, что ты не любишь.

Луис потянулся к ней. Но Речел выскользнула из объятий и взяла его за руку.

— Входи в дом первым, — сказала она.

* * *

Вначале она затащила Луиса в теплую ванну, медленно раздела его и загнала в воду. Энергично растирая перчаткой-губкой, которую обычно не использовали (эта вещь всегда просто висела на крючке), Речел медленно намылила тело Луиса, потом омыла его. Он чувствовал, как все события этого дня — ужасного дня уходят в небытие. Речел тоже вымокла и ее трусики прилипли к телу, словно вторая кожа.

Луис вылез из ванны, и Речел бережно вытерла его.

— Что...

Теперь перчатка-губка касалась его тела нежно, чересчур заводя поглаживанием, медленно двигаясь вверх-вниз.

— Речел... — пар окутывал их, но он исходил не только от горячей воды в ванне.

— Ш-ш-ш!

Казалось, ласки длились вечность... Луис был близок к оргазму, и рука в перчатке двигалась все медленнее, почти останавливаясь. И все же она не прекращала то давить, то отпускать, пока Луис не кончил так сильно, что ему показалось, у него чуть не лопнули барабанные перепонки.

— Мои боже, — слабо проговорил он, когда снова смог говорить. — Где и когда ты научилась этому?

— У девочек в лагере бойскаутов.

* * *

Речел приготовила бефстроганов. Пока она ублажала мужа в ванной, блюдо грелось на плите, и Луис, который еще в четыре часа клялся, что следующий раз сможет поесть не раньше Хеллоуина, съел две порции.

Потом Речел отвела его наверх.

— Теперь, — сказала она, — посмотрим, что ты сможешь сделать для меня.

«Принимая во внимание все случившееся, я отношусь к происходящему совершенно спокойно», — подумал Луис.

* * *

Позже Речел надела старую синюю пижаму. Луис натянул фланелевую рубашку и почти бесформенные вельветовые штаны, которые Речел называла «позорными»... и поехал за детьми.

Мисси Дандридж хотела узнать подробности случившегося, но Луис лишь вкратце описал ей происшествие, рассказав меньше, чем она могла бы узнать, прочитав завтрашний выпуск Бангорского «Дели Ньюс». Луису не хотелось рассказывать, это вызывало у него те же чувства, что и прогорклые сплетни, но Мисси согласилась бесплатно посидеть с детьми, и Луис был благодарен ей за вечер, который он и Речел провели вместе.

Гадж уснул рядом с Луисом раньше, чем они проехали мимо, отделявшую их дом от дома Мисси; даже Элли зевала, у нее слипались глаза. Луис передел Гаджа в свежие ползунки, засунул его в комбинезон и положил в колыбель. Потом он прочитал Элли одну сказку. Обычно Элли требовала, чтоб ей почитали на ночь «Где обитают дикие звери», и при этом она чувствовала себя пионером диких мест. В этот вечер Луис уговорил ее

остановиться на «Коте в сапогах». Через пять минут после того, как он отвел девочку наверх, она уснула, и Речел поднялась к ней, укрыть ее одеялом.

Когда Луис спустился вниз, Речел сидела в гостиной со стаканом молока — одна из множества привычек, позаимствованных у Дороти Сайерс.

— Луис, с тобой в самом деле все в порядке?

— Дорогая, все хорошо, — ответил он. — Спасибо... за все.

— Мы оба стремимся, чтоб все было хорошо, — сказала она с легкой, чуть ироничной улыбкой. — Ты пойдешь к Джаду на пиво? Луис покачал головой.

— Не сегодня. Я полностью выжат.

— Надеюсь, что смогу тебя растормошить.

— Думаю, так.

— Тогда выпейте свой стакан молока, доктор, и отправимся в кровать.

* * *

Он думал, что лежит проснувшись; такое часто случалось, когда он был студентом-медиком; и такие часы и дни, которые были наиболее занимательными в его жизни, снова и снова прокручивались у него в голове. Но он плавно соскальзывал в сон, словно на изящных, лишенных трения санях. Луис читал: среднему человеку нужно только семь минут, чтобы стереть из памяти вес неприятности и проблемы прошедшего дня. Семь минут сознательного и подсознательного вращения, словно трюк с поворачивающейся стеной в доме с привидениями парка развлечений.

Он уже почти уснул, когда услышал, как Речел, словно издалека, сказала:

— ..послезавтра.

— Гмммммм?

— Джоландер. Ветеринар. Он заберет Черча послезавтра — А?

«Черч. Сокровища — твои „коджонс“ *note 10*, твои сокровища еще принадлежат тебе, но скоро ты лишишься их». Потом Луис отключился, провалившись в омут, уснул крепко, без снов.

ГЛАВА 16

Спустя некоторое время Луис проснулся. Грохот заставил его сесть в кровати. Он удивился: что бы это могло быть? То ли Элли свалилась на пол, то ли перевернулась колыбель Гаджа. Луна выплыла из-за облаков, осветив комнату, и Луис увидел Виктора Паскова, стоящего в дверях.

Мертвец стоял в дверях. Его голова была разбита над левым виском. Кровь темно-красными струпьями засохла на лице, словно боевая раскраска индейцев. Вывороченная ключица белела в лунном свете. Пасков улыбался.

— Вставайте, доктор, — сказал он. — Пойдем, прогуляемся.

Луис огляделся. Его жена — неясный холм желтого ватного, стеганого одеяла, спала. Луис снова посмотрел на Паскова, который был мертв, но мертвым почему-то не был. Луис не чувствовал страха. Он понимал, почему все так.

«Это сон, — думал он, и в этом все дело, но все равно что-то его беспокоило. — Мертвые не возвращаются. Это физиологически невозможно. Молодой человек микроавтобусом отправился в Бангор с отметкой патологоанатома — V-образным разрезом на груди. Может, патологоанатом даже извлек его мозг, переложил тот в грудную клетку, после того как разрезал ткани и вывалил содержимое черепной полости на коричневую бумагу, не пропускающую воду. Класть мозг в кишечную полость проще, чем пытаться

запихнуть его назад в череп, словно отдельные кусочки головоломки. Дядя Карл — отец несчастливой Руги, рассказал Луису, что патологоанатомы делают так... и еще много полезного рассказал он тогда Луису о том, чем Луис, в свою очередь, пытался поделиться с Речел, которая из-за своих страхов перед смертью могла просто завопить от ужаса, если бы увидела Паскова. Так что Паскова тут не было... не было, крошка. Пасков лежал, запертый в холодильнике, сномерочком на ноге. "В морге с него содрали эти красные спортивные трусы».

У Луиса появилось непреодолимое желание подняться. Глаза Паскова не отпускали.

Отбросив назад покрывало, Луис опустил одну ногу на пол. Связанный крючком коврик — свадебный подарок бабушки Ре-чел, впился холодными кругляшками в его ступни. Сон оказался чересчур реальным. Сон был таким реальным, что Луис не последовал за Пасковым, пока Пасков не повернулся и не начал спускаться вниз по лестнице. Сила, заставлявшая Луиса идти следом за мертвецом, оказалась невероятной, но Луис не хотел хотя бы и во сне идти вслед за разгуливающим трупом.

Но он пошел. Спортивные трусы Паскова сверкали впереди.

Луис вслед за Пасковым пересек гостиную, кухню. Луис ждал, что Пасков повернет замок, а потом отодвинет щеколду на двери, которая вела в сарай, где Луис держал многоместный легковой автомобиль с откидными сиденьями и откидным задним бортом и «Цивик», но Пасков поступил по-другому. Вместо того, чтоб открыть дверь, он прошел сквозь нее. «Как это он сделал? Невозможно! Никто так не может!»

Луис попробовал проделать это сам, но натолкнулся на неподатливое дерево. Очевидно, даже во сне он остался твердоголовым реалистом. Нажав кнопку американского замка, он отодвинул засов и вышел в гараж-сарай. Паскова там не было. Луис не долго удивлялся. Может, Пасков ушел? Фигуры в снах часто исчезали. То же происходило и с окружающим миром; представьте: вы стоите голым на краю открытого бассейна с поднятым членом, дискутируя о возможности поменяться женами, скажем, с Роджером и Мисси Дандридж, а потом закрываете глаза и, открыв их, лезете по склону вулкана на Гавайях. Может, Луис потерял Паскова из виду, потому что наступил Акт II.

Но когда Луис вышел из гаража, он снова увидел юношу, стоящего в слабом лунном свете на лужайке позади дома... у начала дорожки.

Теперь пришел страх. Он вошел мягко, проплывая через пустоты тела Луиса, наполняя их едким дымом. Луис не хотел идти дальше. Он остановился.

Пасков оглянулся через плечо: глаза его в лунном свете были серебряными. Луис беспомощно почувствовал, как ужас заползает к нему в живот. Эта выпирающая кость, эти сухие сгустки крови. Но невозможно, казалось, сопротивляться глазам мертвеца. По-видимому, сон — вещь гипнотическая, доминирующая... и может изменить сам факт смерти. Можете учиться двадцать лет и не сможете ничего сделать, когда принесут парня, тараном врезавшегося в дерево и пробившего дыру в голове, такую огромную дыру, что можно заглянуть в нее и увидеть мозг. С тем же успехом можно звать к умирающему водопроводчика, шамана или сутенера.

Несмотря на подобные мысли, роящиеся в голове Луиса, он потащился к тропинке. Луис поплелся за мертвецом, такой же темно-красный в ночном свете, как засохшая кровь на лице Паскова.

Луису не нравился этот сон. Совсем не нравился. Сон был слишком реален. Холод вязаного коврика, то, что он не смог пройти через закрытую дверь, когда любой может проходить через двери и стены в любом мало-мальски приличном сне... а теперь холодная роса омыла ему ноги, холодное дыхание ветра коснулось его тела, абсолютно голого, если не считать трусов-плавок. Под деревьями сосновые иголки стали впиваться в ступни... еще одна маленькая деталь, чересчур реальная для сна.

«Ни о чем не думать. Ни о чем не думать. Я дома, в своей кровати. Это только сон: происходящее выглядело так ярко, как это возможно только во сне, который утром может вызвать лишь недоумение. Проснувшись, я найду массу противоречий».

Ветка мертвого дерева грубо царапнула Луиса по бицепсу, и он содрогнулся. Уйдя вперед, Пасков превратился в тень и теперь ужас Луиса, казалось, кристаллизовался.

«Я иду за мертвым человеком полосу. Мертвец ведет меня на кладбище домашних любимцев — и это не сон! Боже, помоги мне. Это не сон. Это — на самом деле!»

Они спустились по дальнему склону поросшего лесом холма. Тропинка сделала несколько плавных поворотов между деревьями и потом нырнула в подлесок. Этот раз у Луиса резиновых сапог с собой не было. Земля под ногами превратилась в холодное желе, засасывающее и неохотно отпускающее, разрешая идти дальше. Противные чавкающие звуки. Он чувствовал, как грязь засасывает его ноги, пытаясь не пустить вслед за Пасковым. Луис безнадежно убеждал себя, что все происходящее — сон. Они выбрались на поляну, и луна снова свободно поплыла по рифам облаков, омывая кладбище призрачным сиянием. Надгробия-доски и жестяные банки, которые были разрезаны отцовскими ножницами для жести, а потом загнуты в грубые квадраты; отслоенные пластины сланца и слюды — стояли в лунном свете, отбрасывая совершенно черные и четкие тени.

Пасков остановился возле «Смаки. Он был послушным» и повернулся к Луису. Страх, ужас — Луис ощутил, как эти чувства разрастаются внутри его тела.

Пасков усмехнулся. Его окровавленные губы обнажили зубы, и его темная, загорелая кожа в опалово-бледном свете луны стала покрываться мертвенной бледностью, теперь по цвету она напоминала саван.

Мертвец поднял руку, указывая на что-то. Луис посмотрел в том направлении и вздохнул. Его глаза расширились, и он в ужасе закусил кулак. Холодок на щеках — Луис понял, что заплакал, не выдержав такого ужаса.

Бурелом, о котором Джад Крандолл предупреждал Элли, превратился в груды костей. Кости двигались, клацали друг о друга; челюсти и бедра, локтевые суставы, коренные зубы и резцы. Луис видел усмехающиеся черепа людей и животных. Кости пальцев клацали. Останки ног сгибались в сочленениях.

Оно двигалось. Оно подрагивало...

Пасков пошел прямо к Луису. Его окровавленное лицо, залитое лунным светом, расплылось в улыбке, и последнее, что не давало Луису сойти с ума, была ноющая, бесконечно повторяющаяся мысль: «Ты должен закричать так, чтоб проснуться, даже если ты испугаешь Речел, Элли, Гаджа, разбудишь весь дом и всю округу...»

Но тихий шепот донесся до него, словно маленький ребенок сидел на крыльце веранды и учился свистеть.

Пасков подошел ближе, а потом заговорил:

— Дверь не должна открыться, — проговорил Пасков. Он посмотрел на Луиса, и тот упал на колени. Луис принял лицо Паскова за маску сострадания. Но на самом деле там не было никакого сострадания, только ужасающее смирение. Мертвец все еще показывал на шевелящуюся грудку костей. — Не ходи дальше. Ты решишь, что нуждаешься в этом, но на самом деле, в этом нет нужды, доктор. Барьер не должен быть разрушен. Помни: тут сокрыта сила большая, чем ты можешь понять. Она древняя и вечно бодрствующая. Помни...

Луис попытался закричать и не смог.

— Я пришел как друг, — сказал Пасков... но было ли «друг» тем самым словом, которое он использовал? Луис решил, что нет. Пасков словно говорил на забытом языке, который Луис мог понимать с помощью некой магии сна... а «друг», то значение, которое ближе всего подходило к слову, на самом деле использованному Пасковым, и этим значением в смятении воспользовался Луис, разбирая речь мертвеца. — Твоя смерть и смерть всего, что ты любишь, доктор, тут. — Пасков приблизился, и Луис почувствовал запах смерти, исходивший от мертвеца.

Пасков уже был рядом.

Мягкий, сводящий с ума шорох костей.

Луис начал терять равновесие, пытаясь вырваться из этих рук. Рука Крида ударила в надгробие и опрокинула его на землю. Лицо Паскова надвигалось, закрывая небо.

— Доктор... помни.

Луис попытался закричать, и мир завертелся у него перед глазами... но еще слышалось клацанье шевелящихся костей в залитом светом луны склепе ночи.

ГЛАВА 17

В среднем человеку нужно семь минут, чтобы уснуть, но в соответствии с человеческой психологией человеку нужно от пятнадцати до двадцати минут, чтобы проснуться. Словно сон — омут, из которого вынырнуть труднее, чем в него плюхнуться. Когда спящий просыпается (он или она, не важно), он постепенно проходит разные градации сна, от глубокого до легкого сна, который иногда обозначается глаголом «дремать». В состоянии легкого сна спящий может слышать звуки и даже отвечать на вопросы, но не помнить о них позже... разве только как о фрагментах сна.

Луис слышал гроыхание, клацанье костей, но постепенно звук становился более резким, более металлическим. Хлопнула дверь. Крик. Еще металлические звуки... а может, раскаты грома? «Верно, — согласился его еще грезящий разум. — Покатаем кости!»

Он услышал, как кричит его дочь:

— Стой, Гадж! Стой!

За этим последовало гуканье проснувшегося Гаджа — звук, после которого Луис открыл глаза и увидел потолок собственной спальни.

Он держался совершенно спокойно, привыкая к действительности, хорошей действительности, благословенной реальности, возвращению домой.

Все, что случилось с ним, — сон. Не важно, каким ужасным, каким реальным был он. Он остался сном, погребенным где-то в глубинах разума.

Снова послышался металлический звук. Одна из игрушечных машин Гаджа.

— Прекрати, Гадж!

— Прекрати! — завопил Гадж. — Прекрати! Прекрати! Тумпа-тумпа-тумп. Маленькие, голые пятки Гаджа забарабанили в коридоре. Он и Элли захихикали.

Луис посмотрел направо. Половина Речел была пуста, одеяло откинута. Солнце уже встало. Он посмотрел на часы и увидел, что уже около восьми. Речел дала ему выспаться... Возможно, намеренно.

Обычно это раздражало его, но не в это утро. Луис глубоко вздохнул, радуясь, что может понежиться в солнечных лучах, косо льющих из окна; насладиться реальностью окружающего мира. Пылинки танцевали в потоках света.

Снизу позвала Речел:

— Элли, спускайся и не забудь бутерброды! Давай на автобус, Эл!

— Ладно! Вот твоя машина, Гадж. А я уезжаю в школу. Гадж негодующие завопил. Хотя немного не так... Гадж мог произносить только отдельные слова: биб, кратт и элли-бин — но текст выглядел предельно понятным: Элли должна остаться. Увы, общественное образование ждало ее. Снова послышался голос Речел.

— И встряхни своего папочку, прежде чем спуститься. Вошла Элли, ее волосы были собраны в хвост; сегодня она надела красное платье.

— Ладно, папочка, — она подошла и легонько поцеловала его в щеку, а потом помчалась вниз по лестнице.

Сон начал блекнуть, растворяться. И слава богу!

— Гадж, — позвал Луис. — Пойди и поцелуй папочку. Гадж игнорировал слова отца. Он вслед за Элли отправился вниз по лестнице, так быстро, как только мог, завывая:

— Прекрати! Пре-кра-ти-пре-кра-ти... Прекрати! — он вопил во всю силу своих детских легких. Луис заметил сынишку в подгузниках и ластиковых штанишках, проскочившего через лестничную площадку мимо двери спальни родителей.

Речел позвала снова:

— Луис, где ты? Ты проснулся?

— Конечно, — ответил он, садясь в постели.

— Говорю тебе, он проснулся. — сказала Элли. — Я ухожу. Пока.

Входная дверь хлопнула и оскорбленно вздохнул Гадж.

— Тебе одно яйцо или два? — спросила Речел, явно обращаясь к Луису.

Луис рухнул назад на одеяла и поставил ногу на вязаный коврик, готовясь сказать жене, что не хочет яичницы; ему бы тарелочку овсянки... но слова застряли у него в горле.

У него оказалась грязная нога. К ней прилипли сосновые иголки. Сердце Луиса подскочило к горлу, словно безумный чертик выскочил из коробки. Глаза выпучились, зубы прикусили бесчувственный язык, и тогда Луис сбросил одеяло. Нога, лежавшая на кровати, оказалась точно такой же. Широкая грязная полоса на простынях.

— Луис?

Он увидел несколько сосновых иголок, прилипших к голениям, и неожиданно посмотрел на бицепс правой руки. Там была царапина, на коже выступила кровь, точно там, где его во сне поцарапала мертвая ветка.

«Сейчас закричу. Чувствую, ох закричу!»

Он мог закричать: крик поднимался у него в груди... и ничего, лишь большой, холодный груз страха. Прихватило по-настоящему. «Все на самом деле, — подумал он, — эти иголки, грязь на лодыжках, кровавая царапина на руке».

«Сейчас я закричу, а потом сойду с ума. Больше мне не нужно смотреть туда...»

— Луис? — Речел начала подниматься по лестнице, — Луис, ты что, снова уснул?

Он боролся с собой две или три секунды; боролся точно так же, как тогда, когда слышал слова Паскова, умирающего на одеяле в Медицинском Центре. И он выиграл. Склонил чашу весов в свою сторону и решил: Речел не должна видеть, что его ноги грязные и в иголках; одеяла соскользнули на пол, открыв испачканную землей простыню.

— Я проснулся, — весело сказал он. Его язык неожиданно стал кровоточить, ведь он прикусил его. У Луиса закружилась голова, и что-то глубоко внутри отступило. Он удивился: почему он снова оказывается в пределах досягаемости безумных иррациональностей; или так было всегда?

— Одно яйцо или два? — поднявшись на две или три ступени, Речел остановилась. Слава богу!

— Да, — ответил Луис, едва понимая, что говорит. — Сделай болтушку.

— Ладно, только для тебя, — ответила жена и стала спускаться.

Луис быстро, с облегчением, закрыл глаза, но тут же перед ним возникли серебряные глаза Паскова. Луис немедленно открыл глаза. Он стал двигаться быстро, пытаясь ни о чем не думать. Он сдернул белье с кровати. С одеялами оказалось все в порядке. Луис скомкал простыни и, выскочив в коридор, бросил их в специальное отверстие, откуда по отдельному мусоропроводу грязное белье спускалось на первый этаж в большую бельевую корзину.

Потом, бегом, Луис заскочил в ванну, повернул вентиль крана и шагнул под душ, сделав воду такой горячей, что она почти обжигала. После ванны Луис досуха вытерся полотенцем.

Теперь Луис чувствовал себя лучше. Ситуация хоть как-то начинала поддаваться контролю. Вытираясь, Луис неожиданно подумал: он чувствует себя как убийца, который верит, что нужно избавиться от всех улик. Он продолжал вытираться, но уже со смехом. Смеялся и смеялся, и не мог остановиться.

— Эй, там! — позвала Речел. — Что тебя так развеселило?

— Секрет, — ответил Луис, продолжая смеяться. Он был испуган, но страх не мог пересилить смех. Смех навалился, поднимаясь из живота, который так напрягся, что стал твердым, словно скрепленная известкой каменная стена. С Луисом случился приступ смеха, потому что он решил, что самое лучшее: бросить простыни в грязное. Раз в пять дней Мисси Дандридж приходила пылесосить, чистить их дом... она и отнесет вещи в прачечную. Речел увидит эти простыни, только когда снова постелет их на кровать... чистыми. Луис предполагал, что, возможно, Мисси прошепчет ночью своему мужу, что Криды занимаются

странными сексуальными играми, купаются в грязи и катаются по сосновым иголкам.

Такая мысль заставила Луиса захохотать еще громче. Он перестал смеяться, лишь когда оделся, и понял, что чувствует себя намного лучше. Почему так, он не знал, но было именно так. Комната выглядела обычно, только обнаженная кровать вносила некий диссонанс. Но он должен замести следы. Может, «улики» правильное слово, которое нужно использовать, ведь он чувствовал себя словно преступник.

«Может, так случается всегда, когда люди сталкиваются с необъяснимым, — подумал он. — Может, они так всегда поступают, с иррациональным, разрушающим нормальную последовательность причин и следствий, к которому привыкли на Западе. Может, точно так же ваш разум станет сражаться с летающими тарелками, если вы увидите их молча парящими у вас за домом однажды утром и отбрасывающими густые маленькие тени; с дождем из лягушек; рукой, выползающей посреди ночи, чтобы схватить вас за голую пятку. Припадок смеха, как припадок страха, когда начинаешь кричать, не можешь остановиться... до тех пор, пока не успокоишься сам собой, пока страх сам собой не уйдет, словно песок из почки».

* * *

Гадж сидел на своем стуле и ел «Кокао Беарс», устроив на столе свинушник. Он насыпал крошек «Кокао Беарс» и на пластиковую подставку под своим высоким стулом.

Речел вышла из кухни с яичницей и чашечкой кофе.

— Хорошая шутка, Луи? Ты ржал, словно какая-то деревенщина. Я даже немного испугалась.

Луис открыл рот, не имея ни малейшего понятия о том, что будет говорить. Первое, что пришло в голову, был анекдот, который он слышал неделю назад на углу у магазина, дальше по дороге... что-то о портном-еврее, который купил попугая, говорящего только: «Ааризель Шарон прочит».

Когда он рассказал анекдот, Речел рассмеялась. За компанию, хоть он ничего и не понимал, рассмеялся Гадж.

«Великолепно. Герой уничтожил все улики... остроумно: грязные простыни и смех в одиночестве, в ванной. Теперь Герой почитает утреннюю газету... или просто просмотрит ее... приведет свои мысли в порядок».

Подумав так, Луис открыл газету.

«Ты все делаешь правильно, — подумал он уверенно. — Ты выдержал испытание, как кремень, а теперь все закончилось... такое обычно случается, когда в походе с приятелями разжигаешь костер и дует сильный ветер, а потом, сидя у костра, вы рассказываете друг другу страшные истории. Но обычно ночью у лагерного костра, когда в вышине дует ветер, разговоры ведутся о разном, о пустяках».

Луис съел яичницу, поцеловал Речел и Гаджа, внимательно посмотрел на квадратную, выкрашенную в белый цвет бельевую корзину, стоящую в каком-нибудь футе левее него. Все в порядке! Еще одно потрясение за утро. Позднее лето дало знак свыше о том, что теперь все пойдет нормально, все будет в порядке. Луис взглянул на тропинку, когда выводил машину из гаража; с ней тоже оказалось все в порядке. Его волосы больше не будут вставать дыбом. Ты великолепно прошел испытание.

Все было в порядке, пока он не отъехал миль на десять, и тут что-то сильно встряхнуло его. Луис даже съехал со 2-го шоссе и остановился возле по-утреннему пустынной стоянки китайского ресторана, не так далеко от Медицинского Центра Мэйна... куда забрали тело Паскова. МЦВМ — вот что волновало Луиса, а не знак ресторана. Вик Пасков больше не отведаст му гу гай пан, ха-ха!

Дрожь прошла по телу Луиса. Он почувствовал себя беспомощным и испуганным. И не что-то сверхъестественное напугало его, а просто яркий солнечный свет, но испугал он его до умопомрачения. Луису казалось, что длинная, невидимая проволока сжимается вокруг его

шеи.

— Больше не надо, — сказал он. — Пожалуйста, больше не надо.

Он повернул ручку радио и дал Джоан Баез запеть о драгоценностях и ржавчине. Ее мелодичный холодный голос успокоил Луиса, и к тому времени как песня закончилась, он почувствовал, что может ехать дальше.

* * *

Приехав в университет, он поздоровался с миссис Чарлтон, а потом нырнул в туалетную комнату, решив, что выглядит как черт знает что. Да нет. Под глазами у него были небольшие синяки, но даже Речел не заметила бы их. Луис побрызгал холодной водой на лицо, вытерся, причесался и отправился в свой кабинет.

Стив Мастертон и доктор-индеец Саррендра Харди сидели, пили кофе и изучали регистрационные карточки — истории болезни.

— С добрым утром, Луис, — поздоровался Стив.

— С добрым утром.

— Будем надеяться, что день окажется лучше вчерашнего, — заметил Харди.

— Да, но вы пропустили самое интересное.

— Саррендра прошлой ночью получил интересное в избытке, — сказал, усмехнувшись, Мастертон. — Расскажи ему, Саррендра.

Харди, улыбаясь, погладил стакан.

— Около часа ночи два мальчика принесли свою подругу, — начал рассказывать он. — Девочка, оказывается, напилась в честь счастливого возвращения в стены университета, понимаете, и сильно порезала себе ногу. Я сказал, что зашью все четырьмя стежками так, чтобы даже шрама не осталось. Когда я зашил, она позвала меня, и только я наклонился...

Он продемонстрировал, как это было. Луис начал посмеиваться. Способность воспринимать окружающее возвращалась.

— ..и как только я наклонился, се вырвало мне в лицо. Мастертон взорвался от смеха. Так же как и Луис. Харди печально улыбнулся, словно подобное случалось с ним тысячу раз.

— Саррендра, сколько вы уже на дежурстве? — спросил Луис, когда они отсмеялись.

— Я заступил где-то около полуночи, — ответил Харди. — Сейчас пойду домой — Я только хотел задержаться, чтобы поздороваться.

— Тогда здравствуйте, — сказал Луис и потряс маленькую коричневую руку, — Теперь поезжайте домой и ложитесь спать.

— Мы почти закончили с первоочередным списком карточек, — сказал Мастертон. — Скажем аллилуйя, Саррендра.

— Отказываюсь, — заявил Харди, улыбаясь. — Я не христианин — Тогда споем хором «Нынешнюю Карму» или что-то в таком роде — Счастливо оставаться, — улыбаясь, сказал Харди и выскользнул через дверь.

Мгновение Луис и Стив Мастертон смотрели ему вслед, а потом переглянулись и снова рассмеялись. Что до Луиса, не смеясь, он чувствовал себя лучше.. — нормальнее.

— Так было бы хорошо покончить с этим, — сказал Стив. — Сегодня мы должны подготовиться к приему продавцов лекарств.

Луис кивнул. Первые представители посреднических компаний начнут появляться около десяти часов. Как любил шутить Стив, перед Университетом для коммивояжеров полузаповедные места, а в Медицинском Центре университета каждый четверг день — А (День Аспирина — любимца всех времен и народов) — Позвольте мне дать вам совет, о Великий Босс, — улыбнулся Стив. — Не знаю, как ведут себя толкачи в Чикаго, но здесь они пойдут на любые ухищрения, начиная от сувениров с южных курортов в ноябре, до абонементов на бесплатные занятия спортом в Бангоре. Один из этих парней даже пытался купить меня на Джуди *note 11*. А я всего лишь Помощник Администратора. Если вы не

купите у них лекарств, то они заставят вас глотать их горстями.

— Ты должен был согласиться на куклу.

— Ха, она рыжая, не мой тип.

— Ладно. В крайнем случае, отдамся без крика, — сказал Луис. — Главное, чтоб день был поспокойнее, чем вчерашний.

ГЛАВА 18

Когда толкачи не появились ровно в десять, Луис сдался и позвонил в регистратуру. Он поговорил с миссис Стаплетон, которая сказала, что пошлет копию медицинской карточки Виктора Паскова немедленно. Когда Луис положил трубку, появился первый из этих парней. Он не пытался что-то всучить Луису, только спросил его, хочет ли он купить абонемент на бейсбольные Патриотические Игры Новой Англии на весь предстоящий сезон.

— Нет, — ответил Луис.

— Не думал, что вы откажетесь, — нахмурившись, заметил посетитель и ушел.

Где-то в полдень Луис прогулялся в кафе «Берлога Медведя» и взял сэндвич с тунцом и коку. Вернувшись в кабинет, он перекусил, одновременно просматривая историю болезни Паскова. Луис пытался найти что-то общее между ним, Ласковым или Северным Ладлоу, где пряталось хладбище домашних любимцев... что-то неопределенное, как он предполагал. Должно существовать рациональное объяснение этим сверхъестественным событиям. Может, парень вырос в Ладлоу... может, похоронил на хладбище свою собаку или кота.

Просмотрев историю болезни, Луис ничего не обнаружил. Пасков приехал в университет из Бергенфсльда (Нью-Джерси) и учился на факультете, выпускающем инженеров-электриков. На нескольких типовых листах карточки Луис не нашел ничего, что могло связывать его, Луиса, с молодым человеком, умершим в фойе лазарета... единственное, что у них было общего, — они оба были смертными.

Допив остатки колы из стаканчика, послушав, как соломинка вытягивает последние капли со дна, Луис бросил стаканчик в мусорное ведро. Ленч оказался легким, но Луис съел его с аппетитом. Направление, по которому он отправился, исследуя случай с Пасковым, оказалось ошибочным. Но сейчас Луиса больше не трясло от страха. Даже утренний ужас стал казаться ему дурацкой, бессмысленной шуткой, более похожей на сон, а не на последствия каких-то реальных событий.

Луис постучал пальцами по книге регистрации пациентов, пожал плечами и снова взялся за телефон. Он позвонил в МЦВМ и попросил соединить его с моргом.

Потом он попросил к телефону патологоанатома, назвал себя и спросил:

— У вас один из наших студентов, Виктор Пасков?.. — Нет, — ответил голос на другом конце. — Его у нас нет.

У Луиса ком подкатил к горлу. Наконец, справившись с собой, он спросил:

— Что?

— Тело поздно ночью забрали родители. Оно в морге Брукинкса-Смита. Они поместили его в «Дельту», так, — зашуршали бумаги. — «Дельта» 109. Вы думаете труп куда-нибудь удрал? Танцевать на Ринг-Шоу?

— Нет, — сказал Луис. — Конечно, нет. Только.

— Так что же «только»? За чем, черт возьми, он гоняется? Невозможно, оставаясь в своем уме, вести подобное расследование. Все пройдет, сотрется в памяти, забудется. Что-то еще беспокоило Луиса.

— Просто мне показалось, что все произошло слишком быстро, — неуверенно закончил Луис.

— Вскрытие было произведено вчера днем. — снова послышался слабый шорох бумаг. — Где-то в три двадцать, доктором Резником. Пока отец Паскова оформлял бумаги. Я

думаю, тело привезли в Неварк часа в два ночи.

— Хорошо, в таком случае...

— Если, конечно, водители не напутали и не отвезли его куда-нибудь еще, — живо заметил патологоанатом. — Такое у нас иногда случается, хотя с «Дельтой» таких случаев никогда не было... Например, один парень погиб на рыбалке в Арустике в одном из тех богом забытых мест, у которых на карте нет даже названия — только координаты. Так вот, эта жопа задохнулась, проглотив крышечку от пивной банки. Два дня приятели вытаскивали труп из диких мест, и, когда его вытащили, трудно было даже сказать, можно ли его обработать формалином так, чтоб он дальше не разлагался, или нет. Они спихнули его, понадеясь на лучшее. Послали сто домой в Гранд Фоллс (Миннесота) как багаж по какой-то авиалинии. Но была пересадка, и труп морем отправили сперва в Майами, потом в Дес Моинес, потом в Фарго (Северная Дакота). Наконец, кто-то попался поумней и отправил гроб по месту назначения, но прошло уже три дня. И ничего. С тем же успехом они могли вместо формалина впрыснуть ему кока-колы. Парень совсем почернел и пахнул, словно испорченное свиное жаркое. Вот так. Было шесть случаев, когда наши клиенты превращались в тошнотворное мясо.

Патологоанатом на другом конце провода захихикал.

— Хорошо, благодарю, — зажмурившись, ответил Луис.

— Могу дать вам домашний телефон доктора Резника, если хотите, но обычно по утрам он играет в гольф в Ороно.

— Тогда не стоит. Спасибо, — сказал Луис.

Он положил телефонную трубку. «Продолжать? — подумал он. — Когда ты увидел безумный сон или что-то похожее, тело Паскова уже было в морге Бергенфельда. Поэтому все можно забыть, можно положить этому конец».

* * *

По пути домой у Луиса появилось простое объяснение появлению грязи у него на ногах. И тогда он почувствовал облегчение.

Просто он отправился гулять во сне, расстроенный тем, что смертельно раненый студент умер у него на руках, в то время как он сам не мог ничего сделать, ни на что решиться в свой первый по-настоящему рабочий день в университете Мэйна.

Это кое-что объясняло. Сон казался почти реальным, потому что большая часть его и была реальной — ощущение коврика под ногами, холода и, конечно, сухая ветка, которая поцарапала руку. Это объясняло, почему Пасков мог проходить сквозь дверь, а Луис нет.

У Луиса возникла мысль, что Речел могла спуститься поздно вечером по лестнице и поймать его на кухне, когда он пытался во сне пройти сквозь дверь. Такая картина заставила Луиса усмехнуться. Вот, черт возьми, был бы номер!

Вооружившись гипотезой о прогулке во сне, Луис смог проанализировать причины сна, с рвением взявшись за дело. Во сне он отправился на кладбище домашних любимцев, потому что оно ассоциировалось для него с пережитым скандалом. Ведь оно стало причиной ссоры с женой... и еще, — думал Луис с растущим волнением, — события ассоциировались у него в голове с первым столкновением его дочери с идеей Смерти... Что-то в его подсознании, должно быть, сместилось в прошедшую ночь, когда он стал засыпать.

«Черт возьми, какая удача, что я нормально вернулся домой. Даже не помню, как это случилось. Должно быть, возвращался на автопилоте».

Ладно. Луис не представлял, на что это было бы похоже, если бы он утром проснулся на могиле кота Смаки, не понимая, где он, весь мокрый от росы: возможно, обосрался бы от испуга, последнее, без сомнения, случилось бы и с Речел, если бы она увидела его возвращающимся из леса в таком виде.

Но теперь все позади.

«Предположим, все именно так, — с неизменной решимостью подумал Луис. — Да, но

как быть с тем, что Пасков говорил перед смертью?» — сперва он попытался ответить на вопрос, а потом решил не брать дурное в голову.

* * *

В этот вечер Элли и Гадж, сидя в кресле, погрузились (любимое словечко Речел) в «Маппет Шоу». Луис сказал Речел, что должен совершить небольшую прогулку... немного подышать воздухом.

— Ты вернешься, чтобы помочь мне уложить Гаджа? — спросила она, с иронией глядя на мужа. — Ты знаешь, у тебя он засыпает быстрее.

— Точно, — согласился Луис.

— А куда ты идешь, папочка? — спросила Элли, не отрывая взгляд от телевизора. Ремит как раз ударил кулаком в глаз мисс Пигги.

— Пройтись.

— А...

Луис вышел.

Через пятнадцать минут он был уже на кладбище домашних любимцев, с любопытством оглядываясь и чувствуя нечто вроде Дежа Вю. То, что он побывал тут ночью — несомненно, маленькое надгробие в память о коте Смаки было свернуто. Луис свернул его «во сне», в самом конце, когда призрак Паскова стал приближаться к нему. Рассеянно поправив надгробие, Луис подошел к бурелому.

Бурелом Луису не понравился. Воспоминание о выбеленных погодой ветвях и стволах деревьев, превратившихся в груды костей, вызвало холодок. Собравшись с духом, Луис подошел еще ближе и потрогал одну из ветвей. Осторожно качнувшись, она отломилась и упала, подскочив при ударе об землю. Луис отпрыгнул назад раньше, чем она коснулась носков его сапог.

Потом он прошелся вдоль бурелома, сперва налево, потом направо. По обе стороны бурелома подлесок оказался густым и непроходимым. «Но, возможно, раздвинув листву, удастся протиснуться дальше... если вы одеты соответствующе», — подумал Луис. Буйные заросли ядовитого плюща стояли стеной (всю жизнь от различных людей Луис слышал похвалы о том, что у них иммунитет на ядовитый плющ, но в жизни Луис не видел ни одного человека, обладавшего этим иммунитетом на самом деле).

Луис вернулся к бурелому. Он посмотрел на него, засунув руки в карманы джинсов.

«Если попробовать на него забраться?.. Нет, не я. Почему мне всегда хочется делать разные глупости?.. Замечательно. Побеспокою их, только на минуточку, Луи. Выглядит бурелом как хороший трамплин к перелому лодыжки, не так ли?.. Но надо убедиться, а то уже начинает темнеть».

Поколебавшись, он все-таки начал карабкаться через бурелом.

Он был на полпути к вершине, когда почувствовал движение под ногой и услышал треск.

Покатаем кости, док?

Когда под ногой сломалась вторая ветка, Луис стал спускаться. Рубашка хвостом выехала у него из штанов.

Без происшествий он спустился на землю и отряхнул кусочки коры, пылью покрывшие костюм. Он пошел назад к тропинке, ведущей домой; к детям, которые хотели услышать сказку перед сном; к Черчу, который последний день получал наслаждение самца и грозы окрестных дам; к молоку, которое станет пить с женой на кухне, после того как дети лягут спать.

Перед тем как уйти с кладбища, Луис еще раз огляделся, пораженный лесной тишиной. Откуда-то появились нити тумана и ветер потащил их между могил. Эти концентрические круги... словно детские руки многих поколений Северного Ладлоу построили своеобразную модель Стоунхенджа.

Ну, Луис, неужели это все?

Он лишь мельком бросил взгляд на вершину бурелома, и тут у него возникло странное ощущение, которое заставило его занервничать. Луис мог бы поклясться, что видит, как можно перебраться через бурелом.

«Нет, это дело не для тебя. Луис. Тебе это не по плечу».

Ладно.

Луис повернулся и отправился домой.

* * *

В эту ночь он задержался на час, после того как Речел пошла спать, сославшись на то, что ему надо прочитать кипу медицинских журналов, так он считал. На самом же деле он боялся ложиться спать. Мысль о том, что пора спать заставляла его нервничать. Раньше он никогда не считал себя сомнамбулой. Но у него не было уверенности, что происшедшее с ним — отдельный случай... до тех пор, пока это подтвердится (или не подтвердится).

Он услышал, как легла Речел, потом она нежно позвала его:

— Луи? Дорогуша. Ты идешь?

— Да, сейчас, — ответил он. Выключив лампу на своем рабочем столе, он встал.

* * *

В эту ночь, чтобы заснуть, Луису понадобилось намного больше семи минут. Когда он лежал, прислушиваясь к глубокому, ровному дыханию Речел, спящей рядом, привидение Виктора Паскова не казалось ему порождением сна. Луис закрыл глаза и увидел, как открывается дверь, а на пороге стоял он — Его Особый Гость — Виктор Пасков. Он был в спортивных трусах, загорелый с выпирающей, выбитой костью.

Луис уже начал засыпать, думая о том, что вполне может проснуться на Хладбище Домашних Любимцев и увидеть грубые концентрические круги надгробий, залитые лунным светом, пойти назад, проснувшись, по тропинке через лес. Представив все это, он отогнал сон.

Где-то после полуночи сон окончательно захватил его. Никаких сновидений. Проснулся Луис в семь тридцать от звуков холодного, осеннего дождя, стучащего в окно. Со страхом он откинул простыню. Никакой грязи. Ноги оказались стерильно чистыми.

Луис пришел в себя окончательно, только приняв душ.

ГЛАВА 19

Мисси Дандридж посидела с Гаджем, пока Речел отвозила Уинстона Черчилля к ветеринару. В эту ночь Элли не могла долго уснуть. Уже было одиннадцать, а она, жалуясь, что не может спать без Черча, просила воды и пила стакан за стаканом. Наконец Луис отказался носить ей воду. Он сказал, что боится, что Элли уписается. Такое объяснение вызвало столь яростные крики, что Речел с Луисом в недоумении переглянулись.

— Она боится за Черча, — сказала Речел. — Пусть засыпает сама, Луис.

— Она не может все время так скандалить, рано или поздно она выдохнется, — проговорил Луис. — Я надеюсь.

Он оказался прав. Хриплый, громкий плач Элли начал затихать; она начала икать и постанывать. Наконец, наступила тишина. Когда Луис поднялся проверить, как там Элли, он обнаружил ее спящей, крепко обняв кошачью кроватку, где иногда соизволял спать Черч.

Луис взял дочь на руки, положил ее назад на кровать, нежно убрал волосы с ее вспотевшего лба и поцеловал. Повинуясь мгновенному импульсу, он быстро написал на бумажке большими буквами: «Я вернусь домой завтра, дорогая. Черч.» — и положил записку на дно кошачьей кроватки. Потом он вернулся в спальню к Речел. Она его ждала.

Они занялись любовью, а потом уснули, крепко обняв друг друга.

* * *

Черч вернулся домой на той же неделе в пятницу. Элли многое сделала для него, используя часть своих карманных денег, чтобы купить Черчу коробку кошачьего угощения, и едва не отшлепала Гаджа, который попытался прикоснуться к коту. Гадж из-за этого расстроился, как никогда. Получить выговор от Элли для него означало то же, что получить выговор от Бога.

Взглянув на Черча, Луис почувствовал печаль. Кот был кастрирован, но пока сильно не изменился. У Черча не появилось этакой декоративности. Однако, больше он не станет гулять сам по себе: теперь он будет лениво прогуливаться, осторожно прохаживаться, пока не выздоровеет. Кот теперь ел у Элли из рук и не выказывал желания выйти наружу, во двор, даже в гараж не стремился. Он изменился. Возможно, изменился в конечном счете, к лучшему.

Никогда ни Речел, ни Элли не относились к нему с таким вниманием.

ГЛАВА 20

Бабье лето пришло и ушло. Деревья окрасились медью, разыграло буйство красок, а потом все увяло. После холодного дождя в середине октября опала листва. Элли завалила дом украшениями к Хеллоуину *note 12*, которые она делала в школе, и рассказала Гаджу историю о безголовом всаднике. Гадж счастливо лепетал весь вечер про Зудящего Брайна. Речел попыталась скрыть усмешку, но не смогла. Для Кридов эта ранняя осень оказалась очень удачной.

Работа Луиса в университете отнимала много времени, но была приятной. Он осматривал пациентов; участвовал в заседании Совета Колледжа; писал обязательные служебные письма в студенческую газету, советуя университетскому населению обоего пола конфиденциально пройти курс обследований, а если понадобится, и курс лечения от венерических заболеваний; убеждал студентов сделать прививки против гриппа, так как вспышка гриппа А-типа ожидалась к зиме. Он следил за работой своих подчиненных. На второй неделе октября он отправился на Конференцию Колледжей Новой Англии и Медицинского Университета Провиденса, и подготовил приказ о необходимости неофициального проведения всеобщего медосмотра. Виктор Пасков упоминался в его докладе под вымышленным именем «Генри Монтез». Доклад был хорошо принят. Луис начал работать над бюджетом лазарета на следующий академический год.

Вечером у него было два любимых дела: позаниматься с детьми после ужина, и поздно вечером выпить банку-другую пива с Джадом Крандоллом. Иногда к Крандоллам вместе с Луисом ходила и Речел, иногда Норма составляла им компанию, хотя обычно Луис и Джад были одни. Старик был для Луиса таким родным, как любимые старые тапочки. Джад рассказывал Луису истории, происходившие в Ладлоу в разное время, иногда уходя в прошлое почти на три сотни лет так, словно сам видел это. Он ни разу не наскучил Луису, хотя тот видел, как достаточно часто, прикрыв ладошкой рот, зевает Речел.

Возвращаясь, Луис обычно пересекал дорогу около десяти, а вернувшись домой, хотелось ему этого или нет, занимался с Речел любовью. Никогда, с первого года их женитьбы, они не занимались любовью так часто и никогда это не доставляло им столько удовольствий. Речел сказала, что верит: это из-за хорошей воды из артезианского колодца. Луис подозревал, что причина — воздух Мэйна.

Note12

Праздник Всех Святых — Колдовская Ночь, когда дети, одевшись в маскарадные костюмы, превратившись в ведьм, домовых и привидений, толпой заходят во все дома, требуя, чтоб взрослые отдавали им сладости и т. п.

Воспоминания об ужасной смерти Виктора Паскова в первый день семестра стали увядать в памяти студентов, да и в памяти Луиса тоже; семья же Паскова, без сомнения, горевала до сих пор. Луис даже поговорил по телефону с отцом Паскова, и голос Паскова-старшего срывался от рыданий. Луис заверил его, что все в лазарете пытались все сделать, чтобы спасти жизнь его сыну. Луис не стал рассказывать о расплзающемся пятне на ковре и о том, что его сын уже был практически мертвым, когда его принесли, хотя именно это сам Луис никогда не забудет. Для Виктора Паскова это был несчастный случай: он почти сразу потерял сознание.

Луис вспомнил сон и прогулку во сне, но ему показалось: это случилось с кем-то другим, в телевизионном шоу, которое он смотрел когда-то. Его визит к проститутке в Чикаго шесть лет назад казался сейчас чем-то похожим на ту прогулку. Оба события были одинаково важными и содержали в себе нечто фальшивое, словно порожденное эхом.

Он не думал об умирающем Паскове и не хотел говорить о нем.

Ударили первые морозы Хеллоуина. Крыды встречали праздник у Крандоллов. Элли, хихикая все время, пыталась проехаться на метле по кухне Нормы, чтобы та не заметила.

— Такой милашки я еще не видела... да, Джад? Джад согласился и закурил.

— А где Гадж и Речел, Луис? Ты собирался и их прихватить.

Супруги хотели взять с собой Гаджа. В основном Речел хотела, потому что она и Мисси Дандридж соорудили малышу костюм жука с двойными, скрученными из плечиков и обмотанными бумагой усиками. Но Гадж приболел, стал покашливать, и, послушав его легкие, которые звучали почти нормально, взглянув на термометр за окном, показывавший всего восемь градусов тепла уже в шесть часов вечера, Луис решил оставить его дома. Разочарованная Речел рассердилась.

Элли пообещала отдать Гаджу кое-что из своих сладостей, но она не преувеличивала свое разочарование, и Луис удивился: разве она не должна радоваться тому, что Гадж не будет висеть у нее на хвосте... и отнимать часть общего внимания?

— Бедный Гадж, — сказала Речел тоном, которым обычно обращаются к законченным страдальцам. Гадж не понимал, что он пропускает, и сидел на диване, смотрел «Горку» вместе с Черчем, дремавшим рядом.

— Элли — ведьма, — заметил Гадж без всякого интереса и продолжал смотреть телевизор.

— Бедный Гадж, — снова сказала Элли, испустив еще один вздох. Луис подумал о крокодильих слезах, которые иногда по пустякам лила Элли, и усмехнулся. Взяв отца за руку, Элли потянула его. — Пошли, папочка! Давай... пойдём... давай пойдём... давай пойдём!

* * *

— Гадж остался дома. — объяснил Луис Джаду.

— Ах, как жаль, — заявила Норма, — но когда он подрастет, этот праздник станет для него значить намного больше. Давай-ка свою сумку, Элли... ух...

Старушка взяла яблоко и шоколадку на один зуб из вазочки на столе, но то и другое выпало у нее из рук. Луис немного удивился: как ее рука похожа на клешню! Наклонившись, Луис поднял яблоко, не дав ему покатиться по полу. Джад поднял шоколадку и опустил ее в сумку Элли.

— Ах, милочка, я дам тебе другое яблоко, — сказала Норма. — Это побилось.

— Вполне нормальное, — возразил Луис, пытаясь засунуть яблоко в сумку Элли, но та оттолкнула папу, протестуя закрыв сумку.

— Я не хочу битое яблоко, папочка, — заявила она отцу так, словно он сошел с ума. — Коричневые пятна... бррр!

— Элли, что за поведение!

— Не ругайте ее за правду, Луис, — сказала Норма. — Только дети говорят всю правду, вы знаете. Это и делает их детьми. «Коричневые пятна... брррр!»

— Спасибо, миссис Крандолл, — поблагодарила Элли, бросив победоносный взгляд на отца.

— Можешь выбрать себе любое другое, дорогуша, — поддержала Норма.

Джад проводил их с веранды. Два маленьких духа пришли по дорожке, и Элли узнала в них своих школьных приятелей. Она отвела их в кухню, и, на мгновение, Джад и Луис остались на веранде одни.

— Ее артрит совсем плох, — заметил Луис.

Джад кивнул и погасил свою сигарету в пепельнице.

— Конечно. Он становится хуже к зиме, но так плохо ей никогда не было.

— А что говорит ее доктор?

— Ничего. Он ничего не может сказать, потому что болезнь Нормы не может повернуть вспять.

— Что? Почему нет?

Джад посмотрел на Луиса, и в свете фар ожидающей духов машины, старик выглядел совсем беззащитно.

— Я хотел поговорить об этом с вами, Луис, в другое время, но я считаю, нехорошо обманывать друзей. Вы же осмотрите Норму?

Луис слышал, как на кухне два духа еууу-кали, а Элли хихикала им в ответ... так хихикать она практиковалась всю неделю. В вечер Хеллоуина это звучало просто здорово.

— Так что же с Нормой? — спросил Луис. — У нее что-то еще, Джад?

— У нее появились боли в груди, — тихо сказал Джад. — Она не стала говорить об этом доктору Вейбриджу. Я немного беспокоюсь. — Беспокоитесь из-за Нормы? Джад поколебался, а потом ответил:

— Думаю, она боится. Думаю, именно поэтому она не хочет обращаться к врачам. Одну из ее старинных подруг — Бетти Костлав, увезли в МКВМ и там она умерла в прошлом месяце. Рак. Она и Норма — одного возраста. Вот Норма и боится.

— Я бы с радостью осмотрел ее, — сказал Луис. — Нет вопросов.

— Спасибо, Луис, — с благодарностью сказал Джад. — Если мы поймем ее как-нибудь вечером, навалимся на нее, я думаю...

Джад замолчал, насмешливо склонив голову набок. Они с Луисом переглянулись.

Луис позже вспоминал, что им тоже владело только одно чувство. Но какое? Попытавшись проанализировать его. Луис почувствовал только головокружение. Все, что он мог вспомнить: странное неуловимое изменение, когда стало казаться, что где-то рядом происходит что-то не то. Глаза Луиса встретились с беззащитным взглядом Джада, и ему захотелось сделать старику что-то приятное.

— Хууу...хуууу, — завывали на кухне призраки Хеллоуина. — Хуууу... хуууу, — а потом внезапно звук «х» пропал. Крики стали громче, пугающе. — Уууу-уууу...

И тут один из призраков просто закричал.

— Папочка! — завопила Элли ужасным голосом, полным тревоги. — Папочка, миссис Крандолл упала.

— О, боже! — выдохнул Джад.

Элли выбежала на веранду, ее черное платье развевалось. Одной рукой она сжимала свою метелку. Ее лицо, выкрашенное в зеленый цвет, вытянулось от страха и напоминало лик пигмея-алкоголика в последней стадии опьянения. Два маленьких духа, крича, неслись следом за ней.

Джад бросился на кухню удивительно проворно для человека восьмидесяти лет. Нет, гораздо быстрее, чем просто проворно. Он звал свою жену.

Луис наклонился и положил руки на плечи Элли.

— Оставайся тут, на веранде, Элли. Понятно?

— Папочка, я боюсь, — прошептала девочка.

Два призрака проскочили мимо них и побежали к дороге, грохоча сумками со сладостями и зовя маму.

Луис проскочил в гостиную, а оттуда в кухню, не обращая внимания на то, что Элли звала его.

Норма лежала на полу, на пузыристом линолеуме рядом с яблоками и маленькими шоколадками. Видимо, падая, она толкнула рукой чашу с угощением, перевернула ее. Чаша теперь лежала рядом, словно маленькая пластмассовая летающая тарелочка. Джад растирал запястья жены. Он повернулся к Луису.

— Помогите мне, Луис, — попросил он. — Помогите Норме! Она умирает. Я так думаю.

— Отодвиньтесь, — приказал Луис. Он опустился на колени и, нагнувшись, стал искать пульс старухи, почувствовал, как яблочный сок пропитывает колени его брюк из рубчатого плиса. Запах яблочного сидра неожиданно наполнил кухню.

«Опять как с Пасковым. Все начинается сначала», — подумал Луис. Эта мысль промелькнула у него почти сразу.

Луис нащупал пульс Нормы, который казался то слабым, сбивающимся, то чересчур быстрым. Аритмия, предшествующая полной остановке сердца. «Ты, Норма, как Элвис Пресли», — подумал он.

Расстегнув ее платье, Луис увидел комбинацию желтого шелка. Двигаясь в особом ритме, он повернул набок голову Нормы и начал делать полный комплекс искусственного дыхания и массажа сердца.

— Послушай меня, Джад, — сказал он. Ладонь его левой руки третий раз наваливалась на грудную клетку Нормы. Правой рукой Луис держал ее левое запястье, живительным, нежным жестом. «Давить надо крепко, но достаточно осторожно, чтобы не сломать старые кости... не надо паниковать».

— Я тут, — отозвался Джад.

— Возьмите Элли, — начал Луис, — переведите ее через дорогу. Осторожно... чтоб ее не сбила машина. Расскажите Речел о том, что случилось. Скажите, чтоб она дала вам мой саквояж. Не тот, что в кабинете, а тот, который на верхней полке в ванной, на втором этаже. Речел знает. Пусть она еще позвонит в больницу Бангора и вызовет «скорую помощь».

— Бакспорт ближе, — заметил Джад.

— Из Бангора быстрее приедут. Идите. Но сами вы в больницу не звоните: пусть позвонит Речел. Мне срочно нужен саквояж. «Когда она узнает, что тут произошло, — подумал Луис, — сама прыжками принесет его».

Джад ушел. Луис слышал, как хлопнула дверь веранды. Он остался один на один с Нормой Крандолл и запахом яблок. В гостиной часы пробили семь.

Норма неожиданно издала протяжный, фыркающий звук. Ее веки поднялись. И у Луиса неожиданно появилась холодная, ужасная уверенность.

«Она открыла глаза... о, боже, она открыла глаза и сейчас начнет говорить о кладбище домашних любимцев».

Но Норма только посмотрела на Луиса, непонятно, то ли узнав, то ли не узнав его, а потом ее глаза снова закрылись. Луис застыдил своего страха, который так ему самому не нравился. Через некоторое время он почувствовал облегчение. В глазах Нормы была боль, а не агония. Тогда он решил, что до могилы ей еще далеко.

Луис стал дышать ровнее и вспотел. Только врачам по телевизору с такой легкостью давался массаж сердца и искусственное дыхание. Реанимационные процедуры отнимают много сил, завтра у него будут болеть руки и плечи.

— Могу ли я чем-нибудь помочь?

Луис оглянулся. Женщина в стренчах и коричневом свитере стояла в дверях кухни, прижимая кулачки к груди. «Мать тех духов», — решил Луис.

— Нет, — проговорил он, а потом, — да. Намочите полотенце, пожалуйста, выжмите его, и мы положим его ей на голову.

Женщина занялась поисками полотенца. Луис снова повернулся к Норме. Глаза старухи были открыты.

— Луис, я упала, — прошептала она. — Думаю, я ослабла.

— У вас был приступ тахикардии, — объяснил Луис. — Не смотрите на меня так серьезно, расслабьтесь и постарайтесь не разговаривать, Норма.

Мгновение передохнув, он снова нащупал ее пульс. Сердце билось чересчур быстро. Оно отбивало код Морзе: сердце должно биться равномерно, как метроном, а тут оно сокращается то слишком быстро, как при мерцательной аритмии, то начинает снова работать в нужном режиме. Удар-удар-удар. Чвак-чвак-чвак. Удар-удар-удар. Не здорово, но, по крайней мере, лучше чем настоящая аритмия.

Женщина принесла полотенце и положила его на лоб Нормы, а потом рассеянно отступила. Появился Джад с саквояжем Луиса.

— Луис?

— У же лучше, — сказал Луис, глядя на Джад а, но говорил он естественно о Норме. — В больницу звонили?

— Ваша жена звонит им, — ответил Джад. — Я не стал ждать.

— Больница... нет... — прошептала Норма.

— Да, больница, — сказал Луис. — Пять дней под наблюдением, медицинское обслуживание, и вас поставят на ноги, Норма, моя девочка. А если вы захотите чего-нибудь еще, я сделаю так, что вы сможете съесть все эти яблоки, вместе с косточками.

Норма слабо улыбнулась, потом ее глаза снова закрылись. Луис открыл саквояж, порылся в нем и нашел «нитроглицерин», вытряхнул одну таблетку, такую крошечную, что, казалось, ее легко можно зашвырнуть на Луну одним щелчком ногтя. Убрав склянку, Луис зажал таблетку между пальцами.

— Норма, ты слышишь меня?

— Да.

— Открой рот. Как только выполнишь этот трюк, получишь угощение Я положу пилюлю тебе под язык Только одну крошечную таблеточку. Я хочу, чтобы ты держала ее под языком, пока она не рассосется. После этого ты станешь чувствовать себя немного лучше, только не думай об этом. Понятно?

Старуха открыла рот. Несвежий запах зубов. Луи су на мгновение стало очень грустно. Лежать тут, на полу, на кухне в яблочном соку и угощениях Хеллоуина. Луису вдруг подумалось о том, что и Норме когда-то было семнадцать, соски ее груди тогда вызывали большой интерес парней, живущих по соседству; тогда у нес были все зубы и сердце под комбинацией стучало, словно маленький двигатель. Получив пилюлю под язык. Норма чуть поморщилась. Пилюля немного горчила. Все правильно. И все! Она — не Виктор Пасков, который, когда его принесли, не нуждался ни в помощи, ни в госпитализации. Луис подумал, что Норма завтра вернется к жизни. Ее рука поднялась, и Джад нежно сжал ее.

Луис встал, взял перевернутую чашу и начал собирать рассыпавшиеся сладости. Женщина, вызвавшаяся помогать ему, а потом представившаяся, как миссис Баддингер, сказала, что теперь она лучше вернется к машине. Два ее мальчика так напуганы.

— Спасибо за помощь, миссис Баддингер, — поблагодарил Луис.

— Не думаю, что смогла чем-то помочь, — вяло сказала она.

— Но в полночь я преклоню колени и поблагодарю господу Бога за то, что вы оказались тут вовремя, мистер Крид. Луис, смущенный, махнул рукой.

— Я сделаю то же самое, — проговорил Джад и, встретившись взглядом с Луисом, удержал его. Взгляд старика был тверд. Он хорошо держался. Краткий момент сомнений, и страх прошел.

— Я буду всегда мысленно с тобой, Луис.

— Да бросьте вы, — проговорил Луис и махнул рукой уходящей миссис Баддингер. Та улыбнулась и помахала в ответ. Луис поднял яблоко и стал есть его. Оно оказалось таким кислым, что у Луиса появилась оскомина... но это было не так уж и неприятно. «В эту ночь ты выиграл, Луис», — подумал он и с облегчением продолжал грызть яблоко. Он был голоден.

— Я все равно помолюсь, — проговорил Джад. — Когда вам понадобится помощь, Луис, вы увидите меня первым.

— Да ладно, — проговорил Луис. — Я запомню.

* * *

«Скорая помощь» из больницы Бангора появилась через двадцать минут. Когда Луис стоял на улице, наблюдая за отправкой Нормы, он увидел Речел, глядевшую через окно гостиной. Он помахал жене. Она махнула ему в ответ.

Луис и Джад стояли вместе, глядя, как отъезжает «скорая помощь». Машина сверкала огнями, но сирена молчала.

— Видимо, надо поехать следом за ними в больницу, — вздохнул Джад.

— Они не дадут увидеть ее сегодня ночью. Станут делать электрокардиограмму, а потом займутся интенсивной терапией. Никаких посетителей первые двенадцать часов.

— Так теперь с ней все нормально, Луис? На самом деле нормально?

Луис пожал плечами.

— Этого гарантировать никто не может. У Нормы был сердечный приступ. Для всех это плохо; я не думаю, что она — исключение. Но может, так и лучше. Когда-то ведь она должна была подлечиться.

— Ладно, — сказал Джад, закуривая Честерфильд. Луис улыбнулся, посмотрел на часы и удивился, увидев, что сейчас только десять минут восьмого. Казалось, прошло много-много времени.

— Джад, я хочу пойти к Элли, чтобы она поехала куда-нибудь и закончила свои Хеллоуинские проделки.

— Конечно, — прозвучало это как «кнешн». — Передай ей: пусть забирает все угощения, какие только найдет.

— Обязательно, — пообещал Луис.

* * *

Когда Луис вернулся домой, Элли еще была в костюме ведьмы, а Речел пыталась переодеть ее в пижаму, но Элли сопротивлялась, продолжая играть. Луис велел Элли собираться и одеться потеплее. Элли завопила и захлопала в ладоши от радости.

— Уже поздно, Луис.

— Мы возьмем машину, — ответил он Речел. — Поехали, Элли. Она будет вспоминать об этом весь год.

— Ладно... — улыбнулась жена. Элли услышала и снова закричала от радости, а потом побежала к стенному шкафу-гардеробу — С Нормой все в порядке?

— Думаю, да, — Луис чувствовал себя хорошо. Устало, но хорошо. — Приступ оказался не очень сильным. Теперь, правда, ей надо будет вести себя поосторожнее; особенно, когда тебе семьдесят пять и ты знаешь, что твой пульс может дать сбой.

— Как хорошо, что ты оказался там. Это судьба.

— У нас поселилась удача, — он усмехнулся, когда Элли вернулась. — Ты готова, Ведьма Хазел?

— Я готова, — ответила девочка. — Поехали... поехали... поехали!

Возвращаясь домой через час (Элли протестовала, когда Луис наконец сказал: «хватит», сладостей было еще мало. Но она устала), девочка обратилась к отцу.

— Это из-за меня у миссис Крандолл начался сердечный приступ, папочка? Из-за того, что я не взяла упавшее яблоко?

Луис посмотрел на нее, удивляясь, почему у детей могут возникать такие странные мистические идеи. Оступившись, ваша мать сломала себе позвоночник независимо от того, любила она вас или нет.. Папочкин желудок, папочкина голова, улыбка в полночь — папочка

мертв... После таких мыслей кладбище домашних любимцев... его неровные круги... Луи су захотелось улыбнуться, но он не смог.

— Нет, сладкая, — ответил он. — Когда ты с двумя призраками была там — Это не призраки, а близнецы Баддингеры — Ладно. Когда ты и мальчики были там, мистер Крандолл как раз рассказал мне о том, что у его жены немного болит грудь. Факт; ты помогла спасти ее жизнь. Случись приступ позже, все могло обернуться намного печальнее.

Элли, вздрогнув, отвела взгляд. Луис кивнул.

— Миссис Норме нужно было показаться врачу, милая. А я и есть врач. И я вовремя оказался рядом, потому что это была твоя ночь колядования.

Элли долго переваривала объяснения отца, а потом кивнула:

— Но ведь может получиться, что она умрет, — сказала девочка, словно констатировала факт. — Люди, у которых случаются сердечные приступы, обычно умирают. Даже если они остаются живы, очень скоро случается еще один приступ, и еще пока... кувырк.

— И где ты услышала такие мудрые слова, я могу спросить?

Элли только пожала плечами — так обычно пожимал плечами он сам, когда не хотел отвечать на вопрос. Он удивился, когда понял это.

Девочка разрешила отцу нести сумку с подарками — удивительное доверие... и Луис оценил это. Мысль о смерти Черча довела девочку почти до истерики. Но мысль о том, что умрет старушка Норма Крандолл... смерть старушки, конечно, казалась Элли печальным событием. Как она сказала? «Еще один приступ и еще пока... кувырк»

На кухне никого не оказалось, но Луис услышал, как Речел спускается по лестнице. Он поставил сумку Элли в угол и сказал.

— Не нужно так думать, Элли У Нормы был легкий сердечный приступ, и я смог сразу же ей помочь. Сомневаюсь, что у нес что-то серьезное с сердцем Она...

— Да, я знаю, — почти весело согласилась Элли. — Она старая, а все старики рано или поздно умирают. И мистер Крандолл тоже старик.. — Можно я съем яблоко.

— Нет, — ответил Луис, задумчиво глядя на дочь. — Перед сном вредно кушать. Поднимайся наверх и не забудь почистить зубы, крошка.

«Разве кто-нибудь может сказать, что он понимает детей?» — удивился Луис.

* * *

Когда в доме все успокоилось и супруги Криды легли в кровать, Речел осторожно спросила мужа:

— Элли не очень расстроилась? Как она к этому отнеслась? «Ничуть она не расстроилась, — подумал Луис. — Она знает, что старики рано или поздно умирают, так что, похоже, она знает, что к чему... словно она знает, что если вы запнулись при счете тринадцать, прыгая через веревочку, умрет ваш лучший друг... словно она считает, что это мы выкладывали кривые круги на кладбище..»

— Нет, — ответил Луис жене. — Она отнеслась ко всему нормально. Давай спать, Речел, ладно?

Ночью были заморозки. К утру поднялся сильный ветер, разгоняя кучи уныло бурой опавшей листвы.

Завывания ветра разбудили Луиса, и тот, сонный, посмотрел в замешательстве исподлобья. По лестнице кто-то поднимался... медленные, шаркающие шаги. Снова пришел Пасков. «Только теперь. — подумал Луис. — Ведь прошло уже два месяца». Когда открылась дверь, Луис увидел сгнивший труп; спортивные трусы, испачканные в грязи: местами плоть прогнила, открыв огромные дыры в теле; мозг превратился в гнилую кашу. Только глаза еще оставались прежними... адски яркие и живые. В этот раз Пасков ничего не говорил; его голосовые связки уже не могли порождать звуки. Но его глаза... они звали.

— Нет, — выдохнул Луис, и шаги стихли.

Луис встал, подошел к двери и открыл ее толчком, гримаса страха застыла на его лице. Он был готов повиноваться. Пасков стоял за дверью с вытянутыми руками, напоминая давно умершего конкистадора, вызванного первой гремевшей фразой из «Вальпургиевой Ночи».

«Такого не бывает», — сказал бы Джад. Лестничная площадка оказалась пустой, тишина царил в доме. Смолкли завывания ветра. Луис вернулся в постель и уснул.

ГЛАВА 21

На следующий день Луис позвонил в больницу, в отделение интенсивной терапии. Состояние Нормы до сих пор расценивалось как критическое, шла стандартная процедура реабилитации которая тянется двадцать четыре часа после сердечного приступа. Луис приободрился, услышав заключение диктора, лечащего Норму.

— Не думаю, что это микроинфаркт, — сказал тот — На сердечной мышце нет шрама. Эта женщина в большом долгу перед вами, мистер Крид.

Поддавшись импульсу, Луис заехал в больницу на неделе, прихватив букет цветов, и нашел Норму гуляющей по палате — очень хороший знак. С Нормой был Джад.

Норма вскрикнула от радости, увидев цветы, и засуетилась над вазой. Потом она стала давать Джаду различные распоряжения, пока цветы не оказались в вазочке с водой, а та не оказалась на шкафчике в углу палаты.

— Матушка чувствует себя намного лучше, — сухо сказал Джад, после того как переставил цветы с места на место три раза.

— Не умничай, Джадеон, — сказала Норма.

— Ладно, матушка.

Норма посмотрела на Луиса.

— Я хочу поблагодарить вас за то, что вы сделали, — сказала она с робостью, прозвучавшей очень искренне, и от этого трогательнее вдвойне. — Джад сказал, что вы спасли мне жизнь.

Смущенный Луис проговорил.

— Джад преувеличивает.

— Не так уж и преувеличивает, черт возьми, — сказал Джад, заговорщически покосившись на Луиса. — Вы же не могли бы запретить своей матушке, Луис, поблагодарить вас?

Больше Норма не сказала об этом ничего такого, что запомнилось бы Луису.

— Норма, — проговорил Луис, — если я что-то могу для вас сделать, только скажите...

— Вы — милый человек, — сказала Норма. — Заберите от меня этого грубияна. Пусть он купит вам пива. Я хочу поспать, а другим способом я от него не избавлюсь.

Джад, разволновавшись, встал.

— Черт возьми! Я так и поступлю, Луис. Пойдемте побыстрее, пока она не переменяла своего решения.

* * *

Первый снег пошел за неделю до Дня Благодарения. К двадцать второму ноября снежный покров достиг толщины четырех дюймов, но за день до начала школьных каникул небо прояснилось, похолодало. Луис отвез свою семью в Международный Аэропорт Бангора, приехав с ними первую часть путешествия в Чикаго, куда Речел с детьми решила отправиться на День Благодарения. Возвращение к родителям.

— Не здорово, — сказала Речел двадцатый раз с тех пор, как больше месяца назад начались разговоры об этой поездке. — Мне не хочется думать, что в День Благодарения мы окажемся одни. Это — семейный праздник. Луис.

Луис пересадил Гаджа на другое плечо. Мальчик выглядел большим (гигантские глазищи) в первой, в его жизни, парке как у взрослого. Элли, вжавшись в большое окно,

глядела, как взлетал большой вертолет Воздушной Полиции.

— Не уверен, что в этот раз все ограничится как обычно пивом, — сказал Луис. — Джад и Норма пригласили меня на индюка, черт возьми! Я чувствую себя виновником торжества, но ты же знаешь: мне никогда не нравились большие, праздничные компании. Начинаешь пить перед началом футбольного матча в три часа дня и уже в семь падаешь как мертвый, а на следующий день ты чувствуешь себя ел словно девушка-ковбой: перед глазами все танцует, а в голове завывает бола-бола. Не хочу, чтобы ты с детьми уезжала.

— А мне путешествие по душе, — возразила Речел. — Слетать в Чикаго первым классом. Я чувствую себя принцессой. Гадж выпится в полете от Логана до О'Хары.

— Это ты так думаешь, — сказал Луис, и они вместе рассмеялись.

Объявили их рейс, и Элли завопила.

— Это нас, мамочка. Пойдем... пойдем... пойдем... Они улетят без нас. — Нет, не улетят, — сказала Речел. В руке она сжимала три розовых билета. Сама она была в пальто с искусственным, но пушистым, словно настоящий, коричневым мехом... «Возможно, предполагалось, что он будет выглядеть как мех ондатры», — подумал Луис. Однако, он был лишь отдаленно похож на настоящий, что отнюдь не вредило Речел, а придавало ей особую миловидность.

Видимо, взгляд Луиса был очень выразительным, потому что Речел импульсивно обняла его, так что Гадж оказался между ними. Ребенок совсем не обиделся на то, что его таким образом придавили.

— Луис Крид, я люблю тебя, — сказала Речел.

— Мам... ааа, — позвала Элли, возбужденная и нетерпеливая. — Пойдем, пойдем, пойдем...

— Все будет нормально, — строго сказала Речел. — Будь умницей, Луис.

— Скажу тебе то же, — ответил Луис, улыбнувшись. — Я буду осторожен. Передай привет своим родным. Речел.

— Эх, ты! — сказала она и наморщила носик. Речел была не глупа, и прекрасно понимала, почему Луис спокойно отнесся к этому путешествию. — Развлекайся.

Луис смотрел ей вслед, когда она с детьми пошла на посадку... и они все вместе исчезли из поля зрения на неделю. Луис сразу же почувствовал настоящую ностальгию по родным местам и заскучал по жене и детям. Подойдя к окну, где только что стояла Элли, Луис засунул руки в карманы пальто и стал смотреть, как грузчики отгружают багаж.

Истина была простой. Не только мистер, но миссис Голдмен с Лесного Озера не нравились Луису с самого начала. Он подошел к Речел не с той стороны, но так уж получилось. Более того, он надеялся, что Речел поможет ему с финансами, пока он не закончит медицинский колледж.

Луис смог справиться со всем этим — факт. Потом еще кое-что произошло, о чем Речел не знает и никогда не узнает... однако, Луис это отлично помнил. Ирвин Голдмен предложил полностью заплатить за обучение Луиса в медицинском колледже.

Результат попытки всучить такую «стипендию» (словечко Голдмена): однажды Луис не явился на свидание с Речел.

Луис Крид понимал, что такое грубое вмешательство в личную жизнь ни к чему хорошему не приведет, но мелодраматические предложения (или взятки, будем называть вещи своими именами) редко делают люди, которые сами счастливы в браке... те, кто спокойно могут дожить до восьмидесяти девяти.

В те дни Луис страшно устал. Восемнадцать часов в неделю он просиживал в аудитории, еще двадцать пытался разобраться в литературе и еще пятнадцать разносил заказы пиццерии в том же квартале, где расположен отель «Белый Зал». И еще Луис постоянно нервничал.

В тот вечер странно веселые манеры мистера Голдмена шли в контраст с его обычным холодным отношением к Луису, и Луис насторожился, когда Голдмен, понимающе переглянувшись со своей женой, пригласил его в курительную комнату. Позже... много

позже, когда прошло много времени, и Луис смог посмотреть на это в перспективе, он подумал: ведь лошади должны насторожиться, когда учуют первый дымок степного пожара. Луис предполагал, что Голдмен может узнать, что Луис спит с его дочерью.

Когда Голдмен действительно сделал свое невероятное предложение и зашел так далеко, что вынул чековую книжку из кармана смокинга, словно повеса в фарсе Ноэля Говарда. Луис взорвался. Он обвинил Голдмена в том, что тот бережет дочь как музейный экспонат и не хочет посмотреть на себя со стороны. А если б он посмотрел на себя, то увидел бы, что он — властный, бездумный тиран, и понадобится много времени, чтобы Луис изменил о нем свое мнение, принял его помощь.

Те крошечные зачатки интуиции, что все же были в Ирвине Голдмене, сработали правильно, но ему не удалось исправить свои дипломатический промах. Происходившее и впрямь напоминало фарс Ноэля Говарда: если конец разговора и выглядел смешным, это был юмор скверного качества. Голдмен велел Луису взять чек и убираться, а потом заявил, что если еще раз увидит его на пороге, то пристрелит, словно бешеную собаку. Луис посоветовал Голдмену взять свою чековую книжку и потереться ею. Голдмен заявил, что насмотрелся на лодырей из низов общества, которые намного энергичнее Луиса Крида, на что Луис объяснил, куда Голдмен может засунуть свою проклятую кредитную карточку и золотую кредитную карточку Американ Экспресс в придачу. Оказалось, они должны очутиться неподалеку от чековой книжки.

Ни один из них не собирался делать шаг к примирению в ближайшем будущем.

В конце концов, Речел помогла им выйти из щекотливого положения (оба они получили возможность принести взаимные извинения за то, что наговорили друг другу, хотя в глубине души ни один из них мнения не изменил). И больше никаких мелодрам, никаких театральных сцен типа: «с этого дня у меня нет больше дочери». Может, Голдмены и страдали, что выдают Речел замуж за Чудовище из Черной Лапуны *note 13*, не отрекаясь от нее, но на лице Ирвина Голдмена в то утро, когда Луис сочетался браком с Речел, ничего прочесть было нельзя, однако лица Голдменов в тот день чем-то походили на лица обитателей египетских саркофагов. Свадьбу они справляли вшестером, взяв в компанию Сподесский фарфоровый сервиз и микроволновую печь. На большее у них поначалу денег не хватило. Большую часть времени, что провел Луис в медицинском колледже, Речел работала клерком в универсальном магазине женской одежды. И в те дни Речел только тем и занималась, что улаживала отношения между мужем и своими родителями... практически между Луисом и ее отцом.

Луис мог полететь в Чикаго с семьей, хотя работа в университете заставила бы его вернуться на три дня раньше, чем Речел с детьми. Но особой необходимости в этом не было. С другой стороны, четыре дня с фараонами, и его жена сама станет сфинксом.

Дети во многом скрашивали его положение «вне закона», как часто это делают дети. Луис подозревал, что и сам может возобновить и наладить дружеские отношения, когда тот разговор в кабинете Голдмена потускнеет в его памяти. Не важно даже, если Голдмен будет знать, что Луис притворяется. Дело в том (и Луис наконец набрался мужества признаться в этом самому себе), что он не очень-то хотел налаживать дружеские отношения с родителями Речел. Десять лет — долгий срок, но недостаточно долгий, чтобы уничтожить привкус заискивания, который он ощутил, выпив бренди в кабинете Голдмена, когда старик, отбросив в сторону одну полу своего идиотского смокинга, достал из жилетного кармана чековую книжку. Да, Луис тогда почувствовал облегчение от того, что ночи (всего их было пять), когда он и Речел истощали друг друга на кровати в его убогой квартире, оказались не секретом для ее родителей, но он был удивлен тем, что те решились предпринять по этому поводу, и до сих пор не изменил о них своего мнения.

Он мог поехать в Чикаго, но предпочитал послать тестю внучат, его дочь и свой привет.

Note13

Известное чудовище из популярного в 60-е годы фильма ужасов «Чудовище Черной Лагуны».

«Дельта 727» порулил по взлетной полосе, развернулся... и Луис увидел Элли, прижавшуюся к одному из иллюминаторов и бешено махавшую ему. Луис, улыбаясь, помахал в ответ, потом кто-то, Речел или Елена поднесла к иллюминатору Гаджа. Луис помахал и ему, и Гадж помахал в ответ... может, потому, что видел его, а может, вторя движениям Элли.

— Удачного вам полета, — пробормотал Луис, а потом, застегнув молнию на пальто, отправился к автомобильной стоянке. Здесь протяжно завывал ветер. Он стал таким сильным, что едва не сорвал шапку с головы Луиса, и тому пришлось придержать ее рукой. Повертев в руках ключи от машины, Луис отпер дверцу со стороны водителя и включил зажигание, как раз, когда реактивные двигатели самолета разрушили тишину. Нос самолета нацелился в голубое небо, его турбины ревели.

Почувствовав себя одиноким... смешно — почти плача... Луис покатил домой.

Он до сих пор чувствовал синеву того вечера, когда, вернувшись из аэропорта, направился через 15 шоссе выпить парочку банок пива с Джадом и Нормой, правда. Норма, в этот раз пила вино из стакана. Она позволила себе это, несмотря на возражения доктора Вейбриджа. Теперь из-за того, что стало холодно, они перебрались на кухню.

Джад включил маленькую «печку Марека», и они расселись вокруг нее: пиво было чересчур холодным, а в общем тепло... Джад стал рассказывать, как индейцы Микмака предотвратили высадку англичан в Мачиане двести лет назад. В те дни Микмаки были сильны, по словам Джада, а потом старик добавил, что считает, что разграничение между племенами сохранилось до сих пор.

Получился великолепный вечер, но Луис знал, что его ждет пустой дом. Выйдя с веранды Крандоллов, он почувствовал, как мороз пощипывает ему ноги, и тут услышал, что у него дома зазвонил телефон. Подбежав, Луис проскочил через дверь, ворвался в гостиную (сбросив по пути какой-то журнал), пробежал через кухню... Его туфли с мороза скользили по линолеуму. Но он успел схватить телефонную трубку раньше, чем линия разъединилась.

— Алло?

— Луис, — голос Речел звучал издалека, но был совершенно спокоен. — Мы в Чикаго. Все хорошо.

— Отлично, — сказал он и присел, чтобы поговорить с женой. «Слава Богу, что с ними все в порядке».

ГЛАВА 22

Джад и Норма в День Благодарения устроили великолепный обед. Когда он закончился, Луис отправился домой с ощущением сытости и сонливости. Он поднялся в спальню, сбросил туфли и завалился спать. Покой, царствующий в доме, удручал его. Было всего три часа дня: снаружи был солнечный, зимний день.

«Чуток вздремну», — подумал он и крепко уснул.

В спальне что-то изменилось, и это разбудило Луиса. Он попытался понять, в чем дело, собраться с мыслями и удивился тому, что за окном почти стемнело. Луис слышал, как на улице завывал ветер.

Звонил телефон.

— Алло, — сказал Луис, надеясь, что это Речел снова звонит ему из Чикаго поздравить с Днем Благодарения. Она позвала бы Элли и та тоже поговорила бы с папочкой, а потом трубку взял бы Гадж и немного пробубнил... и как, черт побери, он умудрился проспять весь день, когда собирался Посмотреть футбольный матч и?..

Но звонила не Речел. Джад.

— Луис? Боюсь, что должен сообщить тебе нечто неприятное.

Луис вскочил с кровати, пытаясь разогнать остатки сна.

— Джад? Что случилось?

— Тут на лужайке лежит мертвый кот, — сказал Джад. — Думаю, он может оказаться

котом твоей дочери.

— Черч? — спросил Луис. Ему показалось, что кто-то неожиданно пнул его прямо между ног. — Вы уверены, Джад?

— Нет. Не на все сто, — ответил Джад. — Но, думаю, лучше будет вам самому взглянуть. — Ах. Черт побери! Вы правы.

— Не волнуйся, Луис.

Луис вскочил, но потом сел назад. Сперва он отправился в ванну, вымыл лицо, а потом, одевшись, вышел на улицу.

«Хорошо, может, это и не Черч. Джад сам сказал, что не уверен на все сто. Боже, кот же не мог отправиться куда-то сам по себе... почему ему понадобилось перебежать через дорогу?»

Но в глубине сердца Луис был уверен: это Черч... а если Речел позвонит вечером, что он скажет ей?

Сходя с ума от волнения, он уже слышал, как говорит Речел:

«Нет, ничего особенного не произошло... ничего не случилось. Я знаю что... ты хочешь сама объяснить Елене... он ведь побежал через дорогу». Но Луис до сих пор по-настоящему не верил, что с Черчем что-то случилось, ведь так?

Луис вспомнил одного парня, с которым некогда играл в покер. Звали того Викес Салливан. Так вот, однажды Салливан спросил у Луиса, почему у него, Луиса, стоит на жену и не стоит на голых баб, которых Луис видит на приемах изо дня в день. Луис попытался объяснить этому парню, что людям в таких вопросах должна помогать фантазия — прийти показать мастопатию — это одно, а показать свою полуобнаженную грудь, потом после неожиданного рывка простыни оказаться голой как Венера Боттичелли... Грудь, вульва, бедра. Остальное задрапировано в простыню и привлекает внимание. Это совсем иное, чем прием пациентов. Луис пытался объяснить это, больше защищая репутацию врачей, или что-то в таком духе. Викес не купился на это. «Сиськи — это сиськи, — вот тезис Викаса, — а говнюк, есть говнюк. И дело совсем не в том, стоит или не стоит». Все, что смог на это ответить Луис: «У моей жены сиськи особенные».

«Только, похоже твоя жена и твоя семья от других не отличаются», — подумал Луис. Черч, предположительно, не мог умереть, потому что он находился внутри магического круга, в кругу его семьи. Ведь не смог Луис сделать так, чтоб Викес понял, что врачи приемного отделения такие же мужчины и такие же слепцы, как и остальные. Сиськи не могут быть сиськами, если это не сиськи вашей жены. В кабинете сиськи — молочные железы — часть больного, пациента. Можете стоять и вести медицинские разговоры и с детства изучать больных лейкемией, пока не посинеете и не поверите, что один из вашей семьи лежит с перекрученными костями. «Моей семьи? Кот равноправный член моей семьи? Такая шутка должна меня рассмешить! Ничего умного. Когда-нибудь такое все равно случилось бы».

Но Луису стало нехорошо, когда он вспомнил, как истерически протестовала Элли против возможной смерти Черча.

«Глупый е... й кот, откуда вообще взялся этот е... й кот? Но больше он не будет е... м котом. То самое непристойное качество и сохраняло раньше ему жизнь».

— Черч, — позвал Луис, но в ответ лишь загудел камин, невнятно бормоча, сжигая дорогие поленья. Диван в гостиной, где Черч обычно проводил большую часть времени, оказался пуст. И на батареях кот не нежился. Луис продолжал упорно звать Черча, но ни один звук не выдавал присутствия кота. «Значит, кота в доме не было... и не будет», — испугался Луис.

Надев шляпу и пальто, Луис направился к двери, ведущей на улицу. Потом он вернулся. «Сдайся», — подсказало ему сердце, и он, открыв шкафчик под раковиной, присел на корточки. Там лежало две стопки полиэтиленовых пакетов — маленькие, беленькие для покупок и большие зеленые пакеты для мусора. Луис выбрал один из последних. Черч после кастрации прибавил в весе.

Он засунул отвратительно гладкий пакет в один из карманов куртки, скользя пальцами по холодному полиэтилену. Потом он вышел из дома и направился к дому Джада.

Было где-то полшестого. Начинало темнеть. Все вокруг казалось мертвым. Последние лучи заходящего солнца высвечивали странную оранжевую линию вдоль горизонта над рекой. На 15 шоссе завывал ветер. У Луиса занемели щеки и дыхание стало вырываться изо рта белыми клубами. Луис содрогнулся, но было не так уж холодно. Ощущение одиночества заставило его содрогнуться. Оно было сильным и явственно-реальным. Невозможно даже подобрать точную метафору. Одиночество близко. Луис чувствовал себя заброшенным и никому не нужным.

На другой стороне дороги Луис увидел Джада, закутанного в большое зеленое шерстяное пальто. Лицо Джада тонуло в тени отделанного мехом капюшона. Стоя на промерзшей лужайке, он смотрел на что-то застывшее — на мертвое существо, лежавшее у его ног.

Луис пошел быстрее и тогда Джад начал махать Луису, чтоб тот шел назад. Крики старика не долетали до Луиса из-за пронизывающего насквозь, воющего ветра. Луис шагнул назад, неожиданно осознав, что шум ветра намного громче и надрывнее, чем должен был быть. Мгновением позже взревел мотор и грузовик «Оринго» пронесся так близко от Луиса, что штаны и полы куртки Луиса захлопали на ветру. Черт побери, а ведь он шел прямо под колеса!

В этот раз Луис внимательно поглядел в обе стороны, перед тем как переходить через дорогу. Только габаритные, хвостовые огни удаляющегося бензовоза мерцали в призрачном свете.

— Думаю, этот грузовик «Ринго» едва не добрался до вас, — заметил Джад. — Будьте повнимательнее, Луис. — Даже вблизи Луис не видел лица Джада, и неприятное ощущение, что это мог оказаться кто-то другой... кто угодно... осталось.

— Где Норма? — спросил Луис, не глядя на вытянувшееся пушистое тельце у ног Джада.

— Отправилась на церковную службу в честь Дня Благодарения, — ответил старик. — Я считаю, она останется там на ужин, хотя сомневаюсь, чтобы она стала много есть. Поклюет чего-нибудь. — Ветер ударил на мгновение, чуть сдвинув назад капюшон, и Луис увидел, что перед ним действительно Джад... а кто это еще мог быть? — Повод для поездки — пирожки, — продолжал Джад, — но после дневной обжираловки много она не съест. Вернется около восьми.

Луис встал на колени и посмотрел на кота. «Только бы не Черч, — сильно захотелось ему, когда он осторожно, рукой в перчатке, повернул голову мертвого зверька. — Пусть это будет чей-нибудь кот, только не наш. Пусть Джад ошибся».

Но, конечно, это был Черч. Невозможно обмануться или ошибиться. Черч попал под один из больших бензовозов или полуторок, которые ездят по 15 шоссе («Почему эти грузовики гоняют по шоссе в День Благодарения?» — удивился Луис). Глаза Черча, были широко открыты и казались зелеными, как малахит. Маленькая капелька крови замерзла в уголке приоткрытого, рта. Крови почти не было; даже не испачкалось белое пятно на груди.

— Твой, Луис?

— Мой, — согласился Луис и вздохнул.

В первый раз Луис осознал, что он тоже любит Черча... может быть, не так страстно, как Элли, но по-своему любит. За недели, прошедшие после кастрации, Черч изменился, потолстел и стал медленно двигаться, установил свой распорядок дня, дня, который делил между кроватью Элли, диваном и миской; из дома он выходил редко. Сейчас, мертвый, он показался Луису прежним Черчем. Ротик маленький и окровавленный, полный острых, как иглы, зубов, застыл в охотничьем оскале. Мертвые глаза смотрели неистово, словно после короткой и безмятежной глупой жизни кастрата, Черч, в смерти, раскрыл свою истинную Природу.

— Конечно, это Черч, — сказал Луис. — И будь я проклят, если знаю, как рассказать об

этом Элли.

Неожиданно у него появилась идея. Он похоронит Черча на кладбище без всяких надгробий и прочих глупостей. Он ничего не скажет Элли по телефону; завтра между делом заметит, что не видел Черча... через день намекнет: может, Черч отправился бродяжничать? Иногда коты так поступают. Элли расстроится, но не будет ничего, связанного со Смертью... не будет репризы с Речел, отказывающейся иметь дело со Смертью... так все и увянет...

«Трус!» — обвиняюще произнесла другая часть его сознания.

«Да... слабенькие аргументы. Но кому нужен этот спор с самим собой?»

— Девочка очень крепко любила этого кота? — спросил Джад.

— Да, — рассеянно ответил Луис. Он снова потрогал голову Черча. Кот начинал коченеть, но голова его двигалась гораздо легче, чем при жизни. Сломана шея. Конечно. Газ так, Луис решил, что понимает, как все случилось: Черч переходил дорогу... и какая-то машина или полуторка «Оринго» сбила его, сломав шею и отшвырнув на лужайку Крандолла. А может, кот сломал шею, когда ударился о замерзшую землю? Неважно. Результат один и тот же. Черч — мертв.

Луис посмотрел на Джада, чтобы спросить его мнение, но Джад смотрел куда-то вдаль, где у горизонта медленно таяла оранжевая полоса заката. Его капюшон съехал на спину, и лицо выглядело задумчивым и строгим... даже аскетичным.

Достав из кармана зеленый пакет. Луис открыл его, крепко держа, чтобы ветер не вырвал его из рук. Пакет хлопал на ветру, и этот новый звук вернул Джада к реальности.

— Да, я думаю, она очень сильно любит кота, — сказал Джад. Глагол в настоящем времени прозвучал слегка жутковато... в оправе угасающего света, холода, ветра он прозвучал для Луиса сверхъестественно, готически.

«Как на могильном кургане в безлюдной степи, — подумал Луис, морщась от холода. — Теперь уложим издохшего кота в погребальный мешок».

Он взял кота за хвост и попытался приподнять. Луису пришлось потянуть изо всех сил, при этом раздался неприятный звук — кршштпп, когда прихваченное морозом тельце оторвалось от земли. Кот казался невероятно тяжелым, так, словно смерть добавила ему веса-«Иисус, он похож на мешок с песком».

Джад поддержал кулек, и Луис опустил Черча в него, радуясь, что избавился от необходимости созерцать это странное неприятное зрелище —дохлого кота.

— Что станешь с ним делать? — поинтересовался Джад.

— Оставлю в гараже, я так думаю, — ответил Луис. — А потом, утром, похороню его.

— На кладбище домашних любимцев? Луис содрогнулся.

— Да.

— Скажете Элли?

— Я... я бы хотел подумать над этим вопросом. Джад еще мгновение помолчал, а потом, кажется, на что-то решился.

— Луис, подожди пару минут.

Джад ушел, явно не подумав, что Луис может и не захотеть ждать его в такой холодный вечер.

Джад ушел с некоей самоуверенностью и изящной непринужденностью, выглядевшей странно у человека такого возраста. К тому же Луис почувствовал, что ему нечего сказать. Никогда он не чувствовал себя так. Он смотрел, как уходит Джад, довольный тем, что остался ждать.

После того как дверь, хлопнув, закрылась за стариком, Луис повернул лицо навстречу ветру. Мусорный мешок с телом Черча вздувался волнами у ног Луиса.

Удовлетворение.

Да, именно оно. Впервые с тех пор как Луис переехал в Мэйн, он почувствовал себя здесь как дома. Стоя в последних солнечных лучах, в преддверии зимы, он почувствовал себя несчастным и странно веселым... каким-то странным, не таким как раньше, не таким он был и не таким, как помнил себя с самого детства.

«Что-то должно случиться. Что-то здорово сверхъестественное, я думаю».

Луис откинул голову и увидел холодные зимние звезды, уже загоревшиеся в темнеющем небе. Сколько он простоял так, он не знал, хотя это было и недолго, если мерить время в минутах и секундах. Потом на веранде Крандоллов замерцал свет, хлопнула дверь и послышались шаги. Это был Джад с большим фонарем на четыре батарейки. В другой руке Джад держал то, что Луису сначала показалось большой буквой «Х»... а потом он увидел, что это кирка и лопата.

Джад протянул лопату Луису, и тот автоматически взял ее свободной рукой.

— Джад, что, черт возьми, вы собираетесь делать? Мы же не станем хоронить его ночью.

— Конечно, станем. Мы именно такие делаем. — Черты лица Джада терялись за светлым кругом фонарика.

— Джад, сейчас темно. Поздно. И холодно...

— Пойдем, — сказал Джад. — Надо это сделать. Луис потряс головой и попытался начать снова, но слова рождались с трудом... слова оправдания и возражения. Они казались такими невесомыми, когда звучали под аккомпанемент протяжного завывания ветра, под усыпанным звездами черным небом.

— Похороны могут подождать до завтра, когда станет видно...

— Она любила кота?

— Да, но...

Голос Джада звучал мягко и его рассуждения почему-то казались логичными.

— А вы ее любите?

— Конечно. Я люблю ее. Она моя дочь...

— Тогда пошли.

И Луис поплелся вслед за Джадом.

* * *

Дважды, может быть, трижды, пока они шли на хладбище, Луис пытался заговорить с Джадом, но Джад не отвечал. Наконец Луис сдался. Чувство удовлетворения, странное в данных обстоятельствах (но именно оно), сохранилось. Оно, казалось, шло отовсюду. Боль в мускулах рук; в одной руке Луис тащил Черча, в другой лопату. Ветер, смертельный холод; кожа, ставшая нечувствительной на незащищенных местах... Снега в лесу было мало, так мало, что о нем не стоило говорить. — Мерцающий свет фонаря Джада усиливал впечатление. Луис чувствовал, что за всем этим скрывается всеобъемлющая, притягивающая, как магнит, тайна. Темная тайна.

Тени отступили, открыв поляну.

— Отдохнем здесь, — объявил Джад, и Луис поставил пакет на землю. Рукой он вытер пот со лба. «Отдохнем здесь? Но ведь они уже пришли!» — Луис увидел надгробия в движущемся, подрагивающем свете фонарика, когда Джад уселся прямо в снег и закрыл лицо руками.

— Джад? Все в порядке?

— Да. Мне нужно только перевести дыхание и все. Луис сел рядом с ним и глубоко вздохнул несколько раз.

— Ты знаешь, — заговорил Луис. — Я сегодня чувствую себя лучше, чем за последние шесть лет. Я знаю, когда идешь хоронить кота своей дочери, говорить так — просто кошунство, но это — чистая правда, Джад. Я чувствую себя очень хорошо.

Джад вздохнул.

— Конечно, я знаю, — сказал он. — Такое периодически случается на этой тропинке. Ты не сам по себе чувствуешь себя так. С любым было бы как с тобой. Это место иногда выкидывает подобные штучки, но ты не верь в это. Героин тоже дарит наркоманам хорошее настроение, когда они вкалывают дозу, но он отравляет их тела и мысли. Это место что-то

вроде наркотика, Луис, и не забывай об этом. Я надеюсь, во имя Бога, что правильно поступаю. Я так думаю, но не уверен. Иногда в моей голове все путается. Наверное, это старость.

— Я не понимаю. О чем это ты?, — Это место обладает силой, Луис. Тут ее не так много... как там, куда мы идем.

— Джад...

— Пошли, — сказал Джад и встал. Свет фонарика уперся в бурелом, к которому направился Джад. Неожиданно Луис вспомнил свою прогулку во сне. «О чем говорил Пасков, когда привел меня сюда?»

«Не ходи дальше. Ты решишь, что нуждаешься в этом, но на самом деле, в этом нет нужды, доктор. Барьер не должен быть разрушен».

Но сейчас, ночью, тот сон или предостережение, или что бы то ни было, казалось удаленным не на месяцы, а на годы. Луис чувствовал себя великолепно и готов был справиться с чем угодно, и еще он был сильно удивлен. Ему пришло на ум, что происходящее очень похоже на сон.

Потом Джад вышел вперед. Под капюшоном у него, казалось, была только тьма, и на мгновение Луису представилось, что это Пасков стоит перед ним, и как только освещение переменится, то под капюшоном, обрамленным мехом, окажется усмехающийся, бормочущий череп: страх вернулся к Луису, словно его окатили холодной водой.

— Джад, — сказал он. — Мы не сможем перелезть через бурелом. Мы переломаем ноги и, может случиться, замерзнем до смерти, пытаюсь вернуться.

— Следи за мной, — приказал Джад. — Следуй за мной и не смотри вниз. Нельзя колебаться и смотреть вниз. Я знаю дорогу, но идти нужно быстро и уверенно.

Луис стал думать: «Может, это и есть сон, и он просто так и не проснулся после праздничного обеда, — подумал Луис. — Через этот бурелом я перелезу, только если напыюсь или научусь летать. Но мне нужно это сделать. Я и в самом деле думаю так. Итак... значит я сплю. Правильно?» Джад взял чуть левее центра бурелома. Луч фонарика сфокусировался на куче стволов...

(костей) ...упавших бревен и старых колод. Круг света стал меньше и ярче, когда они приблизились к бурелому. Не останавливаясь даже для того, чтобы бросить мимолетный взгляд, подстраховаться, проверить, что они лезут в правильном месте, Джад начал восхождение. Он не карабкался, не лез, он поднимался, словно шел по каменистому склону холма или песчаной осыпи. Он просто поднимался, словно собирался дойти до звезды: шел как человек, который твердо знает, куда нужно поставить ногу, куда сделать следующий шаг.

Луис отправился следом.

Он не смотрел вниз и не искал опоры для ног. Бревна странным образом оказывались на месте; совершенно безошибочно, словно бурелом старался не причинить ему вреда, пока он делал все как положено. Один участок выглядел совершенно непроходимым, и казалось невероятным, что кто-то верил в то, что пройдет здесь, не покалечившись, словно идиот, который ведет машину и уверен, что находится в полной безопасности, пока у него на шее медальон Святого Кристофора.

Но все оказалось в порядке.

Не было пистолетных выстрелов ломающихся ветвей; не было отвратительных падений в ямы, окаймленные выступающими, выбеленными погодой суками, каждый из которых готов был разорвать плоть, искалечить. Ботинки Луиса («Хаш Паппи» — обувь для бездельников — настоятельно рекомендую для преодоления буреломов!) ни разу не соскользнули на старом сухом мху, которым поросла большая часть упавших деревьев. Луис не покачнулся. Вокруг, в кронах елей, дико завывал ветер.

На мгновение Луис увидел Джада, стоящего на краю бурелома, а потом тот начал спускаться по противоположному склону, постепенно исчезая из поля зрения, сперва ноги, потом грудь и плечи. Световое пятно фонарика стало скакать наобум по качающимся ветвям

деревьев на другой стороне... барьера. Да, именно барьера. Зачем притворяться? Барьера.

Луис сам добрался до высшей точки и на мгновение остановился. Правая нога вросла в старое упавшее дерево, которое лежало под углом тридцать пять градусов, левая стояла на чем-то податливом... в ловушке из ветвей потоньше, на старой хвое. Луис не смотрел вниз, он только переложил тяжелый мешок с телом Черча из правой руки в левую, а в правую взял более легкую лопату. Он подставил лицо ветру и почувствовал, как воздух у него за спиной скручивается в бесконечный поток, играет его волосами. Воздух был чистым, ветер — таким холодным... неослабевающим.

Двигаясь осторожно, Луис стал спускаться. Одна ветвь, которая была толщиной с запястье мускулистого человека, громко щелкнула под ногой Луиса, но он чувствовал, что с ним ничего не должно случиться... да, нога Луиса, соскользнув... встала на толстую ветвь четырьмя дюймами ниже. Луис Тяжело покачнулся. Он предполагал, что теперь понимает, как командиры рот в Первую Мировую войну могли, весело насвистывая, ходить по краю траншей, когда вокруг жужжали пули. Это было безумие, но в любом безумии таится свое ужасное веселье.

Луис спускался, глядя только вперед, на яркий круг света фонаря Джада. Джад уже стоял внизу, ждал. Когда Луис спустился, веселье вспыхнуло в нем, как от уголька вспыхивает нефтяная лампа.

— Мы перелезли! — закричал Луис и, положив на землю мешок, хлопнул Джада по плечу. Луис вспомнил, как в детстве лез на яблоню, на самый верх, где ветви, словно корабельные мачты, раскачивал ветер. Он не чувствовал себя таким молодым и переполненным энергией лет двадцать, а то и больше. — Джад, мы перелезли.

— А ты думал, что не сможем? — поинтересовался Джад. Луис открыл было рот, чтобы что-то сказать («А ты думал, что не сможем? Нам чертовски везет, раз мы не сломали себе шеи!»), но закрыл его, ничего не сказав. Он никогда не сомневался в том, что они перелезут, с того самого момента, как Джад полез на бурелом. И он не сомневался, что и вернутся они в целости и сохранности — Даже не строил предположений, — сказал он.

— Пойдем. Предстоит еще долгая прогулка. Мили три или даже больше. И они пошли дальше. Тут тоже была тропинка. Местами она казалась очень широкой. Хотя дрожащий свет фонаря давал мало света, создавалось ощущение открытого пространства, словно деревья расступились. Раз или два Луис смотрел вверх и видел звезды, качавшиеся между темными кронами деревьев. Один раз кто-то вприпрыжку перебежал им дорогу, и свет фонарика отразился от зеленоватых глаз...

В другой раз тропинка нырнула в подлесок, и Луису показалось, что Твердые пальцы стали царапать его пальто. Он начал перекладывать мешок и лопату из руки в руку намного чаще, но боль в плечах нарастала, хотя Луис вошел в ритм движения, был почти загипнотизирован им. Конечно, тут таилась Сила. Луис чувствовал ее. Луис вспомнил времена, когда еще, был старшекурсником Высшей Школы. Он со своей девушкой и еще одной парой отправился на прогулку на природу. Они оказались на грязной, заброшенной дороге; неподалеку от электростанции. Они пробыли там недолго, а потом девушка Луиса заявила, что хочет домой или, в конце концов, просто перебраться в другое место, потому что зубы (все пломбированные или большинство из них) болят. Луис был счастлив остаться один. Воздух бодрил. Тут было что-то похожее, только намного сильнее. Сильнее, но не приятнее. Это было...

Джад остановился. Луис чуть на налетел на него.

Старик повернулся к Луису.

— Мы почти пришли, — печально сказал он. — Следующий участок пути похож на бурелом... Ты должен идти легко и быстро. Следуй за мной, но не смотри под ноги. Ты почувствовал, что мы спускались?

— Да.

— Микмаки называют этот край Маленьким Болотом Бога. Трапперы, которые охотились в этих местах, называли его Трясиной Мертвецов, и большинство из тех, кто

забрел сюда, никогда не возвращались.

— Трясина?

— Да, конечно. Трясина, да еще какая! С ледника стекает сюда вода. Она пробивает себе путь через кремнезем или как его там называют правильно.

Джад посмотрел на Луиса, и на мгновение тому показалось, что в глазах старика есть какой-то не очень приятный оттенок.

Потом Джад опустил фонарь так, чтобы можно было видеть дорогу.

— Много странных вещей может встретиться на пути, Луис. Напряженность в воздухе... некая наэлектризованность... или что-то еще.

Луис огляделся повнимательнее.

— Что-то не так?

— Все в порядке, — ответил Луис, вспоминая ночь, которую провел на заброшенной дороге неподалеку от электростанции.

— Ты можешь увидеть Огни Святого Эльма... которые моряки называют дурацкими огоньками. Порой они тут принимают очень странные формы, но это ничего. Если увидишь какие-нибудь тени и они заинтересуют тебя, постарайся все же смотреть в другую сторону. Ты можешь услышать звуки, похожие на голоса, но это кричат гагары дальше к югу от тропы. Эти голоса влекут к себе... Забавно.

— Гагары? — с сомнением переспросил Луис. — Тут? В это время года?

— Конечно, — ответил Джад, но ответ его прозвучал очень тихо, слова едва можно было разобрать. На мгновение Луису отчаянно захотелось снова увидеть лицо старика. Его речь напоминала...

— Джад, куда мы идем? Черт возьми, что мы собираемся делать в этих дебрях?

— Я расскажу тебе, когда мы придем, — с этими словами Джад вернулся — Сосредоточься на кочках.

Они пошли дальше, переходя с одного пригорка на другой. Луис ничего не чувствовал. Его ноги, казалось, сами находили кочки, без усилия с его стороны. Поскользнулся он лишь один раз; его левый ботинок пробил тонкий слой льда и окунулся в холодную и какую-то затхлую жидкость. Выдернув ногу, Луис пошел дальше, следуя за качающимся огоньком фонарика Джада. Этот огонек, плывущий через леса, возродил в его памяти пиратские истории, которые он любил читать еще мальчиком. Злые люди прятали золотые дублоны в сумраке при лунном свете... и, конечно, один из пиратов будет брошен в яму на вершине холма, предварительно получив пулю в сердце, потому что пираты... или автор этих историй... верили, что дух их мертвого товарища станет сторожить награбленное добро.

«Но ведь мы пришли хоронить не сокровища, а кастрированного кота моей дочери»

Луис почувствовал, что дикий смех так и лезет из него, но он упрятал его подальше.

Луис не слышал «звуки, похожие на голоса», не видел никаких огней Святого Эльма, но, миновав еще дюжину кочек, посмотрел вниз и увидел, что его ступни, лодыжки, колени и бедра исчезли в стелющемся по земле тумане, который был равномерным, белым и совершенно непрозрачным. Словно его тело само по себе плыло по снегу.

Воздух словно светился. Стало теплее, Луис мог в этом поклясться. Впереди он видел Джада, уверенно идущего вперед, крюком закинув кирку за спину. Иллюзия того, что они идут закапывать сокровища, только усилилась.

Безумное ощущение веселья осталось, и Луис неожиданно удивился, что же будет, если Речел позвонит ему; если там позади, дома, телефон звонит и звонит, таким рациональным, прозаическим звуком. Если...

Он снова почти уткнулся в спину Джада. Старик остановился посреди тропинки. Он наклонил голову набок. Его рот сморщился, напрягся.

— Джад, что?..

— Ш-ш-ш!

Луис замолчал, встревоженно озираясь. Здесь туман, стелющийся по земле, был тоньше, но Луис все равно не мог разглядеть своих ног. Потом он услышал треск ветвей, щелчок

сломавшегося сука. Что-то двигалось там... что-то большое...

Он открыл было рот, спросить у Джада, может, это лось («медведь» — эта мысль в первую очередь возникла у него в голове), а потом закрыл рот, ничего не сказав. «Постарайтесь все же смотреть в другую сторону», — так говорил Джад.

Наклонив голову и несознательно имитируя Джада, Луис прислушался. Звуки казались то далекими, то очень близкими; то отодвигались, то начинали двигаться прямо к ним. Луис почувствовал, как его лоб вспотел, капли пота стали стекать по щекам. Он переложил тяжелый пакет с телом Черча из одной руки в другую. Его пальцы стали влажными, и полиэтилен показался скользким, попытался вырваться у него из рук. Теперь нечто казалось ближе, и Луису даже показалось, что на мгновение он увидел тень, поднимающуюся на двух ногах, кажется, закрывая звезды неким немыслимым, громадным, лохматым телом.

«Медведь», — единственное объяснение, которое и раньше проскользнуло у Луиса.

Но теперь он не знал, что и думать.

Потом тень отступила и исчезла.

Луис снова открыл рот. Вопрос: «Что это?» — вертелся у него на кончике языка. Резкий, одержимый смех донесся из темноты, становясь то громче, то тише, в истерической цикличности громкий, пронзительный; смех, от которого мурашки по коже шли. Луису казалось, что каждый сустав его тела застыл и на него навалился вес, такой вес, что если бы он повернулся, решив бежать, то погрузился бы и исчез в болотной трясине.

Смех приближался, превратившись в сухой треск, словно перетирали крошащуюся скалу; почти перерос в крик, а потом стал гортанным хихиканьем, которое могло оказаться и рыданиями перед тем как вовсе стихло. Где-то журчала вода, словно в небе текла река — монотонное подвывание ветра. В остальном, на Маленьком Болоте Бога воцарилась тишина.

Луис снова задрожал. Его тело ниже пояса покрылось мурашками. Да, мурашки — правильное слово; его кожа словно сама по себе задвигалась по мускулам. Во рту стало совершенно сухо. Вся слюна исчезла. Конечно, состояние возбуждения сохранилось — неизменное безумие.

— Что это, во имя Бога? — хриплым шепотом спросил Луис у Джада.

Джад повернулся взглянуть на своего спутника, и в тусклом свете фонаря Луису показалось, что старику лет сто двадцать. Теперь в его глазах уже не было тех странных, танцующих огоньков. Его лицо вытянулось и ужас затаился в глазах. Но когда он заговорил, голос его звучал твердо:

— Пойдем. Мы почти пришли.

Они пошли дальше. Кочки сменила твердая земля. Через несколько мгновений у Луиса снова возникло ощущение открытого пространства, хотя тусклый свет фонаря быстро рассеялся, и все, что он видел, что спина Джада футах в трех впереди. Под ногами — чахлая травка, прихваченная морозом. При каждом шаге она с хрустом ломалась, словно была из стекла. Потом снова появились деревья. Луис почувствовал аромат елей; земля под ногами снова была усеяна хвоей. Время от времени под ногами трещали ветки.

Луис потерял ощущение времени исправления; но они шли недолго. Наконец Джад снова остановился и повернулся к Луису.

— Подойди, — позвал он. — Теперь нужно лезть наверх. Тут сорок две или сорок четыре ступени... не помню точно. Только следуй за мной. Доберемся до вершины и будем на месте.

Старик полез, и Луис последовал за ним.

Каменные ступени оказались достаточно широкими. То и дело под ботинками Луиса хрустели камешки.

...двенадцать — тринадцать... четырнадцать...

Ветер стал резче, холоднее. У Луиса онемело лицо. «Мы уже поднялись над кронами деревьев?» — удивился он и посмотрел вверх. Он увидел миллиард звезд, холодно светивших в темноте. Никогда в жизни звезды не давали ему ощущение такой собственной незначительности, бесконечной ничтожности. Он задал самому себе древний вопрос: «есть

ли там кто-нибудь разумный?» — и вместо удивления, мысль породила некое холодное чувство, словно он спросил сам себя; может ли он съесть пригоршню жуков?

...двадцать шесть ..двадцать семь ..двадцать восемь... «Кто вырезал эти ступени? Индейцы? Микмаки? Голыми руками? Надо спросить у Джада». Мысль «о голых руках» заставила Луиса подумать о «пушных зверях», а потом он подумал о том звере, что перебежал им дорогу в лесу. Споткнувшись, Луис рукой в перчатке схватился за скалу слева от себя, чтобы сохранить равновесие. Камни оказались старыми, крошащимися, с выбоинами, морщинистыми. «Словно сухая кожа, которая уже изнасилась», — подумал он.

— Луис, с тобой все в порядке? — прошептал Джад.

— Да, — ответил он, едва дыша. Все тело его дрожало от непомерного веса Черча.

...сорок два ..сорок три... сорок четыре...

— Сорок пять, — сказал Джад. — Я забыл. Кажется, я не был тут уже лет двенадцать. Не уверен, что когда-нибудь снова приду сюда. Здесь... поднимайтесь и приступим.

Он взял Луиса за руки и помог ему сделать последний шаг.

— Мы пришли, — сказал Джад.

Луис огляделся. Он даже смог что-то разглядеть. Звездный свет был тусклым, но его хватало. Они стояли на скале, покрытой щебнем; скале, которая, словно темный язык, вытянулась, чуть подальше исчезая под тонким слоем земли. Посмотрев в другую сторону, Луис увидел вершины хвойных деревьев, меж которыми они прошли, прежде чем поднялись сюда. Очевидно, они поднялись на вершину некой сверхъестественной «столовой горы» — геологической аномалии, которая выглядела бы более уместно в Аризоне или Новой Мексике, к тому же поросшей травой. Вершина этой «столовой горы» или холма, или просто горы со срезанной верхушкой... чем бы оно там ни было... оказалась лишенной деревьев, и днем солнце растопило тут весь снег. Повернувшись к Джаду, прежде чем холодный ветер ударил в лицо, Луис разглядел сухую траву и еще он разглядел, что все это место больше напоминало холм, чем «столовую гору». А дальше снова росли деревья. Но голое место было таким ровным и выглядело так странно в окружении поросших лесом холмов Новой Англии.

«Индейцы расчистили это место голыми руками», — неожиданно подумал Луис, словно кто-то подсказал ему.

— Пойдем, — сказал Джад и отвел Луиса ярдов на двадцать пять ближе к деревьям. Ветер тут был сильнее, но воздух казался чище. Темные тени скрывались под унылым покровом деревьев — деревьев, которые были самыми старыми, самыми высокими елями из всех, что Луис видел раньше.

Темные тени оказались пирамидками камней.

— Микмаки выровняли это место, — заговорил Джад. — Никто не знает, как, так как нет больше тех, кто знал, зачем Мауны построили свои пирамидки. А Микмаки, которые пришли после них, знали, да забыли.

— Почему? Почему они делали это?

— Здесь земля для захоронений, — ответил Джад. — Я привел тебя сюда, чтоб ты смог похоронить тут кота Элли. Микмаки не обидятся, вы же знаете. Они хоронят своих домашних любимцев рядом с людьми.

Слова старика заставили Луиса подумать о египтянах, которые поступали еще лучше; они убивали своих домашних любимцев так, чтоб души животных после смерти могли служить душам их хозяев. Луис вспомнил, что читал о том, что как-то после кончины одной царицы было убито десять тысяч домашних животных — в том числе в список были включены шесть сотен свиней и две тысячи павлинов. Свиней, до того как их закалывали, умаслили розовым маслом — любимым благовонием мертвой дамы.

«И они тоже строили пирамиды. Никто точно не знает, что такое пирамиды Муанов... ориентиры это или памятники... никто не может сказать. Они словно Стоунхэндж... но мы же, черт возьми, отлично знаем, что египетские пирамиды были и есть... монументы смерти — самые грандиозные во всем мире. Здесь лежит Рамзес II. Он был Покровителем Долины Нила», — подумал Луис и дико, беспомощно захохотал.

Джад посмотрел на него, ничуть не удивляясь.

— Иди и похорони своего кота, — сказал он. — Я пока покурю. Я помог тебе, но хоронить кота ты должен сам. Каждый сам хоронит свое... Это нужно пройти самому.

— Зачем все это, Джад? Почему ты привел меня сюда?

— Потому что ты спас жизнь Норме, — сказал Джад, и слова его прозвучали неискренне. Луис хотел поверить в искренность старика, но у него неожиданно возникла твердая уверенность, что старик лжет... или, может, старику солгали, а теперь эта ложь перекечевала к Луису. Он вспомнил плотоядный взгляд Джада, точнее, тот взгляд, что Луис посчитал плотоядным...

Но... ничего реально. Ветер яростно был в лицо Луиса, словно течение реки, сдувал волосы со лба, замораживал уши.

Джад присел, прижавшись спиной к одному из деревьев, сложил ладони чашечкой, закрывая пламя спички, и прикурил Честерфильд.

— Хочешь затычку перед тем, как начнешь копать?

— Нет. Все нормально, — ответил Луис. Его преследовало множество неясных вопросов, но он понимал, что ему не удастся сформулировать ни один из них. С одной стороны, в происходящем было что-то неправильное, но с другой стороны, казалось, что все идет как надо, и Луис решил: пусть все идет, как идет. «Смогу ли вырыть могилу коту? Слой земли тут слишком тонкий». Луис наметил место рядом с тропой, там, где скала уходила в землю.

Джад медленно кивнул.

— Подойдет, — сказал он. — Слой земли тут потолще, все правильно. Земли тут достаточно, чтобы проросла трава и в общем ее достаточно, чтобы похоронить Черча. В давние-давние времена тут хоронили людей, хотя следы не так-то легко найти.

Но Луис не собирался ничего искать. Земля оказалась каменистой и твердой. Очень быстро Луис убедился, что должен сперва раздробить землю киркой, чтобы выкопать достаточно глубокую могилу для Черча. Он стал чередовать работу: сперва киркой разбивал твердую землю и камни, потом лопатой вычерпал то, что наковырял. Руки заболели. Он снова начал согреваться. У него возникла необъяснимая потребность сделать все хорошо, и он начал напевать себе под нос в такт с дыханием так, как делал, когда зашивал глубокие порезы. Иногда кирка так сильно ударяла по камню, что искры летели в разные стороны, а деревянная ручка начинала так вибрировать, что дрожали и его руки. Он чувствовал, как на пальцах вздуваются волдыри, но не мог остановиться, хотя, как и большинство врачей, обычно следил за своими руками. Над ним пел ветер, играл в кронах деревьев свою мелодию.

Неожиданно Луис услышал такой звук, словно упал большой камень. Посмотрев через плечо, он увидел Джада, собиравшего камни и складывающего их в кучу.

— Для твоей пирамидки, — сказал он, когда увидел, что Луис смотрит на него.

— Да, — только и сказал Луис и вернулся к работе. Он сделал могилу два фута шириной и три длиной — «Кадиллак, а не могила для проклятого кота», — подумал он. И, наверное, глубиной она была дюймов тридцать, дальше кирка стала вибрировать, искры при каждом ударе, и Луис, отбросив ее в сторону, спросил Джада, хватит или нет?

Подойдя, Джад с любопытством оглядел получившуюся могилу.

— Мне кажется, хватит, — сказал он. — В любом случае, ты ведь считаешь ее готовой.

— Теперь-то ты можешь мне сказать, что все это значит? Джад слегка улыбнулся.

— Микмаки верили, что этот холм обладает магической силой, — сказал он. — Верили, что весь лес к северо-востоку от болот — волшебный. Они расчистили это место и они хоронили здесь или где-нибудь поблизости. Другие племена избегали этих мест. Пенобскоты утверждали, что эти леса полны духов. Позже, охотники за пушниной стали рассказывать всякое такое... я уверен, некоторые из них что-то видели, например: дурацкие огоньки на Маленьком Болоте Бога и решили, что видят духов.

Джад улыбнулся, а Луис подумал: «Ты мне не все говоришь!»

— Позже даже сами Микмаки перестали бывать тут. Один из них заявил, что видел тут Вакиньяна, а после его прихода земля скисла. Еще тут устраивали церемонии заклинания... я слышал эти истории еще когда был желторотым юнцом, Луис. Я слышал об этом от старого пьяницы Станни, которого мы все называли Станни Б., а на самом деле он был Стэнли Бучардом.

Луис, который знал о Вакиньяне только то, что он — дух из мифологии северных индейцев, спросил:

— Ты тоже думаешь, что земля здесь прокисла? Джад улыбнулся... а может, просто скривил губы. — Я думаю, это опасное место, — мягко сказал он, — но не для дохлых котов, собак и домашних хомячков. Иди и похорони своего кота, Луис.

Луис, опустив в яму мешок, медленно стал засыпать могилу. Теперь ему было холодно, и он чувствовал, как устал. Земля забарабанила по полиэтилену — печальный звук. До сих пор Луис не сожалел, что пришел сюда, хотя радостное настроение увяло... а потом он начал и впрямь сожалеть, что ввязался в это приключение.

Барабанный звук стал глуше, а потом прекратился... осталось только шлепанье земли о землю. Луис сбросил последние остатки выкопанной земли в могилу кончиком лопаты. «Незачем это», — подумал Луис, вспоминая, как его дядя, владелец похоронного бюро, говорил то, что говорили все владельцы похоронных бюро еще тысячи лет назад: «Ведь никогда не придется снова раскапывать могилы». А потом Луис повернулся к Джаду.

— Вот камни для пирамидки, — сказал Джад.

— Посмотри, Джад. Я хорошо поработал и...

— Это — кот Элли, — сказал Джад, и его голос, почти нежный, прозвучал неумолимо. — Она бы хотела, чтобы ты сделал все правильно.

Луис вздохнул.

— Я тоже так думаю, — проговорил он.

Еще десять минут ушли на то, чтоб сложить горкой камни, которые собрал Джад; один на другой. Когда это было сделано, на могиле Черча получилась маленькая коническая пирамида камней, и Луис почувствовал себя на самом деле довольным. Все, казалось, шло правильно. Однако лунный свет зародил в его душе и другие чувства. Луис решил, что Элли никогда не должна увидеть это... мысль о том, чтоб провести ее по тропинке через болото, там, где трясина... от этого Речел может поседеть... он побывал тут и ладно.

— Большая часть камней свалится, — сказал он Джаду, вставая и отряхивая свои штаны на коленях. Теперь он видел гораздо лучше. Несколькими движениями он разбросал оставшиеся камни. Джад, пока Луис строил пирамидку, внимательно смотрел на него.

— Конечно, — согласился старик. — Скажу тебе, это место очень древнее...

— Теперь пойдем домой?

— Конечно, — повторил старик и похлопал Луиса по плечу. — Ты все правильно сделал, Луис. Я знаю, все получится. Давай пойдем домой.

— Джад... — начал снова Луис, но Джад уже взял кирку и пошел к тропинке. Луису ничего не оставалось, как подобрать лопату и рысью помчаться следом; а потом он шел за стариком, постепенно восстанавливая дыхание. Он последний раз оглянулся на пирамиду, сложенную над могилой Уинстона Черчилля — кота его дочери, но она уже растаяла во тьме, и Луис не смог разглядеть ее. "Прокрутили фильм в обратную сторону", — устало подумал Луис.

Он не представлял, сколько сейчас времени, так как снял часы перед тем как лечь подремать в полдень, и забыл их на подлокотнике у кровати, но чувствовал себя страшно вымотанным, истощенным, обманутым. И еще он не мог вспомнить, чтоб так, по-собачьему выматывался, разве что в первый день, когда попал в команду по регби, еще в Высшей Школе, в Чикаго, лет шестнадцать или семнадцать назад.

Они возвращались той же дорогой, но Луис мало что сумел запомнить. Споткнулся, перелезая бурелом (это Луис запомнил) и пошел дальше покачиваясь. Неожиданно он подумал о Питере Пене. «Господи, я растерял все свои счастливые мысли и должен упасть»

note 14, — подумал он, и в этот момент Джад протянул ему руку, надежную и твердую. А через несколько мгновений они уже шли по тропинке, оставив позади могилы кота Смаки и Трикси, «нашей домашней крольчихи Марты». Тут Луис бывал не только с Джадом и со своей семьей.

Он вспомнил прогулку с Виктором Пасковым (когда путь на кладбище показался ему таким тяжелым) и слова мертвеца. Луис попытался не думать, что между той прогулкой и сегодняшним путешествием есть какая-то связь. Еще ему пришло на ум, что прогулка получилась достаточно опасная, не в драматическом ключе Уилки Коллинз, а гораздо реальнее. Особенно то, как он надругался над своими руками, пока все происходящее казалось ему сном. Он мог ведь убиться, перелезая бурелом! Они оба могли убиться. Твердо можно быть уверенным, что нельзя вести себя так в трезвом виде. В своем нынешнем состоянии опустошенности, Луис готов был объяснить свое поведение замешательством и эмоциональным срывом, случившимся с ним из-за смерти любимца всей семьи.

Они, наконец, вернулись домой.

Не разговаривая, они подошли к дому Луиса и остановились у ворот гаража. Ветер постанывал и подвывал. Ничего не говоря, Луис пожал руку Джада.

— Я лучше пойду, — сказал Джад, наконец. — Лоуэлла Биссон или Руфи Парке уже, должно быть, привезли Норму домой, и она недоумевает, черт побери, куда я подевался.

— У тебя есть часы? — спросил Луис. Он удивился тому, что Нормы не было дома. Его мускулы говорили ему, что время давно за полночь.

— Конечно, — ответил Джад. — Я взял часы, когда переодевался перед тем, как уехала Норма.

Он выудил часы из кармана штанов и слегка нажал так, чтоб открылась крышечка.

— Восемь тридцать, — сказал он и со щелчком захлопнул крышечку.

— Восемь тридцать? — глупо повторил Луис. — Всего?

— А ты думал, что намного позже? — спросил Джад.

— Да, — согласился Луис.

— Ладно, увидимся завтра, Луис, — сказал Джад и пошел к своему дому.

— Джад?

Тот обернулся к Луису, слегка удивленный.

— Джад, что мы делали сегодня вечером?

— Мы хоронили кота твоей дочери.

— И это все?

— Да, ответил Джад. — Ты, Луис, хороший человек, но задаешь слишком много вопросов. Иногда люди делают вещи, которые кажутся единственно верными! Это значит, что в глубине души, люди считают, что так поступать правильно. И если они все так сделают, а потом им начинают задавать вопросы — это нехорошо. У них может случиться расстройство желудка, и они начнут считать, что думали жопой и сделали все неправильно. Понимаешь, что я имею в виду?

— Да, — согласился Луис, думая, что Джад словно прочитал его мысли, когда они шли назад через пустырь к дому Луиса.

— О чем они не думают, так это о вопросах, которые могут вызвать сомнения, и о том, что они сами в глубине души могут начать сомневаться, — закончил Джад, пристально взглянув на Луиса. — Вот так-то, Луис.

— Думаю, может, ты и прав, — медленно проговорил Луис.

— То, что сокрыто в сердце мужчины, не дает ему много говорить о таких вещах. Понятно?

— Да...

— Нет, — резко сказал Джад, словно Луис и впрямь рассердил его. — Все не так. — Ив его спокойным голосе была такая уверенность и такая неумолимость и что-то еще, что заставило Луиса покрыться мурашками. Он продолжал:

— Есть тайные вещи. Женщины считают, что лучше хранят секреты, но я считаю: у женщин есть несколько своих секретов: любая женщина, которая хоть что-нибудь соображает, скажет вам, что на самом деле ничего не понимает в сердце мужчины. Луис, у мужчин каменные сердца — крепкие, как и земля на том месте, где раньше хоронили Микмаки. Слишком тонкий слой почвы... Но мужчина тоже выращивает, что может... и пожинает плоды.

— Джад...

— Не спрашивай, Луис. Пусть случится, что случится Только помни: надо следовать зову своего сердца.

— Но...

— Ничего больше. Пусть случится, что случится, Луис. И следуй зову своего сердца. В этот раз мы все сделали правильно... так что, надеюсь, с Черчем будет все в порядке. В другой раз что-то может не получиться... не получиться, черт побери! — Ты можешь мне ответить на один вопрос?

— Хорошо. Сперва задай, а потом посмотрим.

— Откуда ты узнал о том месте? — этот вопрос пришел Луису в голову по пути назад, ведь Джад мог и сам быть отчасти Микмаком. — хотя он был не похож на индейца, выглядел так, словно все его предки были стопроцентными англичанами.

— От Станни, — сказал он, посмотрев на Луиса удивленно.

— Вот так просто он тебе рассказал?

— Нет, — ответил Джад. — Это не то место, о котором можно вот так просто рассказать. Я похоронил там моего пса Слота, когда мне исполнилось десять лет Мой пес погнался за кроликом и налетел на ржавую, колючую проволоку. Рана загноилась, и пес умер.

Тут было что-то не так, что-то не вязалось с тем, что Луис слышал раньше, и он досадовал, что попал в тупик и не может вспомнить, понять в чем дело. Но Джад больше ничего не сказал, только внимательно посмотрел на Луиса.

— Спокойной ночи, Джад, — сказал Луис.

— Спокойной ночи.

С киркой и лопатой на плече старик пересек дорогу.

— Спасибо! — поддавшись какому-то импульсу, воскликнул Луис.

Джад не повернулся; он только поднял руку, давая понять, что слышит.

И тут неожиданно в доме Луиса зазвонил телефон.

* * *

Луис побежал, содрогнувшись от боли, которая вспыхнула в верхней части тела и спустилась вниз, — боли перенапряженных мускулов. Но когда он заскочил в теплую кухню, телефон прозвонил всего шестой или седьмой раз. Звонок оборвался, когда Луис схватился за трубку. Поднеся трубку к уху, Луис сказал: «Алло», но ответил ему только долгий гудок.

«Это — Речел, — подумал он, — но я же могу перезвонить ей».

Неожиданно набрать номер Чикаго оказалось такой трудной работой... так же трудно как танцевать с матерью Речел... о, ошибочка... как танцевать с ее отцом, размахивающим чековой книжкой... готовым заплатить за Речел... и потом еще Элли! Элли могла захотеть поговорить с папочкой. В Чикаго время сдвинуто на час. Элли могла спросить папочку, как чувствует себя Черч.

«Замечательно. Черч великолепен. Попал под грузовик „Оринго“. Однако, я не уверен, что это был грузовик „Оринго“. Кто еще может не оценить драматичность того, что случилось, если вы понимаете, что я имею в виду? Не понимаете? Да ладно, не обращайтесь

внимания... Грузовичок прикокнул кота, но нет, что вы, ничуть не изуродовал. Джад и я похоронили котика в земле, где в старые времена хоронили своих мертвецов добрые Микмаки. Это своеобразная такая пристроечка к Хладбищу Домашних Любимцев, если вы понимаете, что я имею в виду — Да, как-нибудь отведу вас туда. Мы возложим цветы к могилке... ах, извините, к пирамидке нашего котика... Конечно, после того, как трясинка замерзнет, а мишки отправятся спать на зиму».

Повесив трубку, Луис завернул в ванну и наполнил ее горячей водой. Сняв одежду, он выкупался. Назло холоду он пропотел, словно побывал в парилке, да и воняло от него страшно.

В холодильнике оставались бефбуи. Луис отрезал несколько ломтиков, взял кусок хлеба с тмином и прибавил два толстых кружка салатного лука. Мгновенно он созерцал свое творение, а потом полил его кетчупом и накрыл еще одним куском хлеба. Если бы Речел и Элли были рядом, они скривили бы носы в одинаковой гримасе отвращения... ох, и толстый же сэндвич получился!

«Хорошо, но вы упустили случай покривить носами, мои милые дамы», — подумал Луис и с жадностью и удовольствием проглотил сэндвич. На вкус просто великолепно! «Поговорка гласит: кто пахнет как свинья, ест как волк», — подумал Луис и улыбнулся. Он послал следом за сэндвичем несколько больших глотков молока из картонного пакета... еще один поступок, увидев который, Речел бы нахмурилась. А потом он отправился в кровать, не почистив зубы! Боль растаяла, став едва ощутимой, ноющей, и Луис стал чувствовать себя почти хорошо.

Его часы оказались на том самом месте, где он их оставил, и Луис посмотрел, который час. Десять минут девятого! На самом деле невероятно!

Луис выключил свет, лег на бок и уснул.

Он проснулся часа в три ночи и, шаркая, отправился в туалет. Мочась, он зажмурился от яркого света лампы, словно сова, а потом неожиданно понял, в чем противоречие, которое не давало ему покоя, и глаза его вылезли из орбит... словно два куска соединились с глухим стуком и отскочили в разные стороны.

Вечером Джад сказал ему, что его пес умер, когда Джаду было десять... умер от инфекции после того, как налетел на кусок ржавой, колючей проволоки. Но в конце лета, когда они все вместе ходили на Хладбище Домашних Любимцев, Джад говорил, что собака умерла от старости и была похоронена на хладбище — он даже показал надгробие, хоть годы и стерли надпись, нацарапанную на нем.

Луис спустил воду, выключил свет и вернулся в постель. Что-то еще было неправильно... и тут он понял, что еще не так. Джад родился одновременно с веком, а в тот день на Хладбище Домашних Любимцев он сказал Луису, что его собака умерла в первый год Первой Мировой. Тогда Джаду было четырнадцать, если он имел в виду начало войны в Европе. Его призвали, когда ему исполнилось семнадцать, но Америка уже перестала участвовать в военных действиях.

Но вечером Джад сказал, что Слот умер, когда Джаду было десять лет...

«Ладно, Джад — старик, а старые люди могут путаться в воспоминаниях, — с облегчением подумал Луис. — Джад сам говорил, что замечает, как забывает имена и адреса, которые знал раньше; иногда встает утром, пытаясь вспомнить, что он накануне планировал сделать в это утро. Для человека его возраста, слава Богу, он обладает великолепной памятью... но, может, как раз тут старость одержала верх; забывчивость, так звучит даже лучше правильное. Ничего особенного в том, что человек забыл точную дату смерти собаки, когда прошло лет шестьдесят. Да и обстоятельства, при которых она умерла, забыл. Забыл и все».

Но Луис не мог уснуть. Долго он лежал, не засыпая, вслушиваясь в тишину пустого дома, а ветер шуршал плющом снаружи.

Наконец, он уснул, не сознавая, когда перешел грань сна, но, видимо, он все-таки уснул, потому что, если бы он не уснул, как бы он услышал шлепанье босых ног, шаги кого-то, кто

медленно поднимался по лестнице? Тогда Луис подумал: «Оставь меня, Пасков! Оставь меня одного, что сделано, то сделано. Что умерло, то умерло...» И шаги стихли.

И хотя множество других необъяснимых вещей еще случилось за этот насыщенный событиями год, Луиса больше никогда не беспокоил призрак Виктора Паскова, как наяву, так и во снах.

ГЛАВА 23

Луис проснулся в девять часов утра на следующее утро. Яркий, солнечный свет потоками лился через восточное окно спальни. Зазвонил телефон, Луис потянулся и взял трубку.

— Алло?

— Эй! — сказала Речел. — Я тебя разбудила? Надеюсь, что так.

— Вредина, ты и правда разбудила меня, — ответил Луис, улыбаясь.

— Оооо, какие грязные выражения, ты... старый медведь, — сказала Речел. — Вчера вечером я пыталась дозвониться до тебя. Был у Джада?

Луис колебался одну крошечную часть мгновения.

— Да, — ответил он. — Немного пива. Норма отправилась на какой-то ужин в честь Дня Благодарения. Я думал позвонить тебе, но... ты знаешь Они немного поболтали. Речел рассказала ему о своей семье, то, без чего Луис мог бы спокойно прожить, хоть и получил небольшое удовлетворение, узнав, что отец Речел почти облысел.

— Хочешь поговорить с Гаджем? — спросила Речел. Луис усмехнулся.

— Конечно, — сказал он. — Только не давай ему отключить линию, как он делал раньше.

На другом конце провода сильно загрохотало. Луис смутно слышал, как Речел уговаривает ребенка сказать папочке «Эй». Наконец Гадж позвал:

— Эй, папа!

— Привет, Гадж, — весело сказал Луис. — Как дела? Как твоя жизнь? Ты снова утянешь дедушкину подставку для трубки? Надеюсь на это. Может, ты помнешь его коллекцию чеканки, как в прошлый раз?

Гадж секунды три счастливо бубнил, пересказывая что-то, жадно глотая слова и лепеча, и все же в его лепечущем рассказе оказалось несколько слов, которые можно было распознать: «мама», «Элли», «деда», «баба», «биб» (произнесенное в лучших традициях янки — «биипф» Луис удивился такому произношению).

Наконец, Речел под негодующие завывания Гаджа забрала у него телефонную трубку, к неизмеримому облегчению Луиса. Он любил своего сына и скучал по нему, словно безумный, но поддерживать разговор с ребенком, которому еще нет двух лет, то же, что играть в карты с лунатиком; непонятно, что и как, а потом вы оказываетесь круглым дураком.

— А как вообще? — спросила Речел.

— Все в порядке, — ответил Луис, не колеблясь... но он знал, что пересек линию. Назад пути нет. Речел потом спросит его о том, как он провел с Джадом прошлый вечер, и он должен будет что-то ей сказать. Неожиданно он вспомнил, как Джад Крандолл говорил: «У мужчин каменные сердца... Но мужчина тоже выращивает, что может... и пожинает плоды». — Все хорошо. Немного скучно, если хочешь знать, дорогая. Скучаю по вас.

— Ты и в самом деле хочешь сказать мне, что не радуешься своему отсутствию на интермедии в нашу честь.

— Ах, я так люблю покой! — признался он. — Точно. Но он надоедает через какие-нибудь двадцать четыре часа или около того.

— Могу я поговорить с папочкой? — послышался приглушенный голос Элли.

— Луис? Тут Элли.

— Ладно, давай ее.

Он говорил с Элли минут пять. Она лепетала о кукле, которую подарила ей бабушка, о

путешествии и о том, что делалось у деда на скотном дворе («Рабочие, они воняют, папочка», — сказала Элли, а Луис подумал: «Да и твой дед сам, конечно, не роза. Отнюдь не конфетка»), о том, как она помогала печь хлеб, и о том, как Гадж удрал от Речел, когда та переодевала его. Гадж убежал вниз и накакал прямо у двери дедушкиного кабинета. «Вот-те парень, Гадж! Молодец!» — подумал Луис и усмехнулся.

Он уже думал, что вывернулся... по крайней мере, в это утро, и был готов попросить Элли передать трубку маме, чтобы попрощаться, когда Элли спросила:

— А Черч? Он скучает по мне?

Улыбка Луиса увяла, но он приготовил ответ заранее.

— Он в порядке. Я дал ему немного бефбуи вечером, а потом выпустил его. С утра я его еще не видел, но я только проснулся. «Ах, мальчик, ты становишься великим лжецом — невозмутимым лжецом, доктор Крид. Когда вы последний раз наблюдали случай с летальным исходом? Кот, говоришь, поужинал. Отведал бефбуи. И с тех пор его никто не видел...»

— Хорошо, поцелуй его от меня.

— Конечно, я поцелую вашего кота, мадемуазель, — сказал Луис, а Элли захихикала.

— Хочешь еще поговорить с мамочкой?

— Да. Давай-ка ее.

Вот и все. Он еще поговорил с Речел пару минут. О Черче больше не было сказано ни слова. Обменявшись с женой признаниями в любви, Луис повесил трубку.

— Вот так, — сказал он пустой, залитой солнечным светом комнате. Может, это и правильно, но Луису казалось: он не сделал ничего плохого и ни в чем не виновен.

ГЛАВА 24

Около девяти тридцати позвонил Стив Мастертон и спросил, не хочет ли Луис приехать в университет, поиграть в теннис... «Университет пуст», — весело сказал Стив, и они могут играть в теннис сколько влезет.

Луис мог его понять... во время учебного семестра в университете можно было прождать в очереди на теннисный корт дня два... но Луис отказался, заявив Стиву, что хочет поработать над статьей, которую пишет для «Журнала Медицинского Колледжа».

— Точно? — спросил Стив. — Сплошная работа и никакого веселья сделали из Джека скучного парня.

— Может, попозже, — сказал Луис. — Может быть, позже.

Стив сказал, что всегда готов и повесил трубку. Луис только наполовину солгал; он хотел поработать над статьей, которая касалась лечения инфекционных болезней, таких как ветрянка, но главная причина, почему он отверг предложение Стива: после вчерашнего все мускулы у него болели и ныли. Он обнаружил это, когда закончил говорить по телефону с Речел и отправился в ванную чистить зубы. Мускулы спины скрипели, вызывая стоны; плечи болели из-за того, что он так долго таскал проклятого кота в полиэтиленовом мешке, а сухожилия под коленками напоминали струны гитары, ослабленной на три октавы. «Боже, — подумал Луис. — И у меня еще была глупая надежда, что все обойдется?» Он живо представил, как стал бы играть в теннис со Стивом, неуклюже двигаясь, словно человек, пораженный артритом.

Надо серьезно поговорить со стариком. Луис не сделал этого вчера вечером на обратном пути. Он шел с человеком, которому почти восемьдесят пять, но Луис удивился, если бы Джад этим утром чувствовал себя так же плохо, как он.

Полтора часа Луис просидел над статьей, но работа не клеилась. Пустой дом и тишина действовали ему на нервы, и, наконец, Луис сложил стопкой свои желтые блокноты с обложками, подбитыми поролоном, и ксероксы статей, которые он писал на заказ для Джона Хопкинса, уложив их на полку над своей пишущей машинкой, надел парку и пошел через дорогу к дому Джада.

Джада и Нормы дома не оказалось, но в щель двери был засунут конверт, на котором было написано его имя Луис вытащил конверт и достал письмо.

Луис, я с женою в Бакспорте. Мы поехали по магазинам взглянуть на уэльский кухонный шкаф от Ефраима Галориума, на который лет сто назад положила глаз Норма, так, по крайней мере, кажется. Возможно, что на ленч мы заедем к Мак-Леодам, так что домой вернемся поздно. Заходи на пиво поздно вечером, если хочешь.

Семья есть семья. Не хочу быть чересчур настырным, но если бы Элли была моей дочерью, я бы не стал рассказывать ей ничего о том, что случилось с ее котом, о том, что он убит на шоссе... почему бы не дать девочке просто наслаждаться каникулами?

И еще, Луис, я не хочу говорить о вчерашнем вечере, об истории Северного Ладлоу. Есть другие люди, которые знают о захоронениях Микмаков. Они тоже хоронили там своих домашних животных — Можешь считать, что там — вторая половина «хладбища»... Хочешь верь, хочешь нет, даже быка однажды там хоронили! Старый Лейстер Морган, который расстался с жизнью на дороге в Стакпол, похоронил там своего призового быка Ханратта. Это случилось в 1967 или 68 годах. Ха, ха! Он рассказывал мне, как вместе с двумя парнишками тащил быка туда. Я смеялся... думал, у меня будет грыжа! Но те, кто живут тут, не любят говорить об этом месте, и им не нравится, когда люди, которых они воспринимают как «чужаков», знают об этом, не из-за каких-то старых суеверий, которым лет триста или больше (хотя они по-прежнему существуют), а потому что они верят в эти суеверия и считают, что любой «чужак», узнавший об этом, станет смеяться. Не возникало такого желания? Уверен, что нет, однако, все может быть. Итак, прошу не говорить о нашем маленьком приключении... понятно? Это ведь не трудно...

Может, мы поговорим об этом как-нибудь вечерком, когда ты станешь больше понимать, но сейчас должен сказать, ты можешь собой гордиться, уж это-то я точно знаю.

Джад.

P. S.

Норма не знает, о чем это письмо... я рассказал ей другую историю... и я тоже буду молчать об этом деле, если ты согласишься. Я лгу Норме не больше одного раза за пятьдесят восемь лет, что мы женаты. Я уверен, большинство мужчин говорят своим женам больше неправды, но ты знаешь, большинство из них уже стоят перед Богом и исповедуются.

Ладно, приходи вечером, и мы немного выпьем.

Джад.

Луис стоял на ступеньке, ведущей на веранду Крандоллов, сейчас пустующую (удобная мебель из ротгана была убрана до весны), и хмурился. Не говорить, что кот Элли погиб... он и не сказал. Там хоронили и других животных? Суеверия, которым триста лет?

...когда ты станешь больше понимать...

Он провел по этой строке пальцем и мысленно вернулся к событиям прошлого вечера. Происходившее вспоминалось смутно, словно леденец сна или воспоминания о прогулке, которую совершил под легким кайфом. Луис помнил, как лез через бурелом и странное путешествие по болоту... то, что на болоте, как ему показалось, было на градусов десять-двенадцать теплее. Но он был словно под наркозом, в том состоянии, когда перед глазами уже все поплыло, но вы еще не вырубилось.

...и я уверен, большинство мужчин говорят своим женам намного больше неправды...

«Женам и девушкам», — подумал Луис... но это же сверхъестественно. Джад, казалось, знал, что ему позвонят, знал о телефонном разговоре и о мыслях Луиса.

Луис медленно сложил письмо, написанное на листочке линованной бумаги, словно вырванной из школьной тетради, и положил его назад в конверт. Конверт он опустил себе в карман и отправился обратно через дорогу.

ГЛАВА 25

Было около часа дня, когда вернулся Черч. Он пришел, словно кот в детских стишках.

Луис был в гараже. Последние шесть недель в свободное время он сооружал совершенно роскошные полки. Установив их в гараже, он хотел убрать подальше из дома все опасные вещи, такие как бутылки с жидкостью для протирки автомобилей, антифриз и острые рабочие инструменты, так чтоб Гадж не смог до них добраться. Луис вколачивал гвоздь, когда, задрав хвост, появился Черч. Луис не выронил молоток и не ударил по пальцу, но сердце его забилось быстрее... чуть не выпрыгнуло из груди. Словно раскаленная проволока пронзила низ его живота, а потом в мгновение ока, остыв, как нить накала в лампочке, перегорела. Словно все солнечное утро в пятницу после Дня Благодарения, он ждал появления Черча, — так сказал он себе потом. — Словно он где-то, в глубине, некой примитивной частью своего разума знал, что их долгая вечерняя прогулка к кладбищу Микмаков принесет свои плоды.

Луис осторожно положил молоток, выплюнул гвозди, те, что держал во рту, в ладонь, а потом спрятал их в карман своего рабочего передника. Подойдя к Черчу, Луис взял кота на руки.

«Живой вес, — подумал Луис с тошнотворным возбуждением. — Кот такой же, каким был до того, как его сбили. Он снова весит как живой. В полиэтиленовом мешке он был намного тяжелее»

Сердце Луиса стучало с бешеной скоростью — несло прыжками. На мгновение гараж поплыл у него перед глазами.

Черч заложил уши, но позволил держать себя на руках. Луис вынес его на солнечный свет и сел на ступеньки лесенки у черного входа. Кот попытался сбежать, но Луис удержал его, посадив на колено. Сердце Луиса постепенно замедлило свой ритм.

Луис осторожно погладил толстый загривок Черча, помня, как безвольно болталась голова кота на сломанной шее вчера вечером-. Теперь под пальцами он чувствовал мускулы и сухожилия. Приподняв Черча, Луис посмотрел поближе на морду кота. То, что он увидел, заставило его отшвырнуть животное в траву и закрыть лицо рукой, крепко зажмурившись. Окружающий мир поплыл перед глазами Луиса, и голова закружилась — чувство такого сорта, как он помнил, возникает при сильном опьянении, перед тем как начинается рвота.

На морде Черча осталась капелька свернувшейся крови, а к его длинным усам прилипли две крошечные крошки зеленого полиэтилена. Кусочки мусорного мешка.

«Мы поговорим об этом, когда вы станете больше понимать».

О, боже, он уже понял больше, чем хотел.

«Помогите мне, — подумал Луис, — иначе я отправлюсь в ближайший сумасшедший дом».

* * *

Луис отнес Черча домой, уложил его на синее одеяльце и открыл банку кошачьего обеда из тунца. Пока он перекладывал серовато-коричневую массу в миску, Черч неожиданно замурлыкал и потерялся туда-сюда о ногу Луиса. Почувствовав прикосновение кота, Луис покрылся гусиной кожей, и ему пришлось крепко сжать зубы, чтобы пинком не отшвырнуть Черча. Пушистые бока кота казались чересчур гладкими, пушистыми, словом, отвратительными. Луис решил, что не сможет заставить себя еще раз дотронуться до Черча.

Когда он нагнулся поставить тарелку на пол, Черч оказался у него за спиной, и Луис почувствовал запах «прокисшей» земли... так словно земля эта набилась в мех кота.

Шагнув назад, Луис стал смотреть, как кушает кот. Он слышал чавканье зверя. Разве раньше Черч так чавкал? Может, так оно и было, но Луис никогда раньше не обращал на это внимания. Звук был воистину отвратительный. «Мутант!» — так выругалась бы Элли.

Резко отвернувшись, Луис отправился наверх. Он хотел пойти прогуляться, но сперва решил подняться наверх и почти бегом помчался по лестнице. Раздевшись, он бросил свою одежду в стирку, так же как прошлым вечером поменял пропитанное потом белье. Он сделал себе горячую ванну, такую горячую, как только мог выдержать, и шлепнулся в нес.

Пар поднимался вокруг, и Луис почувствовал, как горячая вода размягчает его мускулы, помогает ему расслабиться. Принимая ванну, можно ни о чем не беспокоиться, мысленно расслабиться. Со временем вода начинает охлаждаться... Луис почувствовал сонливость...

«Черч вернулся, словно кот из детского стишка. Все в порядке! Большое дело сделано!»

Все было ошибкой! Но ведь вчера вечером ему даже показалось, что Черч выглядит чересчур хорошо для кота, которого сбила машина!

«Мысли о всех этих шныряниях по лесу, котах и собаках, сбитых на дороге... — подумал он. — Разорванные тела, вывороченные кишки... Искусство, — так сказал Лоудон Ванрайт во время передачи о мертвых скунсах».

Теперь все очевидно: Черча сбила машина, его оглушило. Кота отнесли на место, где раньше хоронили Микмаки. Он был без сознания, но не мертвый. Ведь говорится, что у кота девять жизней! Слава Богу, что Луис ничего не сказал Элли, пусть она никогда не узнает, что случилось с Черчем.

«Кровь в уголке рта и шея... его шея была сломана...»

Но он же врач, а не ветеринар. Он поставил ошибочный диагноз, вот и все. Нужно было провести подробный осмотр, а не просто встать на колени на лужайке Джада при минус двадцати, когда солнце уже почти село. И он же был в теплых перчатках. Это могло быть...

Раздутая, уродливая тень появилась на кафельной стене ванны, словно голова маленького дракона или какой-то чудовищной змеи; тень, легко скользя, прикоснулась к голой ноге Луиса. Луис пулей вылетел из ванны, расплескав воду и намочив коврик. Через некоторое время он повернулся и уставился в мутные желто-зеленые глаза кота своей дочери, который восседал на опущенном стульчаке унитаза.

Черч медленно раскачивался взад-вперед, словно пил из невидимого блюдца. Луис не отводил глаз от кота. Луиса трясло от отвращения; крик готов был вырваться из его груди сквозь крепко сжатые зубы. Черч раньше никогда не выглядел так... никогда не раскачивался, пытаясь, словно змея, загипнотизировать свою жертву.. — но раньше он был в порядке, не то, что теперь. Первый и последний раз у Луиса появилась мысль, что перед ним другой кот, просто очень похожий на кота Элли; кот, который просто забрел в гараж, когда Луис делал полки, а настоящий Черч похоронен под пирамидкой на обрыве, там, в лесу. Но следы на теле кота... и одно порванное ухо... и лапа, выглядевшая чуть потрепанной Элли прищемила Черчу лапу дверью, еще когда они жили в пригороде Чикаго, когда Черч был еще совсем котенком.

Черч, точно!

— Убирайся отсюда! — хрипло прошептал Луис.

Черч посмотрел на него еще мгновение... боже, его глаза изменились. Что-то в них стало другим. Потом кот спрыгнул со стульчака. Приземлился он без обычной кошачьей грациозности, неловко покачнувшись, ударившись с глухим стуком ляжками о ванну, а потом выскользнул за дверь.

«Это не он», — подумал Луис.

Луис вынул пробку, и ванна быстро опустела. Он побрился и почти оделся, когда зазвонил телефон — режущий уши звук в пустом доме. Когда раздался звонок, Луис крутанулся, выпучил глаза и вскинул руки, потом медленно опустил их. Его сердце забилося энергичнее. Мускулы получили приток адреналина.

Звонил Стив Мастертон, снова приглашая поиграть в теннис, и в этот раз Луис согласился встретиться с ним в Гимнастическом Комплексе через час. Конечно, к тому времени он еще не придет в себя, да и теннис — последняя вещь в мире, заниматься которой ему хотелось, но он согласился. Он хотел убраться подальше от этого кота, этого сверхъестественного кота, которого тут и вовсе не могло быть.

Торопливо застегнув рубашку, Луис засунул шорты, футболку и полотенце в сумку на молнии и побежал рысью вниз по лестнице.

Черч лежал на четвертой ступеньке снизу. Споткнувшись о кота, Луис едва не упал. Но в последний момент он ухватился за перила и избежал довольно неприятного падения.

Он стоял у подножия лестницы, прерывисто дыша. Сердце выскакивало из груди. Адреналин бежал по венам.

Поднявшись, Черч потянулся... и словно улыбнулся ему. Луис отпустило. Он выгонит этого кота. Он знал это, но не сделал этого прямо сейчас. Луис знал, пока не вернулась Элли, нельзя прикасаться к коту.

ГЛАВА 26

Джад зажег сигарету деревянной спичкой, потом потушил спичку и бросил ее в крошечную пепельницу с хорошо различной рекламой Джима Беама на дне.

— Конечно, это Стенли Бучард рассказал мне о том месте, — он сделал паузу, задумавшись.

Легонько звякнули стаканы с пивом, стоявшие перед ними на клетчатой клеенке, закрывающей кухонный стол. Бочонок растительного масла, прикрепленный к стене, неторопливо булькнул три раза и затих. Луис поужинал, перехватив со Стивом по сэндвичу «для подводников» в пустынной «Берлоге медведя». Он еще раньше обнаружил, что если заказывает в Мэйне что-то из знакомых ему по Чикаго блюд, официанты не понимают, о чем он говорит. Заказывай что-нибудь попроще и вес будет в порядке. Перекусив, Луис стал лучше относиться к возвращению Черча, почувствовав, какая ему открывается перспектива, но не спешил возвращаться в пустой дом, где был кот... он ведь мог прятаться где угодно...

Норма молча сидела с ними, смотрела телевизор и вышивала: солнце садилось позади маленького деревенского домика. Кроны деревьев черными силуэтами вставали на фоне заката. Вышивка Нормы предназначалась для церковной распродажи, что состоится за неделю до Рождества. Распродажа всегда приносит приличные деньги. Пальцы Нормы двигались, прокалывая иглой материю, натянутую на железный обруч. В этот вечер артрит не давал о себе знать. Луис предположил, что, может, все дело в погоде. Было холодно, но очень сухо. Норма совсем оправилась после сердечного приступа артрита. Оставалось меньше десяти недель до кровоизлияния в мозг, которое должно было убить ее, но сейчас Норма чувствовала себя хорошо. Луис подумал, что выглядит не такой уж изможденной и кажется намного моложе. В этот вечер он смог представить себе девушку, которой Норма когда-то была.

В четверть десятого Норма сказала «спокойной ночи», и теперь Луис с Джадом остались наедине. Но старик ничего не говорил, а только выпускал сигаретный дым и следил за его клубами, словно ребенок, наблюдающий за работой парикмахера, следивший, куда упадут срезанные волосы...

— Станни Б.? — мягко подсказал Луис. Джад моргнул и, казалось, пришел в себя.

— Да, конечно, — сказал он. — Каждый в Ладлоу... вокруг Бакспорта, Проспекта и Оррингтона, я так считаю, называл его Станни Б. В тот год, когда умерла моя собака... я имею в виду 1910 год, когда она умерла в первый раз... Станни уже был чокнутым стариком. Были и другие, кто знал о том месте, о месте, где хоронили своих мертвых Микмаки, но я-то столкнулся со Станни Б. Я только слышал о том месте, а он знал, и отец его знал. Всей семьей они были настоящими канаками. Джад засмеялся и пригубил пива.

— До сих пор слышу его выговор на ломаном английском... Он нашел меня сидящим за платной конюшней, которой пользовались те, кто на перекладных ездил по 15 шоссе... тогда оно называлось Бенгор-Бакспорскрй дорогой. Она, дорога, проходила прямо через то место, где сейчас стоит завод «Оринго». Спот еще не сдох, но отходил, и мой отец послал меня купить корм для цыплят, который нужен был не больше, чем корове дерьмо на заднем дворе. Но я хорошо знал, почему он меня отсылает.

— Он хотел убить пса?

— Да... он знал, как нежно я отношусь к Споту, поэтому и отослал меня. Я договорился насчет корма для цыплят и, пока старый Йорки готовил смесь, я пошел побродить по округе... уселся на старый точильный камень, который иногда местные

использовали вместо трибуны.

Джад медленно и лениво потрянул головой и чуть улыбнулся.

— Тут ко мне и подъехал Станни Б., — продолжал старик. — Одна половина города думала, что он — безвредный, а другая считала его опасным. Его дед был известным траппером и торговцем пушниной в начале 1800-х. Дед Станни исходил тут все, от Маритайма до Бангора и Дерри, иногда забирался очень далеко на юг, доходя даже до Сковхегана; скупал шкуры, по крайней мере, я так слышал. Он разъезжал в большом фургоне, крытом кожей, словно странствующий лекарь. На этом фургоне он исколесил всю округу, а будучи настоящим христианином, он проповедовал о Воскрешении Христа, даже когда напивался (так говорил Станни, а он любил поговорить про своего деда), но он носил и индейские амулеты, потому что верил, что все индейцы (не важно, какому племени они принадлежат) — часть единого большого племени... потерянного племени сынов Израилевых, если верить Библии. Он говорил, что все индейцы связаны с Адом, и их магия работает, потому что они в чем-то христиане, а к колдовству пришли странным, проклятым путем. Дед Станни торговал с Микмаками, заключал с ними сделки, когда большая часть трапперов и торговцев уже ушла на запад. Он платил индейцам мало, и поэтому, как говорил Станни, держал Библию возле сердца, но Микмакам нравилось слушать его речи о святых. Говорил он от чистого сердца и проповедовал в этих краях еще до того, как тут появились зверобой и дровосеки.

Джад замолчал. Луис терпеливо ждал.

— Микмаки рассказали деду Станни Б, о земле, где раньше они хоронили своих мертвых, но уже тогда там не хоронили, потому что Вакиньян дал земле скиснуть, и не только там, на Маленьком Болоте Бога, да и во всей округе. Истории о Вакиньяне в те дни можно было услышать по всему северу. Эти истории очень напоминали некоторые из историй раннего христианства... Норма отругала бы меня, как богохульника, если бы услышала то, о чем мы тут говорим, Луис... Иногда, если зима длинная и суровая, а есть нечего, индейцы севера шли в такие места умирать или... делать что-то еще...

— Каннибализм? Джад пожал плечами.

— Может быть. Может быть, они выбирают того, кто постарше, и свежую. Тогда на некоторое время у них есть тушеное мясо. А история, которую они расскажут белым, будет звучать примерно так: «Вакиньян прошел через нашу деревню или стоянку, и пока мы спали забрал тех, кто проспал. А потом Вакиньян дал нам мяса».

Луис кивнул.

— Говорят, Дьявол точно так и поступает.

— Да. Я и сам догадывался, что Микмаки каннибалы... Потом они хоронили обглоданные кости одного или двух соплеменников, может, и десятка, а может, дюжины в той земле.

— А потом решили, что земля скисла? — пробормотал Луис.

— Значит, Станни Б, завернул на конюшню раздавить бутылочку, — сказал Джад, — хоть она уже и была наполовину пустой. Его дед, может, даже и миллион скопил, к тому времени как помер... так люди говорили... а у Станни Б, ничего не было — пустым отребьем он был. Он спросил меня, кто меня обидел, и я все ему рассказал. Посмотрев, как я завываю, он сказал, что дело можно поправить, если я храбрый и сам захочу все поправить. Я ответил ему: что он может сделать, если ничего не может сделать ветеринар. «Не ветеринар я, и ничего такого не знаю, — сказал мне Станни, — но я знаю, как помочь твоему псу, парень. Сейчас ты иди домой и скажи отцу, пусть положит пса в мешок из-под зерна, но только сам его не хорони ни в коем случае! Ты должен будешь оттащить его на Хладбище Домашних Любимцев и оставить там в тени большого бурелома. Потом ты возвращайся домой, а его оставь там». Когда я спросил, что хорошего будет в этом, Станни сказал, что я должен буду не спать ночью, а когда он кинет камнем в окно, вылезти из дома... «Я приду в полночь, мальчик, так что, если ты забудешь о Станни Б, и уснешь. Станни Б, забудет о тебе, и ты можешь распрощаться со своим псом. Он отправится прямо в Ад!»

Джад посмотрел на Луиса и закурил следующую сигарету.

— Я все сделал, как велел Станни. Когда я вернулся, отец сказал, что пристрелил пса, чтобы тот не мучился. Мне даже ничего не пришлось говорить насчет Хладбища. Мой отец сам спросил меня, хочу ли я похоронить Спота там. Я ответил, что согласен. Так что, положив пса в мешок из-под зерна, я потащил его на Хладбище. Отец спросил меня, не нужно ли мне помочь. Я ответил: нет, потому что помнил о словах Станни. Я не спал всю ночь — мне показалось целую вечность. Знаете, как для детей тянется время в таких случаях. Мне уже казалось, что вот-вот и наступит утро, а часы пробили десять, потом одиннадцать. Пару раз я засыпал, но каждый раз неожиданно просыпался. Такое ощущение было, словно кто-то встряхивает меня и говорит:

«Просыпайся, Джад! Просыпайся!» Словно что-то хотело, чтобы я не заснул.

Брови Луиса поползли вверх, а Джад пожал плечами.

— Когда часы внизу пробили одиннадцать, я поднялся и одетым сел на кровать. В окне светила луна. Дальше... Часы внизу пробили полночь, потом час ночи, а Станни так и не было. Забыл он обо мне этот проклятый пьяница. Так я решил, и уже готов бы, раздеться, когда два камешка звякнули о стекло. Черт побери еще чуть-чуть и они разбили бы его. Стекло треснуло, но я заметил это только утром, а моя мать узнала в начале зимы, когда поинтересовалась, почему у меня в комнате так холодно. Так что я первым делом подбежал к окну и открыл его. Оно заскрипело, задребезжало — но это был единственный путь выбраться из дому, если хочешь погулять после полуночи.

Луис рассмеялся, хоть и помнил, как сам в возрасте десяти лет в темное время суток пытался выбраться из дому. Он твердо был уверен, что ночью окно, которое никогда не скрипело днем, заскрипит.

— Я шумел так, что мои должны были бы решить, что лезут грабители, но я был совершенно спокоен. Я слышал, как мой отец занимается своими делами в спальне на первом этаже. Выглянув, я увидел Станни Б., стоящего на дороге и глядящего вверх, качающегося, словно дул сильный ветер, хотя не было даже легкого дуновения ветерка. Не думал я, что он придет, Луис. Кроме того, он был в той стадии опьянения, когда бодрствуешь, словно фили и стюносом, и ничто тебя не заботит. И тут он мне закричал, только мне показалось, что сам он считает, что шепчет: «Давай, спускайся, или мне нужно забраться к тебе туда?» «Ш-ш!» — прошипел я, до смерти боясь, что мой отец выйдет на веранду посмотреть, кто там кричит. Тогда он устроил бы мне хорошую жизнь. «Что ты говоришь?» — спросил Станни еще громче, чем раньше. Если бы мои родители в это время высунулись из дома, Луис, мне был бы конец. Но они находились в спальне, где теперь спим мы с Нормой. Ее окна выходят на реку.

— Ты быстро спустился? — спросил Луис. — Еще пива, Джад? — Он уже выпил бутылки на две больше обычного, но, казалось, все в порядке, правда, разговор получался каким-то натянутым.

— Знаю, ты понял меня, — сказал Джад и зажег новую сигарету. Он подождал, пока Луис не вернулся на свое место. — Нет, я не посмел спуститься по лестнице. Ведь пришлось бы пройти мимо спальни родителей. Я прополз по шпалерам плюща, перебирая руками, так быстро, как только мог. Неожиданно испугался. Тебе я могу сказать: в ту ночь я больше боялся отца чем предстоящего путешествия со Станни Б. на Хладбище Домашних Любимцев.

Джад раздавил свою сигарету.

— Мы пошли туда вдвоем, и я решил, что Станни Б. должно быть, упал дюжину раз, и еще будет падать не раз, прежде чем мы доберемся до Хладбища. Но он шел все дальше и дальше и не падал: судя по запаху он до отказа был накачан кукурузной водкой. Один раз остановившись, он стал ругаться так, словно ему член в горло запилили. И еще у него с собой была кирка и лопата. Когда мы пришли на Хладбище, я думал, он швырнет мне кирку и лопату, а сам станет смотреть, как я копаю яму. На самом деле оказалось, что он немного протрезвел. Он велел мне идти дальше через бурелом, дальше в лес, где есть еще одно

кладбище. Я посмотрел на Станни, который едва стоял на ногах, и на бурелом, а потом заявил: «Вы не сможете забраться туда, Станни Б., вы себе шею свернете» А он ответил: «Ни ты, ни я шеи не ломаем. Я смогу туда залезть да еще прихвачу мешок с твоим псом». Он стал карабкаться на бурелом быстро, словно шел по ровному месту. Даже вниз, под ноги, не смотрел, а Спота волочил за собой, хоть Слот, должно быть, футов тридцать пять весил, если не больше. Луис. А на следующий день у меня вес болело и ломило все мускулы. А как ты чувствовал себя сегодня утром? Луис не стал ничего отвечать, только кивнул. — Мы шли и шли, — продолжал Джад. — Мне казалось, что мы будем идти бесконечно. Лес в те дни был гуще. Множество птиц пело среди деревьев, теперь ты уже такого не услышишь. Животные шныряли вокруг, скорее всего олени, но это могли быть и лоси, и медведи и рыси. Когда перебрались через бурелом, я сам поволок Спота. Через некоторое время у меня появилась мысль, что старый Станни Б, давно сбежал, а я иду следом за индейцем. Вот он сейчас как повернется, и я увижу его насмешливые черные глаза, лицо с характерными чертами Микмаков; почувствую отвратительный запах от длинных волос. А у индейца будет томагавк, сделанный из куска сланца и рябиновой ветви, к которой сланец будет привязан сыромятными ремнями. Индеец схватит меня за горло и одним ударом снимет с меня скальп... одним махом со всего черепа. Станни больше не падал и не качался. Он легко шел вперед, высоко подняв голову, словно его вела вперед какая-то высшая идея. Но когда мы подошли к краю Маленького Болота Бога, и он повернулся, я увидел, что все в порядке, это Станни Б., а не какой-нибудь индеец. Не качался же Станни и не падал потому, что был напуган. Испуган так, что протрезвел. Он рассказал мне кое-что из того, что я говорил вам прошлой ночью... о тенях и огнях Святого Эльма, и о том, что я не должен обращать внимания на то, что вижу или слышу... «Главное, — объяснил он, — ничего не говорить, раз оно с тобой». Потом мы пошли через болото. И я ничего не видел. Я не хотел рассказывать тебе об этом, но я был там всего раз пять после того, как мне исполнилось десять лет, и я никогда не видел ничего похожего на огни или на то, о чем я тебе говорил. Да, видно и не увижу ничего такого, Луис, потому что мое путешествие в место, где хоронили Микмаки, в этот раз было последним.

«Почему я сижу здесь и слушаю все это? — едва ли не вслух спросил себя Луис... три банки пива сделали его разговорчивым, но только говорил он в основном для себя „ Я не должен тут сидеть и, развесив уши, слушать историю про старого пьяницу и индейское кладбище, о духе Вакиньяна и домашних любимцах, которые сами по себе возвращаются к жизни? Во Имя Господа, кот был просто оглушен, вот и все. Машина сбила его и оглушила.. — не большое дело. А все остальное — старческие небылицы“

Но все было не так, и Луис это знал, и три бутылки пива не могли излечить его от этого, да и тридцать три не смогли бы.

Черч был мертвым — это одно. Он жив сейчас — это другое; теперь он изменился, стал совсем иным — это третье. Что-то случилось. Джад вернул долг, который, как он считал... но с медицинской точки зрения похороны в той земле, где хоронили Микмаки, возможно, не такое уж хорошее лечение. И Луис теперь видел что-то в глазах Джада, подсказавшее ему то, что старик сам об этом знает. Луис подумал о том, что видел... или думал, что видел... в глазах Джада прошлым вечером. Что-то веселое и задорное. Подумав. Луис вспомнил, что решение взять Луиса и кота Улли на ночную прогулку, словно и не принадлежало Джаду.

«Если не его это решение, тогда чье?» — мысленно спросил Луис. И не найдя ответа. Луис отмел прочь неприятный вопрос.

— Я похоронил Спота и построил пирамидку из камней, — вяло продолжал Джад. — Пока я это делал, Станни Б. уснул. Я тряс его черт знает сколько времени, пытаюсь поднять.. — но к тому времени, как мы спустились по этим сорока четырем ступенькам...

— Ступеней было сорок пять, — пробормотал Луис. Джад кивнул.

— Да, конечно. Ты прав. Сорок пять. К тому времени, как мы спустились, он шел так же ровно, словно снова чего-то сильно опасался. Мы прошли через болото, лес, бурелом и, перейдя через дорогу, оказались у моего дома. Мне тогда показалось, путешествие длилось

часов десять, но по-прежнему было темно. «И что теперь?» — спросил я у Станни Б. «Теперь ты должен подождать и увидишь, что случится», — ответил Станни и ушел. Думаю, что в ту ночь он спал на нашем заднем дворе. Вот так и вышло, что моего пса Спота, которому тогда было года два, оживил Станни Б. А жизнь Станни пошла плохо. Сперва он как-то заблудился в лесу, а потом, уже в 1912 году, 4 июля, нашли его труп. Но что до меня, в ту ночь я залез назад по плющу и улегся в кровать, а заснул, лишь только моя голова коснулась подушки. На следующее утро я проснулся почти в девять, когда моя мать позвала меня. Мой отец работал на железной дороге и уходил из дома часов в шесть, — Джад сделал паузу, подумав. — Моя мать звала меня, Луис. Она кричала...

Джад подошел к холодильнику, достал себе «Миллерса» и открыл бутылку пива о выдвижную ручку под хлебницей. Его лицо казалось желтым в рассеянном свете — цвета никотина. Одним залпом опорожнив полбутылки, он рыгнул, словно выстрелил из пистолета, а потом посмотрел через гостиную на дверь комнаты, где спала Норма. Потом он снова посмотрел на Луиса.

— Мне тяжело говорить об этом, — продолжал он. — Мысленно я возвращался к тем событиям каждый год, но раньше я никогда не рассказывал о них. Думаю так же, как о том, каким способом люблю трахать баб. Но я расскажу тебе, Луис, потому что у тебя теперь тоже есть свой «домашний любимец». В общем-то, опасности нет, но... бывает по-разному. Ты согласен?

Луис подумал о Черче, прыгнувшем со стульчака, о том, как его ляжки ударились о край ванны. Он вспомнил тусклые кошачьи глаза, раньше так ярко блестящие.

Наконец, он кивнул.

— Когда я спустился вниз, моя мама стояла, вжавшись спиной в угол между нашим ящиком со льдом и кухонным столом. На полулежала белая занавеска, которую мама собиралась повесить. А в дверях кладовой стоял Спот, мой пес. Он был весь мокрый, с грязными лапами. мех у него на животе тоже оказался грязным, скатавшимся. Пес просто стоял... не рычал, ничего такого.. — просто стоял... и было совершенно ясно, это он загнал маму в угол, хотел он того или нет. Мама моя была в ужасе, Луис. Не знаю, как ты относился к своим родителям, я сужу по себе... я очень любил обоих. Понимая, что это из-за меня мама пришла в такой ужас, я расстроился, даже не обрадовался тому, что Спот стоит тут живой и невредимый. Я даже не удивился.

— Понимаю, я почувствовал примерно то же, — сказал Луис. — Когда увидел Черча сегодня утром. Я лишь.... кажется, похоже на... — Он замялся на мгновение. «Совершенно естественно это было», — именно эти слова немедленно пришли ему в голову, но тут было что-то другое, больше похожее на неизбежную дурную весть.

— Да, — сказал Джад. Он закурил новую сигарету. Его руки чуть тряслись. — И моя мама посмотрела на меня, стоящего в нижнем белье, и закричала: «Накорми своего пса, Джад. И пусть он убирается отсюда, до того как помнет и испачкает занавеску». Потом я нашел обрезки мяса и позвал Слота, но тот ушел не сразу. Мне даже показалось, он не сразу понял, что я зову его. Я даже подумал, что это не Спот, а какой-то пес, выглядевший как Спот, и все такое...

— Да! — воскликнул Луис. Джад кивнул.

— Но когда я позвал его во второй раз или в третий, он пришел. Двигаясь рывками, он приблизился ко мне. Я отвел его на веранду, и, будь я проклят, если он, пока бежал к двери, не растянулся. Он сожрал обрезки мяса так, словно за ним гнались волки. Вот тогда-то я и испугался, начал думать о том, что случилось. Я опустился на колени и обнял пса. Я так рад был увидеть его. Тут он лизнул меня в лицо, а потом...

Джад содрогнулся и допил свое пиво.

— Луис, его язык был холодным. Существо было Спотом, а когда лизнуло меня, у меня ощущение было, словно кто-то провел мне по щеке дохлой рыбой.

Мгновение они молчали, потом Луис попросил:

— Продолжайте.

— Он ел, а когда закончил, я взял старое корыто, которое держал для Спота позади веранды, и вымыл его. Спот всегда ненавидел купание. Обычно мне приходилось купать его вместе с отцом, а когда все заканчивалось, мы могли выжимать свои штаны и рубашки. Спот после выглядел пристыженным... как могут выглядеть все собаки. Но обычно после, извалявшись в грязи, он прыгал на веревки с бельем и мазал все простыни в грязи. Мама кричала на меня с отцом и говорила, что пристрелит пса до того, как тот умрет собственной смертью. Но в этот день Спот спокойно сидел в тазу, и я спокойно вымыл его. Мне это не понравилось. Все выглядело так, словно... словно я мыл мертвый кусок мяса. Я взял старое полотенце и насухо вытер пса. Я видел шрамы, которые остались на его теле от колючей проволоки... они не заросли шерстью. Шрамы напоминали маленькие ямочки. Выглядело все так, словно с того момента, как пес получил эти раны, прошло лет пять или даже больше.

Луис кивнул. На своей работе он время от времени встречался с такими вещами. Рана, казалось, заживала частично. Мысль о ранах заставила Луиса подумать о могилах, о тех днях, когда он работал «на побегушках», и о том, что зажившие таким образом раны никогда не гноились.

— Потом я осмотрел голову пса. Там никаких ямочек не было, выросла белая шерсть — маленький белый кружочек за ухом.

— В том месте, куда твой отец выстрелил? — спросил Луис.

Джад кивнул.

— Выстрелить в голову человеку или животному, не значит пристукнуть его на все сто, как это может показаться, Джад. Всегда будут самоубийцы и те, кто ломится напрямую... не все знают, что пуля может удариться о черепную коробку и, описав полукруг, выйти с другой стороны, даже не задев мозга. Я лично столкнулся со случаем, когда парень выстрелил себе в голову над правым ухом и умер, потому что пуля, обогнув череп, разорвала яремную вену с другой стороны головы. Траектория пули выглядела как огромное авеню.

Джад улыбнулся и опять кивнул.

— Я помню, как сам читал что-то похожее в одной из газет Нормы в «Звезде» или «Справках»... в одной из них. Но мой отец сказал, что Спот сдох, Луис. Он на самом деле сдох...

— Да ладно, — сказал Луис. — Раз выговорите, что было так, значит так и было.

— А кот твоей дочери был мертв?

— Думаю, что так, — ответил Луис.

— Ты же должен был точно определить. Ты же доктор.

— Ты говоришь так, что это звучит: «Ты же должен был точно определить, Луис, потому что ты — Бог». Я — не бог. Было темно...

— Точно. Было темно, а голова кота болталась на шее, словно на шарикоподшипнике, а когда ты стал шевелить его, оказалось, что он примерз к земле. Луис, когда ты его поднимал, звук был такой, словно отрывают с металла клейкую ленту. С живой тварью так не бывает. Только в том случае ты перестанешь плавить под собой лед, если сдохнешь.

В соседней комнате часы пробили десять тридцать.

— Что сказал твой отец, когда пришел домой и увидел пса?

— Я был на дороге, играл в камешки, в грязи, так или иначе поджидал его. Я чувствовал себя так, словно сделал что-то неправильное и знал, что, возможно, меня за это выдерут. Отец при шел около восьми, одетый в железнодорожную форму, шапка, такая словно с подкладкой из поролон... видел такие?

Луис кивнул, потом зевнул, прикрыв рот тыльной стороной руки.

— Да, уже поздно, — сказал Джад. — Может, на этом закончим?

— Еще не поздно, — возразил Луис. — Просто выпито немного больше, чем обычно. Продолжай, Джад. Я хочу услышать всю историю до конца.

— Мой отец оставил с обеда кусок старого сала, — продолжал Джад, — и он нес его в руке и размахивал им. Да еще зачем-то свистел. Уже начинало темнеть, но он и в сумерках заметил меня и сказал: «Эй, давай сюда, Джадкинс! — он любил так меня называть. А

потом, — Где твой?..» Он не продолжил, потому что вспомнил, а тут из темноты выбежал Спот, но бежал он не как обычно, готовый напрыгнуть на отца, показать, что рад видеть его, а как-то вяло, поджав хвост. Мой отец тогда выронил кусок сала и отступил. Мне показалось: отец тоже подожмет хвост и попятится, побежит к забору, но он стоял, как вкопанный, глядя на пса. А когда Спот подпрыгнул, отец схватил его за передние лапы и держал их, словно пальчики дамы, с которой готовился пуститься в пляс. Он долго смотрел на пса, потом на меня, и, наконец, сказал: «Его нужно выкупать, Джад. Он него воняет землей». А потом отец ушел в дом.

— И что ты стал делать? — поинтересовался Луис.

— Снова искупал его. Спот также спокойно сидел в ванне. Когда я вернулся в дом, мама уже спала, хотя еще не было девяти часов. Мой отец сказал: «Мы должны поговорить, Джадкинс». И я сел рядом с ним, а он говорил со мной, как никогда раньше в моей жизни... словно запах жимолости, растущей возле твоего дома, сменил запах роз, — Джад Крандолл вздохнул. — Я всегда думал, Луис: хорошо, когда с тобой говорят так, но в тот вечер такое обращение мне не понравилось. Ни чуточки. Весь вечер в тот день у меня было ощущение, словно я смотрелся в зеркало, висящее прямо передо мной, через другое зеркало и видел себя, идущим через анфиладу зеркал. Сколько это длилось... Ощущение то же, как когда занимаешься сексом, но никак не кончить. — Твой отец знал об этом месте.

— Конечно. «Кто показал тебе его, Джад?» — спросил он меня, и я рассказал ему. Он лишь кивнул, словно такого ответа и ждал. Я решил, что, возможно, все так и есть, хотя потом узнал, что в то время в Ладлоу было шесть или даже восемь человек, которые могли отвести меня туда. Я решил, что отец знает: Станни Б. — единственный настолько безумный, чтоб по-настоящему заняться этим.

— Ты спрашивал, почему он сам не отвел тебя туда, Джад?

— Да, — сказал Джад. — Во время нашего долгого разговора спросил об этом. И отец сказал мне: это — плохое место, даже больше, и в этом месте нет ничего хорошего ни для людей, потерявших своих домашних любимцев, ни для самих животных. Он спросил меня, нравятся ли мне те перемены, что произошли со Слотом? И ты знаешь, Луис, я долго еще пытался ответить на этот вопрос... я хочу, чтобы ты понял мои чувства... чтоб ты понял, потому что рано или поздно ты придешь и спросишь меня, почему я отвел тебя туда, если это — плохо? Не так ли?

Луис кивнул. Что подумает о Черче Элли, когда вернется? Луис о многом передумал, пока играл в теннис со Стивом Мастертоном.

— Может быть, я сделал это потому, что дети должны знать о том, что иногда Смерть — лучший выход, — с трудом произнес Джад. — Элли это должна знать. Я решил, что она этого не знает, потому что этого не знает твоя жена. Теперь можешь сказать, если я ошибаюсь, и оставим эту тему.

Луис открыл рот, а потом закрыл его, ничего не сказав. Джад продолжал. Говорил он очень медленно, выдавливая слово за словом, так же как на Маленьком Болоте Бога в предыдущую ночь.

— Я видел, как время от времени такое случается, — рассказывал он. — Я помню, говорил тебе, что Лейстер Морган похоронил там своего быка, Черного Ангуса по имени Ханратт. Разве не глупое имя для быка? Умер он от какой-то язвы, и Лейстер тащил его туда на санях. Как он сделал это, как перелез через бурелом... я не знаю... но говорят, что если захочешь это сделать, то обязательно получится. И как только он дотащил быка до той земли, где хоронят... это все — чистая правда. Ладно... Ханратт вернулся, но Лейстер пристрелил его через две недели. Бык изменился, в самом деле изменился. Но он был единственным зверем, о котором я такое слышал. Большинство из вернувшихся кажутся... немного заторможенными... немного медлительными... немного...

— Немного мертвыми?

— Конечно, — согласился Джад. — Немного мертвыми. Словно они побывали... где-то... и вернулись назад... но не до конца. Однако, твоя дочь не узнает о том, что ее кот

попал под машину, был убит и вернулся назад. Ты, конечно, можешь ей сказать, но так нельзя... Но...

— Но нет правил без исключений, — сказал Луис больше для себя, чем для Джада.

— Да, — согласился Джад. — Иногда ты можешь сделать исключение. Может быть, после этого твоя дочь узнает что-то о Смерти... о том месте, где кончается боль и начинаются хорошие воспоминания. Ты не скажешь ей это прямо: она все приукрасит для себя. А если она чем-то и нравится мне, так это тем, что любит своего кота, тут нет ничего язвительного, дурного или чего-то в таком духе. Она любит кота, и она сама все решит и вздохнет с облегчением, когда кот на самом деле умрет — Так вот почему ты отвел меня туда, — проговорил Луис. Теперь он чувствовал себя лучше. Он получил какое ни на есть объяснение. Объяснение получилось несколько расплывчатым; оно основывалось больше на ощущениях, чем на рациональной логике, но сейчас оно его устраивало. Значит, он может забыть о том, что подумал, когда прошлым вечером на краткое мгновение увидел лицо Джада... тот неприятный, дурной взгляд... Теперь все нормально.

Неожиданно Джад резким движением закрыл лицо обеими руками. Вначале Луис решил, что у старика что-то заболело и, чуть приподнялся, беспокоясь, пока не увидел, как тяжело вздымается грудь Джада; и тогда Луис понял, что старик едва сдерживается, чтобы не зарыдать.

— Может, так, а может, и нет, — сказал Джад чужим голосом, словно задыхаясь. — Я сделал это по одной причине, по той же причине я столкнулся с Лейстером Морганом. А Лейстер Морган отвел туда Линду Лавескью, после того как ее собака выбежала на дорогу. Он повел ее туда уже после того как пристрелил того проклятого быка, избавил от страданий загонщиков, которые гонялись за ним по всему пастбищу. Лейстер Морган сделал это потому, что... — Джад почти рыдал, — потому что Христос надоумил его сделать это...

— О чем ты говоришь, Джад? — спросил Луис, встревожившись.

— Лейстер, я и Станни делали это по одной и той же причине. Ты же сделал это потому, что так было предначертано. Ты сделал это потому, что место, где хоронили Микмаки — тайное место, а ты захотел узнать секрет, когда тебе подвернулась подходящая причина... — Джад убрал руки от лица и посмотрел на Луиса. Его глаза показались Луису невероятно древними и невероятно усталыми. — Иначе, зачем ты пошел и сделал это? У тебя была причина... и она показалась тебе достаточно веской... но сделал ты это потому что сам хотел, или думал, что хочешь. Мой отец не повел меня туда, потому что только слышал о месте, где хоронили Микмаки, но никогда там раньше не был. Станни Б, часто бывал там раньше, и в тот раз отвел меня... семьдесят лет прошло... а потом... Все это однажды...

Джад тряхнул головой и сухо закашлялся в ладонь.

— Послушай, — продолжал он. — Послушан, Луис. Бык Лейстера оказался единственным проклятым животным. Я даже знаю, что с ним было. Маленький чау миссис Лавескью после того, как воскрес, укусил полицейского.. — Я слышал много разного... и животные всегда становились хуже.. — но мой Спот всегда был хорошим. Правда, с тех пор от него всегда воняло так, словно он вымазался в дерьме... но он оставался хорошим псом. И, Луис, если ты сегодня ночью убьешь своего кота, я ни слова не скажу. Это место.. — поймав однажды, оно держит тебя. Ты всегда находишь причины, которые кажутся вескими. Но я не ошибаюсь, Луис. Не ошибаюсь. Все, что я наговорил тут тебе, — правда. Лейстер ошибался. Станни Б. — тоже, а я — нет, черт побери! И слава Богу! Но ведь воскрешать, это то же, что играть в Бога, разве нет?

Луис снова открыл рот, а потом закрыл его. Фраза: «пусть случится, что случится», — теперь звучала неправильно, неправильно и жестоко. «Джад, я не могу снова убить этого проклятого кота».

Джад допил пиво, а потом осторожно поставил бутылку рядом с другими пустыми бутылками.

— Я решился и сделал, как решил, — сказал он. — И я все рассказал.

— Могу я задать еще один вопрос? — спросил Луис.

— Думаю, да, — сказал Джад. Тогда Луис спросил:
— А кто-нибудь хоронил там людей? Рука Джада конвульсивно дернулась. Две пустые бутылки из-под пива упали со стола и одна из них разбилась.
— Боже правый! — сказал старик Луису. — Нет И кто же станет делать такое? Я надеюсь, больше ты не станешь говорить о таких вещах, Луис!
— Любопытно... — протянул Луис.
— Такие вещи не делают ради любопытства, — сказал Джад Крандолл, и в первый раз Луис Крид увидел его старость и немощность так, словно стоял на краю собственной свежерытой могилы.
Позже, дома, он еще вспоминал, как Джад посмотрел на него в тот момент.
Это был взгляд лжеца, пытающегося скрыть свою ложь.

ГЛАВА 27

Луис не чувствовал, что напился, пока не пошел назад к своему дому.
На улице светили звезды, и холодный месяц висел в небе. Света было мало, и предметы не отбрасывали тени, но видно было. Зайдя в гараж, Луис ослеп, так как там оказалось темно. Где-то должен быть выключатель, но будь он проклят, если сможет найти его. Луис шел на подгибающихся ногах; голова кружилась. Что-то болезненно кольнуло в ногу, чуть ниже колена. Или это игрушка? Он уронил что-то, сам едва удержался на ногах. Маленький велосипед с красными паровозными колесами. — или это безумный трехколесный велосипед Гаджа?

Но где же кот? Может, он удрал?

Однако, Луис сбился с курса и уперся в стену В палец ему впиалась заноза, и Луис завопил — Бля!

Он кричал во тьму, понимая, что его крик звучит безумно. Казалось, все замерло. Выключателя нигде поблизости не было, и Луис понятия не имел, где находится этот е... й выключатель, и где дверь, ведущая на кухню.

Луис пошел дальше, двигаясь медленно, вытянув вперед руки. «Словно слепой», — подумал он и вспомнил концерт Стиви Уондера, на котором был с Речел. — . когда же это было? Лет шесть назад? Речел тогда носила Элли. Два парня всучили слепому Стиви синтезатор, проведя его через кабели, змеящиеся по сцене, так как сам он мог споткнуться. И позже, когда он поднялся, пританцовывая с одной из чернокожих девиц, та вывела его на чистое место, и они стали танцевать. «Он хорошо танцевал», — подумал Луис. Он хорошо танцевал, но ему нужна была рука, которая отвела бы его туда, где он мог бы танцевать.

«Как насчет руки, которая привела бы меня к двери кухни?» — подумал Луис... и неожиданно содрогнулся.

Если сейчас во тьме появится рука, которая коснется его, ах, как он закричит... и будет кричать, кричать, кричать.

Он неподвижно стоял, его сердце с грохотом билось. «Иди, — приказал он себе. — Отбрось все к е... й матери, иди и иди — Но где же этот с — и кот?»

Потом Луис на что-то наткнулся. Задний бампер автомобиля с закрытым верхом. Боль от ушибленного колена поднялась по его телу, так что на глазах выступили слезы. Схватившись за ногу, Луис начал гладить ее, стоя на другой ноге, словно цапля, но, наконец понял, где он. Луис попытался снова что-нибудь разглядеть во тьме. Где-то здесь он оставил своего кота, но сейчас он не хотел до него дотрагиваться, брать его на руки и...

И тут горячее, пушистое, маслянистое тело Черча потерлось о его лодыжку. Кот закрутился вокруг икры Луиса, словно удав, и тогда Луис закричал... Он широко открыл рот и закричал.

ГЛАВА 28

— Папочка! — воскликнула Элли.

Она побежала к нему по трапу, ныряя и выныривая между выходящих из самолета пассажиров, словно защитник американского футбола. Пассажиры уступали ей дорогу, посмеиваясь. Луис был немного смущен рвением дочери, но он чувствовал, как большая, глупая усмешка появилась на его лице.

Речел несла на руках Гаджа. Малыш увидел Луиса, когда Элли закричала:

— Напоччка! — А, увидев Луиса, Гадж завопил и начал извиваться в руках Речел. Та улыбнулась («усталое лицо», — подумал Луис) и поставила малыша на пол. Гадж побежал вслед за Элли.

— Пап! Пап!

Луис успел заметить, что Гадж в новом джемпере, которого раньше у малыша не было... похоже, его купил дед, чтобы специально позлить Луиса.

Тут в папочку врезалась Элли и начала карабкаться на него, как на дерево.

— Папочка! — снова загудела она и радостно чмокнула его в щеку.

— Дорогая, — сказал он и нагнулся, чтобы поймать Гаджа. Луис посадил малыша на руку, а потом обнял обоих детей.

Подошла Речел. Дорожная сумка и покстбук *note 15* в одной руке, комбинезон Гаджа в другой. «Скоро я стану большим парнем» — было напечатано на спине комбинезона. Заявление, больше приободряющее родителей, чем малыша, который носит комбинезон с такой надписью. Взгляд Речел напоминал взгляд профессионального фотографа после долгой, изнурительной работы.

Луис просунул голову между детьми и поцеловал Речел.

— Привет!

— Привет, — сказала она и улыбнулась.

— Ты выглядишь побитой.

— Так и есть. До Бостона долетели без проблем. Нормально пересели в другой самолет. Без проблем взлетели, а когда самолет накренился, сделал круг над городом, Гадж посмотрел вниз и сказал: «Хватит, хватит». А потом его вырвало.

— О, Боже!

— Я отправилась с ним в туалет, — продолжала Речел. — Вот и думаю, что это: вирус или отравление? А может, его просто укачало.

— Поехали домой, — сказал Луис. — Я оставил «чили» на плите.

— Чили! Чили! заверещала Элли в ухо Луису, возбужденная и полная восхищения.

— Чивви! Чивви! — закричал Гадж в другое ухо.

— Пошли, — сказал Луис, — заберем ваши чемоданы и смоемся отсюда.

— Папочка, а как там Черч? — спросила Элли, когда он поставил ее на пол. К этому вопросу Луис был готов, но он забыл подготовиться к полному любопытства личику Элли, к глубокой складке появившейся между ее темных, синих глаз. Нахмурившись, Луис посмотрел на Речел.

— На выходных она проснулась с криком, — спокойно объяснила Речел. — Она видела во сне кошмар.

— Мне приснилось, что Черч убежал, — сказала Элли.

— Слишком много сэндвичей с индюшатиной после тяжелого дня, вот мое мнение! — сказала Речел. — И еще ее пронесло. Вправь ей мозги, Луис, и поехали из аэропорта. За последнюю неделю я так нагладелась на аэропорты, что хватит на пять лет вперед.

— С Черчем все в порядке, дорогая, — медленно произнес Луис.

«Да, с ним все в порядке. Он лежит где-нибудь возле дома, смотрит вокруг своими странными, мутными глазами... словно высматривает ту часть своего „это“, что покинула его... В ту ночь я вышвырнул твоего котика из дома метлой, потому что не хотел, чтоб он

еще раз в темноте коснулся меня. Я вымел его из дома, и он куда-то ушел. А на другой день, Элли, когда я открыл дверь, оказалось, что он поймал мышку. Или точнее: оставил мышку у меня под дверью. Только сперва он позавтракал кишками той мышки. И если уж говорить о завтраках, то свой я сразу же выблевал. Иначе...»

— С ним все в порядке.

— Ох, — вздохнула Элли, и складочка у нее на переносице разгладилась. — Ох, как хорошо. Когда я увидела этот сон, я решила, что Черч мертв.

— Почему? — спросил Луис и улыбнулся. — Сны ведь бывают забавными и только. Разве не так?

— Ттттак! — заверещал Гадж... он достиг «уровня попугая», который в своем развитии прошла и Элли. — Так! — он сильно дернул Луиса за волосы.

— Пошли, малыш, — сказал Луис, и они отправились к месту выдачи багажа...

Они уже почти добрались до закрытой машины, припаркованной довольно далеко, когда Гадж заговорил странным, икающим голосом:

— Хватит, хватит!

В этот раз он выблевал все на Луиса, который по этому поводу поставил на землю четыре, связанных по два, чемодана. Видимо, Гадж придумал себе кодовое слово: «Хватит», которое означало:

«Я сейчас буду блевать; кто не спрятался, я не виноват».

После всего, это, видимо, был вирус.

Когда они отъехали миль на семнадцать от Бангорского аэродрома, направляясь к себе домой в Ладлоу, Гадж начал выказывать признаки страха, а потом впал в неприятную дремоту. Луис заехал в гараж и уголком глаза заметил Черча, скользнувшего вдоль стены. Хвост кота был высоко поднят, а глаза внимательно следили за подъезжающей машиной. Кот растворился в призрачном свете умирающего дня, а через мгновение Луис увидел выпотрошенную мышь, лежащую рядом с четырьмя старыми шинами, положенными друг на друга. Луис расчистил тут снег, дожидаясь приезда Речел и детей. В сумраке гаража внутренности мыши сверкали розовым.

Луис быстро выскользнул из машины и намеренно ударил ногой по куче шин, так что они разъехались, словно горка черных шашек. Две верхних шины сползли вниз и закрыли мышь.

— Оооп! — только и сказал Луис.

— Ты псих, папочка, — добродушно заметила Элли.

— Да! — воскликнул Луис, охваченный болезненным весельем. Но вместо этого ему тоже хотелось сказать: «Хватит, хватит» и выблевать все, что скопилось в желудке.

— Папочка — псих!

Луис вспомнил, как Черч убил крысу, еще до своего таинственного воскрешения. Раньше, еще в Чикаго, он загонял мышей в угол и играл с ними в смертоносные игры, но Луис или Речел всегда вовремя вмешивались. Котов, как считал Луис, привлекала перспектива как можно дольше играть с мышью, если кот сыт.

— Ты собираешься стоять тут и грезить, или поможешь мне с ребенком? — спросила Речел. — Возвращайся с планеты Монго *note 16*. Доктор Зарков... земля нуждается в вас. — Она говорила устало и раздраженно.

— Извини, дорогая, — пробормотал Луис и подошел к Гаджу, который был горячим, как угли, высыпавшиеся из печи.

В тот вечер только трое из них ели знаменитый «Южный Чили Луиса». Гадж, полуотключившись, сидел в гостиной на софе. У него был жар и апатия. Он пил из бутылочки теплый куриный бульон и смотрел по телевизору мультики.

Note16

Планета, на которую совершал полеты герой множества комиксов, фильмов и книг — Флеш Гордон. Доктор Зарков — его постоянный спутник

После ужина Элли подошла к двери гаража и позвала Черча. Луис, который мыл посуду, пока Речел распаковывалась наверху, надеялся, что кот не придет, но надежды не сбылись... Черч пришел сразу, двигаясь на свой новый, покачивающийся лад. Он пришел сразу, словно он... оно... затаилось и ждало. Затаилось. Слово немедленно запомнилось, отложилось в голове.

— Черч! — закричала Элли. — Черч! — Она взяла кота на руки, обняла его. Луис следил за происходящим уголком глаза. Его руки, утонувшие в пенс, перебирали серебряные ножи и вилки. Он увидел, как счастье на лице Элли сменилось замешательством. Кот спокойно лежал у нее на руках, заложив уши. Глаза кота и девочки встретились.

Через какой-то долги и промежуток времени (Луису он показался очень долгим) Элли отпустила Черча. Кот прыгнул с ее рук, даже не оглянувшись. «Потрошитель маленьких мышек, — между делом подумал Луис. — Боже, что же мы будем делать этой ночью?»

Он попытался вспомнить свой поход в место, где хоронили Микмаки, но все показалось ему таким тусклым, словно грязная смесь, вытекающая из головы Виктора Паскова на пол в фойе лазарета. Луис помнил лишь удары ветра и белое мерцание снега в темноте, когда они шли по лесу. Вот и все.

— Папочка, — тихо позвала Элли мягким голосом.

— Что, Элли?

— От Черча странно пахнет.

— Да? — спросил Луис. Его голос оставался совершенно равнодушным.

— Да, — устало ответила Элли. — Да! Раньше от него так никогда не пахло! Он пахнет словно... словно ка-ка!

— Может, он вымазался в чем-то, моя сладкая, — сказал Луис. — Что бы это ни был за запах, рано или поздно он выветрится.

— Надеюсь, — сказала Элли, передразнивая какую-то престарелую даму. Потом она вышла.

Луис взял последнюю вилку, вымыл ее и закрыл кран. Он стоял возле раковины, вглядываясь в ночь, пока мыльная вода капала из сушки с громким звоном.

Когда шум капель смолк, Луис услышал, как завывает снаружи ветер. Пронзительно и дико он завывал. Ветер дул с севера и нес к ним зиму. Луис понял: он боится, просто глупо боится неведомо чего, как порой боишься, когда облака закрывают солнце или когда слышишь тихие звуки, идущие непонятно откуда...

* * *

— Тридцать восемь? — спросила Речел. — Боже, Луис. Ты уверен?

— Это вирус, — сказал Луис. Он попытался не дать Речел говорить дальше, потому что ее голос звучал обвиняюще и раздражал его сейчас. Она устала. Для нес этот день оказался чересчур долгим. Она с детьми пересекла чуть ли не полстраны. Элли уже крепко спала в своей комнате. Гадж лежал на их кровати в состоянии, которое лучше всего можно было охарактеризовать как полубессознательное. Луис уже час как начал давать ему тетрациклин.

— Но после тетрациклина лихорадка вернется.

— Ты же не станешь давать ему энфициклин или еще что-нибудь в таком духе?

Луис начал терпеливо объяснять:

— Если бы у малыша был грипп или какая-то инфекция, я обязательно сделал бы все так, как ты предлагаешь. Но тут что-то другое. У него какой-то вирус, а при вирусах лекарства, о которых ты говоришь, не так уж хороши. Он только чаще станет ходить в туалет и начнется обезвоживание организма.

— Ты уверен, что это вирус?

— Ладно, если ты с моим мнением не считаешься, поступай, как сочтешь нужным, — фыркнул Луис.

— Ты не должен на меня кричать! — закричала Речел.

— Я не кричу! — снова фыркнул Луис. — Кричишь! — начала Речел. — Ты кри-кри-чишь! — И тут рот ее задрожал, и она закрыла лицо руками. Луис увидел большие серо-коричневые синяки у нее под глазами и встревожился...

— Извини, — сказал он и сел рядом с ней. — Боже, я не знаю, что на меня нашло. Речел, извини, Речел...

— Все в порядке, все в порядке, — ответила она, слабо улыбаясь. — Разве не это ты сказал мне однажды? Сука. А я так боялась, что ты прямо в аэропорту устроишь скандал, когда увидишь джемпер Гаджа. Я решила, может, я расскажу тебе все сейчас, пока ты чувствуешь, что виноват передо мной.

— Что-нибудь, за что можно устроить тебе скандал? Речел слабо улыбнулась.

— Моя мама и папа подарили Гаджу десять обновок — Сегодня он был в одной из них.

— Не заметил, чтоб на нем было что-то новое, — коротко сказал он.

— Я видела, что ты заметил, — заявила Речел и комично наморщилась, заставив Луиса рассмеяться, хотя он и не чувствовал желания веселиться. — И еще они подарили шесть новых платьев Элли.

— Шесть платьев! — только и сказал Луис, чуть не вскрикнув от возмущения. Неожиданно он разозлился и обиделся, потому что не мог сформулировать, почему именно злиться. — Речел, зачем они сделали нам такой подарок? Почему? Мы ведь не нищие?... Мы все можем купить сами...

Луис замолчал. Гнев не давал ему говорить. На мгновение он увидел, как несет мертвого кота Элли через лес, перекладывая полиэтиленовый мешок из одной руки в другую... и Ирвина Голдмена — этого грязного, старого пердуна с Лесного Озера, пытающегося купить внимание дочери неисчерпаемостью своей, известной на весь мир чековой книжки и известным на весь мир вечным пером...

На мгновение Луис почувствовал — еще чуть-чуть и он крикнет: «Он купил ей шесть платьев и все, а я тащил се с — окота! Я воскресил его! Так кто любит Елену больше?»

Но он проглотил эти слова. Никогда не скажет он ничего такого. Никогда!

Жена ласково прикоснулась к его щеке.

— Луис, — сказала она. — Одежду выбирали папа и мама вместе. Пожалуйста, попытайся понять. Пожалуйста. Они любят своих внуков и долго их не видели. И они уже старые. Луис, ты бы не узнал моего отца. В самом деле.

— Я его узнаю! — прошептал Луис.

— Пожалуйста, дорогой. Попытайся их понять. Попытайся войти в их положение. Это тебе не повредит. Луис долго смотрел на жену.

— Ладно, — наконец сказал он. — Может, я и не прав, но мне кажется, что все именно так.

Речел открыла рот, чтобы еще что-то сказать, но тут Элли позвала из своей комнаты. — Мама! Папа! Кто-нибудь!

Речел вскочила, но Луис заставил ее сесть.

— Оставайся с Гаджем, а я пойду посмотрю. — Он решил, что знает, почему кричит его дочь. Но он же выгнал кота из дома после того, как Элли пошла спать! Поймал его на кухне, когда Черч вынюхивал что-то вокруг своей миски, и выставил из дома. Луис не хотел, чтобы кот спал с Элли. Больше никогда этого не будет. Станные мысли о болезни, смешанные с воспоминаниями о похоронной конторе дяди Карла, полезли в голову, когда Луис представил себе Черча, спящего в кроватке Элли.

«Она понимает, что что-то не так; что Черч раньше был лучше».

Луис выставил кота из дома, но когда он вошел в комнату дочери, Элли сидела в кровати, сонная, а Черч растянулся на покрывале, словно тень летучей мыши. Глаза кота были открыты и слабо светились в темноте.

— Папочка, убери его, — почти простонала Элли. — Он так плохо пахнет!

— Ш-ш-ш, Элли. Спи, — сказал Луис, удивляясь, как спокойно он говорит. Неожиданно он подумал о том, что случилось утром после прогулки во сне, на следующий

день после смерти Паскова; как почувствовал себя неудобно, нырнул в туалетную комнату, посчитав, что выглядит черт-те знает как. Но выглядел-то он нормально. И тут Луис удивился: сколько же людей ходят вокруг и знают ужасную тайну места, где раньше хоронили Микмаки?

«Да никакой тут нет тайны, черт побери. Просто кот!» Но Элли права. От кота теперь сильно воняло. Луис забрал кота из комнаты, отнес его вниз, пытаясь дышать ртом. Ужасный запах! Даже хуже, чем просто ужасный, если прямо говорить. Месяц назад Джад, зашедший на минутку, заметив, как балуются дети с банкой вонючего антисептика, сказал:

— Это не Шанель Номер Пять, так, Луис?

Но запах загноившихся ран, те, что доктор Брасермунн из медицинского университета называл «не-плоть», был намного хуже, равно как и запах из неработающего каталитического конвертора в гараже.

А запах от кота был еще хуже. Откуда он брался? Но Луис легко уберет его, вымоет кота в броне, пока остальные — все трое — будут наверху. В первый раз Луис держал кота в руках, с того самого дня как тот почти неделю назад вернулся из мира мертвых. Кот лежал у него на руках, горячий и неподвижный, словно больной, и Луис удивился: «Волнует ли тебя хоть что-то, ты, ублюдок?»

Неожиданно Луис вспомнил о своем сне, когда Пасков свободно прошел сквозь закрытую дверь между кухней и гаражом.

«Может, и от кота нет убежища? Может, кот, словно призрак, может проходить сквозь двери?»

— В мешок тебя посадить, гадина? — прошептал Луис, но голос его прозвучал слишком грубо.

Неожиданно Луис решил: если попытаться посадить его в мешок, кот начнет сопротивляться и поцарапает его. Но пока Черч лежал совершенно неподвижно, распространяя скверный запах, глядел в лицо Луису, словно мог прочесть мысли человека.

Открыв дверь, Луис, может, немного грубовато, бросил кота в гараж.

— Уходи! — приказал он. — Убей мышь или еще кого.

Черч неловко приземлился. Его задние лапы разъехались, и кот упал. Казалось, он обжег Луиса полным ненависти взглядом, потом, покачиваясь, как пьяный, побрел прочь и исчез.

«Боже, Джад, — подумал Луис, — я хотел бы, чтоб ты держал свой рот на замке».

Он подошел к раковине и энергично вымыл запястья и руки, словно после операции. «Ты пошел и сделал это. У тебя была причина... и она показалась тебе достаточно веской... поймав однажды, оно держит тебя... Ты всегда находишь причины, которые кажутся вескими...»

Нет, он не обвиняет Джада. Он пошел туда по собственной воле и нечего Джада обвинять.

Луис закрыл воду, вытер насухо руки и запястья. Неожиданно он замер с полотенцем в руках и посмотрел вперед, посмотрел на маленький кусочек ночи за окном над раковиной.

«Значит, теперь это и мое место? Оно и мое тоже? Нет, я не хочу в этом участвовать».

Он швырнул полотенце на крючок и направился вверх по лестнице.

* * *

Речел лежала в постели, натянув одеяло на самый нос, и Гадж приткнулся рядом с ней. Она, словно извиняясь, посмотрела на Луиса.

— О чем ты задумался, дорогой? Не хмурься. Я лучше себя буду чувствовать, если он останется со мной. Он такой горячий.

— Нет, — сказал Луис. — Все в порядке. Я постелю себе внизу.

— Ты действительно не против?

— Да. Гаджу это не повредит, да и ты станешь чувствовать себя лучше, — он сделал

паузу, потом улыбнулся. — Но я думаю, ты просто хочешь заразиться. Это точно случится. Но ведь ты свое решение не изменишь?

Она улыбнулась и покачала головой.

— Что там у Элли?

— Черч. Она попросила убрать Черча.

— Элли хотела, чтобы убрали Черча? Что-то новое!

— Да, — согласился Луис, а потом добавил:

— Она заявила, что Черч плохо пахнет. Я тоже думаю, от него немного воняет. Может, он извалялся в какой-нибудь куче дерьма?

— Плохо, — сказала Речел, ворочаясь в кровати. — Я думала, что Элли скучает по Черчу так же сильно, как по тебе.

— Гм-м-м, — только и ответил на это Луис и мягко поцеловал ее. — Спокойной ночи, Речел.

— Я люблю тебя, Луи! Я так рада вернуться домой. И мне очень жаль, что так получилось и тебе приходится идти спать вниз.

— Да, все нормально, — сказал Луис и выключил свет.

* * *

Внизу Луис сложил стопкой диванные подушки, раздвинул диван. Ему предстояло провести ночь на диване, где сквозь тонкий матрас, чуть пониже поясницы, выпирал прут. Наконец диван был застелен, но Луис не смог избавиться его от скрипа. Достав два одеяла с верхней полки в кладовке, Луис постелил их так, чтоб было мягче. Потом он начал раздеваться, но остановился и замер.

«Это снова Черч? Великолепно. Ходит вокруг и смотрит. Как ты сказала, Речел?

Он никому вреда не принесет...» Может, даже поможет. Он же не сможет войти. Походит вокруг и убедится, что все двери на запорах».

Луис совершил тур по лестнице, закрывая на задвижки двери и окна. Он должен был сделать что-то прямо сейчас, ведь Черч мог следить за домом...

— Теперь посмотрим, как ты пролезешь в дом, ублюдочный кот!

Луис страшно хотел, чтоб у Черча на морозе отмерзли яйца, но беда в том, что у Черча их давно не было.

Выключив свет, Луис лег на диван. Прут немедленно впился ему в спину, и Луис подумал, что пройдет полночи, прежде чем он уснет. Уснул он на боку, на краю дивана, а потом проснулся в...

...он был на кладбище Микмаков за Хладбищем Домашних Любимцев. В этот раз он был один. В этот раз он сам убил Черча и во второй раз принес его сюда, чтобы вернуть к жизни. Бог знает почему; Луис не знал. В этот раз он зарыл Черчи по глубже, решив, что так кот не сможет выкарабкаться. Луис слышал вопли кота, откуда-то из-под земли. Они напоминали плач ребенка. Звук проникал через поры земли, через ее каменную плоть... звук и запах, который был тошнотворным, сладким — запахом гниения и разложения. Дышать становилось все тяжелее, словно на грудь навалилась какая-то тяжесть.

Кричать... кричать...

...и вырвался крик...

...и исчезла тяжесть...

— Луис! — позвала Речел и голос ее был полон тревоги. — Луис, ты можешь подойти?

Ее голос звучал тревожно, испуганно. А крик до этого был задышающимся, полным отчаяния. Кричал Гадж.

Луис открыл глаза и уставился в зеленовато-желтые глаза Черча. Они были менее чем в четырех дюймах от его глаз. Кот сидел у него на груди, почти свернувшись колечком, как некая тварь из старинных историй о котах, пьющих дыхание своих жертв. Запах плыл по воздуху медленными, противными волнами.

Луис закричал от отвращения и удивления. Он выбросил руки вперед в инстинктивном жесте. Черч слетел с его груди, приземлился на бок и пошел прочь покачивающейся походкой.

«Боже! Боже! Он сидел у меня на груди! О, Боже, он и правда сидел у меня на груди!»

Отвращение Луиса оказалось так велико, словно, проснувшись, он обнаружил паука у себя во рту. На мгновение ему показалось, что сейчас его вырвет.

— Луис!

Отбросив в сторону одеяло, он помчался наверх. Слабый свет горел в спальне. Речел в ночной рубашке стояла у дверей — Луис, его вырвало снова., прямо вывернуло., я испугалась...

— Я здесь, — сказал он, подумав: «Как он вошел? Как он вошел? Может, через подвал? Может, он разбил окно в подвале? Точно, должно быть, в подвале разбито окно. Завтра приеду домой с работы и проверю. Нет, черт побери, проверю до того, как поеду на работу...»

Гадж перестал кричать и стал издавать безобразные звуки горлом, словно задыхался.

— Луис! — закричала Речел.

Луис действовал быстро. Гадж в одну сторону, а рвота полилась в бывшую миску Черча, подставленную с другой стороны. Малыша рвало, да, но недостаточно сильно. Большая часть заразы еще оставалась внутри. Гадж стал краснеть от удушья.

Только подхватив мальчика под руки, Луис почувствовал, что у ребенка жар. Луис положил его на руку, словно собирался покачать, потом откинулся всем телом назад, резко дернув Гаджа. Шея Гаджа дернулась. Малыш словно гавкнул, а не просто рыгнул. Рвота с твердыми сгустками полилась у него изо рта на пол и на одежду Луиса. Гадж снова закричал еще громче, и звук его голоса показался Луису музыкой. Так кричат от избытка кислорода.

Колени Речел подогнулись, и она рухнула в кровать, закрыв руками лицо. Ее сильно трясло.

— Он едва не умер, ведь так, Луис? Он едва не задохнулся, боже мой...

Умыв и переодев ребенка, Луис стал ходить по комнате с Гаджем на руках, убаюкивая его. Крики Гаджа превратились в бормотание. Он уснул. — Пятьдесят один процент за то, что он прочистил бы горло сам, Речел. Я только немного помог ему.

— Но он едва не умер, — сказала она, посмотрев на Луиса глазами, в которых читалось удивление и отчаяние. — Луис, он едва не умер!

Неожиданно Луис вспомнил, как Речел кричала на кухне:

«...он не должен умереть. Никто тут не должен умереть».

— Дорогая, — сказал Луис. — Мы рядом. Всегда.

* * *

Молоко — вот что почти всегда успокаивает желудок после рвоты. Речел рассказала, что Гадж проснулся с «голодным криком» где-то через час после того, как Луис ушел спать. Речел всучила мальчику бутылочку. Пока малыш пил мал око, Речел успела снова задремать, но малыш отбросил бутылочку, разбудив ее. Еще через час появились первые признаки удушья...

Больше никакого молока — так решил Луис, и Речел смиренно согласилась. Никакого молока.

Во второй раз Луис спустился вниз в четверть второго я потратил минут пятнадцать, охотясь за котом. Во время своих поисков он обнаружил, что дверь в подвал приоткрыта и закрыл ее. Он вспомнил, как его мать говорила ему, что совсем умные коты могут передними лапами открывать дверные замки, как раз такие как на двери, ведущей в подвал. Кот залезает по косяку двери, тянет лапой за ручку, пока она не повернется, и дверь открывается. «Умный даже для таких трюков», — подумал Луис, но он не собирался каждый день устраивать облаву на кота. Он просто запер дверь в подвал на замок. Черча Луис обнаружил дремлющим под раковиной и без всяких церемоний вышвырнул на улицу. Вернувшись на

диванчик, он снова прошел мимо двери, ведущей в подвал.

Теперь она была надежно заперта на замок.

ГЛАВА 29

Утром у Гаджа была почти нормальная температура. Щечки у малыша втянулись, но выглядел он хорошо и был в приподнятом настроении. Все, что случилось за неделю, прозвучало в бессвязном бормотании Гаджа, который переиначил большую часть слов. Он пытался повторить почти все, что говорили при нем. А Элли добивалась от него, чтобы он сказал:

«Дерьмо».

— Скажи «дерьмо», Гадж, — просила Элли, склонившись над овсянкой. — Дерьмо — Гадж, — согласно выдал малыш свой вариант. Луис позволил Гаджу поесть немного овсянки с сахаром. И, как обычно, Гадж, казалось, скорее игрался с овсянкой, чем ел ее.

Элли разразилась хихиканьем.

— Скажи: «пердун», Гадж, — продолжала она.

— Перд — Гадж, — сказал малыш, размазывая овсянку по личику. — Перд — Гадж.

Элли и Луиса это забавляло. Не смеяться было просто невозможно.

Но Речел это ничуть не забавляло.

— Что за вульгарные словечки? — спросила она, протягивая Луису вареные яйца.

— Перд-дерьм-перд-дерьм, — бодро запел Гадж, и Элли закрыла лицо руками, чтобы спрятать смешки. Рот Речел скривился, и Луис подумал, что вот так, злясь, она выглядит лучше на все сто. Все дело в облегчении, которое она теперь испытывала. Гаджу лучше, и она дома.

— Не говори гадости, Гадж, — приказала Речел.

— Хва-тит, — заявил Гадж и, переменив занятие, сосредоточил свое внимание на овсянке.

— Ах, «гадости»! — воскликнула Элли и выскочила из-за стола.

Тогда Луис немного рассердился. Но он ничего не мог поделать, лишь рассмеялся, закашлялся, а прочистив горло, продолжал смеяться снова. Речел и Гадж посмотрели на него так, словно он неожиданно сошел сума.

«Нет, — мысленно сказал им Луис. — Я был сумасшедшим, но, думаю, именно сейчас снова стал нормальным. Я на самом деле так думаю».

Он мог объяснить, почему он чувствует, что прав...

А со временем так и оказалось.

ГЛАВА 30

Гадж болел неделю, а потом болезнь отступила. Еще через неделю малыш заболел бронхитом. Элли тоже стала покашливать, а за ней и Речел. Перед Рождеством они кашляли как старые охотничьи собаки. Луис никак не мог поставить их на ноги, и Речел ставила это ему в вину.

Последняя неделя занятий в университете выдалась лихорадочной для Луиса, Саррсндра, Стива и Чарлтон. В конце концов, несмотря на предсказания, не было никакой эпидемии гриппа, но легких бронхитов, несколько случаев пневмонии в легкой форме. А за два дня до того, как все разъехались на Рождество, заботливые друзья принесли шесть пьяных ребят из общежития. Первые мгновения они очень напоминали Луису явление Паскова. Все шестеро — проклятые дураки — уселись на туботтан (шестой из них, естественно, сидел на плечах последнего), и поехали с холма, что рядом с дымящимся заводом, за университетом. Весело! Набрав приличную скорость, туботтан занесло. Он изменил курс, а потом врезался в контейнер, но ребятам повезло. Дюжина сломанных рук, сломанное запястье, переломанные ребра, сотрясение мозга, плюс контузии — этого добра

без счету. Только мальчик, ехавший последним, на плечах приятеля, оказался невредим. Всем им повезло. Когда туботтан ударился о контейнер, его вместе с пассажирами, перевернув, перебросило через контейнер, и неосторожные «спортсмены» оказались в сугробе. Разбирать переломы было не развлечением, но Луис отметил, что все мальчишки несдержанны на язык. Но он зашивал, перевязывал и разглядывал зрачки, а позже, когда рассказывал об этом Речел, смеялся, пока не зашелся. Речел тогда странно посмотрела на мужа, не понимая, что в случившемся его рассмешило, но Луис так и не смогшей этого объяснить. Случай выглядел просто глупым, но все студенты сами ушли из лазарета. Смех принес Луису облегчение, триумф. «Луис, ты выиграл!»

К началу каникул в школе, у Элли бронхит прошел, и 16 декабря все четверо оказались совершенно счастливы, войдя в заветную страну Рождества. Дом в Северном Ладлоу; дом, который казался таким странным в августе, когда они только приехали сюда (странным и даже враждебным: Элли тогда ободрала коленку, а Гаджа ужалила пчела) теперь казался им их домом.

Вечером, накануне Рождества, после того, как дети наконец уснули, Луис и Речел, крадучись, словно воры, принесли с чердака кучу разноцветных коробок: мачбоксские гоночные автомобили для Гаджа, который совсем недавно стал проявлять любовь к игрушечным машинкам; куклы Барби и Кендля Элли, руки и ноги которых можно было сгибать так и этак; платья для кукол, игрушечная плита из светлого пластика. Остальные коробки с обновками для детей.

Вдвоем (Речел в шелковой пижаме и Луис в халате), встав по разные стороны елки, они раскладывали подарки. Луис не мог вспомнить более приятного вечера. Огонь трещал в камине и раз за разом они, расставляя подарки, наклонялись, словно неваляшки. Уинстон Черчилль прошмыгнул мимо Луиса, и тот отпихнул кота без всякого отвращения... но этот запах... Позже Луис увидел, как Черч пытается обосноваться у ног Речел, и Речел тоже пнула его с нетерпеливым «Кыш!», и Луис увидел, как его жена вытирает пальцы о свою пижаму. Вы ведь тоже так делаете, когда чувствуете, что коснулись чего-то грязного или заразного. Луис подозревал, что Речел сделала это совершенно автоматически.

Черч пробрался к камину и теперь осторожно жался возле огня. Движения кота лишились грациозности, так казалось. Он потерял ее в ту ночь, о которой Луис заставлял себя не думать. И Черч потерял еще кое-что столь же важное. Луис в этом был уверен, но целый месяц понадобился, чтобы точно убедиться в правильности догадки. Кот теперь мурлыкал, крайне редко, а если и мурлыкал, то лишь во сне. Это было и в ту ночь, когда Луис поднялся из постели, чтобы закрыть дверь в комнату Элли так, чтоб спать спокойно.

Кот спал, словно каменный, словно мертвый.

«Нет, — подумал Луис, — мертвым он быть не может». Ночь, когда Луис проснулся на диванчике, а Черч сидел, свернувшись у него на груди... Черч мурлыкал в ту ночь. Но этот звук мог идти откуда угодно...

Правда, как считал Джад Крандолл, — все шло не так уж плохо. Луис обнаружил в подвале за печкой разбитое окно, и стекольщик застеклил его. Выходило, что Черч спас Кридам деньги, которые пошли бы на дополнительную оплату горючего для системы отопления. А ведь Луис мог обратить внимание на разбитое окно только через неделю или через месяц, а то и вовсе не узнать о нем. Луис решил, что поэтому поводу должен вынести Черчу благодарность.

Элли больше не хотела, чтобы Черч спал с ней, это — правда, но иногда, когда она смотрела телевизор, она разрешала коту забираться к ней на колени и спать там. Часто Луис слышал, как Элли говорила коту:

— Уйди, Черч, ты — грязный!

Элли с любовью регулярно мыла его, но из-за запаха даже Гадж перестал таскать кота за хвост... Однако, малыш стал гораздо дружелюбнее относиться к нему... Раньше Луису, когда Гадж тянул Черча за хвост, казалось, что малыш похож на крошечного монаха, дергающего за меховую веревку колокола. В такое время Черчу приходилось забираться под

один из комнатных радиаторов и сидеть там, где Гадж не мог достать его.

«С собакой все могло бы получиться не так хорошо, — думал Луис. — Но коты — богом проклятые, независимые животные. Независимые и странные, обреченные». Его не удивляло, что древние египетские фараоны мумифицировали своих котов и укладывали их в треугольные могилы, наказывая служить духами стражи в следующем мире. Коты — существа сверхъестественные.

— Куда поставить этот велосипед?

Луис только закончил собирать подарок для Элли — велосипед, «как у взрослых».

Речел показала на прозрачный полиэтиленовый пакет, в котором осталось три или четыре пластиковые скрепки.

— Что это?

— Запасные скрепки, — невинно улыбнувшись, ответил Луис.

— Будем надеяться, что они лишние. Девочка может сломать себе шею.

— Это случится много позже, — ответил Луис, — когда ей исполнится двенадцать и она станет выделяться на скейбодс. Речел вздохнула.

— Ладно... не будем о грустном.

Луис встал, заложил руки за спину и выгнулся вперед. Спина затрещала. — Ох уж эти игрушки!

— А помнишь прошлый год? — захихикала Речел, и Луис улыбнулся. Уходящий год казался им всем, что они имели. Они не ложились до четырех часов утра нового года. В конце у обоих испортилось настроение; оба казались выбитыми из колеи. А потом еще до полудня первого января Элли решила, что коробки нравятся ей больше, чем игрушки, но это на следующий день, а в новогоднюю ночь...

— «Гадости!» — фыркнула Речел, передразнивая Элли. — Ладно, пошли спать, — предложила она мужу. — И я отдамся тебе.

— Женщина, — сказал Луис, потянувшись в полный рост. — Это мне не подходит!

— А тебя не спрашивают, — заявила Речел и прыснула в ладони. В это мгновение она выглядела похожей на Элли... и на Гаджа.

— Минуточку, — попросил он. — Есть одна вещь, которую я должен сделать.

Он торопливо нырнул в стенной шкаф и принес оттуда один из своих ботинок, а потом отодвинул каминный экран, за которым догорали угли.

— Луис, что ты..

— Увидишь.

С левой стороны огонь потух, и там был толстый слой пушистого, серого пепла. Луис поставил туда ботинок, оставив глубокий след. Потом он прижал ботинок к кирпичам снаружи, используя его, словно большой резиновый штамп.

— Так, — сказал он после того, как убрал ботинок обратно в шкаф. — Тебе нравится?

Речел захихикала.

В течение последних двух недель школьных занятий Элли собирала на школьном дворе всевозможные слухи, чтобы догадаться, что Санта Клауса на самом деле изображают ее родители. Эта идея была подкреплена тощим Санта Клаусом с Бангорской почты, который промелькнул в «Ледяной Кремовой Гостиной» несколько дней назад. Его борода была сдвинута набок так, чтобы он мог есть чизбургер.» Эта встреча сильно взволновала Элли (казалось, ее взволновало то, что он ест чизбургер, намного сильнее, чем то, что у него фальшивая борода); все получилось вопреки заверениям Речел, что департамент торговли и Армия Спасения Санта Клаусов были «реальными» помощниками, посланниками настоящего Санты, который был очень занят, комплектуя подарки, и там у себя на севере читая письма детей, написанные в последнюю минуту и пробежавшие полмира, чтобы попасть к нему.

Луис осторожно поставил на место экран. Теперь у них в камине был четкий след: один в золе, второй на стенке камина Оба вели к рождественской елке, так, словно Санта приземлился на ноги и тут же направился выгружать подарки, предназначенные Кридам.

Иллюзия выглядела несовершенной, так как в наличии был отпечаток только одной ноги... но Луис сомневался, что Элли сможет разобраться в этом.

— Луис Крид, я люблю тебя, — заявила Речел и поцеловала его.

— Ты вышла замуж, победив в сложном конкурсе, крошка, — сказал Луис, искренне улыбаясь. — Положись на меня, и я сделаю тебя звездой.

Они начали подниматься по лестнице. Луис показал на карточный стол, который стоял у телевизора. На столе лежали овсяные хлопья и два ринг-динга. Еще банка «Макелобов». «Для тебя, Санна», — гласила подпись на коробке, выполненная большими печатными буквами в стиле Элли.

— Хочешь крекеров или ринг-дингов?

— Ринг-дингов, — ответила она и съела половину одного из них. Луис открыл банку пива.

— Пиво так поздно приводит к расстройству желудка, — проговорила жена.

— Жаль, — сказал Луис чуть насмешливо.

Луис положил на стол колечко от банки пива и неожиданно стал шарить в кармане своего халата, словно он забыл что-то... хотя он чувствовал вес маленького пакетика всю долгую ночь...

— Вот, — сказал он. — Для тебя. Можешь открыть прямо сейчас. Уже за полночь. Счастливого Рождества, крошка!

Речел повертела маленькую коробочку, завернутую в серебряную бумагу и перевязанную синей шелковой ленточкой.

— Луис, что это? Он пожал плечами.

— Мыло? Шампунь? Я забыл...

Речел открыла упаковку прямо на лестнице, увидела коробочку «от Тиффани» и завизжала, сорвала бумажную ткань и застыла, слегка разинув рот.

— Ну, как? — с любопытством спросил Луис. Раньше Луис никогда не дарил ей настоящие драгоценности и поэтому сейчас нервничал. — Тебе нравится?

Она осторожно взяла в руки подарок, напряженными пальцами перебирая великолепную золотую цепочку и рассматривая крошечный сапфир. Лениво вращаясь на цепочке, драгоценный камень, казалось, переливался, выстреливая во все стороны холодные, синие лучи.

— О, Луис, это дьявольски прекрасно...

Он понял, что она почти кричит, и встревожился.

— Нет, крошка, не вбирая его, — сказал он. — Надень цепочку.

— Луис, мы не можем позволить... ты не можешь позволить...

— Ш-ш-ш, — сказал он. — Я копил деньги с прошлого рождества... и, это стоит не так много, как ты, может быть, думаешь.

— Сколько?

— Я никогда не скажу тебе, Речел, — печально проговорил он. — Даже под китайскими пытками, не скажу... две тысячи долларов.

— Две тысячи! — она обняла его так неожиданно и так крепко, что он едва не упал с лестницы. — Луис, ты — сумасшедший!

— Надень цепочку! — снова попросил он. Она надела. Луис помог ей с застежкой, а потом она повернулась и посмотрела на него.

— Хочу подняться в спальню и посмотреть, как я выгляжу. Думаю, я хотела бы почистить перышки.

— Прочь прихорашивания! — заявил Луис. — Сейчас я только выставлю кота и выключу свет.

— А потом мы займемся этим, — сказала она, глядя прямо ему в глаза.

— Тогда прихорашивайся, — согласился Луис, и она засмеялась.

Схватив Черча, он понес его на руках.

Вопреки всему, Луис решил, что сможет примириться с котом. Он открыл дверь из

кухни в гараж. Холодный воздух ударил ему по ногам.

— Счастливого Рождества, Че...

Луис замолчал. На коврике у двери лежала мертвая ворона. Ее голова была искалечена. Одно крыло оторвано и лежало позади тела, словно кусок бумаги. Черч немедленно, извиваясь, вырвался из рук Луиса и начал обнюхивать замерзший трупик. Луис видел, как метнулась вперед голова кота, отогнулись назад уши, и до того, как Луис успел отвернуться, Черч выцарапал один из остекленевших глаз птицы.

«Черч снова убил, — чувствуя слабую тошноту, подумал Луис и отвернулся... нет, раньше он успел увидеть окровавленную, пустую глазницу там, где прежде находился глаз вороны. — Не волнуйся, не волнуйся, ты видел вещи и хуже. Пасков, например. Пасков выглядел хуже, намного хуже...»

Но это не помогло. Желудок выворачивало. Теплый монолит сексуального возбуждения неожиданно рухнул, опал. «Боже, эта проклятая птица такая же большая, как Черч. Может, он поймал ее, подкараулив на земле? На земле, под землей...»

Никому не нужны такие подарки первого января. И за это отвечал Луис, разве не так? Точно! Он, и никто другой. Он, который знал так много о путях подсознания, вынужден был в тот вечер, когда вернулась его семья, оплакивать остатки мышки, убитой Черчем.

«...у мужчин каменные сердца...»

Мысль была такой ясной, словно трехмерной, и понятной. Луис усмехнулся. Ему показалось, что Джад материализовался у него за спиной и нараспев заговорил:

«Но мужчина тоже выращивает, что может... и пожинает плоды».

Черч застыл над мертвой птицей. Потом он стал работать над вторым ее крылом. С мрачным, шуршащим звуком Черч дергал крыло туда-сюда. «Никогда не поднимайся высоко, Икар... Да, Дедал», е... я птица! Такая же мертвая как шкура, содранная с собаки. Видимо, Черч собирался пообедать, что ж, так, может, и лучше...

Луис, неожиданно для себя, пнул Черча... здорово пнул. Задняя часть кота аж подлетела вверх. Скосолопившись, кот поплелся прочь, наградив Луиса неприятным, желто-зеленым взглядом.

— Вот тебе от меня, — прошипел на него Луис, словно сам был котом.

— Луис? — позвала сверху Речел. — Ты идешь?

— Сейчас, — ответил он. «Я только уберу этот маленький беспорядок, Речел, ладно? Потому что этот беспорядок касается только меня». Он добрался до выключателя, потом быстро вернулся к шкафчику под раковиной на кухне, где лежали зеленые полиэтиленовые пакеты для мусора. Взяв пакет, он вернулся в гараж и снял со стены совок, висевший на гвоздике. Потом он подцепил тяжелое крыло мертвой птицы, и оно само соскользнуло в кулек. За крылом туда же последовало тело. Завязав узлом пакет, Луис забросил его в дальний угол багажника «Цивика». К тому времени как он закончил, от холода ноги у него пошли мурашками.

Черч стоял в дверях гаража. Луис погрозил коту совком и тот скользнул в сторону и растворился среди теней.

* * *

Наверху Речел лежала в кровати. На ней ничего не было, кроме сапфира на цепочке... как обещано. Она лениво улыбалась мужу.

— Что ты там так долго делал?

— Выключатель заело, — ответил Луис. — Пришлось менять кнопку.

— Иди сюда, — позвала она и мягко притянула его к себе за руку. — Он знает, что ты хочешь быть во мне, — мягко пропела она. — Он знает, чего ты хочешь... о, Луис, дорогой, какой он большой.

— Он только начинает подниматься, я так думаю, — ответил Луис, выскальзывая из халата. — Посмотрим, управимся ли мы до прихода Санта Клауса. Как ты думаешь?

Она поднялась на локте. Луис почувствовал ее грудь, теплую и мягкую.

— Он знает, когда тебе плохо или хорошо... или очень хорошо... божественно приятно... Ты ведь был хорошим мальчиком, Луис?

— Я так считаю, — сказал он. Его голос был не очень спокоен.

— Давай посмотрим, так ли он хорош на вкус, как крепок на вид, — сказала Речел.

* * *

С сексом вышло удачно. Луис не чувствовал себя просто скользящим взад-вперед, как обычно бывало, когда он трахал жену... После, кончив, он лежал в темноте новогодней ночи, вслушиваясь в размеренное и глубокое дыхание супруги, думал о мертвой птице на пороге гаража... той, что Черч подарил ему на Рождество.

«Не сходите с ума, доктор Крид. Я живой. Тогда я был мертвым, а сейчас — живой. Я сделал круг и снова здесь, чтобы сказать вам, чтоб вы убирались в жопу с вашим мурлыканьем и манией преследования. Должен вам сказать, что мужчина... „мужчина... выращивает, что может... и пожинает плоды“. Не забывайте это, доктор Крид. Я — то, что взрастило ваше сердце, и принадлежу вам, как ваша дочь, жена, сын... Помните тайну и хорошенько берегите ее от чужих глаз».

Скоро Луис уснул.

ГЛАВА 31

Новый год прошел. Вера Элли в Санта Клауса вспыхнула с новой силой... на время, конечно... с помощью следов в камине. Гадж все время заявлял о своем присутствии, то и дело останавливаясь, чтобы пожевать особенно вкусно выглядевшие куски оберточной бумаги. В этом году оба ребенка решили, что коробки лучше игрушек.

Первого зашли Крандоллы и принесли эг-ног *note 17* и Луис поймал себя на том, что мысленно изучает Норму. Она выглядела бледной и какой-то еще более прозрачной, чем раньше. Если бы ее увидела бабушка Луиса, она сказала бы, что Норма начала «слабеть», а это, возможно, не такое уж плохое слово, чтобы описать произошедшие с Нормой перемены. Ее руки, такие пухлые и изуродованные артритом, сразу покрылись темными, старческими пятнами. Волосы казались еще более жидкими. Крандоллы отправились домой около десяти вечера, и Криды вместе посмотрели на Нью-Йорк по телевизору. Это был тот, последний раз, когда Норма была у них дома.

Большая часть каникул оказалась грязной и дождливой, но Луис был рад оттепели, хотя погода стояла мрачная и гнетущая. Луис работал дома: делал книжные полки и шкаф для посуды Речел, модель «Порше» у себя в кабинете лично для себя. Когда 23 января кончились рождественские каникулы, Луис был счастлив вернуться в университет.

Наконец началась эпидемия гриппа... серьезная эпидемия в общежитии через неделю после начала семестра. У Луиса оказалось забот полон рот. Он обнаружил, что работает по десять, иногда по двенадцать часов и приезжает домой словно избитый... но работа не тяготила его.

Чары оттепели развеялись 29 января. И выдалась холодненькая неделька. Термометр не поднимался выше минус двадцати. Как-то утром Луис осматривал, как срасталась сломанная рука одного молодого человека, который надеялся (бесплодно, по мнению Луиса), что сможет играть в баскетбол летом, когда одна из практиканток, заглянув в комнату, сказала, что Луиса к телефону.

Луис из бокса прошел в свой кабинет. Речел плакала в трубку, и Луис почувствовал настоящую тревогу. «Элли, — подумал он. — Она упала с санок и сломала руку... или

Note17

Яичный желток, растертый с сахаром с небольшой добавкой спирта

пробила себе череп...» Луис с тревогой подумал о безумных наездниках на туботтане.

— С детьми все в порядке? — спросил он.

— Да, да, — заплакала Речел еще громче. — Не с детьми. С Нормой, Луис. С Нормой Крандолл. Сегодня утром она умерла. Около восьми часов, скорее всего сразу после завтрака, так сказал Джад. Он зашел посмотреть, дома ли ты, и я ответила ему, что ты ушел полчаса назад. Ох... ох, Луи, он выглядел таким потерянным, таким удивленным... таким старым... Слава богу, Элли уже уехала, а Гадж слишком мал, чтобы понимать, что случилось..

Луис нахмурился. Злясь на то, что все так плохо складывается, он обнаружил, что думает о Речел, пытаясь не думать о том, что Смерть снова здесь. Смерть — тайна, ужас, и надо хранить ее подальше от детей, совсем спрятать ее от детей — таким путем пошли викторианские джентльмены и дамы. Еще они верили, что правда о сексуальных отношениях должна храниться подальше от детей.

— Боже, — только и сказал он. — Сердце?

— Не знаю, — ответила Речел. Она больше не плакала, но хрипела и задыхалась по-прежнему. — Ты сможешь приехать, Луис? Ты же его друг, и, я думаю, ты нужен ему.

Ты — его друг.

«Ладно, пусть так, — подумал Луис, слегка удивленно. — Я никогда не стремился выбрать себе в приятели восьмидесятилетнего старика, но догадываюсь, что все именно так и получилось». А теперь вещи назвали своими именами и теперь все станут считать их друзьями. Осознав это, Луис понял, что Джад давно знал об этом, задолго до того, как это понял Луис. Джад стоял рядом с ним вопреки тому, что происходило, вопреки мыши, вопреки вороне. И Луис почувствовал, что в вопросе с Черчем старик поступил совершенно верно... или, по крайней мере, он проявил максимум участия. Теперь Луис должен тоже сделать для Джада, что сможет. И даже если это означает сидеть рядом со Смертью, рядом с его мертвой женой, Луис сделает это.

— Я уже еду, — ответил он Речел и встал с кресла.

ГЛАВА 32

У Нормы был не сердечный приступ. Несчастный случай, кровоизлияние в мозг, безболезненная смерть. Стив заметил, что надеется, с ним такого никогда не случится.

— Иногда Господь мешкает, — сказал Стив, — а иногда Он указывает на вас и говорит вам, что дает шанс.

Речел не захотела говорить с Луисом о смерти Нормы и не позволила Луису разглагольствовать на эти темы.

Элли оказалась не так уж и огорчена. Она только удивилась и заинтересовалась... как раз так Луис и представлял себе здоровую реакцию шестилетнего ребенка. Элли, например, захотела узнать, как умерла миссис Крандолл: с закрытыми глазами или открытыми, но остекленевшими. Луис ответил, что не знает.

Джад держался гораздо лучше, чем можно было предположить, принимая во внимание, что Норма делила с ним кровать, спала бок о бок шестьдесят лет. Когда Луис пришел к Джаду, тот сидел на кухне за столом, курил Честерфильд, пил пиво и отрешенно смотрел куда-то вдаль.

Вот так Джад сидел, когда вошел Луис. Он сказал Луису:

— Все нормально, просто она ушла...

Он сказал так, словно просто констатировал факт. Луис только подумал: «Должно быть, он еще полностью не осознал, что его жена мертва. Смерть жены еще не задела его за живое». Тут рот Джада задрожал, и он закрыл глаза одной рукой. Луис подошел к нему, обнял. Джад сжался и заплакал. Он вес понимал. Его жена умерла.

— Так лучше, — сказал Луис. — Так лучше. Ей, наверное, понравилось бы, что ты плачешь, я так думаю. Облегчись, если не можешь по-другому. — Луис тоже прослезился. Джад крепко обнимал его, и Луис обнимал старика.

Джад плакал минут десять или около того, а потом буря стихла. Луис в основном молчал, говорил Джад, а Луис слышал его, как доктор и как друг; прислушивался ко всему, что рассказывал Джад, и понимал: некогда хватка Джада была еще крепче. О Норме Джад говорил в настоящем-длящемся времени. Луису показалось даже, что Джад не потерял своей постоянной насмешливости. Луис понимал, что было много общего между супругами, раз они прожили рука об руку столько времени. Потрясенный, он понял, что думает именно об этом (такая мысль не появилась бы у него, не будь истории с Черчем; Луис обнаружил, что многие его понятия относительно духовного и сверхъестественного изменились... «ничто не вечно под луной»). Луис понимал, Джад горюет, но не сходит с ума от горя. Луис не чувствовал в Джаде ничего похожего на ту хрупкую, изящную ауру, что окружала Норму в Новый год, когда Крандоллы пришли в гости и сидели в гостиной Кридов, пили эг-ног.

Джад принес Луису пива из холодильника. Лицо старика от слез пошло пятнами. — Еще рановато, — заметил он, — но солнце уже висит где-то на краю небосвода, и в нынешнем положении...

— Не надо ничего говорить, — попросил его Луис и открыл пиво, потом посмотрел на Джада. — Мы выпьем за нее?

— Думал выпить... — протянул Джад. — Ты бы видел ее, когда ей было шестнадцать, Луис. Снова вернуться бы в церковь, когда она вошла туда в день нашей свадьбы в той кофточке без пуговиц... У тебя бы глаза из орбит повылазили! Выпив, она в молодости дьявольски ругалась. Слава богу, потом она сильно изменилась, даже стала меня ругать, когда я себе позволял лишнее...

Они чокнулись бутылками пива. Джад снова заплакал, а потом улыбнулся, вспомнив что-то приятное. Он кивнул Луису.

— Может, она обрела мир и больше не будет страдать от артрита?

— Аминь, — сказал Луис, и они выпили.

* * *

Луис наблюдал за Джадом, постепенно напиваясь. Потом он едва смог встать. Джад вспоминал: постоянный поток теплых воспоминаний и анекдотов, ярких, чистых, приковывающих внимание, заставляющих вслушиваться в каждое слово. Конечно, в понарошку с историями о прошлом, Джад говорил о настоящем. Он говорил так, что Луис мог только восхищаться: если бы так могла говорить Речел, которая просто проглотила историю о смерти после грейпфрутов и утренней овсянки. Луис искренне восхищался Джадом. Сам он вряд ли смог бы держаться и в половину так хорошо...

Джад позвонил в похоронную контору Брукинс-Смит в Бангоре и сделал все, что мог сделать по телефону: он договорился, чтобы приехали завтра, и обо всем остальном. Конечно, он сделает бальзамирование; он хотел, чтоб ее одели в платье, которое он сам выберет; да, он выберет и нижнее белье; нет, он не хочет, чтобы похоронная контора снабжала ее специальными тапочками, которые зашнуровываются на пятке. Вымоют ли они ей голову? — поинтересовался Джад. Последний раз она мылась в понедельник вечером, так что ей пора было снова мыться. Джад слышал ответы, и Луис, дядя которого занимался этим бизнесом (считался в нем «большим докой»), заранее знал, что владелец похоронного бюро скажет Джаду: мытье головы и прическа входят в обслуживание. Джад кивнул и поблагодарил того, с кем говорил, потом снова стал слушать. Да, — согласился он, пусть ей наведут грим, но не слишком сильный.

— Она умерла и люди знают об этом, — сказал Джад, закуривая Честерфильд. — Нет нужды разукрашивать ее.

Гроб может быть закрыт во время похорон, — так сказал он представителю похоронной конторы... сказал печально, но авторитетно; но гроб должен быть открыт во время прощания накануне. Она будет похоронена на кладбище «Моунт Хоп», где они приобрели участки еще в 1951 году. Держа в руке бумаги, Джад назвал номер участка:

«Н-101». Для себя он оставил «Н-102», как потом рассказал Луису.

Повесив трубку, Джад посмотрел на Луиса и сказал:

— Это самое лучшее кладбище, какое я могу себе позволить здесь, в Бангоре. Бери еще бутылочку пива, если хочешь, Луис. На все требуется некоторое время...

Луис начал было отказываться. Он чувствовал себя немного на взводе, когда гротескный образ неожиданно появился у него перед глазами: Джад на волокуше тащит труп Нормы через лес на ту самую землю, где раньше хоронили своих мертвых Микмаки, туда, за кладбище домашних любимцев.

Выглядело бы ужасно. Без слов Луис встал и отправился к холодильнику за новой бутылкой пива. Джад кивнул и снова стал крутить диск телефона. Было часа три, когда Луис вернулся домой съесть сэндвич и тарелку супа. Джад добился определенного прогресса в организации похоронного обряда для своей жены: он переходил от одного к другому, словно человек, планирующий устроить обед с некой знаменитостью. Он позвонил в Церковь Северного Ладлоу, где проводили все похороны, и администрации кладбища «Моунт Хоп». Еще два раза перезвонил в похоронное бюро Брукинс-Смит. Джаду отвечали по-прежнему учтиво. Поступки, лишенные даже мысли о... или если они думали об этом, они не могли заставить себя признаться. Луис все больше восхищался Джадом. Потом Джад позвонил нескольким, еще живым, родственникам Нормы, и своим собственным родственникам, полистал старую обтрепанную телефонную книжку, с кожаной обложкой, чтобы найти нужные номера. А между звонками он пил пиво и вспоминал прошлое.

Луис чувствовал, что восхищается стариком и любит его. Неужели любит?

«Да, — подтвердило его сердце. — И любит».

* * *

Когда Элли вечером спустилась вниз уже одетая в пижаму, чтобы ее поцеловали на ночь, она спросила Луиса: попадет ли мисс Крандолл на небо? Она прошептала это Луису, словно знала: лучше, чтоб ее вопрос никто не услышал. Речел на кухне пекла пирог с курицей, который завтра хотела вручить Джаду.

Через дорогу, в доме Крандолла, светились все окна. У дорожки, ведущей к гаражу, было припарковано несколько машин. Остальные стояли вдоль дороги на сотню футов в обе стороны. Официально прощание назначили на завтра (оно должно было проходить в морге, куда уже отвезли тело Нормы), но сегодня вечером к Джаду приехали знакомые и родственники, чтобы утешить его, как кто мог вместе помянуть Норму... Джад назвал это мероприятие «на посошок». Между домами яростно завывал февральский ветер. Дорога покрылась коркой черного льда. Сейчас в Мэйнс наступила самая холодная часть зимы.

— Если говорить честно, я точно не знаю, моя сладкая, — ответил Луис дочери, посадив ее на колени. В телесериале, который крутили по центральной программе ковбои — стрелки охотились на бандитов, а может, наоборот. Падали люди... Луис сознавал (от этого ему становилось неловко), что Элли, возможно, знала, черт возьми! намного больше о Рональде МакДональде, Человеке-Пауке и Короле Бугере *note 18*, чем о Моисее, Иисусе и Святом Павле. Она была дочерью женщины, которая не придерживалась даже иудейской веры — веры своих родителей; и мужчины, давным-давно свернувшего с истинного пути католика-реформатора. Луис считал, что понятия Елены о странствиях души — весьма смутные. Они даже выглядели не снами, не мифами, а грезами в снах. «Поздно прививать ей любовь к богу, — неожиданно подумал Луис. — Ей всего пять, а уже поздно. Боже, поздно наступило так быстро».

Элли смотрела на отца, и Луис должен был что-то сказать.

— Люди верят в разнос. Никто точно не знает, что случится после того, как они

Note18

Персонажи детских комиксов

умрут, — сказал он. — Некоторые люди считают, что после смерти мы попадем на небеса или в ад. Другие верят, что мы рождаемся снова маленькими детьми.

— Точно. Это называется инкорнация. Такое случилось с Одри Розой в том фильме, что показывали по телевизору.

— Но ты же тот фильм не смотрела! — Луис подумал, какую головную боль будет иметь Речел, если Элли станет смотреть такие фильмы как «Одри Роза».

— Его пересказала мне Мэри в школе, — объяснила Элли. Мэри была официальной подругой Элли — грязная, малюсенькая девчушка, которая всегда выглядела так, словно вот-вот заболит стригущим лишаем или цингой. Но Луис и Речел в какой-то мере радовались этой дружбе. Однажды Речел призналась Луису, что боится, как бы гниды и вши не перескочили с головы Мэри на волосы Элли. Луис засмеялся и покачал головой.

— Мамочка Мэри разрешает ей смотреть все подряд, — эти слова прозвучали как-то недовольно, и Луис не смог просто так от них отмахнуться.

— Будем считать, с идеей инкорнации ты знакома... Католики верят в Ад и Рай, но еще они верят в то место, которое называется Лимбо, а другие называются Чистилищем. Гандисты и Буддисты верят в Нирвану...

На стене появилась тень. Речел. Слушает.

Луис стал говорить медленнее.

— Существует много всяких теорий. Но что же происходит на самом деле, Элли, никто не знает. Люди говорят, что знают, но когда они рассказывают, во что верят, выясняется, что эти идеи предписывает им их Вера. Ты знаешь, что такое Вера?

— Ну?

— Садись. Присаживайся ко мне на кресло, — предложил Луис. — Скажи, как ты думаешь, этот стул будет стоять тут завтра?

— Да, конечно.

— Значит, ты Веришь в это. Ты считаешь, что именно так и случится. Я тоже так считаю. Вера — это значит верить в то, что произойдет то или иное событие. Правильно?

— Да, — ответила Элли.

— Но мы не знаем, будет ли все так на самом деле. Какой-нибудь грабитель, специализирующийся на воровстве стульев, может сломать его или унести, правильно?

Элли хихикнула. Луис улыбнулся.

— Но мы верим, что такое не произойдет. Вера великая вещь, и по-настоящему религиозные люди, вот таким же образом Верят, что знают некоторые вещи, но я, например, в этом сомневаюсь. Ведь существует много различных религий. Что мы знаем об этом? Когда мы умираем, случается одно из двух: или наши души и мысли останутся после нашей смерти в какой-нибудь форме в нашем мире, или нет. Если они останутся, то справедливым может оказаться любое из предположений, любой религии. Если нет, то религия — только дурман. Бот и все.

Смерть... это словно засыпаешь?

Луис задумался, а потом сказал:

— Очень похоже, я думаю.

А во что ты Веришь, папочка? Тень на стене исчезла. Покой в доме восстановлен. Большую часть сознательной жизни, со времен колледжа, Луис предполагал... он верил, что Смерть — конец жизни. Теперь, побывав у постелей многих умирающих и не почувствовав того, что называли «отлетом души»... Но не отлет ли души почувствовал он, когда умер Виктор Пасков? Луис был согласен со своим учителем психологии, который рассказывал, что есть жизнь после смерти, объясняя свое мировоззрение с помощью многочисленных статей в различных журналах, но как-то он все опопшил, приведя доводы из дешевых статей желтой прессы, — безумные конструкции из галлюцинаций, пытающиеся объяснить бессмертие. Луис был также согласен со своим знакомым по общежитию, который заявил, когда готовился к экзамену (Луис еще был на втором курсе), что Библия подозрительно полна чудес, которые быстро прекратились с наступлением рационального века

(«совсем прекратились», сказал он), и у него хватило сил отступить шаг за шагом перед другими, кто авторитетно возразил, что хотя изобилие сверхъестественного ушло, но кое-что еще осталось в мире и рассеяно по чистым, хорошо освещенным местам. «Итак, Христос оживил Лазаря», — так гласят знакомые строчки. «Со мной будет все в порядке, если я приму это на веру. То есть соглашусь с тем, что один утробный плод может снова стать утробным плодом в другой матке — земле; матке — похожей на каннибала. А потом, разжав зубы для проверки своих легких, она выпустит его — родит заново. Предположим, что при этом я смогу что-то приобрести... или что-то потерять. Но как устал я наблюдать кружение Смерти.. — поняли, о чем это я? Я не спрашиваю, как Черч вылез из могилы. Но я могу засвидетельствовать, что раньше он был мертв. Я, словно Иуда, говорящий, что только он верит в воскрешение Иисуса и только тогда, когда напьется до розовых слонов. Мне кажется, он — настоящий псих, а никакой не Иуда».

Нет, на самом деле Луис не верил в то, что кот мог быть живым, когда его хоронили.

— Я верю, что мы уходим, — медленно сказал он дочери. — А если быть точным, у меня нет своего мнения. И тут каждый человек считает по-своему. Я верю, что мы исчезаем, и в то, что миссис Крандолл оказалась в таком месте, где будет счастлива.

— Ты в это веришь, — протянула Элли. Это был не вопрос. Ее слова прозвучали испуганно.

Луис улыбнулся, немного обрадовавшись и немного смутившись.

— Я уверен в этом. И я верю, что для тебя самое время спать. Уже десять минут назад тебе пора было лечь. Он дважды поцеловал дочь в губы и носик.

— Ты думаешь, что животные тоже уходят?

— Да, — сказал он машинально и в тот же момент мысленно добавил: «Особенно коты». Слова мгновение дрожали у него на губах, готовые сорваться; кожа Луиса пошла мурашками. Ему стало холодно.

— Ладно, — спокойно сказала Элли. — Пойду поцелую мамочку.

— Правильно.

Луис посмотрел вслед дочери. За дверью гостиной она повернулась и сказала:

Я сильно струсил насчет Черча в тот день, так? Плакала и все такое?

— Нет, милая, — сказал Луис. — Я не думаю, чтоб ты сделала что-то глупое.

— Если он умрет я смогу его похоронить? — спросила она, а потом решила, что мысль, высказанная ею вслух, слишком страшная. Тогда она сказала, словно соглашаясь сама собой. — Точно... смогу. — А потом отправилась на поиски Речел.

* * *

Позже, в кровати, Речел сказала Луису:

— Я слышала, о чем ты с ней говорил.

— И ты не одобряешь? — спросил Луис. — Он решил, что, может быть, лучше будет разобраться с этим, раз Речел сама так хочет.

— Да, — ответила Речел, чуть поколебавшись. Не слишком-то это на нее похоже. — Да, Луис, этот разговор мне не понравился. Я неожиданно испугалась. Ты же знаешь меня. А когда я пугаюсь, я перехожу к обороне.

Луис не мог вспомнить, чтобы Речел когда-нибудь говорила с таким усилием. Неожиданно он почувствовал, что должен вести себя осторожнее, чем раньше, когда говорит с Элли в присутствии Речел. Он чувствовал себя так, словно попал на минное поле.

— Испугались чего? Смерти?

— Не моей, — проговорила она. — Я твердо уверена... чего-то большего. Когда я была маленькой, я больше думала об этом. Забытые сны. Сны о чудовищах, которые явятся в мою кровать съесть меня... Все чудовища выглядели похожими на мою сестру Зельду.

«Да, — подумал Луис. — Все дело именно в этом. Наконец это всплыло на поверхность впервые за время их супружеской жизни».

— Ты не рассказывала о ней, — сказал Луис. Речел улыбнулась и прикоснулась к нему.
— Ты, Луис, такой хороший... Я никогда никому не рассказывала о ней. И я пыталась никогда о ней не думать.

— Всегда предполагал, что на это у тебя есть свои причины.

— Да.

Речел замолчала, задумавшись.

— Я знаю, она умерла... менингит спинного мозга...

— Менингит спинного мозга, — повторила Речел. — Нигде в доме даже не осталось ее фотографии.

— Есть фотография маленькой девочки в альбоме твоего отца.

— В его кабинете! Да. Я о ней забыла. И моя мать, думаю, носит одну фотографию в бумажнике. Зельда была на два года старше меня. Она заболела... и лежала в дальней спальне... она лежала в дальней спальне, словно наша нечестивая тайна!

Неожиданно Речел откинулась на подушки, затряслась в рыданиях. Луис решил, что это начало истерики и встревожился. Он потянулся к жене, взял ее за плечо, но Речел отодвинулась от него. Луис успел только ухватить кончиками пальцев ночную рубашку жены.

— Речел... крошка... я не...

— Не говори ничего, — сказала она. — Не утешай меня, Луис. У меня только один раз хватит сил рассказать об этом. Наверное, после я не смогу заснуть.

— Это ужасно? — спросил он, уже зная ответ. Слова Речел объясняли очень многое, даже те вещи, которые никогда не связывались раньше со Смертью, по крайней мере, для Луиса. Речел никогда не ездила с Луисом на похороны... даже на похороны Эла Лока, его приятеля-студента, который погиб, врезавшись на мотоцикле в городской автобус. Эл был постоянным гостем в их квартире, и Речел он нравился. Но на его похороны она не пошла.

«В тот день се вырвало, — неожиданно вспомнил Луис. — У нее начинался грипп... или что-то в таком роде. Выглядело серьезно. Но на следующий день с ней было все в порядке... После... похорон с ней снова стало все в порядке», — поправил он сам себя. Вспоминая, он подумал, что ее тошнота может быть чистой психосоматической реакцией.

— Все правильно, это ужасно. Хуже, чем ты можешь себе представить, Луис. Мы день ото дня видели, как прогрессирует ее болезнь, и сделать ничего не могли. Ее мучила постоянная боль. Казалось, ее тело ссохлось... съежилось... ее плечи сторбились, а лицо осунулось, словно превратилось в маску. Руки — словно птичьи лапки. Иногда я кормила ее. Я ненавидела ее, но делала это и никогда не говорила: «фу!» Когда ее боли становились совсем невыносимыми, родители давали ей кучу лекарств — сперва слабые, а потом те, которые могли превратить ее в наркоманку, если бы она выжила. Но, конечно, все знали: она уже никогда не вернется к нормальной жизни. Я считала, что она... наша тайна от всех. Потому что мы... хотели ее смерти, Луис, мы желали ее смерти, и нельзя было сделать так, чтоб она больше не чувствовала боли. Она выглядела таким чудовищем... и постепенно она становилась все ужаснее и ужаснее...

Речел закрыла лицо руками.

Луис нежно коснулся ее.

— Речел, тут нет ничего ужасного.

— Есть! — закричала она. — Есть!

— Похоже, произошло то, что и должно было случиться. Жертва долгой болезни часто становится требовательным, неприятным чудовищем, — заметил Луис. — Идея святости, долго-страдания — романтическая фантазия. Время первым неожиданно делает отметку на привязанном к кровати пациенте. Он или она начинает мучиться, изнемогать. Окружающие не могут ничего противопоставить этому. Нельзя помочь людям, оказавшимся в такой ситуации.

Речел смотрела на Луиса, удивляясь... почти с надеждой. Потом недоверие появилось у нее на лице.

— Ты серьезно?

Луис сумрачно улыбнулся.

— Хочешь, чтобы я показал тебе это в книге? Как насчет лежачих больных, которые кончают жизнь самоубийством? Хочешь почитать об этом? В семьях, где есть такие пациенты, нанимают сиделок, но количество самоубийств возрастает, когда до критической развязки остается где-то полгода.

— Самоубийство!

— Они глотают таблетки или вешаются, выбивают себе мозги из пистолета. Их ненависть... их слабость... их отвращение... их печаль, — Луис вздрогнул и осторожно соединил сжатые кулаки. — Оставшиеся в живых чувствуют себя так, словно это они совершили убийство. Так развлекаются эти «больные».

Безумное, болезненное облегчение появилось на лице Ре-чел.

— Она была требовательной. Как я ее ненавидела! Иногда она намеренно ходила в туалет под себя. Моя мама спрашивает ее, хочет ли она в туалет, чтобы помочь ей с «уткой»... Зельда говорит: нет... а потом мочится в постель, так что моей матери и мне приходится потом менять простыню... и каждый раз Зельда говорила, что это нечаянно, но мы видели улыбку, затаившуюся в глубине ее глаз. Это было заметно. В комнате всегда воняло... У Зельды были бутылочки с дурманом, который пах, словно капли из алтея, капли Братьев Смит. Этот запах всегда был там... иногда ночью я просыпалась... даже сейчас, проснувшись, мне показалось, что я чувствую запах капель от кашля из алтея... и я подумала... если я на самом деле не проснусь... я подумала: «Разве Зельда мертва? Разве она мертва?»... я подумала...

Речел задыхнулась от рыданий. Луис взял ее руку, и она сжала его пальцы с дикой силой.

— Переодевая ее, мы видели, как изгибается, искривляется ее спина. Ближе к концу, Луис, когда Смерть уже стояла на пороге, ей это... даже нравилось... ее зад тянулся к шее...

Теперь глаза Речел казались остекленевшими — ужасный взгляд ребенка, вспоминавшего периодически повторяющийся в снах кошмар.

— А когда она касалась меня своей... своими руками... своими птичьими лапками... иногда я едва не кричала. Я говорила о ней, а однажды пролила немного супа на свою руку, когда она дотронулась до моего лица. Я тогда обожглась и закричала. Кричала и видела, как ее лицо расплывается в улыбке. Потом, уже перед ее смертью, лекарства перестали помогать. Тогда она кричала без перерыва, и никто из нас не смог бы вспомнить, какой она была до болезни, даже мама. Зельда стала для нас грязной, ненавистной, вонючей тварью в задней комнате... секретом нашей семьи.

Речел сглотнула.

— Мои родители, когда она умерла... когда она... Ты знаешь, когда она...

С ужасным усилием, дернувшись, Речел проглотила застрявший в горле ком.

— Когда она умерла, моих родителей дома не было. Они ушли, а я одна сидела с сестрой. Была Еврейская Пасха, и родители поехали к друзьям. Так, ненадолго... Я читала журнал на кухне и присматривала за Зельдой. Я ждала, когда пора будет дать ей лекарства, а она так кричала. Она все время кричала с тех пор, как уехали родители. Я не могла даже читать из-за ее криков. А потом... пошла посмотреть, что случилось... Зельда замолчала. Луис, мне тогда было восемь лет... плохие сны каждую ночь... я считала: Зельда ненавидит меня, потому что моя спина прямая, и я не страдаю от постоянной боли, могу ходить и останусь в живых... мне даже казалось, что она хочет убить меня. Только потом, Луис, я решила, что это мне только казалось... И все же, думаю, она ненавидела меня... Не думаю, что она хотела меня убить, но если бы ей каким-нибудь образом удалось захватить мое тело... переместиться в меня, как бывает во всех этих сверхъестественных историях... она точно сделала бы это, если бы смогла... Так вот, когда Зельда перестала кричать, я пошла посмотреть, все ли в порядке. Может, Зельда свалилась или соскользнула со своих подушек? Я подошла, посмотрела на Зельду и подумала, что она, должно быть, проглотила язык и

задохнулась! Луис! — Голос Речел стал снова подниматься; голос, полный слез, он стал похож на голос испуганного ребенка, словно Речел вернулась назад, в прошлое и переживала все заново. — Луис, я не знала, что делать. Мне было всего восемь лет!

— Конечно, ты ничего не могла сделать, — подтвердил Луис. Он повернулся и обнял жену, и она в ответ схватилась за него, как утопающий хватается за соломинку. — Тогда тебе видно, и правда пришлось несладко, моя крошка.

— Да, — согласилась она. — Никто меня не видел, но никто не мог ничего исправить. Никто не смог изменить того, что случилось. Никто не мог сделать так, чтоб этого не случилось, Луис. Она не проглотила свой язык. Умирая, она пыталась мне что-то сказать. Я не знаю, что... Клад-ад-ад-ад... что-то в таком духе.

В своем горе, вспоминая тот день, Речел более чем точно имитировала голос своей сестры Зельды, и Луис моментально, подумав о Викторе Паскове, крепче обнял свою жену.

— И слюна... слюна потекла у Зельды по подбородку...

— Достаточно, Речел, — сказал Луис не очень уверенно. — Я знаю симптомы.

— Я объясню, — упрямо настаивала на своем Речел. — Я объясню, почему меня не будет на похоронах бедной Нормы и почему мы так глупо поссорились в тот день...

— Ш-ш... все забыто.

— Но не мною, — возразила Речел. — Я хорошо все помню, Луис. Я помню все так же хорошо, как и мою сестру Зельду, задохнувшуюся в собственной кровати 14 апреля 1965 года.

Долгое молчание воцарилось в комнате.

— Когда я увидела, что Зельда задыхается, я перевернула ее на живот и стукнула по спине, — наконец продолжала Речел. — Это все, что я могла сделать. Ноги Зельды дергались вверх-вниз... ее кривые ноги... я вспомнила: звук был такой, словно она пукнула... я подумала: это она или я, но на самом деле это лопнули швы у меня на блузке, когда я переворачивала ее. Зельда смотрела на меня так жалостливо... я увидела, как ее голова повернулась... она уткнулась лицом в подушку, а я подумала, ах, она задыхается! Зельда задыхается! А ведь потом родители приедут и скажут, что это я ее задушила. Они всегда говорили: «ты ненавидишь ее, Речел»; и это было правдой. А еще они говорили: «ты хочешь ее смерти»; и это — тоже правда. Луис, видишь ли, первой моей мыслью, когда Зельда приподнялась на кровати, было: «Хорошо! Наконец-то Зельда сдохнет, и все закончится». Я снова перевернула ее на спину и увидела, что ее лицо почернело. Луис, ее глаза выпучились, а шея распухла. Она умерла. Я хотела выйти из комнаты... Я решила, что хочу уйти из комнаты; хочу оказаться за дверью, но стукнулась о стену, и тут упала картинка — иллюстрация к одной из книг о Волшебнике Изумрудного Города. Эти сказки Зельда очень любила, до того как слегла от менингита. На картинке был изображен сам Волшебник Изумрудного Города — Оз Великий и Ужасный, которого Зельда называла Озом Веиким и Ушшасным, потому что не выговаривала некоторые буквы и речь ее напоминала выступления Элмера Фудда *note 19*. Моя мама сама поместила картинку в рамку... потому что Зельда очень любила ее... Оза Веикого и Ушшасного... а когда картинка упала, то рама ударилась об пол, стекло разбилось. Я закричала, потому что знала: Зельда мертва. Я подумала... решила... это ее дух вернулся, чтобы забрать меня. Я знала, что Зельда ненавидит меня, но ведь со дух не мог оставаться тут. Я сильно, очень сильно закричала... вылетела из дома с криком: «Зельда умерла! Зельда умерла! Зельда умерла!» Соседи... они вышли и увидели... увидели меня бегущей в разорванной блузке... И еще я кричала: «Зельда умерла!» Луис, может, они и задумались над тем, что я кричала... а может, просто посмеялись надо мной. Может, все, что я делала, было смешно...

— Если все было так, как ты рассказываешь, я просто восхищаюсь тобой, — сказал ей Луис.

Note19

Персонаж мультфильмов про Бакса Бани, картавит невероятно

— Однако, ты думаешь совершенно по-другому, — сказала Речел с уверенностью, считая, что она выше этого. Луис не стал протестовать. Он решил, что его жена может, при известных обстоятельствах, избавиться от своих страхов, прогорклых воспоминаний, которые преследовали ее так долго... во всяком случае, от большей их части. Луис Крид не был психиатром, но знал: такие ржавые, полузабытые страхи есть у любого человека, и люди вынуждены возвращаться к этим воспоминаниям, ворошить их, даже если рана при этом начинает снова болеть, словно уродливые и зловонные гнилые зубы в черных коронках воспаленных нервов; зубы с больными корнями. Остается это в забытых, вредных подвалах памяти: если Бог — добро, то Он дремлет где-то в ее самых крепких снах. В своих откровениях Речел могла зайти так же далеко, как и в недоверии... это говорило не только о ее храбрости. Луис боялся за жену, но сейчас он приободрился.

Теперь он сел и включил свет.

— Да, — проговорил он. — Я восхищаюсь тобой. И если мне необходимы причины для... для настоящей ненависти к твоим родителям... вот одна из них. Ты никогда не должна была оставаться с Зельдой одна, Речел. Никогда.

Словно ребенок — восьмилетний ребенок, с которым случилось что-то невероятное... Речел заявила Луису:

— Луис, это же была Еврейская Пасха!..

— Меня не волнует причина, — ответил Луис с неожиданно нахлынувшей сильной яростью, которая заставила Речел аж отшатнуться от мужа. Он вспомнил студентов, подрабатывающих сиделками, тех двух практиканток, которых злая удача привела в первый день семестра на работу, именно тогда, когда умер Пасков. Одна из них, упрямая дамочка по имени Клара Шаверс, вышла на работу на следующий день и работала так хорошо, что даже на миссис Чарлтон произвела впечатление. Другую они больше никогда не видели. Луис не был удивлен и не порицал ее.

«Откуда брались сиделки? Они были из службы дипломированных Медсестер... они ушли, оставив восьмилетнего ребенка с умирающей сестренкой, возможно, совершенно ненормальной. Почему? Потому что была Еврейская Пасха. И потому, что элегантная Дора Голдмен не могла вынести вонь в это особое для евреев утро, вынуждена была уехать из дому. Речел одна осталась на дежурстве. Хорошие родственники! Дежурила Речел. Восемь лет, косички, кофточка армейского покроя. Речел дежурила, вдыхала вонь. Может, они не отправили ее в лагерь „Закат в Вермонте“ на шесть недель только для того, чтобы она дежурила у постели своей умирающей, безумной сестры?.. Десять новых наборов рубашек и джемперов для Гаджа и шесть новых платьев для Элли, и „я оплачу вашу учебу в институте“. Но где же была чрезмерно раздутая чековая книжка, когда ваша дочь умирает от менингита спинного мозга, а другая ваша дочь сидела с ней, вместо медсестры, вы — ублюдок? Где были ваши дипломированные, с... с сиделки?

Луис встал с кровати.

— Куда ты? — встревожилась Речел.

— Принести тебе валлиума.

— Ты знаешь, я не...

— Сегодня вечером стоит его принять, — сказал Луис.

* * *

Речел приняла таблетку, а потом рассказала мужу остальное. Ее голос стал печальным и задумчивым. Транквилизатор выполнил свою работу.

Кто-то из соседей вывел восьмилетнюю Речел из кустов, где она спряталась, сидела на корточках и рыдала: «Зельда умерла!» Снова и снова. У Речел из носа пошла кровь. Она вся перемазалась. Кто-то из соседей вызвал «скорую помощь», а потом позвонил ее родителям. После того, как Речел остановили кровотечение, влили в рот чашку чая и скормили две таблетки аспирина, она смогла сказать, где ее родители... Голдмены поехали в гости к

мистеру и миссис Каброн на другой конец города. Питер Каброн был бухгалтером предприятия отца Речел.

В тот же вечер в доме Голдменов произошли огромные перемены. Зельду увезли. Ее комнату вычистили и продезинфицировали. Убрали мебель. Комната стала напоминать голую коробку. Позже... много позже, она стала мастерской Доры Голдмен. В этой комнате мать Речел занималась шитьем.

В ночь после смерти Зельды, Речел впервые приснился кошмар. Когда Речел проснулась в два часа ночи, зовя свою мать, она с ужасом обнаружила, что во сне встала с кровати. Трясаясь от страха, она вернулась обратно. Это Зельда позвала ее на прогулку! Адреналин пропитал тело Речел, и после всего выяснилось, что во сне Зельда тащила ее за кофточку из постели гулять.

Речел сопротивлялась, пытаясь не дать Зельда задушить ее во сне. Все просто и элементарно, дорогой Ватсон. Просто для каждого, кроме самой Речел. Речел была уверена, что Зельда обязательно отомстит ей из потустороннего мира. Зельда знала, что Речел радовалась ее смерти. Зельда знала, что Речел вырвалась из дома, сообщая, радостно сообщая всем и каждому: «Зельда умерла! Зельда умерла!» Кричала и срывала голос, смеялась, а не вопила от страха. Зельда, зная, что умирает, могла просто наградить Речел менингитом спинного мозга. Тогда спина Речел скоро искривится, изменится, а потом Речел будет лежать на кровати, медленно превращаясь в чудовище; ее руки станут как клешни.

И еще, она будет кричать от боли так, как кричала Зельда, потом начнет мочиться в кровать и, наконец, она задохнется. Это — месть Зельды.

Речел никому не говорила об этом — ни матери, ни отцу, ни доктору Мюрею, который, когда Речел на следующий день начала жаловаться на боли в спине, поставил ей диагноз: растяжение продольных мышц спины, а потом попросил Речел («достаточно жестко так поступать», — для себя решил Луис) не притворяться. Она должна помнить, что недавно умерла ее сестра — так сказал ей доктор Мюррей. Родители Речел оказались унижены в своем горе, и для Речел было самое неподходящее время привлекать к себе их внимание. Только когда боли в спине ослабли, Речел поняла, что никогда тепсрь Зельде не добраться до нас; что никто не накажет ее. Еще много месяцев (так Речел сказала Луису) она все еще просыпалась от кошмаров, в которых ее сестра умирала снова и снова. Лежа в своей кровати в темноте, Речел часто заворачивала руки за спину и, касаясь своего позвоночника, пыталась уверить себя, что все в порядке. Ужасные последствия этих снов: она часто думала, что дверь туалета может с грохотом открыться, и Зельда, посиневшая и скрученная, шатаясь, выйдет оттуда. В такие минуты глаза Речел округлялись, блестя белками. А у Зельды посиневший язык вываливался наружу, проползая меж губ, руки превращались в клешни для убийства. Старшая сестра бросалась на Речел, стараясь добраться до ее позвоночника...

Речел не пошла на похороны Зельды, и с тех пор не ходила ни на какие похороны.

— Если бы ты рассказала мне об этом раньше, черт возьми, много стало бы понятно.

— Луис, я не могла, — просто ответила Речел. Ее голос прозвучал совсем сонно. — С тех пор я была... у меня была небольшая фобия в этом вопросе.

«Только маленькая фобия, — подумал Луис. — Конечно, правильно!»

— Я не могу... себя пересилить. Мысленно я знаю, ты — прав. Смерть совершенно естественна... хорошо. Но это знает мой разум... где-то там внутри...

— Конечно, — согласился он.

— В тот день я налетела на тебя, — продолжала Речел. — Я знаю, Элли плакала от одной мысли... о том, что может случиться... и тут я ничем не могла ей помочь. Извини, Луис.

— Да, можешь не извиняться, — сказал он, погладив волосы жены. — Ну и черт с ним, раз после этого ты стала чувствовать себя лучше.

Речел улыбнулась.

— Теперь ты знаешь. Да, теперь я чувствую себя лучше. Я чувствую себя так, словно меня вытошнило чем-то, что годами отравляло мою жизнь.

— Может, и так.

Глаза Речел сузились, превратившись в щелки, и снова широко открылись... медленно открылись.

— И не обвиняй во всем моего отца, Луис. Пожалуйста. Для моих родителей это было ужасное время. Счета... счета за лекарства для Зельды... невообразимые счета. Мой отец отчаялся добиться чего-то в пригороде Чикаго... К тому же во время этой истории с Зельдой моя мать чуть не сошла с ума... Ладно, все прошлое. Смерть Зельды стала словно сигналом для наступления хороших времен. Тогда был спад экономики, обесценивались деньги, но папочка взял займ, с тех пор удача не покидала его. Но именно из-за смерти Зельды родители так тряслись надо мной...

— Чувство вины, — заметил Луис.

— Да, я тоже так думаю. Не обижайся на меня, если вдруг мне станет нехорошо перед похоронами Нормы?

— Нет, милая, не обижусь, — он помолчал, а потом взял жену за руку. — Могу я взять с собой Элли? Ее рука сжала руку Луиса.

— Ах, Луис, я не знаю, — сказала Речел. — Елена такая маленькая...

— Она уже год или того больше знает, откуда берутся дети, — снова повторил Луис.

Некоторое время Речел молчала, глядя в потолок и кусая губы.

— Если ты думаешь, что так лучше, — наконец сказала она.

— Если ты думаешь, что это не... не повредит ей.

— Иди сюда, Речел, — сказал он. В эту ночь они спали, обнявшись, на половине Луиса, и когда Речел посреди ночи проснулась... валлиум перестал действовать... Луис успокоил ее, обняв и прошептал на ухо, что все в порядке. Речел снова заснула.

ГЛАВА 33

«Мужчины... и женщины... похожи на цветы в долине, которые сегодня цвели, а завтра их бросили в печь. Время людей определено... Давайте помолимся...»

Элли, сверкая в синей матроске, одетой по особо торжественному случаю, так резко опустила голову, что Луис, сидевший рядом с ней на скамье в церкви, услышал, как хрустнули ее позвонки. Элли бывала в нескольких церквях, но это были первые похороны, на которых она присутствовала; похороны пугали ее непривычной тишиной.

По мнению Луиса, такое поведение было не характерным для ее дочери. По большей части ослепленный своей любовью к Элли (так же, как он был ослеплен любовью к Гаджу) Луис невозмутимо наблюдал за ней. Сегодня Луис подумал, что видит едва ли не случай из учебника, иллюстрирующий завершение первой стадии приближения ребенка к концу жизни. Элли же состояла почти из чистого любопытства, впитывала в себя все для нее новое и ни минуты не сидела на месте, но вела себя спокойно, даже когда Джад, выглядевший непривычно, но элегантно в черном костюме и в ботинках со шнурками (Луис решил, что первый раз видит Джада в чем-то, кроме как в кожаных туфлях типа мокасин или зеленых резиновых сапогах), наклонился к ней, поцеловал и сказал:

— К тебе еще придет счастье, милая моя. И я уверен, Норма тоже так считает.

Элли смотрела на старика, широко открыв глаза. Сейчас, совершающий богослужение священник — Реверенд Лаухлин, прочел отходную молитву, попросив Бога обратить к ним свой лик и подарить им мир.

— Тот, кто понесет гроб, подойдите, — попросил он. Луис начал вставать, но Элли вцепилась в него, бешено дергая за руку. Она смотрела испуганно.

— Папочка! — зашептала она. — Куда ты идешь? — Я буду одним из тех, кто понесет гроб, дорогая, — сказал Луис, на мгновение снова опустившись рядом с ней и обняв ее плечи. — Это значит, что я должен помочь нести Норму. Четыре человека понесут гроб. Я, два племянника и брат Нормы.

— Где я потом найду тебя?

Луис задумался. Все остальные, кто должен был нести гроб, уже собрались рядом с Джадом. Большая часть приехавших на похороны гуськом выходила из зала. Некоторые плакали.

— Ты должна вместе с остальными выйти и подождать меня снаружи. Я сам подойду к тебе, — сказал он. — Договорились, Элли?

— Да, — ответила девочка. — Только не забудь обо мне.

— Конечно, не забуду.

Он снова поднялся, но она опять дернула его за руку.

— Папочка!

— Что, крошка?

— Не урони ее, — прошептала Элли.

* * *

Луис присоединился к остальным, и Джад представил его племянникам, которые на самом деле были племянниками во втором или третьем колене... потомками брата отца Джада. Брату Нормы было за пятьдесят. Луис попытался прикинуть, сколько ему на самом деле. Несмотря на то, что печаль омрачала лик брата Нормы, выглядел он хорошо.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Луис, чувствуя себя немного неудобно — чужой в их семейном кругу. Все кивнули.

— С Элли все в порядке? — спросил Джад и кивнул в сторону выхода. Девочка замешкалась в вестибюле церкви, поглядывая назад.

«Она хочет быть уверенной, что я не растаю в клубах дыма», — подумал Луис, а потом улыбнулся. Тут ему вспомнились слова Речел: «Оз Веикий и Ушшасный». И улыбка исчезла.

— Да, думаю, все будет нормально, — ответил Луис и махнул девочке рукой. Она махнула в ответ и вышла из церкви, словно через двери пронесся голубой вихрь. На мгновение Луис сжался, посмотрев ей вслед. Элли показалась ему призраком. Ничто материальное не может двигаться с такой скоростью.

— Ну, готовы? — спросил один из племянников. Луис кивнул, вместе с младшим братом Нормы.

— Гроб легкий, — сказал Джад. Его слова прозвучали грубо. Потом, отвернувшись, он медленно отошел в сторону, низко опустив голову.

Луис подошел к дальнему левому углу серого, под цвет стали американского «вечного» гроба, который Джад выбрал для Нормы. Крепко взявшись за ручки, он и трое остальных медленно понесли гроб наружу, на февральский холод. Кто-то (церковный сторож — так решил Луис) насыпал черную дорожку угля поверх блестящей дорожки снега. Снаружи катафалк-кадиллак уже покрылся белым снежным налетом. Рядом с машиной стоял распорядитель похорон и его рослый сын. Они наблюдали за выносом тела, готовые подхватить ручки гроба, если кто-нибудь (брат Нормы, к примеру) поскользнется или ослабеет.

Рядом с ними стоял Джад и смотрел, как выносят гроб. — До свидания, Норма, — сказал он и закурил. — Скоро я встречу с тобой, старушка.

Когда гроб погрузили, Луис обнял Джада за плечи, а с другой стороны рядом с ним стоял брат Нормы, владелец похоронного бюро и его сын, рослые племянники (или двоюродные братья во втором колене... кем бы они там ни были) уже исчезли, выполнив свою работу. Они присоединились к соболезующим; племянники знали Норму только по фотографиям, и, приехав на похороны, возможно, просто исполняли свой долг... потратить день, просидев в гостиницах, кушая пирожки с мясом и распивая пиво Джада, наверное, они даже по-настоящему не задумывались о старых временах, когда их и на свете-то не было и о людях, которых они даже не знали. Они думали только о тех вещах, которые окружали их в настоящий момент (машине, которую можно было помыть; черепаховом воске; лиге игроков в шары; может, они любили посидеть у телевизора, вместе с приятелями посмотреть

футбольный матч) и были счастливы вырваться из привычного окружения, когда их позвали родственники.

Родственники Джада держались поодаль, как можно дальше. Вся процессия напоминала хвост кометы, движущейся вслед за главной массой, которая постоянно уменьшается. Прошлое. Картинки в альбоме. Старые истории, рассказанные в тепле у камина, которые кажутся такими важными — эти люди молодые, они не понимают, что такое артрит и разжижение крови... А прошлое бежит дальше, сжимается, уходит в никуда. Но после всего, после жизни остается только душа — послание Бога к Вселенной (как утверждает большая часть священников), а тело уже в гробу и дюжие кузены или племянники, или кто они такие, приходят к выводу: прошлое — мертво, его можно забыть.

«Бог спасет прошлое», — подумал Луис и задрожал, представив, что когда-нибудь наступит день, когда он станет чужим своим собственным потомкам — своим правнукам и праправнукам, если у Элли с Гаджем будут дети, и сам он доживет до этого. Диспозиция изменилась. Семьи смешались. Молодые лица появились на фоне старых фотографий.

«Бог спасет прошлое», — снова подумал он и крепче сжал плечо Джада.

Служитель церкви водрузил цветы в заднюю часть катафалка. Задняя стенка машины опустилась автоматически и стала в пазы. Луис пошел назад к дочери, и они вместе сели в свою легковую машину. Луис крепко держал Элли, пока они шли к своей машине, чтобы девочка не поскользнулась в своих новых сапожках с кожаными подошвами. Процессия автомобилей отправилась в путь.

— Почему они едут с зажженными фарами, папочка? — с большим удивлением спросила Элли. — Почему они зажгли фары в середине дня.

— Они сделали так, отдавая честь усопшей, Элли, — начал Луис и услышал, каким низким стал его голос. Он нажал кнопку, включая фары автомобиля. — Поехали.

* * *

Они вернулись домой поздно. На церемонии погребения — ее провели в маленькой часовне «Моунт Хоп», ведь могилу Нормы не смогут вырыть до весны, Элли неожиданно расплакалась.

Луис посмотрел на нее, удивленный, но не встревоженный по-настоящему.

— Элли, что с тобой?

— Не будет больше печенья, — всхлипывала Элли. — Она делала для меня великолепное овсяное печенье. Но она больше ничего делать не будет, потому что умерла. Папочка, почему люди умирают?

— Я точно не знаю, — ответил Луис. — Освобождают место для новых людей, я так считаю. Маленьких людей, похожих на тебя и твоего брата Гаджа.

— Я никогда не выйду замуж, не буду заниматься сексом и иметь детей! — решила Элли и уверенно все выговорила. — Тогда, может быть, этого никогда не случится со мной! Это т-т-точно!

— Но Смерть приносит конец страданиям, — спокойно возразил Луис. — Я, как доктор, вижу много страданий. Одна из причин, почему я работаю в университете... я не хочу изо дня в день видеть, как страдают люди. Молодые люди очень часто страдают от боли... сильной боли... но дело не только в страданиях.

Он сделал паузу.

— Хоть верь, хоть не верь, дорогая, но приходит время, когда люди становятся старыми. Смерть не всегда кажется им такой уж плохой и жуткой, как тебе. У тебя еще впереди многие и многие годы...

Элли заплакала, потом зафыркала, а потом успокоилась. Перед тем, как они отправились домой, она спросила, можно ли включить радиоприемник в машине. Луис сказал, да, и она поймала песню в исполнении Шакина Стевенса: «Этот дом окружен

олеандрами» на волне ЦРЗА *note 20*. Вскоре Элли начала подпевать. Когда они приехали домой, она побежала к маме и залепетала, рассказывая о похоронах. Надо отдать должное терпению Речел, та слушала внимательно, полная сочувствия и выдержки... хотя Луису показалось, что выглядела она бледной и задумчивой.

Потом Элли спросила ее, знает ли она, как делается овсяное печенье, и Речел сперва нахмурилась, а потом ее брови от удивления поползли вверх. Она словно ожидала какого-то вопроса в таком роде.

— Да, — ответила Речел. — Хочешь испечь печенье?

— Конечно! — воскликнула Элли. — Давай попробуем, а мам?

— Можно, если папа согласится часок посидеть с Гаджем.

— Посижу, посижу, — сказал Луис. — С радостью.

* * *

Вечер Луис провел, читая и сочиняя отзывы на длинные статьи в «Обзор медицинской литературы». Старые споры касательно того, как снимать швы, начались заново. В маленьком мирке тех, кто интересуется лечением незначительных ран, этот спор продолжался бесконечно. Старые враги ссорились из-за пустяков.

Луис решил было попозже вечером написать письмо, где выразил бы иную точку зрения, доказав, что писавший статью, главным образом довольствуется субъективными ощущениями; приведенные примеры отнюдь не удовлетворительны, а научные поиски автора статьи почти преступны. Наконец, Луне стал смотреть на статью с юмором. Если написать вес, что он хотел бы сказать по этому поводу... это равносильно тому же, что грубо «вые... ь» человека в лоб. Луис стал искать в своих бумагах копию одной статьи по этому вопросу, когда его позвала Речел, спускавшаяся по лестнице:

— Поднимешься, Луис?

— Да, — ответил он, посмотрев на жену. — Все в порядке?

— Оба крепко спят.

Луис внимательно посмотрел на жену.

— Они-то спят. А ты?

— Я в порядке. Читала.

— С тобой точно все в порядке? В самом деле?

— Да, — ответила она и улыбнулась. — Я люблю тебя, Луис.

— Я тоже люблю тебя, крошка, — он посмотрел на книжный шкаф, где лежала нужная статья. Она наверняка лежала на своем месте. Потянувшись, Луис достал как раз ее.

— Пока тебя с Элли не было, Черч притащил домой крысу, — сказала Речел и попыталась улыбнуться. — Конечно, было неприятно.

— Ах, Речел, я не знал, — Луис надеялся, что его голос не прозвучит чересчур виновато. — Это разве плохо?

Речел села на ступеньку. Она была в розовой ночной рубашке, лицо без грима, и лоб сверкал в электрическом свете; волосы были стянуты на затылке резинками в короткие хвостики. Выглядела она, словно маленькая девочка.

— Я позаботилась обо всем, — сказала она, — но ты знаешь, я вышвырнула кота за дверь с помощью вакуумного пылесоса, когда он решил остаться охранять... труп. Эта тварь рычала на меня. Черч раньше никогда не рычал. Он, кажется, изменился. Ты не знаешь, может, у него чума или что-то похуже? А, Луис?

— Нет, — медленно ответил Луис, — но если ты хочешь, я отвезу его к ветеринару.

— Я хочу, чтобы все шло нормально, — сказала Речел и беззащитно посмотрела на мужа. — Ну, так ты идешь? Я пойду спать... я знаю, ты работаешь, но...

— Конечно, — ответил он так, словно занимался какой-то ерундой. Но ведь на самом деле он ничем важным не занимался... он ведь знал, что никогда не напишет этот отзыв, потому что не путь превышения престижа, а завтрашний день принесет еще какие-нибудь новости. Кот принес крысу, ведь так? Крыса, которую принес Черч, это точно, была разодрана на кровавые куски, с выпущенными кишками, а может, и без головы. Да. Черч принес крысу. Крысу для Луиса.

— Пойдем спать, — сказал Луис, выключая свет. Луис и Речел вместе поднялись по лестнице. Луис обнял ее за талию... а потом в спальне любил ее так хорошо, как только мог. И входя в нее, жесткий, с хорошей эрекцией, он прислушивался, как жалобно, словно подвывая, стонал за разукрашенными морозом окнами зимний ветер. Луис удивился коту Черчу, раньше принадлежавшему его дочери, а теперь ему самому, удивляясь, где он сейчас, кого выслеживает или убивает. «Мужское сердце более жестокое», — подумал он. А ветер продолжал петь свою похоронную песнь. И не где-то там, в многих милях отсюда, где лежала Норма Крандолл, которая скоро воссоединится с сыном Луиса; Норма в сером, под металл, американском гробу, стоящем на каменной плите в склепе «Моунт Хопа»... Владелец похоронного бюро напихал ей за щеки много хлопка, чтобы они не ввалились...

ГЛАВА 34

Элли исполнилось шесть лет. В день рождения она приехала из школы домой в бумажной шляпе и привезла несколько рисунков, которые подарили ей ее друзья; они специально нарисовали эти рисунки для нее (на лучших из них Элли выглядела как дружелюбно настроенное пугало). Еще она привезла захватывающую историю о том, как хлопала в ладоши на школьном дворе во время перемены. Эпидемия гриппа прошла. В университете только двух студентов отправили в больницу в Бангор; и Сарраидра Гарди спас жизнь одному юноше с ужасным именем Петер Гумпертон, у которого после того, как его доставили в лазарет, начались конвульсии. Речел увлеклась и часами смотрела передачи со светловолосым мальчишкой-болтуном из «А&В» из Бревера и напыщенно все ночи напролет читала Луису нотации о том, как складывать джинсы.

— ..хотя, может, это годится только на то, чтобы быть напечатанным на туалетной бумаге, — каждый раз добавляла она в конце.

— Если все это выжать, то, может, в комментариях этого паренька найдется пара дельных мыслей, — примирительно ответил Луис.

Речел смеялась аж до слез.

Синий, холодный февраль прошел и начались дожди, мартовские заморозки, оттепели, казалось, стали ярче светить оранжевые фонари вдоль дороги. Скоро большая часть горя Джада Крандолла ушла... того горя, которое, как утверждают психологи, отступает через три дня после смерти любимой, но еще сильно в течение четырех-шести недель, в большинстве случаев, как и пришедшее на смену зиме время года, которое жители Мэйна называли «глубокой зимой» Но время идет, время склеивает человеческие чувства, пока они не превращаются во что-то вроде радуги. Сильная печаль станет слабее, мягче; слабая печаль превратится в сожаление, а сожаление — в воспоминание, — процесс, который занимает от года до трех лет, если все нормально. Пришел день, когда пора стало подстригать Гаджа. Луис увидел, что волосы его сына потемнели; обрадовался этому и чуть опечалился, но только в глубине души.

Приближалась весна.

ГЛАВА 35

Луис Крид верил, что последний по-настоящему счастливый день в его жизни — 24 марта 1984 года. То, что случилось дальше, обрушилось на его семью смертоносной ношей. Им осталось всего семь недель покоя и за эти семь недель не произошло ничего

выдающегося. Луис предполагал, что даже если бы не было последующих, ужасных событий, март 1984 года он запомнил бы навсегда. Дни, которые были неподдельно хорошими — хорошими в любом смысле — редко так бывает. На самом деле это длилось чуть меньше месяца — редкий дар при любых обстоятельствах. Луису даже стало казаться, что Бог, в своей безграничной мудрости, подарил им время, когда отступают все невзгоды.

Было воскресенье. Луис сидел дома с Гаджем, в то время как Речел и Элли отправились по магазинам. Они уехали в Джадом в его старом и грохочущем пикапе «1Н-159», не потому, что их большой автомобиль забарахлил, а просто потому, что старику была приятна их компания. Речел спросила Луиса, сможет ли он посидеть с Гаджем, и он ответил, что, конечно. Он был рад тому, что Речел уезжает; после зимы в Мэйне, в Ладлоу, он стал считать, что ей больше надо бывать на людях. Речел по-прежнему выглядела подтянутой и свежей, но Луису показалось, что она стала чуть безумной.

Гадж проснулся около двух часов дня, завозился и был явно не в духе. Он нашел Ужасных Двойняшек и утащил куклы к себе. Луис несколько раз, безуспешно, попытался придумать занятие ребенку, но Гадж играть не хотел. Что-то пошло не так. У ребенка бурлило в животике, и Луису это не понравилось, тем более, что он увидел синий мраморный шарик. Это был один из шариков Элли. Ребенок мог проглотить игрушку. Луис убрал шарик, надо было убрать все, что Гадж мог запихнуть в рот, но это решение, несомненно похвальное, нельзя было претворить в жизнь и одновременно развлекать ребенка.

Луис прислушался к шуму весеннего ветра, посмотрел на облака, играющие светом и тенью на соседнем поле. Поле это принадлежало миссис Винтон. Неожиданно Луис подумал о «ястребе», которого купил пять или шесть недель назад на обратной дороге из университета. А ведь мог тогда купить что-нибудь другое!

Гадж! — позвал Луис.

Гадж нашел под кроватью зеленый фломастер и теперь тщательно раскрашивал одну из любимых книжек Элли «Еще немного дров в костер соперничества брата и сестры», — подумал Луис и усмехнулся. Если Элли не обратила внимания на то, что Гадж разукрасил бляками-закаляками ее любимую «Где обитают дикие звери» раньше, чем Луис отобрал ее у малыша, то Луису и впрямь стоит помолчать об уникальной избалованности Гаджа.

— Фто? резко ответил Гадж. Он уже говорил почти хорошо. Луис решил, что ребенок и понимает все отлично.

— Не хочешь прекратить это варварство?

— Пфи! — возбужденно ответил Гадж. — Пфи! Где пчки, пап?

Это предложение, если точно воспроизвести его, звучало примерно так: «Пти. Где мьи чки па-ап?» и переводилось: «Где мои тапочки, папа?» Луис часто удивлялся языку Гаджа, но не потому, что тот был милым, а потому, что все маленькие дети разговаривали точно иностранцы, обучающиеся английскому неким беспорядочным, но всегда сверхъестественно правильным путем. Он знал, что дети могут воспроизводить все звуки человеческого голоса, допуская... плавные трели, которые отличают студентов-французов, первый год изучающих английский, ворчание и щелканье австралийских дикарей, грубое звучание немцев. Научившись говорить, дети теряют такую способность. Луис удивлялся (и уже не в первый раз), ведь детство — время, которое забывается, но почему-то именно в детстве закладываются основы знаний.

«Чки» Гаджа были, наконец, найдены... они тоже оказались под кроватью. Луис верил, что в семьях, где маленькие дети, свободное пространство под кроватью обладает сильным и таинственным электромагнетизмом, который притягивает все виды мелочей — все, от болтов, заколок, ползунков, до цветных фломастеров и старых номеров журнала «Сезам Стрит» с кошками между страницами.

Рубашонка Гаджа, однако, оказалась не под кроватью. Она лежала на середине лестницы. Его красная шапочка, без которой Гадж отказался покидать дом, отличалась от остальных вещей, потому что оказалась на месте — в стенном шкафу. Это было, естественно,

последнее место, куда они заглянули.

— Куда едем, пап? — по-компанейски спросил Гадж, протянув руку отцу.

— Пойдем на поле миссис Винтон, — ответил Луис. — Запустим бумажного змея.

— Бумей? — с сомнением спросил Гадж.

— Тебе понравится, — сказал Луис. — Подожди-ка минутку. Они оказались в гараже. Луис нашел свое кольцо с ключами от незапертой кладовки. Включив в кладовке свет, он быстро обнаружил «ястреба», до сих пор лежавшего в полиэтиленовом пакете универсального магазина с прикрепленным ценником. Луис принес змея домой в середине февраля и с тех пор сам сгорал от нетерпения и желания запустить игрушку.

— Фто? — поинтересовался Гадж. В переводе означало: «Что же это такое, чего я не знаю?»

— Это — воздушный змей, — сказал Луис и вытащил змея из пакета. Гадж смотрел, заинтересовавшись, в то время как Луис собирал «ястреба», который должен был раскинуть прочные пластиковые крылья футов на пять. Его выпуклые, красные глаза горели на маленькой головке, сидевшей на небрежно раскрашенной розовой шее.

— Птица! — закричал Гадж. — Птица! Пап! Дай пщичку!

— Конечно, это — птица, — согласился Луис, прикрепляя палочки в пазу на задней части змея и привязывая нить длиной пять сотен футов, которую купил по случаю. Посмотрев назад, он повторил Гаджу:

— Тебе понравится это, малыш.

* * *

Гаджу понравилось.

Они запустили змея на поле миссис Винтон. Луис резко поднял змея в ветреное мартовское небо. Он не пускал воздушного змея с... сколько же лет? Ему было двенадцать. Девятнадцать лет назад? Боже, это ужасно.

Миссис Винтон — женщина того же возраста, что и Джад, но неизмеримо более хрупкая, жила в кирпичном доме в другом конце поля. Ныне она редко выходила из дома. За ее домом поле кончалось и начинался лес — лес, откуда рукой подать до Хладбища и до земли, где хоронили своих мертвых Микмаки.

— Бумсй летит, пап! — закричал Гадж.

— Конечно. Смотри, как это делается! — Луис отклонился назад, смеясь и радуясь. Он стал разматывать катушку с нитью так быстро, что нить нагрелась и огнем обожгла его пальцы. — Посмотри на «ястреба», Гадж! Он хочет вырваться!

— Вырваться! — закричал Гадж и засмеялся, звонко и радостно. Солнце выплыло из-за толстого серого весеннего облака, и температура сразу же, казалось, поднялась градусов на пять. Сын и отец купались в ярких, удивительно, почти по-летнему теплых, мартовских солнечных лучах, а вокруг поднималась сухая трава поля миссис Винтон; над ними кружил «ястреб». Он рвался в синюю вышину. Его пластиковые крылья вибрировали в воздушных потоках, так же как вибрировали в те дни, когда Луис был мальчишкой. Луис всегда хотел взлететь над землей, посмотреть на мир сверху. Какой он, этот мир, на самом деле? Только картографы в детстве могли видеть такие сны. Поле миссис Винтон, такое белое и ровное, словно паутиной, перечеркнутое сугробами еще не до конца стаявшего снега, выглядело огромным параллелограммом, словно заплетенный в каменную оправу с двух сторон — с одной стороны черным потоком текла дорога, а с другой начиналась речная долина. С высоты «ястреб» видел все это своими красными глазами. Река напоминала холодную серую стальную ленту — по ней плыли обломки льда; на другой стороне реки стояли Гампден, Невбург, Винер-порт, где располагались доки. Возможно, плавая под клубящимися облаками, «ястреб», видел Шахту Святого Иова или даже край земли, где Атлантика обрушивала свои валы на голые скалы Чапслвэйта.

— Посмотри, как он летит, Гадж! — воскликнул Луис и засмеялся.

Гадж оказался далеко позади. Он то и дело готов был упасть в грязь. Его личика расплылось в широкой улыбке. Он махал змею.

Луис слегка расслабился и сказал Гаджу, чтоб тот подержался одной рукой за катушку. Гадж вцепился в нее, даже не глядя по сторонам. Он не мог отвести глаз от змея, который летал и танцевал на ветру.. Тень змея металась по полю.

Луис дважды обмотал веревку вокруг кисти Гаджа и только потом, посмотрев на нить, удивился, как сильно тянет она малыша, как она напряжена.

— Фто? — спросил малыш.

— Теперь ты сам держишь эту летающую штуку, — объяснил Луис. — Молодец. Это твой змей.

— Гадж пускает Бумся? — спросил Гадж так, словно спрашивал не отца, а себя самого, чтобы удостовериться. Экспериментируя, он потянул веревку; змей метнулся вниз. Луис и сын вместе засмеялись. Гадж вытянул вперед свободную руку, словно хотел схватить игрушку, но Луис засмеялся, а потом забрал у него нить. Так они и стояли вместе посреди поля миссис Винтон, следя за «ястребом».

Этот момент Луис не забудет никогда. Как он запустил змея, точно мальчишка, а потом обнаружил часть себя, воплотившуюся в Гаджа, его сына. Ему казалось, что он стал таким же маленьким, как Гадж, и что он смотрит на мир его глазами... смотрит на мир, огромный и яркий; мир, где поле миссис Винтон было необъятным как Соленая равнина Бонневилля; а воздушный змей парил над ними, становясь все меньше и меньше. Нить билась в его руке, словно живое существо; ветер ерошил ему волосы.

— Бумей летит! — кричал Гадж отцу. Луис обнял Гаджа за плечи и поцеловал мальчика в щеку, которую ветер раскрасил в розовые тона.

— Я люблю тебя, Гадж, — сказал он. Это касалось только их двоих. Все было правильно.

Гадж, которому жить оставалось всего два месяца, засмеялся пронзительно и радостно.

— Бумей летит! Бумей летит, пап!

* * *

Они забавлялись со змеем, пока не приехали Речел и Элли. Луис и Гадж так высоко подняли змея, что едва не упустили нить. «Ястреб» почти растаял в небесах — превратился в маленький черный силуэт в небе.

Луис обрадовался, увидев своих дам, и зашелся от смеха, когда Элли сперва упустила нить, а потом погналась за катушкой по пожухлой, прошлогодней траве и, поймав ее, попыталась распутать нить. Но появление жены и дочери чуть изменило все вокруг, и Луис очень сожалел, что все кончилось, когда минут через двадцать Речел заявила ему, что она надеется, что несмотря на ветер, Гадж не простудится.

Змея спустили, сражаясь с ветром за каждый метр веревки. Наконец, ветер сдался. Луис сложил змея: черные крылья, выпученные, словно налитые кровью глаза и все остальное, а потом спрятал змея в кладовку. В этот вечер Гадж съел ненормально много «хотдогов». Потом Речел уложила его в кровать, а Луис позвал Элли и серьезно с ней поговорил о мраморных шариках, разбросанных, где попало. При других обстоятельствах разговор мог бы закончиться тем, что Луис просто-напросто накричал бы на дочь, ведь Элли отнеслась к его лекции, как и к остальным, с большой долей надменности... даже слегка оскорбительно. Ей показалось, что ее обвиняют в какой-то ерунде так, словно это серьезное преступление. Она всегда так себя вела, когда ее ругали. Но не это спасло ее от Луиса, когда она попросту отмахнулась от его слов. Просто Луис слишком устал. До конца того дня, когда он пускал змея с сыном, Луис оставался в хорошем настроении, и Элли даже не захотелось капризничать. Она согласилась быть более осторожной, а потом отправилась вниз и смотрела телевизор до 8. 30, «Ладно, может, так даже лучше», — подумал Луис, не зная, что шарики на самом деле не такая уж большая проблема по сравнению с грузовиками «Оринго».

Вот те-то были настоящей проблемой... настоящей проблемой... как Джад Крандолл и предупреждал их в тот августовский день, когда они только приехали...

* * *

Луис поднялся наверх минут через пятнадцать после того, как уснул Гадж. Сын его спокойно спал, а если иногда просыпался, то пил из бутылочки молоко, презрительно глядя в потолок.

Поправив одеяльце Гаджа, Луис поцеловал сына.

— Спи спокойно, Гадж, — сказал он.

— Бумей летал, папа? — спросил Гадж.

— Да, он на самом летал, — сказал Луис и у него на глаза навернулись слезы. — Точно, летал, мой мальчик.

— Бумей летал, — сказал Гадж. — Бумей — небо. Малыш повернулся на бок, закрыл глаза и уснул. Только так.

Луис вышел в коридор, а потом, обернувшись, увидел желто-зеленые глаза, пристально уставившиеся на него из стенного шкафа Гаджа. Стенной шкаф был открыт... что-то случилось... Сердце ушло в пятки, а рот Луиса искривился в гримасе отвращения.

Открыв пошире дверцы шкафа, Луис подумал... (Зельда... это Зельда в шкафу. Сейчас она высунет свой черный язык)...

...но уверен в этом Луис не был. Конечно, это всего лишь Черч. Кот в шкафу. Увидев Луиса, Черч выгнул спину, словно кот с плаката Хеллоуина, зашипел, чуть приоткрыв рот, обнажив острые, как иглы, зубы.

— Выходи оттуда, — прошептал Луис. Черч снова зашипел, но не пошевелился.

— Убирайся, кому сказал! — Луис взял первую вещь, попавшуюся под руку — игрушку Гаджа — пластмассовый паровозик, который в сумраке казался темно-красным, словно сухая кровь. Луис махнул им в сторону Черча. Кот не пошевелился, только снова зашипел.

И неожиданно, без всякой задней мысли, Луис ударил игрушкой кота, не играя ударил, не по-доброму. Он врезал коту изо всех сил, рассердившись на то, что кот сидел тут, в стенном шкафу, в комнате его сына и не желал убираться прочь. Игрушка сбила кота смог. Черч завизжал и бросился бежать; со своей грациозностью врезался в дверь и едва удержался на ногах.

Гадж забеспокоился, забормотал что-то, повернулся и снова затих. Луис почувствовал тошноту. Пот стекал у него по лбу.

— Луис? — На первой ступени лестницы внизу стояла Речел. Ее голос звучал встревоженно. — Что случилось? Гадж выпал из колыбельки?

— Все в порядке, дорогая. Черч случайно опрокинул пару его игрушек.

— Ах, тогда все в порядке.

Луис почувствовал себя так, словно... словно, посмотрев на сына, обнаружил свернувшуюся на нем змею или большую крысу, притаившуюся на книжной полке. Конечно — иррациональное ощущение. Но, когда кот зашипел на него из шкафа...

(Зельда, — подумал он... — Зельда — Волшебница Изумрудного Города; Оз — Веикая и Ушшасная).

Луис закрыл дверь шкафа, задвинув игрушки назад, прислушался к тихому щелчку щеколды. Мгновение поколебавшись, он запер шкаф.

Луис вернулся к колыбели Гаджа. Крутясь, ребенок скомкал, сдвинул оба одеяла. Луис распутал узел, расправил одеяла, положив их, как положено, а потом долго стоял, наблюдая за сыном.

ЧАСТЬ II. ЗЕМЛЯ, В КОТОРОЙ ХОРОНИЛИ МИКМАКИ

Придя (в Иерусалим), Иисус узнал, что уже четыре дня Лазарь лежит в гробнице...

...Марфа же, когда услышала, что Иисус идет к ним, вышла навстречу Ему...

И сказала Марфа Иисусу: Господи, если бы ты был здесь, не умер бы брат мой, потому что я знаю: о чем бы ни просил Ты у Бога, Бог даст Тебе.

Иисус говорит ей: воскреснет брат твой.

Евангелие Иоанна (пересказ)

— Хей-хо! То ли еще будет!

Кассандра.

ГЛАВА 36

Должно быть, абсурдно верить в то, что могут существовать какие-то границы ужаса, который может вынести человеческий разум. Наоборот, кажется, что существует некий необратимый процесс падения во «тьму», все глубже и глубже, хотя не так уж глубоко, чтобы этого нельзя было представить. Кошмары встают черной стеной. Ужас плодит ужас. Одно недоброе совпадение вызывает следующее до тех пор, пока тьма не заливают весь мир... Наиболее ужасные вопросы — те вопросы, которые так же как большая часть страхов человека порождают и поддерживают постоянную настороженность, вызывают изумленные взгляды непосвященных. В таких случаях самая здравая мысль: бежать, спастись; или ужас сломит, согнет вас. В таких случаях только единственное чувство — чувство юмора не подводит вас...

Такие мысли появились бы и у Луиса Крида, если бы он задумался о том, что последует за похоронами его сына — Гаджа Уильяма Крида, состоявшимися семнадцатого мая; но любая рациональная мысль или попытка реалистически подойти к происходящему оборвалась на похоронах, где произошла неприятная стычка с тестем (само по себе плохо), что вызвало еще более ужасные последствия — финал возмутительной мелодрамы. Страшный скандал стал лишь той последней каплей, которой не хватало Речел, чтобы затрястись и разрыдаться в Восточной Комнате морга «Брукинса-Смита», где в закрытом гробу лежал Гадж, и тогда Саррендра Харди вывел ее в фойе.

Ирония произошедшего в том, что Речел почти не участвовала в финальном эпизоде драмы Кридов... Одно можно сказать: стычка между Луисом и мистером Ирвином Голдменом произошла не во время «утренних часов посещения» (с 10 до 11. 30), а во время «вечерних часов посещения» (с 14 до 15. 30).

Речел утром в морге не была: она просто не могла. Она сидела дома с Джадом Крандоллом и Стивом Мастертоном, а Луис еще не знал, получится или нет у него то, что он задумал сделать через сорок восемь часов без помощи Джада и Стива.

Для Луиса и для остальных членов его семьи было хорошо то, что рядом с Луисом оказался Стив. Из-за потрясения от смерти сына Луис был не в состоянии принимать какие-либо решения; даже не мог сделать что-нибудь столь незначительное, как, например, укол жене, чтоб облегчить ее страдания. Луис даже не заметил, что Речел, явно стремившаяся в морг во время «утренних часов посещения», пыталась уехать из дома в домашнем халате, который, к тому же, неправильно застегнула. Ее волосы были немывты и непричесаны, спутались. Под глазами темнели синяки, а сами глаза запали так глубоко, что лицо казалось неживым. Тело стало вялым, что сразу отразилось на ее лице. В то утро она сидела за столом, ела недожаренный тост и говорила отдельные фразы, не имеющие отношения к происходящему. Наконец, она резко заявила:

— Насчет меха для вина, который ты хочешь купить, Луис...

Луис последний раз говорил о мехе для вина в 1981 году.

Луис только кивнул и пошел завтракать. На завтрак он съел чашку «Кокао Беарс». «Кокао Беарс» было одним из самых любимых блюд Гаджа, и в это утро Луис хотел на завтрак именно их. В то утро Луис выглядел нарядно в своем лучшем костюме — не черном (Луис не любил черных костюмов), а в темно-шоколадном. Он побрился, помылся и причесал волосы. Выглядел он хорошо, так, словно и вовсе забыл о случившемся.

Элли надела синие джинсы и желтую кофточку. С собой, садясь за стол, она прихватила фотографию. На фотографии, сделанной поляроидом, были Луис и дети. Фотографировала Речел в последний день рождения Елены. Гадж получился смешным, улыбающимся из глубин уменьшенной копии лыжной парки; он сидел на скоростных санках Элли, куда она сама его усадила. Речел, заглянув через плечо Элли на фотографию, улыбнулась Гаджу. Малыш на фотографии улыбался ей в ответ.

Фотографию Элли принесла, но много говорить не стала.

Луис не мог следить ни за женой, ни за дочерью. Он ел завтрак, мысленно снова и снова возвращаясь к случившемуся. Мысленно Луис придумывал разные окончания произошедшему. Например: Гадж пошлепал дальше, когда они закричали...

Стив, вот кто хорошо видел, что на самом деле происходит с Речел и Элли. Это он не позволил Речел выходить утром. «Прощание» было поминальным — гроб стоял закрытым. «Если бы его открыли, — подумал Луис, — все бы с криками разбежались, да и я тоже, наверное, струсил бы». Элли Стив тоже никуда не пустил. Речел протестовала, Элли просто уселась, молчаливая и угрюмая, сжимая в руках фотографию Гаджа.

Именно Стив сделал Речел укол, в котором она так нуждалась, и дал Элли выпить ложечку бесцветной жидкости. Элли, обычно скулящая и протестующая против всего, связанного с медициной — правда, медициной другого рода, — выпила лекарство молча и без гримас. В десять часов она снова уснула в своей кровати, так и не выпустив фотографию из рук, а Речел села у телевизора смотреть «Колесо Фортуны», очень медленно отвечая на вопросы Стива. Она словно окаменела. Вид у нее был какой-то потерянный, а взгляд задумчивый, как у сумасшедшего, которого побеспокоили... напугали...

Джад, конечно, сделал все необходимое. Он подготовил похороны, как сделал это три месяца назад, когда умерла его жена. Но именно Стив Мастертон отвел Луиса в сторону, прежде чем тот уехал из дома.

— Я присмотрю за Речел до полудня. Может, к тому времени она придет в себя, — сказал он Луису. — Ладно.

— Укол отключил ее. Твой друг, мистер Крандолл, сказал, что он останется здесь на весь день и присмотрит за Элли.

— Правильно.

— ..поиграет с ней в Монополию или что-то еще...

— Угу.

— Но...

— Правильно.

Стив замолчал. Они стояли в гараже, на территории Черча, в том помещении, куда кот приносил мертвых птиц и крыс, предназначенных Луису. Снаружи светило весеннее солнце, и малиновка пролетела мимо гаража, направляясь дальше, через дорогу, словно торопясь по неотложным делам куда-то. Может, оно и так.

— Луис, — сказал Стив, — ты должен держаться. Луис посмотрел на Стива, словно что-то вежливо спрашивая. Не много сказал Стив (Луис почему-то думал, что если станет спешить, то спасет жизнь своему сыну), но мало что отложилось в голове Луиса.

— Ты, кажется, ничего не замечаешь, — продолжал Стив, — но Элли ни с кем не хочет разговаривать, а Речел так потрясена, что потребуется много времени, прежде чем она придет в себя.

— Правильно! — ответил Луис, вложив в это слово силу и как можно больше чувства. Он и сам не знал, почему. Стив положил руку на плечо Луиса.

— Луис, — сказал он, — ты им очень нужен. Может быть, больше, чем когда-либо...

Пожалуйста... я сделал твоей жене укол, но... ты... посмотри, Луис, ты уезжаешь... о, Боже, Луис... это же словно месса какая-то! — в конце Стив почти кричал.

Луис выглядел чем-то слегка встревоженным.

— Точно, — сказал он и снова увидел Гаджа, бегущего через лужайку с шоссе. Они кричали Гаджу, чтоб он вернулся, но не докричались... похоже, играя, он решил убежать за дорогу от мамочки и папочки... а когда они погнались за ним... Луис быстро обогнал Речел, но Гадж сильно вырвался вперед. Гадж смеялся;

Гадж убегал от папочки, . для него это была игра. Луис догонял его так медленно. Гадж сбежал вниз с лужайки по неухоженному косогору на край 15 шоссе; а Луис набегу молился, чтоб Гадж упал. Когда маленькие дети быстро бегут, они почти всегда падают, потому что не слишком хорошо могут управляться со своими ногами, пока им не исполнится лет семь или восемь. Луис молил Бога, чтобы Гадж упал, упал, да, упал и в кровь разбил себе носик. Кровь потом быстро остановили бы... А молился Луис потому, что слышал рев приближающегося грузовика — одного из десятиколесных гигантов, что без усталости мотались взад-вперед между Бангером и заводом «Оринго». Тогда Луис закричал, зовя Гаджа; он решил, что Гадж услышит его и остановится. Гадж понял: игра кончилась. Его родители не кричали так на него, когда играли. Гадж попытался забраться назад, на паребрик, а грохот грузовика уже стал очень громким. Его грохот, как казалось, заполнил весь мир. Гром. Луис метнулся вперед. Его тень понеслась над землей, словно тень «ястреба», в марте пронесшегося над прошлогодней травой на поле миссис Винтон. Луис на мгновение поверил, что кончики его пальцев успеют схватить Гаджа. И тогда Гадж рванулся вперед, ожидая, что отец поможет ему. А грузовик гремел, грузовик сверкал на солнце хромированным железом, грузовик ревел, трубил... Все это случилось в воскресенье, три дня назад.

— Я в порядке, — сказал Стиву Луис. — Я должен идти.

— Если бы ты смог остаться и помочь им, — протянул Стив, вытирая глаза рукавом куртки. — Тебе самому было бы лучше. Вас трое, и вместе вы смогли бы с этим справиться. Только так. Это всем известно.

— Все правильно, — согласился Луис. У него в голове сцена смерти сына проигрывалась снова и снова, только иногда он успевал проскочить на два фута дальше, успевая схватить Гаджа за куртку...

* * *

Когда в Восточной Комнате случился скандал, Элли двигала вперед свою фишку по полю Монополии одной рукой, молча двигала. С ней играл Джад Крандолл. Она бросала кубик одной рукой, сжимая в другой фотографию с Гаджем, сидящим на ее санках.

Стив Мастертон решил, что будет лучше, если Речел после обеда заедет в морг... рано или поздно ей все равно придется побывать если не там, то на похоронах уж точно. Но это решение он принял с глубоким сожалением.

В это утро в Бангор прилетели Голдмены. Они остановились в гостинице «Выходные». Отец Речел уже четырежды звонил, но Стив был непреклонен и в четвертый раз с отцом Речел разговаривал Джад. Ирвин Голдмен хотел приехать к Кридам, и все псы ада не могли остановить его, так он заявлял. Стив же говорил Ирвину Голдмену, что Речел необходимо время, чтобы прийти в себя после первоначального шока... Он ничего не знает о «всех псах ада» — так ответил Джад, но он знает одного шведо-американского психолога, который не намерен пускать евреев-психопатов в дом Кридов, пока Речел не придет в себя настолько, чтобы показываться на публике. После дневного осмотра Стив сказал, что надеется, Луис не оставит ее на попечение родственников. Стив хотел, чтоб Речел вообще побыла одна.

Отец Речел клялся ему на идише и, наконец, разбив телефонную трубку, прервал связь. Стив ждал, что Голдмен и в самом деле скоро покажется в окрестностях дома Кридов, но Голдмен, по-видимому, решил выждать. Вскоре, как казалось, Речел стало немного лучше. Она стала понимать, что происходит, вышла на кухню приготовить сэндвичи или что-нибудь

еще. Ведь кто-то может заехать к ним, разве нет? По крайней мере, так она сказала Стиву.

Стив кивнул.

Ни копченой колбасы, ни холодного вареного мяса не оказалось в холодильнике, только куски вареной индейки, и Речел выложила их на кухонный стол, чтоб они оттаяли. Стив заглянул на кухню и увидел, что Речел смотрит на размораживающееся мясо и плачет.

— Речел?

Она посмотрела на Стива.

— Бутерброды с индейкой так нравились Гаджу. Особенно он любил белое мясо. Иногда он подходил ко мне и просил, чтобы я приготовила ему бутерброд с индейкой.

Стив отправил ее наверх переодеться — последний тест на ее способность справиться с действительностью. И когда она спустилась, одетая в простое черное платье, в талии перетянутое ремнем с маленькой черной сумочкой (сумочкой от вечернего туалета, если говорить точнее), Стив решил, что с ней все в порядке и Джад с ним согласился.

В город ее отвез Стив. Он остался с Саррендрой Харди в вестибюле Восточной Комнаты и оттуда смотрел, как Речел, словно призрак, подошла к увитому цветами гробу.

— Как это случилось, Стив? — тихо спросил Саррендра.

— Рассказать, так на х... страшно, — ответил Стив громко, хриплым голосом. — А как ты думаешь, должно быть страшно?

— Думаю, да, — согласился Саррендра и вздохнул.

* * *

На самом деле неприятности начались еще утром, когда Ирвин Голдмен отказался пожать руку своему зятю.

На виду у многих друзей и родственников такое невнимание сильно потрясло Луиса: потрясло его то, что их отношения были вынесены на всеобщее обозрение. Луис достиг той стадии уступчивого горя, которое владельцы похоронного бюро использовали для своей выгоды. Луис ходил кругами по покойницкой, словно играл в какую-то свою игру.

Снаружи Восточной Комнаты было маленькое фойе, где люди могли посидеть на легких, дешевых стульях. Стулья выглядели так, словно их доставили прямо с самой дешевой распродажи, какого-нибудь самого дешевого, закрывающегося мужского клуба. За дверьми находилась покойницкая, на дверях висела металлическая пластина, гравированная золотом. Выгравированная надпись гласила: «Гадж Вильям Крид». Если бы вы обошли белое здание морга, которое выглядело загадочно, словно удобный, старый дом, а потом вошли бы в фойе, перед которым висела табличка «Альберта Бурнхэм Недеау», то оказались бы в Западной Комнате, где проходило прощание с Недеау. За домом находилась еще одна комната с видом на реку. На двери той комнаты в тот день не было никакой таблички. В тот день в ней не было надобности. В подвале дома располагалось гробохранилище, где в отдельной комнате стояли образцы всех гробов, которые вам могли предложить купить. Каждый гроб освещался лампой, свисающей с потолка. Если посмотреть вверх (Луис так и сделал, и владелец похоронной конторы, нахмурившись, проследил за его взглядом), могло показаться, что на потолке расселось множество странных животных.

Джад с Луисом приехали сюда в воскресенье, в день смерти Гаджа, чтобы купить гроб. Они спустились по лестнице и оказались на выставке гробов. Луис не мог отвести взгляда от ровной, белой, качающейся двери типа той, что бывают в ресторанах между обеденной залой и кухней. Джад и владелец похоронного бюро говорили одновременно и быстро.

— Нет, не так, — и Луис последовал за ними через качающуюся дверь. Луис знал, что скрывается позади этой двери, ведь его дядя тоже был владельцем похоронного бюро.

В Восточной Комнате рядами стояли складные стулья — изящные, с сиденьями и спинками модной формы. Впереди, там, где возвышался некий гибрид нефа и беседки, стоял гроб Гаджа. Луис выбрал гроб из розового дерева — Американская компания корзин, модель: «Вечный покой» — так назывался этот гроб. По краям он был оббит изящным розовым

шелком. Владелец похоронного бюро согласился, что это — по-настоящему красивый гроб, и извинился, что у него нет гроба с голубой отделкой *note 21*. Луис возразил, что ни он, ни Речел никогда не придавали значения таким мелочам. Владелец похоронного бюро поинтересовался у Луиса, как он собирается оплачивать похороны Гаджа. Если платить нечем, то им надо будет вернуться в контору и оформить похороны за счет муниципалитета, остановив свой выбор на гробу попроще...

У Луиса неожиданно родилась мысль... словно кто-то проговорил у него в голове: «Выбери для ребенка гроб получше».

Чувствуя себя как во сне, Луис ответил:

— Я заплачу за все.

— Отлично, — согласился владелец похоронного бюро. Гроб подобрали фута четыре в длину — карликовый гроб. Тем не менее его цена оказалась чуть выше шести сотен долларов. Луис предполагал установить гроб на козлах, которые закроются цветами. Он не хотел, чтоб к гробу подходили слишком близко...

В конце прохода, между рядами стульев, рядом с дверью, ведущей в фойе, на подставке лежал альбом. Рядом с ним на цепочке висела шариковая ручка. Альбом лежал тут для того, чтобы друзья или родственники, как сказал владелец похоронного бюро, могли написать приветствия и пожелания.

Друзья и родственники считали своим долгом записать в альбом свои имена и адреса. Луис никогда не относился с пренебрежением к идеям, которые могут на первый взгляд показаться безумными. Но он ничего не стал спрашивать сейчас. Он был уверен, что после похорон он и Речел станут хранить этот альбом. Такая мысль выглядела наиболее безумной. Где-то у него был альбом выпускников Высшей Школы, выпускной альбом колледжа и медицинского факультета университета. Еще хранился свадебный альбом, с «Днем моей свадьбы» — эти слова были отпечатаны фальшивым золотом на обложке из фальшивой кожи. Этот альбом начинался фотографией Речел, которая с помощью матери примеряла свадебную вуаль перед зеркалом утром в день бракосочетания, и заканчивался фотографией двух пар обуви, выставленных за дверь номера отеля. Был еще детский альбом Елены — он появился очень быстро. Начинался он с «моей первой стрижки» (там даже лежал локон детских волос) и «Уффф!» (картинка, где ребенок падает на попу). Он тоже казался очень милым.

Теперь: адреса и все остальное. Разве Луис просил об этом? Луис удивился, когда, оцепенев, замер рядом с альбомом, ожидая начало «часов посещения». Как назвать этот чудесный альбомчик? «Книга Мертвых»? «Автографы на похоронах»? «День, когда мы закопали Гаджа»? Или что-то более величественное:

«Смерть в семье».

Луис подумал об альбоме, для которого он выбрал название: «День моей свадьбы», ныне оттиснутое на имитации кожи.

Но сейчас надпись на обложке смысла не имела. Как и можно было предсказать, первой в это утро появилась Мисси Дандридж, отзывчивая Мисси, которая сидела с Элли и Гаджем дюжину раз. Луис вспомнил, что именно Мисси брала детей, когда Луис с Речел занимались любовью, сперва в ванной, потом в кровати.

Мисси зарыдала... зарыдала и, взглянув на печальное неподвижное лицо Луиса, стала растирать слезы по лицу, идя к Луису так, словно шла ощупью. Луис обнял ее, понимая, что это сработает в любом случае — обязательный ритуал, который повторялся из раза в раз, возвращал на землю, помогал излиться бели, разрушал твердую корку шока и сковавшую сердце печаль.

— Мне так жаль, — сказала Мисси, поправляя, убирая с бледного лица прядь темно-русых волос. — Такой милый малыш. Я так сильно любила его, Луис. Мне так жаль...

Note21

Считается, что розовый — женский цвет, синий — мужской.

Эта ужасная дорога. Я надеюсь, этого водителя на всю жизнь засадят в тюрьму... Малыш бежал так быстро. Он был таким шустрым, таким милым, таким симпатичным. Почему Бог забрал Гаджа? Я не знаю... мы не можем понять... но мне жаль... жаль... так жаль...

Луис утешал ее, обнимал, утешал. Он чувствовал ее слезы на своем воротничке, давление ее груди. Она хотела знать, где Речел, и Луис сказал, что Речел осталась дома. Мисси пообещала повидать ее и посидеть с Еленой... столько, сколько понадобится. Луис поблагодарил ее.

Мисси отошла, всхлипывая, прикрывая раскрасневшиеся глаза черным носовым платком. Она направилась к гробу, но Луис окликнул ее. Владелец похоронной конторы посоветовал Луису следить, чтобы все записывались в книгу. Черт возьми, он заставит всех это сделать!

«Таинственный гость — плохой знак», — подумал Луис, пытаясь отогнать душивший его раскатистый смех.

Скорбь Мисси и ее раскрасневшиеся глаза смешили Луиса.

— Мисси, может, что-то напишешь? — спросил ее Луис и только потому, что нужно было еще что-то добавить, сказал:

— Для Речел.

— Конечно, — согласилась она. — Бедный Луис, бедная Речел.

И тут Луис неожиданно понял, что она скажет дальше, и испугался этого. События приближались, неумолимо, словно черная пуля большого калибра, уже вылетевшая из пистолета убийцы. Луис знал, куда она попадет, знал, что будет мучиться следующие девяносто минут, а потом все начнется снова после полудня, когда утренние раны смогут чуток зарубцеваться.

— Слава Богу, он не страдал. В конце концов, все случилось так быстро.

«Да, все произошло быстро, правильно», — подумал Луис, ничего не сказав вслух... ах, как бы вытянулось ее лицо! И Луис почувствовал злое желание так сказать, просто бросить эти слова ей в лицо. «Да, все случилось быстро, не сомневайтесь, именно поэтому-то гроб закрыт. От Гаджа ничего не осталось, даже несмотря на то, что я и Речел одели останки в лучшую одежду мальчика, натянули костюм, словно на манекен, сделанный небрежным мастером. Все случилось быстро, моя дорогая Мисси, он добежал до дороги, а в следующую секунду его раскатало по асфальту аж до дома Ринджерсов. Грузовик сбил и убил его, а потом потащил, так что лучше поверим, что все кончилось быстро. Сотню ярдов или даже больше протащило малыша. А я бежал следом, Мисси. Я снова и снова выкрикивал его имя, словно этим мог вернуть ему жизнь. Это я-то, доктор. Я пробежал десять ярдов и встретил тапочек: модель „Звездные воины“; сорок ярдов... там грузовик свернул с дороги и удар швырнул все, что осталось от Гаджа за сарай Ринджерсов. Люди стали выскакивать из домов, а я выкрикивал его имя, Мисси, и в пятидесяти ярдах от дороги нашел его джемпер, вывернутый наизнанку; еще в семидесяти ярдах лежал второй тапочек и там же валялся Гадж».

Неожиданно в глазах его потемнело. Что-то пронеслось перед глазами Луиса. Смутно он почувствовал, что держит в руках альбом и тыкает в него пальцем.

— Луис? — позвала Мисси. Ее голос доносился словно издалека. Таинственный звон стоял в голове Луиса.

— Луис? — голос звучал немного ближе, тревожнее. Все вернулось на свои места.

— Ты в порядке? Он улыбнулся.

— Все хорошо, — сказал он. — Я в порядке, Мисси. Она вписала себя и своего мужа: «миссис и мистер Дэвид Дандридж» округлым палмеровским почерком, поставила свой адрес: «Руал п/я 67, Старая Бакспортская дорога»; потом она подняла глаза, посмотрела на Луиса и быстро отвела взгляд, так, словно то, что она тоже жила рядом с этим шоссе, делало ее причастной к смерти Гаджа.

— Вот и все, Луис, — прошептала она.

Дэвид Дандридж лишь пожал Луису руку и прошептал что-то неразборчивое. Его выступающий кадык, похожий на наконечник стрелы, дернулся вверх-вниз. Он торопливо

последовал за женой, подойдя, как положено, к гробу, который был сделан в Сторвилле, Огайо — месте, где Гадж никогда не был и о котором ничего не знал.

* * *

За Дандриджами шаркающей вереницей последовали все остальные, и Луис отвечал на рукопожатия, объятия, слезы. Его воротник и отвороты темного костюма стали совсем мокрыми; запах цветов смешался с исходившим из покойницкой запахом смерти. Этот запах Луис помнил с детства — сладковатый, густой запах трупов и мертвых цветов. Луис твердо верил, что чудесно, раз Гадж не страдал. Раз двадцать пять повторил он про себя, что Бог идет путями тайными. «Пути Господни неисповедимы!» И еще двенадцать раз Луис повторил, что: «Гадж теперь среди ангелов».

Потом Луису это надоело. На самом деле он просто исчерпал свой запас чувствительности этими мелкими афоризмами (он даже перестал откликаться на свое имя, что бывает, когда снова и снова повторяешь какую-то ерунду). Казалось, гости его доставали все больше и больше, добираясь до жизненно важных артерий. В это время случилось неизбежное — появились тесть и теща. Луис почувствовал себя готовым к борьбе.

Его первой мыслью было то, что Речел оказалась права... и как! Ирвин Голдмен действительно постарел. Ему было... сколько же? Пятьдесят восемь, пятьдесят девять? Сегодня он выглядел постаревшим, ему можно было дать лет семьдесят. Он выглядел похожим на премьер-министра Израиля — лысая голова и круглые очки Речел после Дня Благодарения, вернувшись из Чикаго, сказала Луису, что ее отец постарел, но Луис не обратил на это внимания. «Конечно, думал Луис теперь, может, Ирвин был не таким уж и плохим? Старик потерял одного из двух внуков...»

Дора пришла вместе с Ирвином. Лицо ее нельзя было разглядеть под то ли двумя, то ли тремя слоями тяжелой черной вуали. Ее волосы были изысканно синими любимым цвет престарелых дам высшего класса общества, американок по убеждениям. Она держала своего мужа за руку. Все, что мог разглядеть Луис сквозь вуаль, — блеск ее слез.

Неожиданно Луис решил, что сейчас самое подходящее время порвать с прошлым. Больше он не испытывал к Голдменам прежней ненависти. Неожиданно кого-то ненавидеть стало невыносимо тяжело. Возможно он больше никогда не сможет противиться совокупному весу всех пошлостей Голдменов — Ирвин, Дора, — пробормотал он, — большое спасибо за то, что пришли. Он сделал жест, словно хотел пожать руку отцу Речел и одновременно обнять ее мать или обнять их обоих. Сейчас, в первый раз и в этот день, он почувствовал, как у него потекли слезы, и, действительно, у него возникла безумная идея, что он сможет снести барьер, разделяющий их, что смерть Гаджа сможет принести с собой что-то полезное, как это случается в романах романтически настроенных дам. Наступило то время, когда лик Смерти примиряет людей, когда может зародиться нечто более конструктивное, чем эта бесконечная, глупая, подтачивающая боль, накалывающаяся снова и снова.

Дора посмотрела на него, сделав такой жест, словно решив протянуть к нему свои руки. Она сказала что-то вроде О, Луис., и что-то еще неразборчивое, а потом Голдмен оттащил жену назад. Секунды три они стояли, изображая весьма живую сцену, на что никто не обратил внимания, кроме, возможно, владельца похоронной конторы, ненавязчиво маячившего в дальнем углу Восточной Комнаты и наблюдавшего за происходящим (Луис был уверен в этом, так как так обычно поступал дядя Карл). Так они и стояли. Луис вытянув руки, Ирвин и Дора Голдмен — чопорные и надменные, словно пара перед венчанием.

Луис увидел, что в глазах тестя нет слез. Они сверкали и были полны ненависти. «Неужели он думает, что я назло ему убил Гаджа?» — удивился Луис. Эти глаза, казалось, измерили Луиса, но нашли его слишком мелким и незначительным — человеком, который украл их дочь... а потом не уберег своего сына. Глаза Ирвина соскользнули с Луиса к гробу Гаджа, и взгляд их смягчился.

Вот тогда Луис сделал последнюю ошибку.

— Ирвин, — проговорил он. — Дора... Пожалуйста... — Луис, — покачивая головой, сказала Дора «доброжелательно» — подумал Луис) и потом они прошли мимо. Ирвин Голдмен протолкнул вперед свою жену, не глядя ни налево, ни направо, словно не видел Луиса Крида. Они приблизились к гробу, и Ирвин Голдмен, стянув с головы маленькую суконную ермолку, положил ее в карман костюма.

«Вы же забыли расписаться в альбоме» — подумал Луис, а потом молча отступил, и сердце его погрузилось в такую пучину дна, что лицо исказилось от боли.

* * *

Наконец «утренние часы посещения» закончились. Луис позвонил домой. Джад взял трубку и рассказал, как идут дела.

— Все в порядке, сказал ему Луис и попросил позвать Стива.

— Если Речел сможет сама одеться, я позволю ей выйти, проговорил Стив. — Ладно? Да, — ответил Луис — С тобой все в порядке? Никаких неприятностей... как там у тебя?

— Все в порядке, — резко сказал Луис — Непрекращающийся поток соболезнающих.

«Все они записались в книгу. Все, кроме Доры и Ирвина!»

Ну, ладно, проговорил Стив. — Смотри, мы сможем встретиться с тобой за ленчем?

Ленч Встретиться за ленчем? Это показалось Луису безумием. Он словно читал научно-фантастический роман из тех, что в избытке были у него в детстве — романы Роберта А. Хайнлайна, Мюррея Лейнстера, Гордона Р. Диксона. «Уроженцы планеты Кварк придерживаются странных обычаев, когда один из детей умирает, проговорил лейтенант Абелсон, они встречаются для ленча». Знаю, как гротескно и варварски это звучало, но помню, что та планета была похожа на Землю».

Да, проговорил Луис. — Но как можно пойти в ресторан между «часами посещения», Стив?

— Полегче, Луис, ответил Стив, но он не казался обиженным. Охваченный безумной печалью, Луис почувствовал, что теперь сможет лучше понять людей, которые окружали его. Может, это и иллюзия, но Луису казалось, что Стив сейчас думает о нем с сарказмом, словно у Стива неожиданно разлилась желчь.

— Не обижайся, — сказал Стив. — Как насчет «Бенжамина»?

— Ладно, — согласился Стив. — «Бенжамин» так «Бенжамин».

Потом Луис позвонил в контору похоронного бюро. Проходя мимо Восточной Комнаты, Луис увидел, что в фойе никого нет, кроме Ирвина и Доры Голдмен. Они сидели, опустив головы. Выглядели они так, словно просидели тут целую вечность.

* * *

«Бенжамин» оказался то, что надо. В Бангоре рано подавали ленч, и около часа в «Бенжамине» было почти пусто. Со Стивом и Речел приехал Джад, и вчетвером они заказали жареных цыплят. Потом Речел пошла в женскую комнату и оставалась там так долго, что Стив уже начал нервничать. Он уже был готов подойти к хозяйке и попросить ее сходить посмотреть, как там Речел, когда та вернулась к столу. Глаза у Речел были красными.

Луис отложил курицу и выпил немного пива «Считз». Джад молча опустошал бутылку за бутылкой.

Их четыре порции обеда остались почти не тронуты. Луис увидел хозяйку. Толстая девушка с милым лицом спорила сама с собой: спросить или нет, почему они не ели? Может, с курицей что-то не то? Наконец, она заметила взгляд воспаленных, красных глаз Луиса и решила: спрашивать не стоит. Над кофе Речел неожиданно заговорила, и слова ее шокировали всех, особенно Луиса, который, наконец, напившись пива, начал засыпать.

— Я отдам одежду малыша в Армию Спасения.

— Вы? — через мгновение сказал Стив.

— Да, — ответила Речел. — Осталось много одежды. Все его джемпера... его вельветовые штаны... его рубашки. Кто-нибудь будет счастлив, получив их. Они все очень прочные. Кроме тех, что были на нем в день смерти. Те штаны... порвались.

Именно последнее слово вызвало у Речел спазмы. Она поставила на стол чашечку кофе, так и не сделав ни глотка, и зарыдала, закрыв лицо ладонями.

Потом случилось нечто странное. Луису показалось, что весь мир сфокусировался на нем. Он снова почувствовал некое сверхъестественное всепонимание — ощущение, которое то и дело появлялось у него. Все мысли его спутников стали ему ясны. Даже хозяйка ресторана почувствовала: что-то идет не так. Луис увидел, как она замерла над столом, где раскладывала столовые приборы. На мгновение Луис оказался в тупике, а потом понял: все ждут, что он начнет успокаивать жену.

Но Луис не сделал этого. Он хотел это сделать, понимал, что должен ее успокоить. Все ждали от него этого, а он не мог. Мысль о Черче встала у него на пути. Неожиданно, без всякой причины. Кот, е... й кот! Черч... и черт бы побрал выпотрошенных мышей и птиц, которых регулярно приносил он Луису. Находя новое приношение, Луис каждый раз старался как можно быстрее все убрать, не жалуясь и не комментируя без протеста. А кот продолжал приносить их. Но почему же он приносил их Луису?

Луис посмотрел на свои пальцы. Он видел, как его пальцы скользили по кофточке Гаджа. Потом кофточка Гаджа исчезла. Да и Гадж вместе с ней. Луис посмотрел на свою чашечку кофе. Пусть Речел выплачется... хотя так поступать, наверное, неудобно...

Через мгновение, в терминах реального времени все происходило, на самом деле, очень быстро), Стив нежно обнял Речел за плечи и ласково погладил ее. Потом с упреком и яростью он посмотрел на Луиса. Луис отвернулся к Джаду, но Джад смотрел в пол. Никакой помощи.

ГЛАВА 37

— Я знал, иногда кажется, что так и должно было случиться, — сказал Ирвин Голдмен. Неприятненькое такое начало получилось. — Я знал это, когда она еще только выходила замуж. «Если ты хочешь мучиться и еще того хуже, выходи за него замуж», — сказал я ей тогда. Только посмотрите на него. Посмотрите на все это... на их супружескую жизнь!

Луис медленно оглянулся, посмотрел на тестя, который появился перед ним, словно некий враждебно настроенный чертик из коробочки... чертик, надевший ермолку. А потом, инстинктивно, Луис огляделся. Вон там стояла Речел; вон — альбом... а ведь Речел утром в морг не приехала... но...

После полудня народу было меньше. Через полчаса или около того, Луис смог даже присесть на одно из сидений. Он сидел возле прохода, почти в центре партера, ничего не сознавая (издали вдыхал пересыщенный запах цветов). Он очень устал и хотел спать. Только отчасти в этом было виновато пиво — Луис это понимал. Он уже готов был просто вырубиться. Может, так будет лучше. Возможно, после двенадцати или шестнадцати часов сна он сможет немного помочь Речел.

Тем временем голова его опускалась ниже и ниже, пока он не устался на свои ладони, лежащие на коленях. Шум голосов успокаивал...

Когда они вернулись из «Бенжамина», Луис вздохнул с облегчением, так как увидел, что ни Ирвина, ни Доры тут нет. Но где-то внутри он сознавал, что продолжительное отсутствие горячо любимых родственников, слишком хорошее событие, чтобы оказаться правдой...

— Где Речел? — спросил Луис, неожиданно обнаружив, что потерял жену.

— Со своей матерью, где она еще может быть? — заявил Голдмен с триумфом человека, который удачно сделал большое дело. От него несло коньяком. Сильнее, чем надо, несло. Голдмен стоял перед Луисом, словно маленький, районный адвокат перед простым

посетителем адвокатуры, чувствующим себя потенциально виновным. Ирвин покачивался на носках как отставной полицейский.

— Что вы сказали? — спросил Луис, чувствуя нарастающую тревогу. Он знал: Голдмен, должно быть, что-то сказал. Только что? Какую-то гадость? Точно. Это можно было прочесть по лицу Ирвина.

— Ничего, кроме правды! Я сказал, что вы во всем виноваты, а она сделала огромную глупость, выйдя замуж без благословения родителей. Я сказал ей...

— Что вы сказали? — недоверчиво переспросил Луис. — Вы же не могли сказать ей такое?

— И даже больше, — продолжал Ирвин Голдмен. — Я всегда знал: случится что-то в таком роде. Я понял, какой вы человек, когда в первый раз вас увидел. — Он наклонился вперед, выдыхая пары алкоголя. — Я вижу тебя насквозь, маленький мошенник-докторишка! Ты заманил мою дочь в ловко расставленные сети, заставил ее сделать глупый, бесполезный поступок — выйти за тебя замуж. Потом ты сделал из нее домработницу, а теперь ты дал ее сыну выскочить на шоссе словно... бурундучку.

Большая часть этих слов пролетела мимо ушей Луиса. Он пытался понять: зачем этот маленький, глупый человечек что-то ему говорит.

— Вы что ей сказали? — проговорил Луис. — Вы это ей сказали?

— Надеюсь, ты сгниешь в аду! — заявил Голдмен, и все присутствующие повернулись на звук его голоса. Слезы потекли из налитых кровью глаз Ирвина Голдмена. Его лысая голова сверкала в рассеянном свете ламп дневного света. — Ты превратил мою удивительную дочь в домработницу... уничтожил ее, как личность, увез ее черт-те куда... и дал моему внуку сдохнуть на этой чертовой дороге.

Голос мистера Голдмена превратился в истерический крик.

— Где ты был? Жопу было не поднять, когда ребенок играл на дороге? Думал над своими глупыми медицинскими статьями? Чем ты там занимался?.. Дрожил?.. Убийца!..

Тут были все. Все собрались в Восточной Комнате. Все тут были... и Луис с удивлением увидел, как метнулась вперед его рука, совершенно произвольно метнулась... как задрался рукав костюма и высунулся манжет белой рубашки... видел, как слабо сверкнула запонка. Речел подарила эти запонки ему на третью годовщину их свадьбы, не зная, что ее муж наденет эти запонки на похороны их тогда еще не родившегося сына. Кулак Луиса оказался крепко сжат. Он ударил в рот Голдмена. Луис почувствовал, как под кулаком расплющились, вывернулись наружу губы старика. На самом деле такое ощущение вызвало тошноту — раздавленный в кулаке слизняк может вызвать примерно такое же чувство. Никакого удовольствия. За тонкой плотью губ тестя Луис почувствовать неумолимую твердость зубных протезов.

Голдмен качнулся назад. Его руки ударились о гроб Гаджа, одна из ваз с цветами, стоящая на краю, упала и разбилась. Кто-то закричал.

Кричала Речел. Она боролась со своей матерью, пытавшейся оттащить ее назад. Люди, которые тут были — десять или пятнадцать человек, замерли, испуганные и смущенные. Стив увез Джада назад в Ладлоу, и Луис обрадовался этому. Тут получилась не та сцена, в которой он хотел бы увидеть замешанным Джада. Непристойная такая сценка...

— Не бей его! — закричала Речел. — Луис, не бей моего отца.

— Но ведь тебе нравится бить стариков? — сорвавшись завопил Ирвин Голдмен. Он усмехался окровавленным ртом. — Понравилось бить старика? Я не удивлен, ты — вонючий выродок. Ты меня ничуть не удивил.

Луис повернулся, и Голдмен ударил его по шее. Это был неуклюжий удар, больше похожий на пощечину, но Луис не стал защищаться. Боль оказалась такой сильной, что следующие два часа он не мог глотать. Голова его качнулась назад, и он упал на одно колено.

«Это еще только цветочки, — подумал он. — Что говорила Кассандра? Хей-хо, то ли еще будет!» — ему показалось, что он хочет засмеяться, но смеха не получилось. Луис смог извлечь из своего горла только один звук — тихий стон.

Речел снова закричала.

Ирвин Голдмен, с губ которого капала кровь, подошел к стоявшему на коленях зятю и пнул Луиса по почкам. Боль согнула Луиса. Ему пришлось выбросить вперед руки, чтобы на упасть на живот.

— И дерешься ты плохо! Даже со стариком справиться не можешь, сынок! — хрипло кричал Голдмен. Он снова пнул Луиса, не так уж сильно, в тот раз достав до левой ягодицы Луиса носком своего черного ботинка. Луис взвыл от боли и в этот раз рухнул на ковер. Голова Луиса со стуком ударилась об пол. Луис прикусил язык.

— Вот так! — закричал Голдмен. — Первый раз с тех пор, как ты стал мельтешить вокруг моей дочери, я дал тебе пинка, ублюдок! А вот еще! — он снова пнул Луиса в зад, в этот раз по другой ягодице. Ирвин плакал и смеялся от радости. Только сейчас Луис заметил, что свекор не брит — знак траура. К ним поспешил владелец похоронного бюро. Речел, вырвавшись из объятий миссис Голдмен, тоже бросилась к ним, что-то крича.

Луис неуклюже повернулся на бок и сел. Его тесть пнул Луиса снова, но Луис поймал ботинок Ирвина обеими руками, крепко сжал его, словно удачно пойманный мяч, а потом рванул, как можно резче.

Взревев, Голдмен полетел на спину, размахивая руками, безуспешно пытаясь восстановить равновесие. Он упал на вместилище останков Гаджа, сделанное в Огайо, на гроб, который стоил не так уж дешево.

«Оз — Веикий и Ушшасный пал на гроб моего сына», — с удивлением подумал Луис. Гроб с ужасным грохотом упал с козел: сперва левая его часть, потом правая. Замки лопнули. Крики и вопли собравшихся перекрыли плач Голдмена, который, после всего, сыграл самую незавидную роль. Гроб открылся и останки Гаджа, подскочив, рассыпались. Луис почувствовал тошноту... Гроб лежал на боку — теперь дно стало его боковой стенкой. Так же легко он мог упасть и по-другому... Замки еще раз щелкнули, но не закрылись. Луис увидел что-то серое... краешек костюма, в который они запихали остатки Гаджа, чтобы похоронить. Розовые куски мяса. Может, это рука Гаджа?

Сидя на полу, Луис закрыл руками лицо и заплакал. Он потерял всякий интерес к своему тестю... к ракетам «МХ»... к постоянному противостоянию приверженцев и противников снятия швов... ко всему на свете. В этот момент Луис Крид захотел умереть. И неожиданно, сверхъестественный образ возник у него в голове: Гадж, нацепивший уши Микки Мауса; Гадж, смеющийся и трясущий руками рядом с огромным большим Гуфи на Главной Улице в Диснейленде. Луис увидел его совершенно отчетливо.

Одна из подставок гроба опрокинулась, другая накренилась. Лежа среди цветов, Голдмен плакал. Вода текла на пол из перевернутых ваз. Цветы, ломаные и искалеченные, придавали этой сцене некую строгость.

Кричала Речел.

Луис никак не реагировал на ее крики. Образ Гаджа, нацепившего уши Микки Мауса, растаял, но перед тем, как он исчез, Луис услышал голос, объявивший, что тело будет предано земле завтра. Луис сидел, спрятав лицо в ладонях, не желая, чтобы его кто-то видел... чтобы кто-то видел его краснеющее от слез лицо, его горе, его вину, его боль, его стыд, а самое главное, его трусливое желание умереть.

Владелец похоронного бюро и Дора Голдмен вывели Речел. Она все еще кричала. Позже, в другой комнате (одной из тех, что на всякий случай Луис зарезервировал специально для тех, кто не сможет перебороть свое горе — «Гостиная для Истеричек», может, и так) она остановилась в полном молчании. Луис, ошеломленный, но еще в своем уме, успокаивал ее там, после того, как настоял, чтоб их оставили одних.

* * *

Дома он отвел Речел в спальню, уложил в кровать и сделал ей второй укол. Потом он натянул ей одеяло до подбородка и стал изучать ее бледное, словно вылепленное из воска

лицо.

— Речел, мне жаль, что так получилось, — сказал он. — Хотел бы я, чтоб этого не произошло.

— Да ладно, — ответила она странным, мягким голосом, а потом повернулась на бок, отвернувшись от него.

Он почувствовал, что с его губ готов сорваться вопрос: «С тобой все в порядке?» Но Луис загнал его назад. Неправильный вопрос. Не хотел он об этом знать. — Насколько тебе плохо? — наконец спросил он.

— Совсем плохо, Луис, — ответила она, а потом издала звук, который можно было расценить как смех. — Мне ужасно плохо.

Надо было расспросить поподробнее, но Луис не смог. Неожиданно он почувствовал, что обижен на нее, на Стива Мастертон, на Мисси Дандридж и ее мужа с кадыком, напоминающим острие стрелы, на всех проклятых гостей. Почему он вечно должен удовлетворять чьи-то потребности? Например, потребность в зрелищах... Какого черта!

Выключив свет, Луис вышел, подумав, что должен заглянуть к своей дочери.

Одним молниеносным движением он поднялся к ней... заглянул в ее комнату, полную теней, подумав, что она — Гадж... У Луиса появилось ощущение, что все происходящее — кошмар, похожий на сон с Пасковым, который провел Луиса через лес. На мгновение измученный разум Луиса ухватился за эту мысль. Тени помогли — в комнате единственным источником света был телевизор, который Джад перенес сюда несколько часов назад. Долгих-долгих часов.

Нет, это, конечно, не Гадж. Это была Элли, которая теперь не только сжимала в руках фотографию Гаджа, но и сидела на его стульчике. Она взяла стульчик в комнате малыша и перенесла к себе. Это был маленький пляжный стульчик с парусиновым сиденьем и парусиновой спинкой. По трафарету на спинке сиденья было написано «Гадж». Речел как-то купила четыре таких стула. Каждый член семьи имел свой стул с именем, написанным на спинке.

Элли была слишком большая для стула Гаджа. Она едва уместилась на нем, и матерчатое дно опасно выгнулось. Элли прижимала к груди фотографию и смотрела в телевизор, где показывали какой-то кинофильм.

— Элли, — сказал Луис, выключая телевизор. — Пора спать. Соскользнув со стула, Элли сложила его, явно намереваясь прихватить с собой в постель.

Луис заколебался. Он захотел сделать что-то, только не знал, что именно.

— Ты не хочешь, чтобы я тебя уложил?

— Да, пожалуйста, — попросила Элли.

— Может... ты будешь спать с мамой?

— Нет.

— Точно?

Элли слегка улыбнулась.

— Да. Она всегда стягивает одеяло. Луис снова улыбнулся.

— Тогда ложись.

Действительно, Елена попыталась прихватить стул с собой в постель. Девочка поставила его в голове кровати и абсурдная картина родилась в голове Луиса: вот так могла бы выглядеть приемная самого маленького в мире психиатра. Елена разделась, положила фотографию Гаджа на свою подушку. Надев пижаму, она взяла фотографию и пошла в ванную; там она положила фотографию на раковину, причесалась и приняла успокоительное. Потом, снова взяв фотографию, отправилась с ней в постель.

Луис, присев рядом с дочерью, сказал:

— Я хочу, чтобы ты знала, Элли, если мы сохраним нашу любовь друг к другу, мы прорвемся.

Каждое слово напоминало жалобный скрип ручной тележки, наполненной мокрыми тюками, и Луис, чувствуя себя опустошенным, едва смог это выговорить.

— Я хотела бы быть более стойкой, — печально сказала Элли. — И я хотела бы уметь молиться, чтобы попросить Бога вернуть Гаджа назад.

— Элли...

— Бог вернет его назад, если захочет, — сказала Элли. — Он же может сделать все... все... все...

— Элли, Бог не может творить такие чудеса, — тяжело сказал Луис и мысленно увидел Черча, сидевшего на стульчаке унитаза, смотревшего на Луиса тусклым взором.

— Бог делал так, — заявила Элли. — В Воскресной Школе учитель рассказывал Мэри о парне по имени Лазарь.

Он умер, а Иисус вернул его к жизни. Иисус сказал Лазарю: «Восстань!» Еще учитель говорил, что если Бог скажет, так любой восстанет из могилы. А тогда Иисус оживил только Лазаря.

Луис издал какой-то нелепый звук (день пения и невнятного абсурдного бормотания... во денек!).

— Элли, это случилось так давно.

— Вот поэтому я и держу все наготове, — сказала Элли. — Вот фотография и его стул...

— Но, Элли, ты чересчур большая, чтобы сидеть на стульчике Гаджа, — заметил Луис, взяв ее за горячую, словно в лихорадке, руку. — Ты... его сломаешь.

— Бог поможет и стульчик не сломается, — сказала Элли. Ее голос был спокойным, но Луис заметил темные круги у нее под глазами. Взглянув на дочь с болью в сердце, он отвернулся. Может быть, когда сломается стульчик Гаджа, она поймет, что случил ось непоправимое.

— Я хочу иметь фотографию и стул под рукой, — сказала девочка. — Я и завтрак его съем.

Гадж и Элли обычно завтракали овсянкой. Однажды Элли даже заявила, что Гадж ест свою порцию, словно мертвых жуков. Если «Кокао Беарс» были единственным сортом овсянки в доме, Элли ела варенные яйца... или совсем ничего не ела.

— Буду есть даже бобы, которые ненавижу, и читать книжки Гаджа и... и... ты, папа, понимаешь... буду готова... в случае...

Она снова заплакала. Луис не пытался ее утешить, только убрал ей волосы со лба. Элли говорила с каким-то безумным чувством уверенности, уверенности в том, что так будет. В этом было что-то настораживающее, что-то вызывающее любопытство. Сохранить Гаджа в настоящем, словно живого, не дать ему уйти; помнить, когда Гадж делал то... или это... конечно, это здорово... хороший, добрый Гадж, божественный ребенок. Тогда не будет такой боли от потери, все будет не так реально. «Если Элли это понимает, — подумал Луис, — тогда ей легче будет перенести смерть Гаджа».

— Не надо больше кричать, Элли, — сказал он. — Не будешь же ты теперь все время плакать.

Будет... по крайней мере, еще минут пятнадцать. Еще до того, как она перестала плакать, ее потянуло в сон. Может, она уже уснула к тому времени, как часы внизу пробили десять.

«Храни его живым, Элли, если ты так хочешь, — подумал Луис и поцеловал дочь. — Такое отступление — нездоровое явление, черт возьми, но я так поступил, потому что знаю... придет день, может, даже в эту пятницу, когда ты забудешь взять с собой фотографию, и я увижу ее лежащей на постели в пустой комнате, когда ты поедешь покататься на велосипеде по дорожке или когда ты отправишься на прогулку в лес или в гости к МакГовин. Тогда Гаджа с тобой не будет, вот тогда он и исчезнет... вот где выход для маленьких девочек. Тогда смерть Гаджа станет тем, что случилось в 1984 году. Прошлым».

Покинув комнату дочери, Луис мгновение постоял, подумывая (не серьезно, конечно) о том, чтоб пойти лечь спать.

Он-то знал, что на самом деле нужно ему, и собирался заняться этим...

* * *

Луис Алберт Крид сидел и меланхолично напивался. Внизу в подвале стояло пять упаковок светлого пива «Считз». Луис всегда пил пиво. Джад пил пиво. Стив Мастертон пил его. Мисси Дандридж могла при случае выпить бутылку или две, пока смотрела за детьми («ребенком», — напомнил сам себе Луис, направившись вниз в подвал). Даже миссис Чарлтон, когда заходила к ним, не брезговала ни пивом (если, конечно, это было светлое пиво), ни вином. Однажды, в конце зимы, Чарлтон купила десять коробок светлого пива «Считз» на распродаже пивоваров «А&В». «Останавливаюсь у вас каждый раз, когда еду к Джулио в Оррингтон, — сказала она, — и вы всегда успокаиваете меня бутылочкой „Роберта Паркера“... Но ведь любое пиво в холодильнике — хорошее пиво после долгой поездки, так? Так выпьем светлого и подумаем о деньгах, которые вы сэкономили». Конец зимы. Тогда все было в порядке. Тогда все было в порядке. Хорошо... как быстро и легко все делится на плохое и хорошее.

Луис принес упаковку пива и высыпал банки в холодильник.

Потом взял одну, прикрыл дверцу холодильника и открыл пиво Медленно, заискивая, появился Черч, но, когда хлопнула дверца холодильника, метнулся в сторону и вопросительно уставился на Луиса. Кот не спешил подходить ближе; слишком часто получал от Луиса болезненные пинки.

— Для тебя ничего нет, — сказал Луис коту. — Все, что ты должен был перевести на говно сегодня, ты уже получил. Если хочешь чего-нибудь еще, иди и убей птицу.

Черч спокойно стоял, глядя на Луиса. Выдув полбутылки пива, Луис почувствовал, что голова его почти вернулась на свое место.

— Значит, ты не хочешь есть? — спросил он. — Леню убить кого-нибудь на ужин?

Черч не спеша отправился в гостиную, поняв, что ему ничего съестного не перепадет. Через мгновение Луис последовал за котом.

Луис снова подумал:

«Хей-хо! То ли еще будет».

В гостиной Луис сел на стул и снова посмотрел на Черча. Кот развалился на паласе возле телевизора, осторожно наблюдая за Луисом, готовый вскочить и убежать, если Луис, неожиданно разозлившись, решит пнуть его.

Пока же Луис всего лишь игрался полупустой банкой пива.

— За Гаджа, — сказал он. — За моего сына, который мог стать артистом, олимпийским чемпионом по плаванию или с... м в рот Президентом Соединенных Штатов — Говнатов... Что ты там бормочешь, дырка в жопе?

Черч посмотрел на Луиса тусклыми, полными удивления глазами.

Луис выпил остатки пива одним быстрым глотком. Пиво проскользнуло в желудок, и тогда Луис отправился за следующей банкой.

Когда он прикончил третью банку, впервые за день, он почувствовал, что наконец-то успокаивается. Добравшись до шестой, Луис решил, что сумеет на час или два уснуть. Возвращаясь к холодильнику за восьмой или девятой (он на самом деле сбился со счета и ходил туда-сюда шатаясь), он увидел Черча; кот дремал — или притворялся, что дремлет на коврике. Зародившаяся у Луиса мысль была простой. Непонятно, почему она не появилась раньше. Видно, она просто ждала своего времени.

«Когда ты пойдешь и сделаешь это? Когда ты пойдешь и похоронишь Гаджа на второй половине Кладбища Домашних Любимцев?»

А потом:

«Да воскреснет брат твой!»

Дрожащий сонный голос Элли:

«В Воскресной Школе учитель рассказывал... „Восстань!“ Еще учитель говорил, что

любой восстанет из могилы».

От таких мыслей Луис прошиб холодный пот, его затрясло. Неожиданно он обнаружил, что вспоминает первый школьный день Элли, вспоминает, как Гадж спал в колыбели, пока он и Речел слушали лепет Элли о «Старом МакДональде» и миссис Берримен. Он тогда сказал: «Только дай мне положить крошку в колыбельку», а когда понес Гаджа наверх, на него нахлынули ужасные предчувствия. Теперь он понял: уже тогда, в сентябре, он знал, что Гадж скоро умрет. Какая-то часть Луиса знала, что Оз — Всикий и Ушшасный уже занес свою руку. Ничего, все перемелется — это были сверхъестественные сети сирен... но в голосах сирен звучала истина. Правда, Луис до конца уверен не был. Луис пролил немного пива на рубашку, а Черч сразу устало поднял голову, прикидывая, не откроется ли фестиваль пинков по кошкам.

Неожиданно Луис вспомнил вопрос, который задал Джаду; вспомнил, как дернулись руки старика, сбив две бутылки со стола. Одна из бутылок даже разбилась.

«Я надеюсь, больше ты не станешь говорить о таких вещах, Луис!»

Но Луис хотел поговорить именно об этом... или просто помечтать. Хладбище Домашних Любимцев... То, что лежит за Хладбищем... Идея выглядела смертоносно и привлекательно. В ней скрывалась определенная логика, которую невозможно было отрицать. Черч погиб на дороге, Гадж погиб на дороге. Черч тут, изменившийся, конечно... противный, в некотором роде, но он тут. Элли, Гадж, Речел — все любили кота. Правда, теперь Черч убивал птиц и мышей-полевок, но коты всегда убивают маленьких животных. То есть, Черч жив, но превратился в кота доктора Франкенштейна. В некотором отношении он стал даже лучше, чем был раньше...

«Ты же рационалист, — нашептывал Луису внутренний голос. — Кот — не такой уж хороший, по сравнению с тем, каким он был. Он не просто кот, а — привидение. Вспомни-ка ворону, а, Луис? Помнишь подарочек к Рождеству?»

— Боже, — протянул Луис, обезумев, таким голосом, что сам бы не смог его узнать.

«Боже... о, да, здравствуй новый Бог, Луис Крид».

Словно начитавшийся книг о духах и вампирах, Луис взывал к Богу. Так что же... что же такого в имени Бога... что же в нем такого? А потом Луис стал думать о черном богохульстве, которому не мог полностью доверять. «Ты же словно проститутка», — заявил он сам себе... Но какой рационально-приятной выглядела богомерзкая ложь относительно Хладбища и всего, что с ним связано.

«Так где же правда? Ты хочешь правды, е... й говнюк? В чем же правда?»

Правда в том, что Черч — не совсем обычный кот, начнем с этого. Он выглядит как кот и он действует словно кот, но на самом деле он — жалкая имитация. Люди не могут сознательно распознать в нем имитацию, но они это чувствуют. Луис вспомнил ту ночь, когда Черч пробрался в дом. То, что случилось однажды за обедом еще до Рождества. Они сидели тут, разговаривали за едой, и тут Черч прыгнул на колени миссис Чарлтон. Та немедленно сбросила кота, быстро и инстинктивно, морщинки отвращения появились в уголках ее рта.

Не велико событие. Никто его не обсуждал. Но... это было. Чарлтон почувствовала, что это не кот. Луис допил пиво и пошел за следующей банкой. Если Гадж вернется настолько изменившимся, что будет непристойно...

С хлопком открыв банку пива. Луис сделал большой глоток. Он пил, пил... а ведь завтра у него будет болеть голова. «Как я в сумке понес хоронить своего сына», автор книги — Луис Крид, печально известный нашумевшим бестселлером «Как я упустил Гаджа, и тот попал под грузовик» и еще нескольких захватывающих книг Пить! Точно! Упиться! Луис подозревал, что уже упился, потому что ему никак было не прогнать эту безумную идею, вызвавшую тошноту некоего сверхъестественного толка. Но идея зачаровывала. Да, именно так: зачаровывала...

А Джад стоял за спиной и нашептывал:

«Ты сделал это потому, что это место, где хоронили Микмаки, — тайное место, а ты

захотел узнать секрет, когда подвернулась настоящая причина... У тебя была причина... и она показалась тебе достаточно веской...»

Голос Джада — низкий голос с интонациями настоящего янш... Голос Джада, отзвуков которого по коже шли мурашки и волосы вставали дыбом на затылке.

«Есть тайные вещи... Луис, у мужчин каменные сердца — крепкие, как земля на том месте, где раньше хоронили Микмаки... Мужчина тоже выращивает, что может... и пожинает плоды».

Луис начал вспоминать другие вещи, которые Джад рассказывал ему о земле, где хоронили Микмаки. Луис начал сравнивать даты, сортируя мысли, сжимая круг... он пошел по тому пути, к которому подталкивали его...

Пес. Спот.

«Я видел шрамы, которые остались на его теле от колючей проволоки... они не заросли шерстью. Шрамы напоминали маленькие ямочки. Выглядело все так, словно с этого момента, как пес получил эти раны, прошло лет пять или даже больше...»

Бык. Другие слова всплыли в голове Луиса.

«...Лейстер Морган похоронил там своего быка, Черного Ангуса по имени Ханратт... Лейстер тащил его туда на санях... пристрелил его через две недели. Бык изменился, в самом деле изменился. Но он был единственным зверем, о котором я такое слышал».

Бык изменился, в самом деле изменился...

...у мужчин каменные сердца.

Мужнина тоже выращивает, что может...

...он был единственным зверем, о котором я такое слышал.

Это место... поймав однажды, оно держит тебя.

...Ханратт. Разве не глупое имя для быка?

Мужнина тоже выращивает, что может... и пожинает плоды.

Это мои крысы и птицы.

...Хладбище... тайное место, а ты захотел узнать его секрет.

Бык изменился, в самом деле изменился.

Но он был единственным зверем, о котором я такое слышал.

«Чего ты хочешь, Луис, когда дует сильный ветер и лунные лучи высвечивают дорожку в лесу? Хочешь снова взобраться по тем ступенькам? Они же выглядят как дешевая декорация для фильма ужасов. Все зрители знают, как просто герою или героине подниматься по таким ступенькам, но в реальной жизни они смоются оттуда... смоются, словно дым, даже не пристегнув ремней безопасности, побегут, побросав все и словно большие крысы, станут всю ночь носиться туда-сюда. Так, Луис, что ты скажешь? Хочешь подняться по лестнице? Ты сможешь затащить туда своего сына и уйти?»

Хей-хо... То ли еще будет!

«Изменился... единственным зверем... большинство из вернувшихся кажутся... человек... ты... его...»

Луис свалил пустые банки из-под пива под раковину, неожиданно почувствовав, еще чуть-чуть и его вырвет. Комната закружилась у него перед глазами.

В это время в дверь постучали.

Долго... на самом деле это Луису только показалось... он верил, что стучит у него в голове, что у него галлюцинация... Но стук повторялся снова и снова, терпеливый и неумолимый стук. И неожиданно, Луис вспомнил историю с обезьяньей лапкой. Холодный ужас затопил его. Он, кажется, даже физически ощутил это, словно нашел мертвую руку в холодильнике; мертвую руку, которая неожиданно обрела самостоятельную жизнь и заползла ему под рубашку, вцепившись в тело возле самого сердца. Глупый образ, грубый и глупый, но. — . ох? Луис не чувствовал, что это глупо. Нет!

Луис, не чувствуя ног, подошел к двери и попытался открыть щеколду трясущимися пальцами. Открывая дверь, он подумал: «Это Пасков. Друг Пасков в гости зашел! Стоит там в своих спортивных трусах, по-прежнему живой такой паренек, только слегка подгнивший.

Пасков — друг! Пасков, который снова станет предупреждать: „Не ходи туда“. Как это в той детской сказочке?.. Не пей, козленочком станешь!..»

Дверь открылась. На пороге стояла темная фигура — темная даже на фоне ночи — ночи между Днем Прощания и Днем Похорон его сына. Там стоял Джад Крандолл. Его редкие белые волосы слегка растрепались.

Луис попробовал рассмеяться. Казалось, время повернуло назад. Снова наступил вечер Дня Благодарения. Скоро они возложат зачехенное, сверхъестественно-тяжелое тело Черча в полиэтиленовый мешок и отправятся в путь. «Ах, не спрашивайте куда, просто пойдем и нанесем визит в Родные Пенаты...»

— Мне можно войти? — спросил Джад. Он вынул пачку Честерфильда из кармана рубашки и выудил из нее сигарету.

— Скажи, чего ты хочешь, — сказал Луис. — Уже поздно, а я перебрал пива...

— Чувствую, — ответил Джад и чиркнул спичкой. Ветер погасил ее. Тогда он сложил руки чашечкой и снова чиркнул спичкой. Но руки старика дрожали и робкий огонек потух. Старик взял третью спичку, приготовился зажечь ее, а потом посмотрел на Луиса, загораживающего вход. — Не могу никак прикурить, — сказал он. — Так, может, мне зайти, а, Луис?

Луис шагнул в сторону, и Джад вошел.

ГЛАВА 38

Они сидели за столом на кухне и пили пиво. «Первый раз, когда мы пьем пиво у нас на кухне», — подумал Луис, немного удивившись, когда они проходили через гостиную. Элли наверху вскрикнула во сне. Они замерли, словно «окаменев» в детской игре. Крик не повторялся.

— Ладно, — сказал Луис. — Что ты тут делал в четверть первого ночи накануне похорон моего сына? Ты — мой друг, Джад, но в твоих действиях есть...

Джад выпил пиво, вытер губы рукавом и посмотрел прямо на Луиса. Взгляд старика был таким твердым, уверенным, что Луис, как нашкодивший мальчишка, отвел глаза.

— Ты знаешь, почему я здесь, — спокойно сказал Джад. — Ты думал о том, о чем, Луис, думать не стоит. Хуже того, я боюсь, что для себя ты уже все решил.

— Я ни о чем не думал, хотел уже ложиться спать, — ответил Луис. — Завтра, с утра похороны.

— Я несу ответственность зато, что у тебя болит сердце; за то, что — в эту ночь ты не спишь, — мягко сказал Джад. На мне ведь тоже лежит часть ответственности за смерть твоего сына.

Луис поднял взгляд, испугавшись.

— Что?.. Джад, ты сошел с ума!

— Ты ведь думал о том, как воскресить Гаджа, — продолжал Джад. — Не отрицай, что думал об этом, Луис. Луис не ответил.

— Как далеко ты зашел в своих мыслях? — спросил Джад. — Можешь мне сказать? Нет? Я не могу сам ответить на этот вопрос, и я хочу оставаться в мире с самим собой, спокойно прожить остаток жизни. Я много знаю о Микмаках... То место всегда считалось святым... но нехорошим. Станни Б, рассказывал мне об этом. Мой отец сказал мне то же самое... но позже. После того, как Слот умер во второй раз. Сейчас земли Микмаков относятся к землям штата Мэйн, и правительство Соединенных Штатов ведет тяжбу с индейцами, так как индейцы требуют, чтоб им вернули их же собственные земли. Кому это место изначально принадлежало? Никто на самом деле не знает, Луис. Никто не знает. Различные люди борются за заявку на этот участок, но никто ее получить не может. Ансон Ладлоу — пра-пра-внук одного из основателей города — один из них. Если удовлетворить требование кого-то из белых, это будет лучше для всех. Жозеф Ладлоу — тот, из-за которого началась тяжба, такой же великий, как Кироль Георг, приехал сюда, когда Мэйн был всего

лишь большой провинцией, колонией Массачусетского залива. А потом, после высшего суда, он отправился в Ад, потому что нечистым способом отобрал заявки на землю у других жителей Ладлоу и у одного парня, которого звали Питер Диммарта. Так вот, Диммарта заявил, что сможет убедительно доказать свою правоту. К концу жизни Жозеф Ладлоу-Старший имел мало денег, но много земли, даже подарил две или три сотни акров.

— А об этом нет никаких записей? — спросил Луис, очарованный рассказом и досадовавший за это на себя самого.

— Да, наши деды все регулярно записывали, — ответил Джад, прикурив новую сигарету от старой. — То же получилось и с землей, которая ныне принадлежит тебе. — Джад закрыл глаза и вздохнул. — Огромная старая карта, вырезанная на дереве, раньше стояла на краю Квинсберрийской дороги, там, где та соединяется с Оррингтонским шоссе. Там есть заброшенная дорога, ведущая с севера на юг, — Джад невесело улыбнулся. — Но, как говорят, старая карта упала в 1882 году. К 1900 году она уже обросла мхом... Из-за неразберихи с заявками Оррингтонское шоссе повернуло, огибая болота, лет за десять до конца Первой Мировой и разрезало пастбища. Сколько же бед причинила с тех пор эта дорога! А тогда, еще в начале века, судебное разбирательство зашло в тупик.

Луис смотрел на Джада, потягивающего пиво.

— Все естественно. Есть много мест, где История собственности на земли также запутана... никто ничего не может разобрать, только адвокаты деньги гребут. Черт возьми, Диккенс это хорошо описал. Но я уверен, в конце концов, сюда вернутся индейцы. Хотя все это не важно, Луис. Так, лирическое отступление... Я пришел к тебе, чтобы рассказать о Тимме Батермене и его папочке.

— Кто такой Тимми Батермен?

— Тимми Батермен был одним из двадцати мальчишек, которые из Ладлоу отправились за море, воевать с Гитлером. Он уехал в 1942 году. Назад вернулся в гробу, в 1943 году. Его убили в Италии. Его папочка, Билл Батермен, всю свою жизнь прожил в этом городе. Получив телеграмму о смерти сына, он сошел сума... а потом... он все сделал тайком. Он знал о земле, где хоронили Микмаки, и он решил воскресить сына.

Луис бросило в холод. Он посмотрел на Джада очень внимательно, пытаясь увериться, что старик лжет. Да, услышать такую историю сейчас было в самый раз.

— Почему ты не рассказал мне об этом раньше? — спросил он наконец. — После того, как мы... как мы сделали это с котом? Когда я спросил, хоронили ли там кого-нибудь из людей... Тогда ты мне ничего не стал рассказывать.

— Потому, что тебе не надо было знать об этом, — ответил Джад. — А теперь необходимо. Луис долго молчал.

— Только его одного похоронили там?

— Только его одного я знал лично, — серьезно ответил Джад.

— Почему только один человек на моей памяти попытался это сделать? Я-то сомневаюсь, что на самом деле он был один, Луис, но не думаю, что таких экспериментаторов было слишком много. Похоже, что этим пытался заниматься проповедник из Клесиатеса... не верю я, чтобы что-то новое появилось под солнцем. Ах, иногда перемены очень заметны, но не всегда. Тот, кто попробовал однажды, будет пробовать снова и снова...

Джад посмотрел на свои покрытые старческими пятнами руки. В гостиную часы пробили половину первого.

— Я решил, что человек твоей профессии, воспользовавшись этим, заметит нездоровые последствия... и я решил просто рассказать тебе все, когда узнал, что после всего, ты решил сделать могилу из блоков.

Луис долгое время смотрел на Джада, ничего не говоря. Джад глубоко вздохнул, но взгляда не отвел.

Наконец, Луис заговорил:

— Похоже, ты суешь нос в чужие дела, Джад. Извини, но это — так.

— Я не спрашивал у могильщика, почему ты так решил.

— Это тебя не извиняет.

Но Джад не ответил. Он еще больше покраснел... теперь его лицо имело цвет незрелой сливы... но ни разу он не моргнул.

Чуть позже Луис вздохнул и отвел взгляд. Он почувствовал невыразимую скуку.

— Да и х... с ним. Меня не волнует е... я могила... может, ты даже и прав. Может, именно об этом я и думал. Но если это так, почему бы не пометать?.. Если говорить честно, я думал не об этом, я думал о Гадже...

— Знаю. Ты думал о Гадже. Но ты должен понимать, какая разница между могилами... Твой дядя был владельцем похоронного бюро...

Да, Луис знал разницу. Закопать покойника — только малая часть работы. Обычно бетон заливался прямо сверху в прямоугольную форму из стальных прутьев после того, как похоронные службы все выполнили. Плиту закрепили цементом, как поступают с рытвинами на шоссе. Дядя Карл говорил, что у таких могил есть свое специфическое название: «пломба».

Дядя Карл, который любил порассказывать (в конце концов Луис как-то целое лето — все школьные каникулы — поработал у него в похоронном бюро), как-то рассказал своему племяннику об эксгумации, которую как-то проводили по распоряжению Генерального Прокурора Штата. Дядюшка Карл, по его словам, отправился на кладбище посмотреть на эксгумацию. Что-то могли сделать неправильно... так он сказал... ведь многие люди, которые ничего не знают про эксгумацию, приходят на кладбище, словно там должно проходить шоу ужасов, где Карлофф играет чудовище Франкенштейна, а Край — Игора. Такие люди совершенно не представляют, что такое эксгумация, вскрытие «запломбированной» могилы. Такое вскрытие — сложная работа не для двух гробовщиков с ломом и лопатой. Когда начинают вскрывать такую могилу, к надгробью прицепляют крюк крана. Только бетонную машину — «пломбу» не так-то просто целиком вытащить из земли. Вся могила, ее бетонные стены — все влажное. «Пломба» начинает приподниматься, выворачивая глыбы земли. Увидев, что происходит, дядя Карл закричал крановщику, чтоб тот прекратил. Дядя Карл хотел поставить все назад и попытаться сперва раскопать все вокруг, чтобы плита освободилась от земли.

Но рабочий на кране то ли не слышал, то ли не хотел слышать. Словно маленький ребенок он играл краном и, кроме бетонной пробки, разворотил всю ограду. Дядя Карл говорил: пусть его проклянут, если еще раз он возьмется за такое дело. Могила оказалась на три четверти развороченной. Дядя Карл и его помощник услышали, как вода, скопившаяся под плитой, стекает вниз, на дно могилы (в то время в Чикаго выдалась сырая неделя), потом кран опрокинулся, завалился сверху на «пломбу». Рабочий вылетел из кабины крана и сломал себе нос. Этот «праздничек» стоит прокуратуре то ли две, то ли три тысячи долларов — обычная оплата полных похорон. На самом деле, именно дядюшка Карл был тем рабочим на кране. Его послали провести эксгумацию... это случилось лет за шесть до того, как он купил собственное похоронное бюро.

А могила из плит — вещь простая. Такую могилу закрывают прямоугольными бетонными плитами, а сверху засыпают землей. Во время похорон гроб опускают на бетонное основание, потом могильщики опускают две бетонные плиты. В края каждой плиты вделаны железные кольца. Эти кольца помогают установить сегменты совершенно правильно, и опускать их нужно осторожно. Каждая плита по весу шестьдесят, а может, семьдесят фунтов... ну в крайнем случае восемьдесят. И больше ничего. Даже одному человеку было бы легко вскрыть такую могилу, если действовать умеючи, вот, что имел в виду Джад.

Легко для человека, который хочет забрать тело своего сына и похоронить его где-то еще.

— Ш-ш-ш-ш... Ш-ш-ш-ш. Мы не будем говорить о таких вещах. Это — тайные вещи.

— Да. Я знаю отличие могилы из плит от «запломбированной», — проговорил Луис. —

Но я не думал об этом.

— Луис...

— Поздно, — проговорил Луис. — Уже поздно, я пьян, у меня сердце болит. Если ты на самом деле хочешь рассказать мне историю, тогда рассказывай.

«Может быть, мне стоило начать с мартини, — подумал он. — Тогда я спасся бы. Уже спал бы, когда Джад постучал».

— Ладно, Луис...

— Валяй!

Джад помолчал еще мгновение, а потом начал свой рассказ.

ГЛАВА 39

— В те дни, когда еще шла война... поезд остановился в Орпингтоне, и Билл Батермен приехал на катафалке на станцию забрать своего сына Тимми. Гроб грузили четыре железнодорожника. Я был одним из них. Там же присутствовал парень из «Регистрации Смертей» — была такая военная версия похоронного бюро, Луис. Но парень из «Регистрации Смертей» даже не вышел из вагона. Он сидел в вагоне рядом с двенадцатью гробами и пил... Мы загрузили Тимми в катафалк-кадиллак... В те дни ничего необычного не было в таких «вагонах-поторопись!», потому что в те дни существовал огромный концерн, который занимался тем, что рассылал и хоронил мертвецов до того, как они сгниют. Билл Батермен стоял на перроне с каменным лицом, какой-то... думаю... скажем так, серый, как пепел. Но он не плакал. Машинистом на паровозе в тот день был Хьюи Грабер, и он сказал, что тот военный от «Регистрации...» как турист. Солдаты загрузили полный вагон гробов в Лimestone на Прескью Асле, а гробы туда привезли с юга. Солдатик сказал Хьюи, что у него есть пять бутылок ржаного виски. Он пронес их под рубашкой. Говорил он примерно так: «Хорого, миссистер инженер, септодня вы поведете Сверхъестественный Поезд, знаете об этом?» Хьюи только кивнул. «Тогдааалдно. Многие называаают этот поееезд — Поездом Мертвых из Алабамы». Хьюи попросил парня вынуть из кармана список мертвецов и мельком взглянул на него. «Сперва нам нужно будет сгрузить два гроба в Хоултонс, а потом один в Пассадамкедже, два в Бангоре, один в Дерри, один в Ладлоу и так далее... Я чувствую себя словно задушенный молочник... Хотите выпить?» А Хьюи взял и вылил выпивку на землю. Бангор не то место, где ловят машинистов, от которых несет ржаным виски, но парень из «Регистрации...» ничего потом против Хьюи не имел, даже больше; Хьюи утаил факт пьянства от армейского начальства. «Они бы устроили тому парню выволочку», — так потом говорил Хьюи. Так они и работали, сгружали на разных станциях накрытые звездно-полосатыми флагами гробы. На какой станции один, на какой — два. Всего гробов было восемнадцать или двадцать. Хьюи сказал, что они сгружают их всю дорогу от самого Бостона; и всюду были плачущие и причитающие родственники; всюду, кроме Ладлоу... а в Ладлоу Хьюи увидел только Билла Батермена, который, как он сказал: «выглядел так, словно сам почти мертвец, только ждал подходящей минуты дух испустить». Когда же турне закончилось, Хьюи взял того солдатика и они посетили штук пятнадцать или двадцать разных мест... и Хьюи напился до чертиков, а потом отправился к одной проститутке (раньше он никогда в жизни себе этого не позволял), а проснулся сильно исцарапанный и весь трясущийся; он сказал, что понимает, почему такие поезда называют сверхъестественными, и больше он никогда ни за какие премии не станет водить сверхъестественные поезда... А тело Тимми отвезли в морг Гринслана на Улице Папоротников. Этот морг находился на том месте, где сейчас Новая Прачечная Франклина, и через два дня Тимми похоронили на кладбище «Плеасантвиев». Все, как положено... Так вот, я скажу тебе, Луис. Когда Тимми убили, миссис Батермен уже лет десять как умерла. Она-то еще пока живая была, пыталась родить второго ребенка, но ничего из этого не получилось. Второй ребенок, наверное, облегчил бы боль Билла, как по-твоему? Второй ребенок помог бы старому Биллу забыть Тимми, который доставил отцу столько горя; Тимми, которому уже

ничем нельзя было помочь. Я бы на твоём месте, Луис, тоже выбрал бы этот путь. Ребенок и жена останутся живы и все пойдет путем. А Тимми... Заменяя лейтенанта в своем взводе, так было написано в письме, которое получил Билли, Тимми был застрелен на дороге, ведущей в Рим, 15 июля 1943 года. Его тело поплыло домой через два дня и прибыло в Линестон девятнадцатого. Потом, на следующий день, его погрузили на сверхъестественный поезд Хьюи Грабера. Большинство из тех солдат, что убили в Европе, развозили по домам на таких поездах... Тимми прошла очередь из автомата, и посмертно он был награжден Серебряной Звездой... Тимми похоронили... не спрашивай когда, точно не знаю, но думаю, это случилось 22 июля. И через четыре или пять дней Марджи Вашбарн, которая работала на почте, увидела Тимми, идущего по дороге к конюшне Йорка. Марджи с криками убежала... понимаешь почему? Она пошла назад на почту, бросила кожаную сумку с недоставленной почтой прямо на стол Джорджа Андерсона и сказала ему, что пойдет домой и ляжет в постель. «Марджи, тебя тошнит? — спросил Джорджи. — Ты белая, как крыло чайки». «Я теперь буду дрожать всю жизнь и я не хочу говорить с вами об этом, — ответила Марджи Вашбарн. — Я и Бриану об этом ничего не скажу (это был ее муж), и мамушке своей и никому-никому не скажу. Когда я умру и отправлюсь на небеса, если Иисус меня попросит рассказать... нет, может ему-то я расскажу. Но я не верю в то, что увидела». И она ушла. А все знали, что Тимми умер. Некролог был напечатан в Бангорских «Дели ньюс» и Элсвортском «Американ» неделю назад... ну там фотография и все такое полгорода было на похоронах. А тут Марджи видела его идущим по дороге... идущим пошатываясь... Она все-таки рассказала об этом Джорджу Андерсону... но только уже минут через двадцать... Теперь она умерла... А Джордж рассказал мне, что сразу понял: она хотела ему рассказать что-то о том, что видела. И еще Джордж сказал: ему показалось, Марджи немного повредила в уме, ты понимаешь? «Тимми такой бледный, — так она рассказывала минут через двадцать, — и одет в старые брюки и вылинявшую рубашку цвета хаки». А в тот день, должно быть, градусов двадцать было в тени. Марджи еще сказала, что у Тимми волосы торчат в разные стороны. «Его глаза, словно изюминки в хлебе. Я видела его призрак. Вот что испугало меня. Никогда я раньше ничего похожего не видела». Вот так сказала та, кто увидела его первой. Но вскоре выяснилось, что и другие видели Тимми. Миссус Страттон... мы называли ее «миссус» потому что всю жизнь она была незамужней, разведенной давалкой; у нее был двухкомнатный домик, там где Педерсенская дорога соединялась с Ханкокской. У нее было много пластинок и она всегда была готова составить вам компанию, если у вас найдется долларов десять, которые не так уж трудно было в те времена заработать... десять долларов, чтоб оплатить ее услуги. В общем, она тоже видела Тимми со своей веранды и сказала, что он шел по обочине дороги, а потом остановился. «Постоял он там», — так она говорила. Руки Тимми болтались, а голова наклонилась вперед: выглядел он словно боксер, только что получивший нокаут. Миссус рассказала, что сама стояла тогда на веранде, а сердце у нее заходило, как у старухи лет шестидесяти, которая едва двигается «Потом, — рассказала она, — Тимми повернулся. Выглядел он словно человек, упившийся до беспамятства». Тимми посмотрел прямо на нее. У нее аж руки задрожали; она уронила корзину с бельем и белье рассыпалось, испачкалось. Она сказала о глазах Тимми... она сказала, что они словно глаза мертвеца: тусклые, как мрамор. Но Тимми видел ее... и он усмехнулся... еще она сказала, что Тимми заговорил с ней. Спросил ее, чего это она застыла, ведь он-то и не думает приставать к ней. Если только ночью придет выеб... т. Миссус Страттон убежала с веранды в дом и не выходила больше недели, пока все не закончилось... Многие видели Тимми Батермена. Большею частью они все уже умерли... и Миссус Страттон и другие, но есть несколько старых кляч, вроде меня, которые могут еще порассказать тебе... если ты правильно попросишь их... Мы видели его, скажу я тебе... Тимми-то бродил туда-сюда по Педерсенской дороге, где-то в миле от дома своего отца. Он ходил туда-сюда, взад-вперед весь день, и все знали об этом. А он и ночью ходил. Рубашка не застегнута, лицо бледное, волосы торчат в разные стороны, расстегнутая ширинка, и этот его взгляд... этот взгляд... Джад сделал паузу, чтобы закурить, потом, встряхнув рукой,

погасил спичку и посмотрел на Луиса через туман плывущего синегодыма. Их история старика звучала конечно совершенно безумно, в глазах Джада не было лжи.

— Знаешь, есть много историй и фильмов — не думаю, что они хоть чуть-чуть правдивы, о зомби с Гаити. В таких фильмах ожившие мертвецы ходят, волоча ноги, и их мертвые глаза смотрят вперед, а ходят они медленно, неуклюже. Так вот, Тимми Батермен напоминал их. Луис, он напоминал зомби из дешевых фильмов, но он не был зомби. Он казался чем-то большим. Что-то было у него в глазах, Луис. Не знаю, как объяснить то, что я хочу тебе рассказать. Не знаю, захочу ли я вспоминать его глаза, даже если окажусь в аду... Хитрость, вот что было в них. Словно разговаривая с Миссус Страттон, он и впрямь решил ночью заглянуть к ней. Что-то вселилось в него, Луис. И не думаю, чтоб оно было разумным и чересчур сильным... а может, ничего такого и не было... и Тимми Батермен изменился совсем по другой причине. Спорно... он постоянно слышал идущий откуда-то радиосигнал. Глядя на него, ты сразу понимал: «Если он ко мне прикоснется, я закричу...» Вроде так... Так что Тимми бродит туда-сюда по дороге еще один день. Я тогда отработал смену и вернулся домой. А тогда уже, должен сказать, 30 июля... Так вот, вернулся я домой, а у меня на задней веранде сидит Джордж Андерсон — начальник почты, ты его не знаешь, и пьет холодный чай с Ганнибалом Бенсоном — вторым человеком в нашем дорожном управлении. С ними еще был Алан Пуринтон — начальник пожарной охраны. Норма тоже сидела с ними, но ничего не говорила... У Джорджа была изуродована правая нога. Случилось это, когда он работал на железной дороге, и теперь травма причиняла ему много неудобств в жаркие и влажные дни. Но он сидел у меня на веранде, как бы там ни болела его нога. «Это зашло слишком далеко, — сказал мне Джордж. — У меня почтальон не желает ходить по Педерсенской дороге — это первое. Кроме того, пора привлечь к ответственности „Каина“ и его сыночка». «Кого это ты называешь „Каином“? — поинтересовался я. Ганнибал рассказал мне, что звонил в Военный Департамент, связался с лейтенантом по имени Кинсмен, в чьи обязанности входит следить, чтоб никто из военных дураков ничего не выкинул. „Четверо или пятеро местных написали в Военный Департамент, — продолжал Ганнибал, — и этот лейтенант Кинсмен оказался заинтригованным. Если бы только кто-то один написал письмо, они бы только посмеялись. Кинсмен сказал, что звонил в полицию в Дерри и сказал, что, возможно, у них в Ладлоу появились проблемы с психопатами, ненавидящими семью Батерменов. Дело в том, что письма пришли от разных людей. Лейтенант сказал „Это видно даже по почерку и имена на конвертах тут ни при чем“. А во всех письмах одно и то же — безумная новость, мертвый Тиммоти Батермен сбежал из Ада и его оживший труп расхаживает туда-сюда по Педерсенской дороге. Этот Кинсман должен был или куда-то отослать парня или получить от него объяснения, — закончил Ганнибал. — Все хотят знать, то ли Тимми мертв, то ли он в самоволке. Видно, военные на все сто не уверены в своих записях. Еще они хотят знать: кто похоронен в гробу Тимми Батермена, если тот жив?“ Теперь понимаешь, Луис, неприятности какого рода возникают прежде всего. Мы там сидели, пили холодный чай и разговаривали. Норма спросила нас, хотим ли мы по сэндвичу, но есть никто не хотел. Мы все ходили вокруг да около и, наконец, решили поехать к Батермену. Никогда я не забуду того вечера, даже если доживу и стану старше вдвое. Вечер был теплым. Теплее чем в Аду. Солнце напоминало баскетбольный мяч в корзине облаков. Никто из нас не хотел идти в гости к Батсрменам, но пришлось. Норма поняла это раньше, чем любой из нас. Она, выдумав какую-то причину, отвела меня в сторону и сказала: „Не давай им шастать вокруг дома Батерменов, а постарайся как можно быстрее увести их оттуда, Джадеон. Ты должен думать о последствиях. То, что происходит — отвратительно!“

Джад внимательно посмотрел на Луиса.

— Она так и сказала, Луис. Это ее слово. «Отвратительно». И еще она прошептала мне на ухо: «Если что-нибудь случится, Джад, беги. Не думай о других: они увидят все сами. Ты помни обо мне и сразу, если что-нибудь случится, спасай свою шкуру...» Мы поехали к Батерменам на машине Ганнибала Бенсона — этого сукиного сына, прикарманившего все А-купоны, выписанные на город. Правда, честно говоря, не знаю, как ему это удалось...

Пока мы ехали, никто ничего не говорил, но все мы дымили, словно паровозы. Мы боялись, Луис, все мы боялись. Но единственный, кто сказал что-то дельное, так это Алан Пуринтон. Он сказал Джорджу: «Билл Батермен ходил к чертям, в лес, на север от 15 шоссе, гарантирую». Никто ему не возразил, но я помню, как кивнул ему, Джордж. В общем приехали мы к Батерменам, и Алан постучал. Никто не ответил, тогда мы обошли дом и нашли там обоих: Билл Батермен сидел на задней веранде, накачавшись пивом, а Тимми стоял там же — на заднем дворе и смотрел, как садится красное, окровавленное солнце. А лицо его казалось пурпурным; словно с него содрали кожу. А Билл... он выглядел словно дьявол. Мне показалось, что он потерял фунтов сорок. Глаза у него запали, словно маленькие зверята, заблудившиеся в пещерки... и рот дрожал, перекосившись на левую сторону.

Джэд сделал паузу, словно решал, что сказать, а потом незаметно кивнул.

— Луис, он выглядел так, словно его проклинали. Тимми посмотрел на нас и усмехнулся. Только, казалось, он хочет не усмехнуться, а закричать от ужаса. Потом он повернулся и снова стал смотреть на заходящее солнце. Билли же сказал: «Я, парни, не слышал, как вы стучали», но по лицу видно было — он врет. От стука Алана и мертвые проснулись бы... даже глухие. Никто ничего больше говорить, похоже, не собирался, так что начал я:

«Билл, я слышал, твой парень убит в Италии». «Тут какая-то ошибка», — ответил он, глядя прямо на меня. «В чем ошибка?» — спросил я. «Ты же видишь, он стоит вон там, разве нет?» — поинтересовался Билли. «Тогда кого же ты похоронил в гробу на „Плеасантвиев“?» — спросил его Алан Пуринтон. «Будь я проклят, если знаю, — сказал Билли. — И будь я проклят, если мне на это не наплевать». Он потянулся за сигаретами и рассыпал их по веранде, сломал две или три, прежде чем закурил. «Может, провести эксгумацию? — спросил Ганнибал. — Ты думал об этом? Я могу позвонить в проклятое богом Военное Министерство. Они захотят узнать, может, они похоронили какого-то другого парня вместо Тимми». «Ладно! Это все, с чем вы пожаловали, черт возьми?! — грубо сказал Билли. — Все это касается только меня, ведь так? Вот мой мальчик. Он пришел домой на следующий день после похорон. Он в шоке или что-то в таком духе. Теперь он стал немного странным: и днем и ночью гуляет по округе». «Бросай, Билл, — одернул я его, и по всему было видно, что я на него злюсь. — Если они выкопают гроб и увидят, что он — пуст, хотя ты наверняка набил его камнями, после того как вынул оттуда своего парня, но наверняка-то я не знаю... Зато я знаю, что случится потом, и Ганнибал, Джордж и Алан тоже знают, и ты знаешь. Ты свалил большую глупость, когда поперся в лес, Билл, и наделал себе, да и всему городку много неприятностей». «Думаю, ты и твои парни знают, как пойти отсюда, — ответил мне Билл. — Я ничего не хочу объяснять ни тебе, ни кому-либо еще. Когда я получил телеграмму, то потерял смысл жизни. Я почувствовал себя так, словно обмочился в штаны. Ладно, я вернул себе парня. Но ведь они не правы были, когда забрали его у меня. Ему было всего семнадцать. Он — все, что у меня осталось, когда его мать ушла от меня, и плевал я на ваше е... е государство. Еб... я вашу армию! Еб... я Военное Министерство. Еб... я Соединенные Штаты Америки и таких говнюков как вы, тоже. Я вернул его к жизни. Он пришел назад. Вот и все, что я вам скажу. А теперь топайте, откуда пришли». Рот его дрожал, зубы стучали, а на лбу выступил пот, выступил большими каплями, и только тогда я понял, что он совсем рехнулся. И меня такое дело довело до безумия. Жить вместе с такой... тварью.

Луис почувствовал, как волна тошноты поднимается из желудка: слишком много пива он выпил и слишком быстро. Его все-таки должно вырвать. Тяжелое ощущение перегруженного желудка подсказывало: это случится скоро... ох, как скоро...

— «Ладно, мы все равно ничего сделать не сможем, — сказал тогда Ганнибал. — Мы пойдем, Билл, пусть Господь поможет тебе!» А Билл ответил ему: «Бог никогда не помогал мне. Я сам себе помог». Вот тогда Тимми и пошел на нас. Даже жил он неправильно, Луис. Тимми ходил словно старый-старый дед. Он поднимал одну ногу, ставил ее, потом поднимал другую, но создавалось впечатление, что он волочит их, словно краб. Когда он подошел ближе, мы увидели красные отметины, пересекающие его лицо по косой линии, словно

прыщики или маленькие ожоги. Я понял: это те места, где пули из фашистского автомата прошли его тело. Может быть, они даже отсекали парню голову... И от него воняло могилой. Черный запах, словно что-то внутри у него испортилось. Я увидел, как Алан Пуринтон рукой закрыл рот и нос. Такая ужасная вонь. Казалось, еще чуть-чуть и в голове у Тимми можно будет разглядеть опарышей, какие обычно живут в могилах...

— Остановись, — грубо перебил старика Луис. — Я уже послушал достаточно...

— Еще нет, — сказал Джад. Он сказал это серьезно и устало. — Еще нет. Я не могу, чтобы тот ужас опять повторился. Никто не может понять, как это плохо, пока это не случилось. Он был мертв, Луис. А теперь снова стал живым. И он... он... он многое познал.

— Многое познал? — Луис подался вперед.

— Конечно. Тимми сперва долго смотрел на Алана, ухмыляясь смотрел... так что мы видели его гнилые зубы, а потом он заговорил низким голосом. Ощущение было такое, что Тимми впитал в себя естество могилы, впитал всеми порами своего тела. «Твоя жена, Пуринтон, еб... с человеком, который работает в аптеке. Что ты об этом думаешь? Она кричит, когда он входит в нее. Что ты думаешь об этом?» Алан, он словно задохнулся. Было видно, как слова Тимми сразили его наповал. Алан, он сейчас в доме престарелых в Гарденере... по крайней мере, это последнее, что я о нем слышал... ему сейчас должно перевалить за девяносто. А тогда, только это случилось, ему было сорок или около того, и ходило много разговоров о его второй жене. Она приходилась ему троюродной сестрой, и переехала в наши края с Аланом и его первой женой, Люси, еще перед войной. Люси умерла, и через года полтора он женился на этой девушке, Лаурине, так ее звали. Ей было не больше двадцати четырех, когда они поженились. И о ней уже тогда говорили разное. Если бы ты ее увидел, ты бы назвал ее свободной и легкомысленной. Но Лаурина считала, что любая женщина может быть немножко распущенной. И может быть, Алан о чем-то догадывался, потому что закричал: «Заткнись! Заткнись, или я вколочу тебе эти слова обратно!» «Заткнись, Тимми!» — приказал Билл, а выглядел он изможденным. Ну, знаешь, словно его сейчас вытошнит или он умрет, а может, случится и то, и другое. «Заткнись, Тимми!» Но Тимми не сделал этого. Он посмотрел на Джада Андерсона и сказал: «Этот внук, которого ты так ждешь, доведет тебя до смерти, старик. Деньги — вот все, что ему будет нужно... деньги, о них он только и будет думать. Он выгребет все, что можно из Бангорского Восточного Банка. Сделает он это для тебя, но за твоей спиной он будет смеяться над тобой... он и его сестра... Старик-Деревянная Нога — так они станут называть тебя», — говорил Тимми и, Луис, только тут я понял, как изменился его голос. Теперь его голос звучал подло. И эти слова о правнуке Джорджа... и ты знаешь, Тимми, как потом выяснилось, говорил правду. «Старик-Деревянная Нога, — повторил Тимми. — Но твои внуки не остановятся, потому что будут знать, что ты беден, как церковная крыса, после того как все потерял в 38. А сам-то ты не хочешь заткнуться, Джордж? Или, может, ты попросишь своих внуков заткнуться?» Джордж тогда повернулся и пошел прочь, только деревянная нога его подвела, и он споткнулся, упал на ступеньку веранды Билла, опрокинул кувшин с пивом. Он был белым, Луис, как твоя мать. А поднявшись на ноги, Билл, он заревел на мальчишку: «Тимми, прекрати! Ты должен прекратить!» Но Тимми не прекратил. Он рассказал гадость о Ганнибале и потом кое-что сказал обо мне... Ганнибал уже тогда был... грабителем... я так скажу. Конечно, он был грабителем, это точно. Ужасно! И мы отправились назад, а потом побежали, потащили Джорджа за руки, потому что он не мог сам идти. Ремни протеза съехали; ботинок перекосялся и волочился за ним по траве. Последний раз я видел Тимми Батермена... когда он стоял на заднем дворе Батерменов, за веревкой для белья. Лицо его было красным в лучах заходящего солнца, с теми отметинами... волосы у него были взъерошены и грязны... и он смеялся и визжал снова и снова; «Деревянная Нога! Старик-Деревянная Нога! И... рогоносец! А с ним сукин сын! До свидания, джентльмены! До свидания! До свидания!» — а потом он засмеялся, но продолжал кричать... точнее... что-то внутри его кричало... и кричало... и кричало...

Джад остановился. Его грудь вздымалась и опускалась слишком быстро.

— Джад, те вещи, что сказал вам Тиммоти Батермен, оказались... правдой? — спросил Луис.

— Да, правдой, — пробормотал Джад. — Иисус! Это была правда... Вот тогда я побыстрее махнул в публичный дом в Бангоре. Мужчине не так много надо, хотя не скажу, что пошел прямо туда, никуда не сворачивая. Мне нужно было... может быть... утонуть в чьей-то плоти. Отдать какой-то женщине то, что мужчина не может принести домой, чтобы поделиться с женой. Люди скрывают свое исподнее, Луис. Это ужасно, то, что я сделал, и ощущение вины преследовало меня восемь или девять лет, а Норма, она не оставила бы меня, даже если бы знала... Но кое-что вместе с ее смертью ушло навсегда. Кое-что очень дорогое для меня.

Глаза Джада были красными, опухшими и потускневшими. «Слезы стариков неприятны», — подумал Луис. Но когда Джад протянул руку Луису, Луис крепко пожал ее.

— Он сказал нам только плохое, — через мгновение продолжал старик. — Только плохое. Один Бог знает, что есть жизнь одного человека, ведь так? Через два или три дня, Лаурина Пуринтон уехала из Ладлоу, и люди, те, кто видел, как она садилась в поезд, говорили, что у нее было два огромных синяка и чемодан с ее пожитками. Алан... он никогда не говорил об этом. Джордж умер в 1950 году, и если и оставил потомков, то я никогда не слышал ни о его внуке, ни о его внучке. Ганнибала вышибли со службы, потому что случилось нечто, похожее на то, что предсказал Тиммоти Батермен. Просто я не хочу говорить об этом — тебе не знать... но скажем так: незаконное присвоение городской собственности, и это будет близко по смыслу, я так считаю. Пошли разговоры, что он едва не проворовался, но вообще разговорами все и кончилось. Увольнение со службы — это для него было суровым наказанием, ведь он всю жизнь строил из себя большого человека... но все предсказания Тимми пошли на пользу этим людям. То есть, вот, что я имел в виду... Людям всегда тяжело, когда им говорят правду в глаза, но иногда это необходимо. Ганнибал устроился в Восточный Центральный госпиталь, сразу после войны. Алан Пуринтон стал одним из самых щедрых людей. А у старого Джорджа Андерсона было единственное желание: до конца своих дней работать на почте... И плохо лишь то, что приходится говорить об этом. Плохо, что нам приходится помнить о плохом... но мы знаем, чего опасаться. Тиммоти Батермен отправился на войну хорошим, обычным ребенком, может, немножко туповатым, но добрым. Тварь, которую мы увидели в тот вечер в лучах заходящего солнца, — это было чудовище. Может, это был зомби, дух или демон. А может, у такой твари и вовсе имени нет, но Микмаки о таких как Тимми, все знали, не важно с именем они или без.

— Откуда? — онемев, спросил Луис.

— Что-то было в том прикосновении Вакиньяна... — ровно проговорил Джад. Глубоко вздохнув, он мгновенно подождал, откинулся на спинку стула, посмотрел на часы. — Тяжелый день. Уже больше часа, Луис. Я рассказал раз в девять больше того, что собирался рассказать.

— Сомневаюсь, — возразил Луис. — Слишком красноречиво ты говорил. Но скажи: чем закончилась та история?

— Через две ночи в доме Батерменов случился пожар, — рассказал Джад. — Дом сгорел. Алан Пуринтон сказал, что Тварь погибла в огне. Керосин вспыхнул сразу в нескольких местах. Там еще три дня стоял запах дыма.

— Оба сгорели?

— Да. И отец и сын. Но они умерли раньше. Папаша дважды прострелил грудь своего сынка. Стрелял он из старого кольта. Пистолет нашли в руках Билли Батермена, словно он после застрелился. Все выглядело так, словно сначала он убил своего мальчика, уложил труп на кровать и поджег дом, а потом он сел в свое любимое кресло у радиоприемника и взял в рот дуло кольта, сорок пятого калибра...

— Боже, — только и сказал Луис.

— Они замечательно обуглились, и местный врач сказал, что у него такое впечатление,

что Тиммоти Батермен умер за две-три недели до пожара.

Наступила тишина.

Потом Джад все же продолжил:

— Я не преувеличиваю, когда говорю, что я мог стать причиной того, что твой сын умер, Луис. Микмаки знали то место, но ничего не знали о том, кто именно создал его. Микмаки же не всегда тут жили. Они пришли, кажется, из Канады, а может, даже из Азии, из Славянских земель. Они прожили тут, в Мэйне, тысячу лет, а может, и две тысячи... точно нельзя сказать, потому что они почти никаких следов не оставили на этой земле. А теперь они ушли... и пришли мы, хотя наши следы надолго останутся на этой земле, не важно. Но место выглядит не слишком-то реальным для тех, кто живет тут, Луис. Никто не владеет им, и оно так и остается тайным. Оно — злое, проклятое место, и я поступил неправильно, когда отвел тебя туда, похоронить кота Элли. Теперь я это понимаю. Это место могущественно, и ты должен его остерегаться, если хочешь, чтоб с твоей семьей и тобой все было хорошо. Я не хочу бороться с этим. Ты спас жизнь Нормы, и я хотел что-то сделать для тебя, а это место повернуло все мои благие намеренья во вред. Оно сильное... и я думаю, его сила накачивается время от времени, словно фазы луны. Раньше оно было лишено силы, а теперь я замечаю, что сила возвращается. И я боюсь, что злая сила воспользовалась мной, чтобы через тебя дотянуться до твоего сына. Ты видишь, что я наделал, Луис? — его глаза с мольбой смотрели на Луиса.

— Ты говоришь, что то место знало о предстоящей смерти Гаджа, я так понимаю? — сказал Луис.

— Нет. Я говорю, что то место могло убить Гаджа, потому что я рассказал тебе о его силе. Я говорил тебе: может оказаться, что это я из самых хороших побуждений убил твоего сына, Луис.

— Я не верю в это, — дрожа, проговорил Луис. — Нет. Этого не может быть Он крепко сжал руку Джада.

— Завтра мы похороним Гаджа. Похороним его в Бангоре. И в Бангоре он и останется. Я не хочу перетаскивать его на Хладбище Домашних Любимцев или еще куда.

— Пообещай мне, — грубо попросил Джад. — Пообещай!

— Я обещаю, — сказал Луис.

Но где-то в глубине он презирал свое обещание... и его обещание было нарушено.

ГЛАВА 40

Ничего не случилось.

Все это: гудящие грузовики «Оринго»; пальцы, которые прикоснулись к джемперу Гаджа, а потом и сам Гадж, красиво раскатанный... Речел, появляющаяся на людях в домашнем халате; Элли, носящаяся с фотографиями Гаджа и тащившая его складной стульчик к себе в кровать, слезы Стива Мастертона; драка с Ирвином Голдменом; ужасная история о Тимми Батермене, которую рассказал Джад Крандолл, — все это заполнило голову Луиса Крида, все это пронеслось перед ним... все, что случилось с тех пор, как он помчался за своим сыном, выскочившим на дорогу. За спиной у него пронзительно закричала Речел... «Гадж, возвращайся! Не беги дальше». Но Луис не расточал в беспорядке вздохи. События надвигались, надвигались, и, конечно, кое-что и в самом деле случилось: Луис услышал рев приближающегося по дороге грузовика, что-то повернулось в его голове, и он услышал, как Джад Крандолл говорил Речел в первый день их пребывания в Ладлоу: «Вы только приглядывайте за дорогой, миссис Крид. По этой дороге ездит много больших грузовиков».

Гадж уже спускался по откосу, переходящему в обочину 15 шоссе, его сильные ножки скользили, и в мире все было бы правильно, если бы он упал и растянулся, но он не падал, а все шел дальше, а грохот грузовика становился все ближе и ближе Грохот становился громче — рычащий звук, который Луис иногда слышал, лежа в кровати, когда грезил на грани сна. Потом послышался утешающий визг тормозов, но сейчас этот звук ужаснул

Луиса.

«О, мой бог, великий Иисус, дай мне поймать Гаджа! Не дай ему выскочить на дорогу!»

Луис рванулся из последних сил и прыгнул, бросив тело прямо и параллельно земле, словно футболист *note 22*, пытающийся перехватить противника, схватить его за ноги. Луис видел свою тень, скользящую над травой, вслед за ним, и вспомнил о воздушном змее, «ястребе», тень которого вот так же скользила по полю миссис Винтон... и вслед за Гаджем, Луиса вынесло на дорогу. Пальцы Луиса схватили малыша за джемпер... а потом Луис подхватил малыша...

Он отбросил его назад и приземлился, ударившись скулой о дорожку, ведущую к дому, разбил себе нос. Его яйца отозвались сильной болью... «Оххх, если бы я знал, я бы не стал нынче играть в футбол, и всегда бы носил плавки, а не семейные трусы». Но та боль и боль разбитого носа ушли на задний план, когда он услышал оскорбленные завывания Гаджа, который приземлился на плечи, упал на спину на краю лужайки, ударившись головой. Через мгновение его плач утонул в реве пролетевшего мимо грузовика, гудок которого звучал почти победно.

Луис, переполненный злостью, приподнялся, держась руками за низ живота, а потом, придя в себя, взял сына на руки. Через мгновение к ним присоединилась Речел, истерически кричавшая на Гаджа:

— Никогда не выбегай на дорогу, Гадж! Никогда! Никогда! Дорога — плохая! Плохая!

А Гадж был так удивлен этими поучениями, что перестал плакать и кричать, а стал тарашиться на свою мать.

— Луис, ты разбил нос, — сказала Речел, а потом обняла его так неожиданно и сильно, что на мгновение Луису показалось, что он больше не сможет дышать.

— Это не самое худшее, — сказал он. — Речел, мне кажется, я стал кастратом. О, мальчики мои, как больно!

И тут Речел засмеялась таким истерическим смехом, что Луис сперва испугался за нее, решил, что сходит с ума: «Если бы Гаджа убило, она бы сошла с ума»

Но Гаджа не убило — все это только ужасно подробное видение. Луису всего лишь показалось, что в тот солнечный майский день Гадж погиб.

А потом Гадж пошел в начальную школу; когда ему исполнилось семь лет он поехал в летний лагерь, где провел удивительное, восхитительное лето. И еще: он принес своим родителям скорее мрачный сюрприз, чем нечто радостное: показал, что отлично может месяц их не видеть, безо всяких там психических травм. Когда ему исполнилось десять, он целое лето провел в Лагере Агавам в Рамонде, а в одиннадцать выиграл две синие и одну красную полоски в Четвертом Лагере Свиматона, чем и закончилась его летняя активность. Он рос высоким и, конечно, оставался прежним милым Гаджем, и не терял способность удивляться окружающему миру... и в Гадже никогда не было ни капли озлобленности или гнилости..

Он хорошо учился в средней школе и стал членом команды по плаванию в Иоан Папст, даже посещал церковную школу, потому что это было обязательным для всех членов команды по плаванию. Речел огорчилась, а Луис даже не был удивлен, когда в семнадцать лет Гадж обратил внимание на догмы Католической религии. Речел верила; все потому, что девушка Гаджа была католичкой. Речел уже видела, что Гадж женится в недалеком будущем («если эта маленькая сучка с иконой святого Кристофера не отвалит от него, мне придется съесть твои трусы, Луис», — сказала она) и рушатся все планы относительно колледжа Гаджа и команды олимпийской надежды, а потом девять или десять маленьких католиков будут бегать тут, когда Гаджу исполнится сорок лет. Гадж станет (как и предсказывала Речел) водителем грузовика; водителем, который курит сигары; водителем с объемистым пузом,

Note22

Имеется в виду американский футбол, больше напоминающий наше регби.

налившимся от пива; «нашим папочкой» и «мучителем» для супруги; он встанет на путь, ведущий к забвению в сердцах людских.

Луис подозревал, что мотивы поступков его сына красивы, и хотя Гадж стал католиком (в один прекрасный день он сделал это;

Луис тогда, ничуть не смутившись, послал чудесную открыточку Ирвину Голдмену. Там было написано: «Возможно у вас теперь есть внук, верящий в Иисуса. Ваш зять. Луне».) Но на самом деле все было не так... не женившись на по-настоящему хорошенькой (и уж во всяком случае не неряшливой) девушке, Гадж спас свою карьеру.

Он поступил в школу Иоана Хопкинса, вошел в Олимпийскую команду по плаванию, и стал высоким, ослепительным и невероятно гордым в день, когда исполнилось шестнадцать лет, того дня как Луис спас его из-под колес грузовика «Оринго». Луис и Речел стали почти совсем седыми, хотя Речел-то красилась... А Гадж получил золотую олимпийскую медаль. Тогда его показали по телевидению, стоящего с мокрой, откинутой назад головой; его глаза были широко открыты и печальны; когда заиграли национальный гимн, взгляд Гаджа замер на флаге, медаль повесили ему на шею и золото засверкало. Луис и Речел тогда заплакали.

— Я догадывался, что его наградят, — гордо сказал Луис и повернулся обнять жену. Но она посмотрела на него с зарождающимся ужасом, ее лицо, казалось, постарело, словно за мгновение собрало все зло, что видит человек за долгие годы жизни. Звуки национального гимна увяли, и когда снова Луис посмотрел на экран телевизора, то увидел какого-то чернокожего мальчика с темными кудряшками, которые сверкали от драгоценных капель воды.

Его наградят...

Его наградят...

Его наградят как...

...О, Великий Бог, его кроваво наградят!..

* * *

Луис проснулся, залитый холодным, мертвым светом встающего солнца, часов в семь, вцепившись руками в наволочку. В его голове чудовищным звоном отдавался каждый удар сердца: боль накатывалась и отступала. Он решил, что головная боль — следствие вчерашнего пива, да и в желудке у него словно лежал кирпич. Луис заплакал. Подушка стала мокрой от слез. Даже во сне он помнил, знал правду и из-за этого страдал.

Встав, Луис отправился в ванную. Сердце тревожно билось у него в груди. Жесткие воспоминания обрывками всплывали в памяти. Он едва успел добраться до унитаза, чтобы выблеваться.

Потом он замер на коленях на полу ванной, закрыв глаза. И стоял он так, пока не почувствовал, что может встать на ноги. Схватившись за ручку, он слил воду, потом подошел к зеркалу, хотел поглядеть на круги под глазами, но зеркало оказалось закрыто квадратной простыней. Двигаясь почти вслепую, Речел уже закрыла простынями все зеркала в доме.

...не будет олимпийской команды по плаванию. Луис печально представил себе, как возвращается назад и садится на кровать. Во рту — вкус прокисшего пива, и Луис поклялся себе (в первый и последний раз), что больше никогда не будет напиваться. Не будет Олимпийской команды, не будет колледжа, не будет маленькой девочки-католички, не будет Лагеря Агавама, открытки тестю... ничего не будет.

Тело его дорогого мальчика, такое крепкое и сильное, почти расчлененное... Кровавая награда... Луис сидел на своей кровати, оцепенев и сжимая руки... Дождевые капли лениво стекали по стеклу. Его горе полностью вернулось к нему. Грезы рассеялись. Горе пришло и заполнило его целиком. Луис закрыл лицо руками и зарыдал, качаясь взад-вперед на кровати, думая, что может так выйти, что у него больше не будет второго шанса, ничего не будет.

ГЛАВА 41

Гаджа похоронили в два часа дня. К тому времени дождь прекратился. Ключья облаков двигались над головой. Большая часть присутствующих на похоронах взяла черные зонтики, которыми снабдил всех желающих, владелец похоронного бюро.

По просьбе Речел, владелец похоронного бюро, исполнявший обязанности отпевającego, постарался быть краток. Он всего лишь прочитал отрывок из Евангелия от Матфея, который начинался: «А он, подозревая ребенка, поставил его посреди них...» Луис стоял с одной стороны могилы и смотрел на своего тестя, стоящего на противоположной стороне. На мгновение Голдмен посмотрел на Луиса, а потом опустил глаза. Сегодня у него не было никакого желания драться. Мешки под глазами Голдмена напоминали почтовые сумки, а вокруг его черной шелковой шапочки, прикрывавшей лысину, волосы были великолепными и белыми, словно остатки паутины, которую разорвал ветер. Седые пейсы закрывали худые щеки, и выглядел он словно выпивший. Луису показалось, что Ирвин не понимает, где он. Луис попытался заглушить жалость к старику, зародившуюся у него в сердце.

Гадж лежал в маленьком белом гробу. Замки гроба были отремонтированы, сидели на паре хромированных бегунков. Края могилы могильщики застелили жгуче зеленым пластиком, который резал глаза Луису. Несколько корзин с цветами стояли на краю этой искусственной и неприятной ямы в земле. Низкий холм, покрытый могилами... фамильные склепы, один римско-образный монумент с выгравированным именем «Фиппс» — серебряное на желтом. Луис стал рассматривать монумент. Потом он снова перевел взгляд на владельца похоронного бюро, который в этот момент произнес:

— Давайте преклоним головы и отдадим последнюю дань усопшему.

Молчание длилось несколько минут, но Луис этого не заметил. Неподалеку стоял автопогрузчик. Он был припаркован там, где кончались могилы. А когда владелец похоронного бюро закончил церемонию Оз — Веикий и Ушшасный — Ирвин раздавил сигарету о каблук ботинка и убрал окурки (на кладбище сторожа штрафовали за окурки, брошенные на землю всегда прибавляя к этому штраф за создание пожароопасной обстановки. И вообще, многие из клиентов, похороненных на кладбище, умерли от рака легких). Гроб опустили, навсегда отрезав сына Луиса от солнечного света... навсегда или до дня воскрешения?

Воскрешение... ах, какое это замечательное слово!

Ты должен послать на х... эту мысль. Даже не думай об этом!

Потом владелец похоронного бюро сказал:

— Аминь, — Луис взял Речел за руку и повел ее прочь. Речел зашипела, протестуя; она хотела еще мгновение постоять...

— ..пожалуйста, Луис, — но Луис был уверен, что поступает правильно. Они направились к машине. Луис увидел владельца похоронного бюро, собирающего черные зонтики с выгравированным на ручке адресом своего бюро у расходящихся с кладбища. А потом владелец похоронного бюро передал зонтики своему помощнику, который поставил их в стойку для зонтов, выглядевшую на кладбище совершенно неуместно. Она тоже стояла на кусочке мокрого зеленого пластика. Одной рукой Луис держал Речел за правую руку, другой — за левую руку Элли в белой перчатке. Элли надела то же платье, что надевала на похороны Нормы Крандолл.

Джад пошел за Луисом и помог ему, посадил дам в машину. Джад тоже выглядел так, словно провел тяжелую ночь.

— Ты в порядке, Луис?

Луис кивнул.

Джад, наклонившись, заглянул в машину.

— Как ты, Речел? — спросил он.

Старик осторожно прикоснулся к ее плечу, а потом посмотрел на Элли.

— А как ты, дорогая?

— Я в порядке, — ответила Элли и продемонстрировала чудовищную улыбку акульих пропорций, демонстрируя старику, что ей просто здорово.

— Что за фотографию ты держишь?

На мгновение Луис подумал, что Элли не отдаст фотографию, только покажет ее Джаду, но потом с болезненной беззастенчивостью девочка протянула фотографию старику. Он подержал ее в своих больших пальцах... пальцах, которые были такими неуклюжими и выглядели как-то неловко, пальцами, которые годились только для того, чтоб держать ручку передач больших машин, сцеплять вагоны на железнодорожной линии... но это были те пальцы, которые извлекли жало пчелы из ранки на шее Гаджа с ловкостью заправского фокусника... или хирурга.

— Ох, какая фотография, — сказал Джад. — На самом деле, очень милое фото. Это ты посадила малыша на санки? Он тут хорошо выглядит, правда, Элли?

Заплакав, Элли кивнула.

Речел начала было говорить, но Луис сжал ее руку... подожди.

— Я едва усадила его туда, — ответила Элли, плача. — А он все смеялся и смеялся. Тогда мы прибежали домой, а мамочка дала нам какао и сказала: «Снимите свои ботинки», — Гадж сорвал их и закричал: «Тинки! Тинки!» и так протяжно, что мне уши заложило. Помнишь, мамочка? Речел кивнула.

— Конечно. Могу поспорить, что тогда было хорошее времечко, — сказал Джад, снова взяв фотографию в руки. — Он сейчас мертв, Элли, ноты должна сохранить воспоминания о нем.

— Я так и делаю, — сказала девочка, растирая слезы по лицу. — Я люблю Гаджа, мистер Крандолл.

— Я знаю это, дорогая, — он наклонился и поцеловал ее, потом отодвинулся и холодно посмотрел на Луиса и Речел. Речел встретила его взгляд, но оказалась в замешательстве, решив, что на нее обиделись, и не понимая, почему. Но Луис понял все: «Что вы сделали для нее? — спрашивали глаза Джада. — Ваш сын мертв, а ваша дочь жива. Что вы сделали для нее?»

Луис отвернулся. Ничего он не мог сделать для нее. Она переплывет свое горе, как сможет. А его голова была забита мыслями о сыне.

ГЛАВА 42

Вечером облака разошлись и поднялся сильный западный ветер. Луис надел легкий джемпер, застегнул молнию и снял ключи от «Цивика» с гвоздика на стене.

— Куда ты идешь, Луис? — спросила Речел без особого интереса. После ужина она снова начала плакать, плакала тихо и, кажется, не могла остановиться. Луис посоветовал ей принять валлиум. Приняв таблетку, Речел взяла газету, сложила ее так, чтоб можно было разгадывать кроссворд. В другой комнате Элли молча смотрела по телевизору «Маленький домик в раю», положив фотографию Гаджа на колени.

— Думаю, не съездить ли мне за пищей?

— Разве ты можешь думать о еде?

— Сейчас я есть не хочу, — сказал Луис, говоря чистую правду, а потом добавил капельку лжи. — Но это, сейчас.

В тот же день между тремя и шестью часами, после обряда похорон были поминки. Поминки с угощением. Стив Мастертон и его жена привезли огромную кастрюлю гамбургеров. Чарлтон привезла кулич.

— Он не зачерствеет, а будет стоять до тех пор, пока вы не захотите есть, — объяснила она Речел. — Кулич всегда можно подогреть в микроволновой печи.

Данникерсы, живущие по-соседству, принесли ветчины. Появились и Голдмены, но они не разговаривали с Луисом и близко к нему не подходили, что его отнюдь не огорчало... Они

привезли холодную кутю и бутерброды с сыром. Джад тоже принес сыра — большой круг крысиного лакомства. Мисси Дандридж принесла пирог с липовым медом, а Саррендра Харди — яблоки. На поминках собрались люди, исповедующие различные религии.

Поминки удались и прошли спокойно, но слишком гладко. Там было слишком мало выпивки, по сравнению с обычными поминками. После нескольких банок пива (только накануне Луис клялся никогда снова не прикасаться к нему), холодны и полуденный свет преждевременно потускнел, превратив день в вечер, который всем показался невероятно скучным. Луис вспомнил несколько старых кладбищенских историй, которые дядюшка Карл рассказывал ему когда-то, например о том, что на похоронах в Сицилии женщины, которые не замужем, иногда отрезают кусочки от савана мертвеца и спят потом, положив их на голое тело, веря, что после этого им станет сопутствовать удача в любви; в Ирландии похороны в какой-то мере передразнивают свадьбу, и у мертвого связывают ноги, ведь еще древние Кельты верили: связывая ноги мертвецу, вы отвращаете его дух от прогулок. Дядюшка Карл рассказывал, что обычай связывать мертвецу ноги перекочевал в Нью-Йорк, потому что на всех кладбищах Америки заправляют ирландцы. А они верят в разные суеверия. Потом, посмотрев в лица гостей, Луис решил: наверное такие истории — ложь.

Речел почти не плакала. Дора успокаивала ее, и Речел словно к ней прилипла, уткнулась ей в плечо. Речел на подходила к Луису, возможно, считая его, как и себя, виновниками смерти Гаджа. Так или иначе она не оставляла свою мать. А Доре удавалось успокаивать дочь. Ирвин Голдмен стоял позади них; его рука лежала на плече Речел, и в тошнотворном триумфе он через комнату поглядывал на Луиса.

Элли играла серебряным поездом тарелочек с маленькими бутербродами, утыканными зубочистками. Фотография Гаджа лежала рядом.

Луис принимал соболезнования. Он кивал и благодарил соболезнующих. Только глаза его смотрели куда-то далеко, его манеры казались немного холодными. Все считали: он думает о прошлом, о случившемся, о том, что теперь Гаджа нет. Никто (даже Джад) не подозревал, что Луис разрабатывал стратегию эксгумации... Академический интерес, конечно, не то, чтоб он хотел это сделать. Единственный способ не сойти с ума — чем-то заняться.

Не то, чтоб он собирался заняться этим на самом деле...

...А вечером, в тот же день, Луис остановился у Оррингтонского магазина, взял две упаковки по шесть банок пива в каждой и поехал к «Наполи» за пиццей с пипперони и грибами.

— Как ваше имя, мистер?

«Волшебник Изумрудного Города — Оз — Всякий и Ушшасный», — подумал Луис.

— Луис Крид.

— Ладно, Луис, мы сейчас здорово заняты, может, минут через сорок пять... Подождете? — Ладно, — согласился Луис и отошел. Он вернулся к «Цивику» и закрыл машину на ключ. От силы на весь Бангор было двадцать заказов пиццы... но Луис выбрал эту нерадивую пиццерию потому, что она ближе всех остальных находилась к кладбищу, где похоронили Гаджа. «Ладно, так что же из того, черт возьми? — тяжело подумал он. — Они делают хорошую пиццу. Да и на улице сейчас совсем не холодно. Можно прогуляться. А получив пиццу, можно подбросить ее, а потом поддать кулаком... вот бы Гадж рассмеялся...»

Луис поймал себя на этой мысли.

* * *

Оставив позади «Наполи», Луис направился к кладбищу. Он только посмотрит. Будет ли от этого вред? Нет!

Он припарковал машину у Пиццерии на противоположной стороне улицы и ему пришлось перейти дорогу, чтоб добраться до ворот из кованого железа; ворот, которые

мерцали в последних отблесках дня. Над ними, в полукруге, были большие железные буквы: «Плеasantвиев», На взгляд Луиса, не существовало ничего более уродливого. Кладбище было расположено удачно — находилось на склоне нескольких холмов. Но в те последние несколько минут дневного света тени деревьев, растущих на кладбище, казались глубокими черными лужами, такими же темными и неприятными, как застоявшаяся вода. Отдельно стояло несколько плакучих ив. Но и тут не было полного покоя. Неподалеку располагались турникеты, где взималась плата за проезд... холодный ветерок доносил отдаленный рев моторов грузовиков... мерцание в небе, там, где находился Международный Бангорский Аэропорт.

Луис протянул руки к воротам и задумался. Ночью они будут заперты... но сейчас-то они открыты. Может, еще просто рано, а попозже их обязательно закроют, чтобы уберечь кладбище от алкоголиков, вандалов, подростков-хулиганов и тех, кто хочет кого-нибудь воскресить...

(Снова это слово).

Правая половина ворот открылась со сверхъестественным скрипом, и, взглянув через плечо, уверившись, что за ним никто не следит, Луис шагнул вперед. Закрыв ворота за спиной, он услышал, как они лязгнули. Оказавшись в приемной Смерти, он огляделся.

«Великолепное место, — подумал он. — Никто, я думаю, не сможет охватить его одним взглядом... Почему человек отвел такое прекрасное место под никому не нужный хлам?»

Потом в голове у Луиса послышался голос Джада, предупреждающий и испуганный. Да, да! Испуганный.

«Что ты собираешься делать? Ты лучше посмотри на дорогу, не хочешь ли проехаться?»

Луис заставил голос Джада замолчать. Но подсознание продолжало издеваться над ним. Да ведь никто не знал, что он окажется тут, когда померк дневной свет!

Луис отправился прямо к могиле Гаджа. На мгновение он оказался в тени деревьев. У него над головой таинственно шелестела листва. Его сердце стучало очень громко. Могилы и памятники выстроились грубыми рядами. Где-то там находился домик смотрителя, и там же была карта «Плеasantвиева», занимавшего акров двадцать, или около того, изящное и разумно разбитое на квадраты кладбище. В каждом квадрате находилось по несколько могил и продающихся участков... участков на продажу. Однокомнатные апартаменты для усопших.

«Не слишком-то похоже на Хладбище Домашних Любимцев», — подумал он, и эта мысль заставила его остановиться и задуматься на некоторое время, удивляясь. Нет Хладбище Домашних Любимцев вызвало у него ощущение.. — душевного смятения.

Те грубые, концентрические окружности имели один общий центр, словно круги, расходящиеся по воде. Словно дети, хороня своих домашних любимцев и тем самым создавая кладбище, сделали это совершенно несознательно.

На мгновение Луис увидел Хладбище Домашних Любимцев. Видение походило на своего рода рекламу: «Приходите!» Словно парад уродцев на карнавале. Они-то придут и приведут с собой пожирателей огня, и вы будете смотреть их выступление, потому что все знают: вы не купите кусок мяса, если не увидите, как его пожарят. Вы не дадите наличные, если не увидите.

Могилы... те могилы, напоминающие круги друидов!

Могилы Хладбища Домашних Любимцев походили на наиболее древние религиозные символы: уменьшающиеся круги складывались в спираль: спираль, ведущую наружу из какой-то точки в бесконечности — упорядоченный хаос или хаотический порядок, все зависит от того, о чем вы думаете! Этот символ египтяне вырезали на камнях над могилами фараонов. Спираль — символ феникса намогильных камнях павших королей. Такие картинки можно обнаружить в пещерах древней Муцены; на камнях Стоунхэджа, которые сложены были на заре Вселенной; о них упоминали в Библии Ветхого Завета, как о вихрях, с

которыми говорил Иов.

Спираль — древнейший знак силы в нашем мире, древнейший человеческий символ, обозначающий мост между нашим миром и Бездной.

Наконец, Луис добрался до могилы Гаджа. Много изменилось тут за последние несколько часов. Не было пластика. Рабочие скрутили его и убрали. Теперь они перенесли свое оборудование на следующий участок, где ожидалась похороны. Могила Гаджа обозначил голый, каменный четырехугольник три на пять. Надгробие еще не установили. Луис преклонил колени. Ветер взъерошил ему волосы. Небо уже стало почти черным.

«Ни один солнечный луч не коснулся меня, не попытался согреть. Тут нет сторожевых псов. Ворота не заперты. Скоро наступит день Воскрешения. Если он придет сюда с киркой и лопатой...»

Встряхнувшись, Луис встал. Только что ему в голову закралась шальная мысль: а может, «Плеасантвиев» так и стоит всю ночь без присмотра, ведь, наверняка, он смог бы извлечь своего сына из могилы так, чтоб не заметил ни сторож, ни смотритель. Мысленно это сделать ничего не стоит, а вот на деле... Могло оказаться, что он совершает преступление. Какое преступление? Осквернение могилы? Непохоже. Злое озорство? Или вандализм? Это ближе к теме. Будет составлен протокол или нет, а слухи разойдутся мгновенно. Люди станут говорить: местный университетский доктор выкопал своего двухлетнего сына, недавно погибшего в автокатастрофе. Луис потеряет работу. А даже если нет, Речел такие истории надолго охладят, да и Элли наверняка услышит их в школе, и жизнь ее превратится в страдание из-за дразнилок. А кончатся все дразнилки проверкой у психиатра.

«Но ведь я могу вернуть Гаджа к жизни! Гадж станет снова живым!»

Он и в самом деле верит в это?

Дело в том, что да. Он говорил себе это снова и снова время от времени, как перед смертью Гаджа, так и после нее: Черч на самом деле не умирал, его только оглушило. Черч сбил его с пути истинного. Детская история с подтекстом, как Винни Пух. Хозяин не просто так строит пирамидку камней над тем, кто должен ожить. Выкапывается преданный зверь. Преданный зверь возвращается домой. Все великолепно, кроме того, что это — неправда. Черч был мертв. Земля, где хоронят Микмаки, вернула его к жизни.

Луис сидел у могилы Гаджа, пытаясь собрать воедино все компоненты; как рациональные и логические, так и все, что могла дать ему Черная магия. Теперь Тимми Батермен. Во-первых, верит ли Луис в эту историю? И во-вторых, что в ней не так?

Луис попытался подвергнуть критическому анализу большую часть рассказа Джада. Неоспоримо, если существует место, похожее на то, где хоронили своих мертвых Микмаки (как и было на самом деле), если люди знают о нем (по крайней мере, некоторые из жителей Ладлоу), тогда рано или поздно кто-то попытается поэкспериментировать с человеком. Экспериментатор, как понимал Луис, не ограничится несколькими домашними любимцами и ценными животными для улучшения породы...

Тогда все правильно... но верил ли Луис в то, что Тимми Батермен превратился в какого-то демона?

Это более сложный вопрос. Тут Луис решил быть осторожнее, потому что он не хотел верить в превращение Тимми и не хотел видеть, к чему может привести воскрешение. Нет, он определенно не хотел верить, что Тимми Батермен стал демоном. Били Батермен не мог... совсем не мог... получить в результате своего эксперимента подобного результата.

Еще Луис думал о Ханратте, о быке. Ханратт, как сказал Джад, изменился. Изменился так же, как Тимми Батермен.

Несколько человек тащило его туда, где хоронили Микмаки. Тимми Батермена похоронил его отец.

Но почему Ханратт сошел с ума? Разве это означало, что все животные портятся?

Нет. Ханратт скорее исключение. Посмотрим на других животных: Спота, пса Джада; попугая старухи и самого Черча. Они все вернулись изменившиеся. Изменения существовали,

но не такие уж кардинальные, чтобы Джад не решился порекомендовать Луису процесс... процесс...

(воскрешения).

Да, воскрешения. Конечно! Образ «отца» растворился, когда Джад начал оправдываться перед Луисом и стал разглагольствовать о зловещих, приводящих в замешательство вещах — то, что сам Джад не смог бы даже назвать философией.

Как Луис мог отказаться от своего единственного шанса, невероятного шанса, появившегося еще до того, как он услышал историю Тимми Батермена? Одна ласточка лета не делает!

«Ты отбрасываешь все умозаключения, отдавая предпочтение тому, что ты хочешь, — протестовал его разум. — Признайся, что с Черчем произошли неприятные перемены. Даже если ты хочешь не обращать внимания на зверей — мышей и птиц — как насчет остального? „Грязный“ — вот лучшее слово из всего: оно все включает в себя. Помнишь Гаджа в день возвращения? Может, лучше забыть об этом? Ты же не хочешь, чтоб к тебе явилось зомби из второсортного фильма ужасов? Или что-то столь прозаическое, как умственно неполноценный маленький мальчик? Мальчик, который может откусить себе пальцы и отсутствующим взором смотрит на тени в телевизоре, и никогда так и не научится писать свое имя? Что Джад сказал о своем псе: „...словно я мыл мертвый кусок мяса“. Кусок мяса, который дышит? И даже если ты сможешь удовольствоваться этим, как ты объяснишь воскрешение сына своей жене? Своей дочери? Стиву Мастертону? Всему миру? Что случится, если Мисси Дандридж выйдет на дорогу и увидит Гаджа, бегущего по двору? Мы ведь еще не слышали ее криков, Луис, не видели ее измученное лицо, закрытое руками... А что ты расскажешь репортерам? Что ты скажешь операторам из „Настоящих людей“, которые окажутся у тебя на пороге, решив снять фильм про твоего воскресшего сына?»

Вот такая жуткая жизнь у тебя начнется... или это говорит твоя трусость? Верит ли он на самом деле в то, что все это не так важно? Как Речел встретит своего сына? Только слезами радости.

Да, Луис и впрямь был уверен, что Гадж может вернуться... ладно... пусть даже не совсем такой. Не изменятся ли у них отношения к Гаджу? Но ведь родители любят детей, родившихся слепыми, сиамских близнецов, детей, которые выросли полными дебилами? Родители полагаются на собственное добросердечие и милосердие по отношению к детям-убийцам и грабителям.

Верит ли он, что сможет любить Гаджа, даже если Гадж будет носить ползунки до восьми лет? Если даже он не осилит букварь до двенадцати лет! Может, он просто станет думать о своем сыне, как... о некоем божественном выкидыше?

«Но, Луис, мой бог, ты же живешь не в вакууме! Люди скажут...»

Он отрезал эту мысль с грубой, яростной силой. Все это вещи, которые сейчас не так уж важны, в особенности общественное мнение.

Луис посмотрел на могилу Гаджа и почувствовал страх, даже ужас. Неведомое двигало им. Его пальцы начали шарить в грязи... потом он потянул за кольцо, Очистив пальцы от грязи, потирая руки друг о друга, Луис покинул кладбище, чувствуя, что переборщил, поверив, что его увидят, остановят, станут расспрашивать прямо на дорожке...

* * *

Ему досталась последняя пицца, которая оказалась кривом: одна сторона больше другой, к тому же холодная, скользкая — в целом, она напоминала ком вареной глины. Луис съел только один кусок, а потом выбросил в окно автомобиля коробку и вес остальное, вместо того, чтобы вести это назад в Ладлоу. По природе он не был пиз... шем, просто не хотел, чтоб Речел видела такую несъедобную вещь. Это может вызвать у нее подозрение. Отнюдь не из-за пиццы ездил Луис в Бангор!

Теперь Луис обдумывал время преступления.

Время. Время может оказаться важным, критическим, непреодолимым препятствием. Тимми Батермен умер задолго до того, как отец похоронил его на земле, где хоронили Микмаки. «Тимми застрелили девятнадцатого... похоронен он был... никак не вспомнить, но я думаю, это было двадцать второе июля. Через четыре или пять дней Марджи Вашбарн... увидела Тимми, гуляющего по дороге».

Правильно. Скажем, Билл Батермен медлил четыре дня... так! Если Луис заблуждается, пусть все так и будет. Скажем, три дня. В виде доказательства, Луис уверил себя, что Тимми Батермен вернулся к жизни двадцать третьего июля. Шесть дней прошли между смертью мальчика и его воскрешением, и это по самоуверенной оценке человека, который об этом знал лишь понаслышке. Процесс мог занять и дней десять. Со дня смерти Гаджа уже прошло четыре дня. Время уходило, но до срока Билли Батермена было еще далеко. Если... Если бы Луис мог сделать с Гаджем все так же, как с Черчем. Ведь Черч выбрал для своей смерти очень удачное время, не так ли? Семьи Луиса не было в Ладлоу, когда Черча убило. Никого тут не было, кроме него и Джада.

Его семья была в Чикаго.

Теперь последний кусочек мозаики встал на свое место.

* * *

— Что ты хочешь? — спросила Речел, уставившись на Луиса, ошоломленный от удивления.

Было четверть десятого. Элли уже уложили в кровать. Речел приняла еще одну таблетку валлиума, чтобы разогнать ощущение, оставшееся у нее после поминок («поминки» — еще одно дурацкое слово, похожее на «часы посещения»); она выглядела ошеломленной, но вела себя спокойно, с тех пор как Луис приехал из Бангора... казалось, теперь она всегда будет в таком состоянии.

— Вернись в Чикаго с матерью и отцом, — спокойно повторил Луис. — Они уезжают завтра. Если ты позвонишь им прямо сейчас, а потом перезвонишь в аэропорт, то вполне вероятно улетишь вместе с ними на одном самолете.

— Луис, ты что, с ума сошел? Это после того, что произошло у тебя с моим отцом...

Луис почувствовал, что говорит намного бойчее, чем следовало. Его охватило некое, странное возбуждение. Словно защитник в футболе, он получил мяч, и должен был провести его ярдов семьдесят, играя и не выпуская его. Луис никогда не был хорошим лгуном, и он не распланировал все детали, но сейчас, когда он рассказывал правдоподобную ложь, полуправду, заранее придуманные объяснения лились потоком.

— Драка — одна из причин, по которой я хотел бы, чтобы ты и Элли отправились с твоими родителями в Чикаго. В этот раз мы должны залатать эту рану, Речел. Я это знаю... чувствую это... эти «часы посещения»... Когда драка началась...

— Но поездка в Чикаго... я не думаю, что это — хорошая идея, Луис. Ты нам нужен. И мы тебе нужны, — Речел с сомнением смерила взглядом своего мужа. — Наконец, я надеюсь, что ты нуждаешься во мне. И никто из нас в любом...

— ..в любом случае не должен оставаться здесь, — уверенно заявил Луис. Он почувствовал, как отступают его страхи. — Я рад, что вы нуждаетесь во мне, и я нуждаюсь в вас — в тебе и Элли. Но прямо сейчас это проклятое... проклятое место не для вас. Гадж еще где-то в этом доме... Для тебя и для меня, во всяком случае. Если вы останетесь здесь, это повредит Элли, я так думаю.

Он увидел болезненный блеск в глазах Речел и понял, что сильно обидел ее. Луису стало стыдно за такую дешевую победу. Во всех книгах, которые он читал, говорилось о том, что если кто-то умирает, все свидетели этого стараются как можно дальше уехать от этого места... словно поддаваясь какому-то импульсу, который уводит их с опасного курса, который может лишить их сомнительной прелести реальности, не дать прочувствовать все случившееся до конца. Книги говорили: для того, чтобы забыть, лучше всего уехать куда-нибудь, и не возвращаться в свой дом, пока горе не превратится в воспоминание. Но на

самом деле Луис просто не смел проводить эксперименты с трупом Гаджа, пока его родные не уехали. Он хотел отделаться от них, по крайней мере на время...

— Я знаю, — проговорила Речел. — Это так... но ты же останешься здесь. Я чуть сума не сошла, пока ты ездил в Бангор... словно пропала часть моей души... пустота... а потом я нашла под кроватью четыре мачбоксовских автомобиля... они словно ждали его возвращения... ты же знаешь, как он играл с ними... — она стала растягивать слова, но голос ее не ломался. Слезы потекли по ее щекам. — И тогда я приняла вторую таблетку валлиума, потому что снова начала плакать... а по телевизору эта е... я мыльная опера... помоги мне, Луис! Ты должен нам помочь!

Он поддержал ее за локоть. Поддерживать за локоть — это у Луиса всегда хорошо получалось, но он чувствовал себя обманщиком. Он снова и снова возвращался к тому, чтобы повернуть создавшуюся ситуацию себе на пользу. «Все хорошо, парень. Все в порядке... Хей-хо! То ли еще будет?»

— На сколько ты хочешь, чтобы мы уехали? — заплакала Речел. — Будет ли конец? Если бы только я могла вернуть его, Луис, клянусь, я бы лучше смотрела за ним! Этого бы никогда не случилось, а все потому, что тот водитель ехал чересчур быстро, и я не успела... мы... не знаю, может, это обидно, но это правда. Я снова и снова возвращаюсь к этим событиям. Ведь его же на части разорвало, Луис, я не могу успокоиться даже когда засыпаю: во сне я вижу это снова и снова. Вижу, как он выбегает на дорогу... я кричу ему...

— Ш-ш-ш, — только и сказал Луис. — Речел, ш-ш-ш! Она прижалась к груди Луиса заплаканным лицом.

— И не важно, пусть он даже стал бы плохим, Луис. Только бы вернуть его... пусть бы грузовик проехал минутой раньше... Мисси Дандридж позвонила, когда я плакала... и сказала, что в «Американце» прочитала: водитель грузовика пытался покончить с собой.

— Что?

— Он пытался повеситься в гараже. Он был в шоке и глубокой депрессии, по крайней мере, так написано...

— Е... твою мать! Этим же он ничего не исправит, — рассердившись, проговорил Луис, и его голос прозвучал как-то отрешенно. Он почувствовал холодок, прокатившийся вдоль позвоночника. «Это место имеет определенную силу, Луис... оно и раньше было полно силы, и ты помог ему снова наполниться силой». — Мой мальчик мертв, а шофера отпустили под залог, и он, почувствовав депрессию, попытался совершить самоубийство, когда у него на девяносто дней отобрали водительские права — просто хорошенько шлепнули по рукам...

— Мисси сказала, что в Эллсведе все все обо всех знают. И шофер не напился. Он не наглотался наркотиков. Он же не делал ничего плохого, просто, проезжая через Ладлоу, чересчур сильно надавил педаль газа. Потом он сам говорил, что не знает, почему так сделал. Итак, снова, снова и снова...

...чересчур сильно надавил на педаль газа.

Место набирало силу...

Луис отогнал эти мысли. Он нежно сжал запястье жены.

— Позвони своим родителям. Сделай это. Не нужно, чтоб ты и Элли торчали тут еще один день.

— Никуда не поеду без тебя, — сказала она, — Луис, я хочу, чтобы мы... мне нужно, чтобы мы были вместе.

— Я приеду через три дня... самое большое через четыре, — если все пойдет нормально, Речел и Элли смогут вернуться сюда через сорок восемь часов. — Я должен доделать все дела и, наконец, оформить отпуск в университете. Я не стану задерживаться, только договорюсь об отпуске, к тому же я не хочу, чтобы Саррендра оставался... Пока нас не будет, за домом присмотрит Джад, но я хочу отключить электричество и отопление. Тут тогда воцарится холод.

— Школа Элли...

— Черт возьми! Какие-то три недели! Они поймут, что у нас такие вот семейные

обстоятельства. А начальство легко оформит мне отпуск. Все устроится...

— Луис?

Он замолчал.

— Что?

— Что ты скрываешь от меня?

— Ничего, — он посмотрел на Речел открыто, честно. — Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Разве нет?

— Нет, конечно, нет.

— Ничего, пустяки. Я сейчас позвоню родителям, раз ты этого хочешь...

— Да, — проговорил Луис, и эти слова звоном отозвались у него в голове.

— Так, может, даже будет и лучше... для Элли, — Речел посмотрела на него. Тусклые красные от валлиума, глаза. — Ты выглядишь лихорадочно возбужденным, Луис. Так, словно ты что-то задумал.

Она подошла к телефону и позвонила в гостиницу, где остановились ее родители, до того, как Луис смог ответить.

* * *

Голдмены обрадовались просьбе Речел. Их не удивили слова Луиса о том, что он приедет к ним через два-три дня, но, в конце концов, они могли все понять. У Луиса не было ни малейшего желания возвращаться в Чикаго. Он даже запел бы, если бы мог выйти на улицу, или найти в доме укромный уголок, где его никто бы не услышал. Удача по-прежнему сопровождала его. От Бангора до Чинкиннати в самолете оказалось свободное место, а в самолете из Чинкиннати в Чикаго свободных мест не оказалось. Это означало, что Речел и Элли будут путешествовать в сопровождении Голдменов только до Чинкиннати, а в Чикаго смогут вылететь только через три часа, на следующем рейсе.

«Словно по волшебству все так здорово складывается, — подумал Луис, опустив трубку телефона. И Джад у него за спиной быстро произнес: „Это место и раньше набиралось силой... и я боюсь... Ах ты, е... й в рот! — голос Джада стал грубее, словно и вовсе не он это говорил. — Я наблюдал странные вещи, которые происходят в округе последние десять месяцев, мой друг. И я готов поверить, что магия этой земли опять сильна. Именно волшебство помогло тебе достать два авиабилета. А ты разве так не думаешь, дружок?“

Нет, не говорил Джад этих слов.

— Мне надо собраться, — сказала Речел. Она заметила, как Луис записал номер заказа авиабилетов на бумажке.

— Возьми один большой чемодан, — сказал Луис. Речел посмотрела на мужа, широко открыв глаза от удивления, чуть испуганно.

— Один чемодан на двоих? Луис, ты шутишь?

— Ну, ладно, возьми пару сумок поменьше. Но не мучайся, пакуя различные безделушки, которые могут понадобиться тебе в течение трех следующих недель, — сказав, он подумал: «Не бери их потому, что может оказаться, тебе очень скоро придется вернуться назад, сюда, в Ладлоу». — Возьми то, что нужно на неделю... дней на десять. Можешь забрать чековую книжку и кредитные карточки. Купишь все, что нужно в Чикаго.

— Но мы не в состоянии... — с сомнением начала она. Она, казалось, сомневалась во всем, но уступала, слегка сконфузившись. Луис вспомнил ее удивление и то, что она сказала, когда он подарил ей драгоценный камень на цепочке.

— У нас есть деньги, — сказал Луис. — Ладно... я уверен, мы можем использовать деньги, отложенные на школу Гаджу, если понадобится, хотя день или два понадобится, чтобы снять их со счета, и неделя на то, чтоб забрать наличные.

Она снова сморщилась, но потом успокоилась. Луис крепко обнял ее. «Она права. Ее

отъезд поможет сохранить все в тайне».

— Не надо, Речел, — сказал он. — Не плачь.

Но она уже больше не могла сдерживаться... она плакала.

* * *

Когда Речел уже собирала чемодан, наверху зазвонил телефон. Луис взял трубку, думая, что это кто-то из авиакомпании насчет билетов, и им хотят сказать, что произошла ошибка и полет отменяется. «Я никогда не думал, что все пройдет так гладко!»

Но это звонили не из авиакомпании. Звонил Ирвин Голдмен.

— Я позову Речел, — сказал Луис.

— Нет, — мгновение Ирвин ничего не говорил, Тишина. «Может, он сидит там и пытается решить, кого позвать в первую очередь». Потом Голдмен снова заговорил. Голос его был напряженным. Казалось, отец Речел выдавливает слова, борясь против огромного внешнего сопротивления.

— Это с тобой я хотел поговорить. Дора хотела, чтобы я позвонил и извинился за свою... свое поведение. Я решил... Луис, я решил, что тоже хочу извиниться...

«Да ну, Ирвин! Как же можно! Мой бог, кажется, я расплачусь от умиления!»

— Не стоит извиняться, — ответил Луис. Его голос прозвучал сухо и механически.

— Я вел себя непростительно, — продолжал Голдмен. Теперь уже не казалось, что он выплевывает слова, он ими откашливался. — Твое предложение относительно того, чтоб Речел и Элли отправились с нами... как мало мне нужно...

Что-то очень фамильярное прозвучало в его голосе, что-то сверхъестественно фамильярное...

Потом Луис понял это, и его рот неожиданно сжался в тонкую линию, словно он проглотил кусочек лимона. Звонок Голдмена, после того как Речел объявила о том, что он едет в Чикаго (она-то об этом до последнего момента и не подозревала), был равносителен ее заявлению: «Луис, извини, что я такая подлая сука». Но мы-то знаем, что, став сукой, Речел выжимала из Луиса все, что хотела. Тут звучали нотки, похожие... вырвать Речел из ее жизни... оторвать ее от мужа... ее отец говорил примерно так: «Извини, Луис, что я такой ублюдок».

Старик получил назад свою дочь и внуку. Из Мэйна они сбежали домой, к папочке. Учтиво сбежали, улетели на самолете авиакомпании «Дельта и Унитэд». Они вернулись назад в родные пампасы, туда, откуда их забрал, уволок силой дикарь Луис. Теперь Ирвин мог позволить себе великодушие. Этот старый козел считал, что выиграл... «Давай-ка забудем, Луис, что я избил тебя над телом твоего умершего сына; про то, что пнул тебя, когда ты упал, а потом своротил гроб, вывалив наружу то, что осталось от моего любимого внука. Давай-ка забудем об этом. Давай считать прошлое — прошлым... Ужасно звучит, Ирвин, старый ты х... Хотел бы я, чтобы еще кто-нибудь из нас помер, интересно, тогда твой характер изменится?»

— Все в порядке, мистер Голдмен, — спокойно сказал Луис. — Все... все будет хорошо... это было тяжело для всех нас...

— Немножко неверно, — запротестовал старик, и Луис понял, хоть и не хотел этого: Голдмен не слишком уж хороший политик, раз не извинился за то, что он ублюдок. Но свекор почти плакал и голос его дрожал. — Это для всех нас ужасный день. Спасибо. Спасибо тебе от глупого, лысого старика. Я приму свою дочь, раз она нуждается в моей помощи... я приму ее, но, может быть, ты, Луис... тоже в ней нуждаешься. То, что ты поступил так, после той драки — в общем, я сейчас чувствую себя как подонок. И думаю, поделом мне!

«Только бы он замолчал, иначе я назову его так, как я считаю нужным — Ублюдок!!!»

— Может, Речел говорила тебе, Луис, у нас ведь была еще одна дочь.

— Зельда, — сказал Луис. — Да, Речел рассказывала мне о Зельде.

— Это очень тяжело, — проговорил Голдмен дрожащим голосом. — Очень тяжело для всех нас. А для Речел, особенно, возможно... вообще Речел присутствовала, когда умерла Зельда... для Доры все случившееся тоже очень тяжело и для меня... Дора сильно переживает...

«Так ты думаешь о Речел? — захотел закричать Луис. — Ты думаешь, что твоя дочь не очень уж и расстроилась? Двадцать лет и она снова оказалась в тени Смерти. Снова! Плохая, ужасная вещь случилась снова! Просто чудо, что она не загремела в е... ю психушку. Не говори мне о том, как тяжело тебе и твоей жене, ты — ублюдок!»

— С той поры, как умерла Зельда, мы... мы цепляемся за Речел... всегда хотим уберечь ее... и что-то для нее сделать. Разрешить те проблемы, которые возникают у нее... так мы поступали раньше. Помогали ей...

Да, старик почти плакал! Почему же он плакал? Для Луиса было бы проще, если бы Ирвин придерживался своей полной ненависти политики. Было бы проще. Луис намеренно вызвал в памяти образ Голдмена, который полез в карманчик жилета за чековой книжкой... и неожиданно на заднем плане этой картины появилась Зельда Голдмен — беспокойный дух в загаженной кровати. Ее породистое еврейское личико исказила злоба, руки вытянулись, став клешнями. Дух Голдменов! Оз — Веикая и Ушшасная.

— Спасибо, — сказал Луис. — Спасибо, мистер Голдмен... Ирвин... Но теперь давайте не будем делать так, чтобы было еще хуже, ладно?

— Теперь я верю, что ты — хороший человек. Я ошибался в тебе, Луис. Ах, послушай... я знаю, что ты думаешь, что я — дурак. Ты думаешь, я говорю все это потому, что могу теперь все это сказать. Ты, конечно, думаешь: он добился того, чего хотел, и снова пытается меня купить, но... Луис, я клянусь...

— Не надо больше, — мягко сказал Луис. — Я не могу... я на самом деле не могу поехать, — теперь и его голос дрожал. — Простите меня за то, что я не еду, ладно?

— Хорошо, — сказал Голдмен и вздохнул. Луис решил: «Это — вздох облегчения». — Но я скажу снова: прошу прощения. Можешь не принимать мои извинения. Но все, что я хочу сказать, Луис: я прошу простить меня.

— Хорошо, — ответил Луис. Он закрыл глаза. В голове у него гудело. — Спасибо вам, Ирвин. Ваши извинения приняты.

— Спасибо тебе, — сказал Голдмен. — И еще раз спасибо за то, что они поедут в Чикаго. Возможно, это как раз то, в чем они обе нуждаются. Мы будем ждать их в аэропорту.

— Хорошо, — ответил Луис, и неожиданно у него появилась идея. Была она безумная и в то же время совершенно нормальная. Пусть прошлое станет прошлым... и пусть Гадж лежит в своей могиле на кладбище «Плеasantвиев». Действительно, вместо того, чтобы пытаться приоткрыть дверь, которая так быстро захлопнулась, он лучше бы опустил двойной засов и выбросил ключ. Еще он подумал, как скажет о Гадже своей жене, когда все случится. Развезть все эти страхи и купить еще один билет! Ведь они могут провести в Чикаго все лето. Он, его жена и их милая дочь. Они сходят в зоопарк и планетарий, покатаются по озерам. Он возьмет Элли на вершину «Башни Морей» и покажет ей «Средний Запад», вытянувшийся словно огромная плоская игральная доска — богатую и заснувшую страну. Потом, уже в середине августа, они вернутся домой, и дом уже не будет казаться им таким печальным, полным теней, и, возможно, они все начнут заново. И не будет никакого изуродованного Гаджа.

Но не означает ли это: убить собственного сына? Убить во второй раз?

Внутренний голос пытался спорить, убеждать, что это совсем не здорово, воскрешать мертвецов, но Луис не слушал.

— Ирвин. Сейчас я должен идти. Я хочу проверить, все ли собрала Речел и легла ли она в кровать.

— Все в порядке. До свидания, Луис. И, пожалуйста, больше...

«Если он повторит это еще раз, я к еб... й матери закричу».

— До свидания, Ирвин, — сказал он и повесил трубку.

* * *

Речел уже закончила разбирать вещи, когда он поднялся наверх. Блузки лежали на кровати, нижнее белье висело на спинках стульев, чулки — на дверной ручке. Туфли, словно солдаты на параде, выстроились под окном. Речел собиралась медленно, но действовала последовательно. Однако, Луис видел, что Речел такими темпами потребуется как минимум три дня (а может, и все четыре). У Луиса возникло желание поговорить с ней об этом, но вместо этого он просто стал помогать ей.

— Луис, — сказала она, когда они уже укладывали последний чемодан (Луис сидел на чемодане, а Речел пыталась застегнуть замки), — ты уверен, что ничего не хочешь мне рассказать?

— Во имя бога, дорогая, о чем ты?

— Не знаю, о чем. — ровно сказала она. — Вот поэтому и спрашиваю.

— Как ты думаешь, что я собираюсь делать? Отправляюсь в бордель? Пойду по рукам? Что?

— Не знаю... Но все равно, поездка в Чикаго кажется мне неправильной. У меня такое ощущение, что ты просто пытаешься избавиться от нас.

— Речел, это смешно! — яростно и немного сердито возразил Луис. Даже в таком положении, как сейчас, он досадовал, что она заметила его ложь с такой легкостью.

Речел безнадежно улыбнулась.

— Ты никогда не умел хорошо лгать, Луис. Он снова запротестовал, но она его перебила.

— Элли приснилось, что ты умер, — сказала она. — В прошлую ночь она проснулась с криками, и я подошла к ней. Я прилегла рядом с ней и проспала так два или три часа, а потом вернулась назад, к тебе. Элли сказала, что во сне видела тебя сидящим за кухонным столом. Глаза твои были открыты, но она знала: ты мертв. И еще она сказала, что еще раньше слышала крики Стива Мастертонна, пытавшегося тебя остановить.

Луис испуганно посмотрел на жену.

— Речел, — наконец сказал он. — Умер ее брат. Естественно, что во сне она видит других членов семьи...

— Подозреваю, ее сны нечто большее. То, как она рассказала мне... детали... мне показалось, это пророческий сон. Речел слабо усмехнулась.

— Может, так все и случится...

— Да, может, и так, — сказал Луис. «Кажется, это и впрямь пророчество».

— Пойдем в кровать, — попросила Речел. — Валлиум больше не действует, а я не хочу быть одна. Я боюсь. Последние дни меня мучают кошмары.

— Кошмары?

— Сны о Зельде, — просто сказала Речел. — Я вижу их последние несколько ночей... с тех пор, как умер Гадж. Когда я засыпаю, появляется она. Она говорит, что скоро придет ко мне, и в этот раз доберется до меня. Они вместе доберутся до меня: она и Гадж и отомстят за то, что я позволила им умереть.

— Речел, это...

— Я знаю. Только сон. Нормальные сны... Но все равно, пойдем спать вместе, и пусть эти сны растают, когда ты будешь рядом.

* * *

Они лежали вместе в темноте, забившись в угол Луиса.

— Речел, ты не спишь?

— Да.

— Я хочу у тебя спросить...

— Ну?

Луис заколебался. Он не хотел снова причинить жене боль, но ему нужно было выяснить.

— Ты помнишь, как мы испугались за малыша, когда ему только исполнилось девять месяцев? — наконец спросил он.

— Да. Да. Конечно. А почему ты спрашиваешь?

..Когда Гаджу только исполнилось девять месяцев, Луис начал волноваться относительно размера черепа своего сына. Луис сверился с диаграммами, на которых был обозначен нормальный размер черепа ребенка в первые месяцы после рождения. За четыре месяца череп Гаджа прошел большую часть кривой развития за год, а потом даже опередил положенный график. У Гаджа не было проблем, он свободно поднимал голову (теперь-то со смертью Гаджа проблема и вовсе исчезла), но тогда Луис, на всякий случай, отвез сына к нейрологу Джорджу Тардиффу, который, возможно, был лучшим нейрологом на Среднем Западе. Речел хотела знать, что не так, и Луис сказал ей правду: он боялся, что Гадж гидроцефалик. Лицо Речел тогда очень побледнело. Она стала печальной.

— Он кажется мне вполне нормальным, — сказала она мужу. Луис кивнул.

— И мне тоже. Но я не хочу игнорировать тревожный сигнал.

— Да, ты не должен, — сказала она. — Мы не должны! Тардифф смерил череп Гаджа и нахмурился. Потом тыкнул двумя пальцами ребенку в лицо — проверка реакции. Гадж отпрянул. Тардифф улыбнулся. У Луиса чуть отлегло от сердца. Тардифф дал Гаджу поддержать мяч. Гадж некоторое время держал его, а потом уронил. Тардифф вернул мяч ребенку, глядя в глаза Гаджу. Гадж следил за мячом.

— Я скажу, что пятьдесят пять процентов за то, что он — гидроцефалик, — позже, в своем кабинете сказал Тардифф Луису. — Но, может быть, это просто какая-то странная особенность. Если даже с ним что-то не то, болезнь пока слабо выражена. Ребенок выглядит нормальным. Недавно разработанная операция может решить проблему... если, конечно, такая проблема существует.

— Хирургическая операция на мозг? — сказал Луис.

— Мозг затрагивается минимально.

Луис начал изучать этот вопрос после того, как встревожился из-за размера головы Гаджа. Операция на мозг, в результате которой можно было отлить излишек мозговой жидкости, не казалась ему такой уж опасной. Но он молчал, решив для себя: лучше, если операции и вовсе не будет. — Конечно, — продолжал Тардифф, — существует возможность того, что ваш сын уже в девятимесячном возрасте (раньше операцию делать нельзя) будет иметь чересчур большую голову и тогда операцию будет делать поздно. Понимаете?

Луис понимал.

Гадж провел ночь в Христианском Госпитале. Ему сделали полную анестезию. Его головку упрятали в специальное приспособление, которое выглядело словно сушилка для одежды. Речел и Луис ждали внизу результатов полного исследования, а Элли провела день с бабушкой и дедушкой, смотрела «Сезам Стрит» часа три без остановки по видео. Для Луиса это были долгие, серые часы, когда он сидел и представлял себе возможные неудачные варианты операции. Смерть от анестезии; смерть во время операции. Гадж мог стать дебилом из-за гидроцефалии или эпилептиком... Он мог ослепнуть... Ох, да могло случиться все, что угодно. «Полный комплект болезней, — подумал Луис, вспомнив.

— А ведь я же всего-навсего простой терапевт».

Около пяти в комнату для родителей зашел Тардифф. У него с собой было три сигареты. Одну он сунул в рот Луису, вторую вручил Речел (она была слишком изумлена, чтобы возражать), а третью закурил сам.

— Ваш ребенок в порядке. Никакой гидроцефалии.

— Слава богу, — сказала Речел и одновременно засмеялась.

— Я буду курить, пока не вытошнит!

Усмехнувшись, Тардифф дал всем прикурить. «Тогда Бог спас Гаджа чтобы принести

его в жертву 15 шоссе, доктор Тардифф», — подумал Луис.

— Речел, если бы он был гидроцефаликом... ты любила бы его?

— Что за странный вопрос, Луис?

— Да или нет?

— Любила бы, конечно. Я не могла бы не любить Гаджа.

— Даже если бы он превратился в дегенерата?

— Да.

— И ты не захотела бы отдать его в приют?

— Нет, не захотела бы, — медленно ответила Речел. — Я уверена, с теми деньгами, что ты сейчас зарабатываешь, мы смогли бы подыскать ему какое-то по-настоящему хорошее место... но все же думаю, я хотела бы, чтобы он остался с нами, если бы мы смогли... Луис, почему ты спрашиваешь об этом?

— Потому что я думал о твоей сестре Зельде, — сказал он, хоть и сам был удивлен столь очевидным ответом. — Не думаю, чтобы ты смогла через это пройти.

— Такого не будет, — сказала она немного удивленно. — Гадж., ладно Гадж — это Гадж. Он наш сын и это все меняет. Я бы точно смогла. Я уверена. Я бы решила... а ты бы отправил его в лечебницу? В место вроде Пинленда?

— Нет.

— Тогда давай спать.

— Хорошая идея. — Мне кажется, сейчас я смогу заснуть, — сказала она. — Я хочу, чтоб этот день, наконец, кончился.

— Аминь! — сказал Луис.

Через некоторое время, сонным голосом Речел позвала Луиса:

— Ты в порядке, Луис... такие сны и кошмары?..

— В порядке, — прошептал он и поцеловал ее в лоб. — Теперь спи.

«Сны Элли выглядят словно пророчество».

Он еще долго не мог заснуть и перед тем, как ему это все же удалось, изогнутая кость Луны уже появилась в окне у него над головой.

ГЛАВА 43

Следующий день выдался теплым, и Луис вспотел, перетаскивая багаж Речел и Элли, получая их билеты. Он полагал, что должен сделать им на прощание какой-то подарок, и почти не чувствовал боли в сердце от того, что отправлял свою семью на самолете в Чикаго.

Элли ушла в себя, и вела себя немного странно. Несколько раз за утро Луис замечал, что выражение лица девочки странно задумчиво.

«Словно у нее сработал глубоко заправанный комплекс», — сказал он сам себе.

Елена ничего не сказала родителям, когда узнала, что вместе с мамой отправляется в Чикаго, и, возможно, пробудет там до конца лета, но прежде чем отправиться в путь, ей надо позавтракать («Кокао Беарс»). После завтрака она молча поднялась наверх и надела платье и туфли, которые выбрала для нее Речел. Фотографию с Гаджем, сидящим на санках, она потащила с собой в аэропорт. Она спокойно сидела на одном из пластиковых кресел в зале, пока Луис отстоял очередь и, наконец, получил их билеты, грузовые и посадочные талоны.

Мистер и миссис Голдмены приехали за сорок минут до начала посадки. Ирвин Голдмен выглядел опрятно (даже не потел) в кашемировом пальто на подкладке, несмотря на восемнадцать градусов тепла. Он отправился к столу фирмы «Авис», сдать ключи от машины, которую они брали напрокат, а Дора Голдмен под села к Речел и Элли.

* * *

Некоторое время Луис и Голдмен просто изучали друг друга. Луис опасался, что начнется реприза о моем сыне, но ничего подобного не случилось. Голдмен удовлетворился

тем, что пожал руку Луису и тихо поздоровался, растерянным взглядом наградил он своего зятя, и Луис понял, что этот человек уже с утра изрядно выпил.

Они поднялись на эскалаторе и присели в зале ожидания, почти не разговаривая. Дора Голдмен, нервничая, теребила в руках роман Эрика Йонга, но так и не открыла его. Она по-прежнему немного нервно поглядывала на фотографию, которую держала в руках Элли.

Луис спросил дочь, не хочет ли она прогуляться с ним к киоску, выбрать что-нибудь почитать, чтоб ей было не скучно на борту самолета.

Элли задумчиво посмотрела на отца. Луису это не понравилось. Он разнервничался.

— Тебе будет хорошо с бабушкой и дедушкой, — сказал он, когда они немного отошли.

— Да, — согласилась девочка. — Папочка, а я не стану как ленивый офицер? Анди Пасиока рассказывал о ленивом офицере и о том, как тот ходил в школу шкиперов...

— Не волнуйтесь об этом, — сказал отец. — Я позабочусь о школе, так что ты потом без всяких проблем перейдешь во второй класс.

— Я на это рассчитываю, — серьезно заметила Элли. — Я никогда не училась во втором классе, только в первом. Я не знаю, как это: учиться во втором классе. И, наверное, там будут задавать домашние задания?

— Все будет хорошо.

— Папа, а тебе наплевать на деда? Луис уставился на дочь.

— Почему во всем мире именно у меня... ты думаешь, я не люблю деда?

Элли пожалала плечами, словно это не так уж сильно и интересовало ее.

— Когда ты говоришь с ним, ты выглядишь так, словно тебе на него плевать.

— Элли, нехорошо так говорить.

— Извини.

Она наградила отца странным, обреченным взглядом, а потом повернулась к рядам книг: Марсер Майер, Мориц Сендак, Ричард Скорри, Беатрис Поттер и другие известные имена, в том числе доктор Сеусс. «Как эти детские писатели все понимают? Откуда они так много знают о детях? Что знает Элли? Какое это влияние на нее оказывает? Элли, что ты прячешь за маской, надетой сейчас на твое бледное, маленькое личико? Плевать на него... о. Господи!»

— Могу я взять это, папочка! — девочка держала в руках книгу доктора Сеусса и еще одну книгу, которую Луис последний раз видел в раннем детстве, — историю о Маленьком Черном Самбо и о том, как в один прекрасный день тигры приобрели свои полосы.

«Я думал, они уже не издадут эти книги», — ошеломленно подумал Луис.

— Да, — ответил он дочери, и они встали в очередь в кассу. — Твой дед не хорошо относился друг к другу, — сказал он и подумал об истории, которую рассказала ему его мать: если женщина по-настоящему хочет, она «находит» ребенка. Он вспомнил, как глупо и опрометчиво пообещал себе, что никогда не будет врать собственным детям. За последние несколько дней он превратился в опытного лжеца, он сам это чувствовал, но он не хотел думать об этом сейчас.

— Угу, — только и сказала Элли и замолчала. Это молчание показалось Луису очень тяжелым. Чтобы разрушить его, он спросил:

— Как ты думаешь, тебе будет хорошо в Чикаго?

— Нет.

— Нет? Почему нет?

Она снова печально посмотрела на него.

— Я боюсь.

Луис положил руку ей на голову.

— Боишься? Дорогая, ты раньше не боялась летать, ведь так?

— Я не самолета боюсь, — ответила девочка. — Ты же знаешь, чего я боюсь, папа. Я видела во сне, что мы были на кладбище, на похоронах Гаджа... открыли гроб, а он — пустой. Потом, во сне, я перенеслась домой, заглянула в колыбель Гаджа, а она тоже

оказалась пустой... но такой грязной!

«Лазарь шагнул вперед...»

Впервые за много месяцев Луис вспомнил предупреждение мертвого Паскова... сон, после которого у него оказались грязные ноги... простыни оказались в грязи и сосновых иглах.

Волосы на затылке Луиса встали дыбом.

— Такие сны бывают, — проговорил Луис. Голос его звучал почти нормально. — Но они пройдут.

— Я хочу, чтобы ты улетел с нами, — сказала девочка, — или чтоб мы остались тут. Может, мы останемся, пап? Пожалуйста! Я не хочу, чтобы мы летели с бабушкой и дедушкой... я хочу вернуться в школу. Ладно?

— Вернешься, но немного погодя, Элли, — сказал он. — Я обещаю, — он сглотнул. — Вот я улажу тут некоторые дела, а потом присоединюсь к вам. Тогда мы решим, что делать дальше.

Он использовал аргумент, который был в стиле раздраженной Элли. Такой поворот дел мог бы обрадовать девочку, если бы она в этом что-то понимала. Но ответом ему была только пугающая тишина. Луис хотел поподробнее расспросить дочь о ее снах, но не посмел. Элли всегда говорила ему больше, чем он рассчитывал услышать.

* * *

После того, как Луис и Элли вернулись в зал ожидания, объявили их рейс. Открыли широкие двери, Криды и Голдмены встали в длинную очередь на посадку. На прощание Луис обнял свою жену и крепко ее поцеловал. Речел на мгновение прижалась к мужу, а потом отодвинулась, чтобы он, подняв Элли, мог прижать ее к своей щеке.

Элли печально посмотрела на отца.

— Я не хочу уезжать, — снова тихо сказала она и только Луис услышал ее шепот. — Я не хочу, чтобы мамочка уезжала.

— Элли, иди, — сказал Луис. — С тобой все будет в порядке.

— Со мной все будет в порядке, — повторила она. — А как же ты? Папа, а как же ты?

Очередь пришла в движение. Люди шли на посадку на 727-й, Речел взяла Элли за руку, но за мгновение до того, как она растворилась в людской массе, глаза девочки остановились на Луисе... и Луис вспомнил, как торопилась Элли, когда улетала в Чикаго в прошлый раз: «Пойдем... пойдем... пойдем...»

— Папочка.

— Иди, Элли. Пожалуйста.

Речел посмотрела на дочь и словно в первый раз заметила ее испуганный взгляд.

— Элли? — позвала она, тут и Луис немного испугался. — Встань в очередь, крошка.

Губы Элли побледнели и задрожали, а потом жена и дочь исчезли, но уже там, у дверей, Элли обернулась, и Луис увидел откровенный ужас, написанный на ее детском личике. Луис помахал ей вслед рукой, подбадривая.

Но Элли не помахала ему в ответ.

ГЛАВА 44

Когда Луис вышел из здания аэропорта, холод нахлынул на него. Он начал сознавать, через что ему придется пройти. Мысленно, несмотря на возбужденное состояние, которое стало еще невыносимее, чем в тот период его жизни, когда, занимаясь в институте (Луис шесть дней в неделю пил кофе с 5 утра до одиннадцати вечера), Луис попытался еще раз все продумать, сложить отдельные части так, словно ему предстояло сдавать экзамен — самый важный из всех, что он когда-либо сдавал. И он должен его сдать, получив высший балл-Луис поехал к Бреверу — маленькому городку на другой стороне реки Пенобскот, за

Бангором. Луис обнаружил место для В противоположной стороне улицы от магазина Скоатсона.

— Могу ли я вам чем-то помочь? — спросил продавец.

— Да, — сказал Луис. — Мне нужен фонарь помощнее и... что-нибудь, чтоб зачехлить его, чтоб он давал узкий луч. Продавец был маленьким, тонким человеком с высоким лбом и внимательными глазами. Теперь он улыбался, но не по-доброму.

— Фонарик для взломщиков, приятель? — Извините?

— Для работы в ночное время?

— Не только, — сказал Луис, ничуть не улыбаясь. — У меня нет лицензии взломщика.

Продавец замолчал, но потом решил продолжать.

— Другими словами, не суй нос не в свое дело, так? Ладно, посмотрим... кстати вы не сможете подобрать фонарик с узким лучом, так что лучше всего взять кусок войлока и закрыть им световой круг, а в войлоке прорезать маленькое отверстие — вот вам и узкий луч.

— Хороший совет, — сказал Луис. — Спасибо.

— Не за что. Что-нибудь еще?

— Да, пожалуй, — сказал Луис. — Мне нужны: кирка, лопата и заступ. Лопата с короткой ручкой и заступ с ручкой подлиннее. Моток крепкой веревки, футов восемь длиной, пара рабочих перчаток. Холщовый или брезентовый мешок, может, футов восемь в длину.

— Сейчас принесу, — сказал продавец.

— Мне нужно откопать баллон с ядохимикатами, — попытался объяснить Луис. — Все выглядит так, словно я готовлюсь осквернить какие-то могилы, но я просто не хочу беспокоить соседей и вызывать лишние разговоры. Не знаю, удастся ли мне сделать узким луч, но я думаю, стоит попытаться. Я же должен попробовать. Может, все получится удачно.

— Конечно, конечно, — сказал продавец. — Лучше не совать нос в чужие дела.

Луис послушно засмеялся. Он купил на 58. 60 всякого барахла и заплатил наличными.

* * *

В то время, как цены на бензин начали подниматься, семья Кридов все реже и реже использовала большую машину. Иногда у нее барахлили рулевые системы, но Луис откладывал ремонт, отчасти потому, что не хотел выбрасывать сотню долларов на ветер, но в большей мере потому, что это большая морока... Теперь же, когда и в самом деле нужно было использовать большой, старый динозавр, он был не на ходу. Правда, у «Цивика» был багажник, но Луис нервничал по поводу того, что должен будет вернуться в Ладлоу с киркой, лопатой и заступом. У Джада Крандолла хорошие глаза. Его нельзя было недооценить. Джад сразу поймет, в чем дело.

Подумав так, Луис решил, что необязательно возвращаться в Ладлоу. Луис пересек Чамберяинский мост и, приехав в Бангор, снял номер в мотеле Ховарда Джонсона... неподалеку от аэропорта и рядом с кладбищем «Плеасантвиев». Луис зарегистрировался под именем Джи. Джи Рамона и за комнату заплатил наличными.

Луис попробовал вздремнуть, решив, что сможет отдохнуть здесь до наступления ночи. Он читал в какой-то Викторианской новелле: «Тяжелая работенка предстояла ему в ту ночь...», может, даже последняя работенка в его жизни...

Но Луис тешил себя иллюзиями, что это не так.

Анонимный постоялец, он лежал на кровати в мотеле под плакатом неопределенного происхождения. На плакате были изображены суда в доке на фоне старой пристани, а подпись внизу уверяла, что это сфотографировано где-то в Новой Англии. Луис лежал не раздеваясь, только ботинки снял: бумажник, деньги и ключи лежали на столе перед ним. Он заложил руки за голову. Луису было холодно, он чувствовал себя оторванным от людей, от мест, которые когда-то считал привычными для себя, даже от своей работы. Может, в этом мире и не было никакого отеля... ни Сан Диего, ни Далласа, ни Бангкока, ни Чарлотт

Амали... Луис был где-то в мире ином. Но вот у него родилась странная мысль: до того, как он вернется в привычные места, он увидит лицо своего сына.

План все еще прокручивался у него в голове. Луис обдумывал все детали, проверял план, пытаясь предусмотреть все препятствия, все слабые места и найти дыры. И Луис чувствовал, что на самом деле он идет по узкой ниточке, натянутой над бездонной бездной. Безумно было все вокруг, и словно где-то над головой у него хлопали крылья сов, вылетевших на охоту; сов с огромными золотистыми глазами. Луис сходил с ума.

Голос Тома Раша эхом отдавался у него в голове:

— О, Смерть, холодны твои руки... я чувствую их на коленях своих... в период разлуки... А может быть, ты, Смерть, явилась ко мне?..

Безумие. Безумно все вокруг, и кольцо сжимается, надвигается на него.

Он балансировал на грани реальности, изучая свой план.

Вечером, около одиннадцати часов, он вытащит сына из могилы, извлечет его тело из гроба, где оно лежит, запихнет разрезанного на куски, а потом сшитого кое-как, Гаджа в мешок и положит мешок в багажник «Цивика». Он вернет гроб на место и зароет могилу, поедет в Ладлоу, вытащит тело Гаджа из машины... и отправится на прогулку... Да, именно на прогулку...

Если Гадж вернется, у Луиса будет два выхода. Первая возможность: Гадж вернется Гаджем, может, заторможенным или медлительным в движениях (только в самых отдаленных тайниках своего разума Луис лелеял надежду на то, что Гадж вернется таким, как был, точно таким же, как он был раньше... ведь, правда, и такое возможно, не так ли?), но оставшись его сыном, сыном Речел, братом Элли.

С другой стороны, Луис мог увидеть некое чудовище, которое придет по лесной тропинке. Он допускал, что появление чудовища вполне возможно; даже не чудовища, а демона — существа Зла, гостя из Немира, который может вселиться в воскресшее тело, так как душа Гаджа уже отлетела.

В любом случае: он и его сын останутся одни. И он будет...

«Я поставлю правильный диагноз».

Да. Так и будет.

«Я поставлю правильный диагноз не только его телу, но и духу. Я сделаю скидку на травму от несчастного случая, который он может помнить, а может и не помнить. Поставив его перед собой, как Черча, я определю, что с ним. И может быть, мне удастся вернуть Гаджа в семью, потому что я-то все успею сделать в течение сорока восьми часов, максимум семидесяти двух часов с момента смерти. Но если изменения окажутся такими уж серьезными... или если Гадж вернется таким же как Тимми Батермен — злым существом... я его убью!»

Как доктор, он чувствовал, что сможет вторично убить Гаджа, если Гадж станет вместилищем некоего духа зла... совершенно точно он сделает это. Луис не представлял себе всю трудность приведения в исполнение подобного приговора и всю заманчивость отмены его. Он считал, что сможет убить Гаджа так же, как смог бы убить крысу — разносчицу бубонной чумы. И никаких мелодрам. Растворенная таблетка, может, даже парочка для верности. Если необходимо, инъекция. У него в саквояже есть морфин. На следующую ночь он вернет безжизненное тело на кладбище «Плеасантвиев», положит его назад и не станет испытывать удачу во второй раз. Никто даже не узнает, что он попытался это сделать. Он легко и безопасно поэкспериментирует с альтернативой Хладбища Домашних Любимцев, и у него по-прежнему не будет сына... Тому, что он собирался поступить именно так, было много причин. Возвращать же труп на кладбище в случае неудачной попытки Луис решил потому, что единственным местом, где он бы потом смог в третий раз похоронить Гаджа, было Хладбище, но дети, которые хоронят на Хладбище своих любимцев, могли случайно раскопать могилу через год, пять или десять лет. Когда-нибудь кто-нибудь мог натолкнуться на трупик Гаджа. И существовала еще одна причина. Хладбище Домашних Любимцев было слишком... близко.

Закончив эксперимент, он полетит в Чикаго и присоединится к своей семье. Ни Речел, ни Элли не должны были знать об этом рискованном эксперименте.

Потом Луис рассмотрел другой путь — так, если все не получится, как он рассчитывает. Тогда после «экзаменационного периода» он и Гадж оставят их новый дом, уедут ночью. Он возьмет с собой только самое необходимое... бумаги там разные, и больше он никогда не вернется в Ладлоу. Он и Гадж на время останутся в мотеле, может, даже в том самом, где он лежит сейчас.

На следующий день, утром, он пересчитает все наличные деньги, включая чеки Американ Экспресс («перед тем, как уехать из дому со своим воскресшим сыном, надо не забыть ими запастись», — подумал он) и все обратит в наличку. Он и Гадж куда-нибудь отправятся, скорее всего во Флориду. Оттуда он позвонит Речел, расскажет ей, где он, скажет, чтоб она взяла Элли, купила билеты на самолет, не говоря отцу и матери, куда отправляется. Луис верил, что сможет уговорить свою жену поступить именно так. «Ни о чем не спрашивай, Речел. Только приезжай. Прямо сейчас. Сию минуту».

Он скажет ей, где он (они) остановились. Какой-нибудь мотель. Речел и Элли возьмут напрокат машину. Он возьмет Гаджа, когда пойдет открывать им дверь. Может, даже разденет его до плавок, чтобы было видно, что это не розыгрыш.

А потом...

Ах, о том, что будет дальше, он старался не думать. Он вернулся назад и начал все сначала. Он был уверен, что если все сработает, это будет означать начало новой жизни, в которой не будет Ирвина Голдмена, использовавшего свою чековую книжку, чтобы разлучить их. Вот так-то.

Неожиданно Луис припомнил, как они приехали в этот дом. Он вновь ощутил нервозность... все, что случилось тогда: свой испуг, желание убежать и устроиться врачом в Диснейленде. Может, все так и произойдет.

Луис увидел себя, одетого в белое. Он возвращал к жизни беременную женщину, которая по глупости отправилась на «Магическую Дорогу» и лишилась чувств. «Разойдитесь! Разойдитесь! Ей нужен воздух!» — услышал он свой голос. Беременная женщина открыла глаза, а потом с благодарностью ему улыбнулась.

Его мысли отвлеклись от приятных фантазий. Луис уснул. Он спал, а в это время его дочь, летящая в самолете, проснулась, закричав от ужаса, сжав руки и испуганно вытаращив глаза. Самолет пролетал над Ниагарским водопадом. Луис спал, когда стюардесса пробежала вдоль ряда кресел посмотреть, что случилось. Он спал, когда Речел, совершенно измотанная, пыталась утешить Элли. Он спал, а Элли кричала снова и снова: «Это Гадж! Мамочка, это Гадж! Гадж жив! Он утащил скальпель из папиного саквояжа! Не дай ему найти меня! Не дай ему добраться до тебя... до папочки!»

Луис спал, а Элли, наконец, успокоившись, прижалась к груди матери. Ее глаза были широко открыты, полны слез. Тогда Дора Голдмен подумала, что это... самое ужасное, что могло случиться с Элли. И Дора вспомнила, какой была Речел после смерти Зельды.

Луис спал и проснулся в пять пятнадцать, когда угасли лучи солнца.

«Дурная работа», — подумал он глупо и встал.

ГЛАВА 45

Когда самолет Соединенных Штатов, совершающий рейс 419, коснулся взлетно-посадочной полосы аэропорта О'Хара и десять минут четвертого высадил пассажиров — все шло по расписанию, Элли Крид почти оправилась от истерики. Речел все еще была сильно напугана.

Если бы вы в этот момент осторожно прикоснулись к плечу Элли, она бы подскочила и уставилась на вас, словно вы чудовище. Она сильно, не переставая, дрожала, словно ее бил электрический ток. Слишком страшным был кошмар, привидевшийся во сне в самолете, но это... Речел просто не знала, как справиться с этим.

Когда Элли дошла до зала ожидания, ноги у нее подкосились, и она просто рухнула. Она не могла подняться, так и лежала на ковре, а мимо проходили люди (некоторые смотрели на нее с симпатией, но отвлеченно; люди, которые едут транзитом и не могут позволить себе роскоши волноваться по пустякам). Элли так и лежала, пока Речел, наконец, не подняла ее, не взяла девочку на руки.

— Элли, что с тобой? — спросила Речел.

Но Элли не ответила. Они прошли через зал к багажным стойкам, и там Речел увидела своих маму и папу. Родители ждали дочку и внучку. Речел махнула им свободной рукой, и они подошли.

— Мы решили подождать вас тут, — сказала Дора. — Речел? Что с Еленой?

— Ей нехорошо.

— Где тут туалет, мамочка? Мне нужно туда.

— О, боже! — отчаянно проговорила Речел, прижимая к себе дочь. Женский туалет был в другом конце зала и Речел с Элли поспешили туда.

— Речел, мне помочь? — спросила Дора.

— Нет. Получите багаж. Вы знаете, как выглядят чемоданы и вот вам квитанции. У нас все будет в порядке.

Слава богу, что женский туалет оказался пуст. Речел отвела Элли к унитазу, предварительно опустив десятицентовик, и увидела, что («Слава богу, что замки на всех трех кабинах сорваны!») в одной из кабинок на стене простым карандашом было написано:

«Сэр Джон Краппер — Еб... я свинья!»

Речел распахнула дверцу. Элли, постанывая, держалась за живот. Она дважды рыгнула, но ее не вырвало. Всего лишь сухие позывы к рвоте. И все на нервной почве.

Когда Элли почувствовала себя немного лучше, Речел отвела ее к раковине и вымыла лицо дочери. Элли была бледной и под глазами у нее появились круги.

— Элли, в чем дело? Ты не могла бы мне рассказать?

— Я не знаю, — ответила девочка. — Но я знаю: что-то не так с папочкой. С ним что-то не так с того момента, как он заговорил об этой поездке. С ним что-то не так.

«Луис, что ты скрываешь? Ты ведь что-то скрываешь? Я вижу это, даже Элли видит».

Речел ведь тоже нервничала весь день, словно ждала какого-то удара — неприятного известия. Она чувствовала, что ей два или три дня осталось до месячных и была напряжена до предела, в любой момент готова рассмеяться или расплакаться... или закричать от головной боли, которая, словно пуля, пронзала ее мозг время от времени, последние три часа.

— Что? — проговорила она, обращаясь к отражению Элли в зеркале над раковиной. — Дорогая, что же не так с папочкой?

— Я не знаю, — ответила Элли. — Это был сон. Что-то связанное с Гаджем. И может быть, даже с Черчем. Я не помню. Я не знаю.

— Элли, что ты видела во сне?

— Я во сне была на Кладбище Домашних Любимцев, — начала Элли. — Паксов привел меня на Кладбище и сказал, что папочка хочет явиться туда и совершить нечто ужасное.

— Паксов? — Стрела ужаса пронзила сердце Речел. Почему это имя показалось ей таким знакомым? Казалось, она и раньше слышала его... или какое-то похожее имя... но она не могла никак вспомнить, где она его слышала. — Ты видела сон о том, как кто-то по имени Паксов отвел тебя на Хладбище Домашних Любимцев?

— Да. Это он сказал, что его так зовут. И... — глаза девочки неожиданно округлились.

— Ты вспомнила что-то еще?

— Он сказал, что послан предупредить, но не может вмешиваться. Он сказал, что будет... я не знаю... что будет рядом с отцом, потому что отец был рядом с ним, когда его душа от... от... я не помню! — разрыдалась Элли.

— Дорогая, — сказала Речел. — Я думаю, ты видела во сне Хладбище, потому что

думала о Гадже. И я уверена: папочка все делает правильно. Теперь тебе лучше?

— Нет, — всхлипнула Элли. — Мамочка, я боюсь. А ты не боишься?

— Нет... ет, — ответила Речел, слегка встряхнув головой... но на самом деле она боялась. Речел боялась, а это имя Паксов, казалось ей почему, знакомым. Она чувствовала, что слышала его в связи с чем-то ужасным несколько месяцев или даже лет назад, и это заставляло ее нервничать.

Она чувствовала что-то... что-то назревающее, набухающее — нарыв ужаса, готовый лопнуть. Что-то ужасное. И необходимо было остановить этот ужас. Но что же должно случиться?

— Я уверена, все будет хорошо, — сказала она Элли. — Хочешь, пойдем назад к бабушке и дедушке?;

— Ладно, — без всякого желания согласилась Элли.

Пуэрториканка завела в женский туалет своего маленького сына, страшно ругая его. Большое мокрое пятно красовалось на «бермудах» малыша, и, на мгновение, с парализующим отчаяньем Речел показалось, что это Гадж. Горе, словно новокаин, подавило излишнюю нервозность.

— Пойдем, — сказала она Элли. — Мы позвоним папочке, когда приедем к дедушке домой. — Он тоже был в шортах, — неожиданно сказала Элли, глядя на малыша.

— Кто, дорогая?

— Паксов, — ответила Элли. — Во сне он был в красных шортах.

Снова имя Паксова заставило что-то шевельнуться в душе Речел, а потом она почувствовала слабость в коленях... но надо было идти...

Они добрались до отделения выдачи багажа. Речел издали увидела шляпу отца. Он, единственный тут, носил шляпу. Дора Голдмен стояла у окна, рядом с двумя чемоданами. Речел посадила Элли на один из них.

— Ты чувствуешь себя лучше, дорогая? — спросила Дора у внучки.

— Немного лучше, — ответила Элли. — Мамочка-Девочка повернулась к Речел и замолчала. Речел качнулась вперед, зажав рукой рот, ее лицо побледнело. Она вспомнила тот ужасный случай с Песковым. Конечно, Речел не знала всего... она пыталась припомнить детали. Конечно...

— Мамочка?

Речел медленно повернулась к дочери, и Элли услышала, как скрипят суставы ее матери. Речел медленно отняла руку от рта.

— Как ты называла человека, который пришел к тебе во сне, Элли?

— Мамочка, ты...

— Человек во сне называл свое имя. Ну же? Дора посмотрела на свою дочь, потом на внучку так, словно они обе сошли с ума.

— Да, но я не могу вспомнить... не торопи меня... Опустив глаза, Речел увидела, что рукой, словно маньяк, она сжимает предплечье Элли.

— Это был Виктор? Элли резко выдохнула.

— Да, Виктор! Он сказал, что его зовут Виктор! Мамочка, ты тоже видела его во сне?

— Не Паксов, — продолжала Речел. — Песков?

— Так и сказала: Ласков.

— Речел, что случилось? — спросила Дора. Она взяла Речел за руку и вздрогнула от холода. — Так что же с Еленой?

— Дело не в Елене, — ответила Речел. — Дело в Луисе. Я так думаю. С Луисом что-то не то. Посиди с Элли, мам. Я хочу позвонить домой.

Речел направилась к телефонным будкам, выгребая из карманов монетки. Она набрала телефон, но никто не ответил.

— Может, попробуете позвонить позже? — спросил ее оператор телефонной станции.

— Да, — согласилась Речел и снова взялась за трубку. Некоторое время она просто смотрела на телефонный аппарат.

«Он сказал, что послан предупредить, но не может вмешиваться. Он сказал, что будет... будет рядом с отцом, потому что отец был рядом с ним, когда его душа от... от... я не помню!»

— Отлетела! — прошептала Речел. Ее пальцы сжали сумочку. — Мой Бог, вот что это было за слово.

Она попыталась собраться с мыслями. Там, в Ладлоу что-то происходило, что-то сверхъестественное, связанное со смертью Гаджа и их неожиданным отлетом. Как Элли могла узнать о молодом человеке, который умер на руках у Луиса?

«Не могла она о нем узнать, — безжалостно ответила Речел сама себе. — Ты же прятала ее от всего, что связано со Смертью... Даже от возможной Смерти ее кота. Вспомни тот глупый спор! Ты оберегала ее от этого. Потому что боялась тогда и боишься сейчас! А того парня звали Виктор Пасков. Виктор Пасков, почему же сейчас такая отчаянная ситуация, Речел? Настолько все плохо? Что, черт побери, происходит?»

Ее руки дрожали так сильно, что только со второй попытки ей удалось достать новую монету, чтобы позвонить миссис Чарлтон. Нет, в Лазарете Луиса не было, и все удивились бы если бы он сегодня вышел на работу. В голосе Чарлтон звучали нотки симпатии. Почувствовав это, Речел попросила передать, если, конечно, Луис появится на работе, чтоб он перезвонил домой, к ее родителям. Да, номер у него есть, ответила Речел на вопрос Чарлтон. Не стоит говорить медсестре (которая, возможно, и так знает, но Речел показалось, что не знает), что дом ее родителей находится в противоположном конце континента.

Повесив трубку, Речел почувствовала, что взмокла и дрожит.

Она слышала имя Паскова где-то еще, точно. Мой боже... Какое-то ускользающее воспоминание... Может, обрывки собственного сна? Речел что-то тоже знала, но не могла вспомнить. И слово... вроде бы это какое-то трудное слово, вроде «дискорупоративный» или «дискорпаративный», так что ли? Все это ерунда... подсознанию нужна только какая-нибудь маленькая зацепочка.

Речел вспомнила преподавателя психологии в колледже. Этот преподаватель утверждал, что при правильном подходе ваша память может выдать имена всех людей, которых вы когда-либо знали, вы могли бы перечислить все, что когда-либо ели, вспомнить, какая погода была в любой день вашей жизни. Он приводил удивительные примеры такого сверх внимания, говоря, что человеческий мозг — компьютер с невероятным объемом памяти... не то 16, не то 32 или даже 64 биллиона мегабайт, а может, и намного больше. Скажем, несколько тысяч биллионов. И каковы возможности каждого человеческого «чипа» относительно записи информации? Никто не знал. Но такие возможности просто невероятны, — так говорил преподаватель. Осталось только научиться в нужный момент извлекать необходимую информацию. Факт: сознание повернуто, замкнуто на себя и некоторые из его участков не дают воспользоваться необходимой информацией. «Вы не можете вспомнить, где оставили вечером ваши носки, — говорил преподаватель, — но после определенной подготовки сможете цитировать с любого места Энциклопедию Британики, которая и займет-то несколько крошечных ячеек вашей памяти».

Этот пример вызвал смех аудитории.

«Но тут-то не класс по психологии с хорошим флуоресцентным освещением, с привычными надписями на доске и каким-нибудь щеголеватым ассистентом профессора, который бодро курсирует туда-сюда вдоль доски с периодом в пятнадцать минут. Иногда возникает какая-то ужасная ошибка и вы знаете об этом — чувствуете это. Я не знаю, дело тут в Паскове, или, даже в Гадже, или тут Черч замешан... но что-то происходит с Луисом. Что? Это есть...»

Неожиданно возникшая мысль обожгла Речел, словно прикосновение к студенистой медузе. Она снова схватилась за телефон и, опустив монету, снова начала набирать номер. «Может, Луис собирается совершить самоубийство? Может, именно поэтому он отослал их, просто выставил их за дверь? А Элли как-то... а... ох... еб... я психология! Может, у нее какая-то психологическая вспышка или что-то в таком духе?»

В этот раз Речел звонила Джаду Крандоллу. Телефон звонил пять минут... шесть... семь. Она уже хотела бросить трубку, когда кто-то на противоположном конце провода поднял трубку и спросил:

— Алло?

— Джад? Джад, это...

— Минутку, мадам, — сказал оператор. — Вы же собирались звонить по номеру, записанному за Луисом Кридом и, видимо, перепутали последнюю цифру номера.

— Все в порядке, — сказал Джад.

— Извините, вы правильно набрали номер, или нет?

— Она попала куда нужно.

Возникла пауза, в течение которой оператор переводил на нормальный английский речь старика.

— Благодарю. Всего хорошего, мадам. Оператор отключился.

— Джад, вы сегодня Луиса видели?

— Сегодня? Нет, Речел. Утром я уезжал в Бреввер, заехал в магазин. Потом был у себя дома, в саду. А почему вы спрашиваете?

— Ах, может быть, ничего важного, но Элли в самолете приснился плохой сон, и я подумала, было бы легче, если бы я смогла...

— В самолете? — голос Джада задрожал. — Где вы, Речел?

— Чикаго, — сказала она. — Элли и я на время полетели к моим родителям.

— А Луис с вами не поехал?

— Он должен присоединиться к нам в конце недели, — сказала Речел, и в ее голосе послышалось волнение. Джаду ее голос не понравился.

— Это он подал вам мысль отправиться в Чикаго?, — В общем... да. Джад, что-нибудь не так? Что-то не так, да? И вы об этом что-то знаете?

— Может, вы расскажете мне, что видел ребенок во сне? — попросил Джад после долгой паузы. — Я хочу помочь вам.

ГЛАВА 46

Поговорив с Речел, Джад надел легкое пальто — день выдался облачным, дул сильный ветер. Старик пересек дорогу, направившись к дому Луиса, но прежде чем перейти дорогу, он остановился на обочине и внимательно посмотрел направо и налево. Никаких грузовиков. Проклятые грузовики!

Джад почувствовал зов Хладбища Домашних Любимцев... и чего-то еще, расположенного дальше. Оттуда уже не раз звала его соблазнительная колыбельная, голос, обещающий покой и сверхъестественную силу. И сейчас он звучал ниже и гораздо зловеще-угрожающе и зловеще. «Эй, ты, остановись-ка тут».

Но Джад не остановился. Чувство долга заставляло его идти вперед.

Джад увидел, что «Хонды Цивик» в гараже нет. Только большой форд... но выглядел он пыльным, видно, им давно не пользовались. Джад попробовал заднюю дверь дома. Она оказалась открытой.

— Луис! — позвал старик, зная, что Луис не ответит, но ему хотелось нарушить мертвую тишину, царящую в доме. О старость, она как игла в заднице... руки и ноги Джада плохо слушались старика и двигались медленно. Спина причиняла ему мучения, после двух часов работы в саду. Джаду казалось, что кто-то вонзил сверло в его левую лодыжку.

Методично заглянув во все комнаты, высматривая что-то — «самое древнее, что разрушило мир», — подумал он без всякого юмора, и продолжал осмотр. Он не обнаружил ничего, что могло бы его серьезно беспокоить: коробки игрушек стояли, приготовленные для Армии Спасения, одежда малыша висела за дверью его комнаты на крючках... может, он ошибся, но детская кроватка снова стояла в комнате Гаджа. А так больше ничего особенного, но в доме возникало какое-то неприятное чувство пустоты... а может, и еще чего похуже.

«Может, стоит смотаться на кладбище домашних любимцев или на кладбище „Плеасантвиев“? Посмотреть, как там дела. Может, туда отправился Луис Крид? Я мог бы купить ему обед или чем-то еще помочь?»

Но не на кладбище «Плеасантвиев», в Бангоре, что-то затаилось, а тут, в доме.

Джад вышел и снова пересек дорогу, вернулся к себе домой. Он вытащил шесть банок пива из холодильника, отнес их в гостиную, сел у большого окна и стал ждать, разглядывая дом Кридов, попивая пиво и выкуривая сигарету за сигаретой. Наступил полдень и так же, как часто делал в последние годы, он стал мысленно возвращаться в прошлое все дальше и дальше по расширяющейся спирали. Если бы не состояние Речел, он сказал бы ей, что ее дочь, кажется, рассказала ей правду насчет Луиса, но когда вы становитесь старым, то каким-то образом все в вашем организме начинает работать медленнее и медленнее, и еще: вы обнаруживаете, что со сверхъестественной точностью вспоминаете места и лица. Воспоминания старика стали ярче, цвета постепенно приобрели подлинную насыщенность, голоса растворились в многоголосом эхе времени, и возник своеобразный резонанс. Какие-то неясные ассоциации...

Мысленно Джад увидел быка Лейстера Моргана — Ханратта. Глаза быка Налились красным, что-то изменилось в его внешнем виде и манере движения. На улицах качались деревья, и листья танцевали джигу на ветру. Так было, пока Лейстер не выдержал и снова не убил быка... Тогда все бревна вокруг загородки Ханратта были ободраны от безмолвной ярости огромного зверя. Голова быка была разодрана до кости и блестела от крови. Когда Лейстер прикончил Ханратта, его вырвало от страха... то же самое Джаду хотелось сделать прямо сейчас — блевануть!

Джад пил пиво и курил. Дневной свет померк, но старик света не включал. Теперь Джад стал даже прикрывать рукой кончик горячей сигареты, потому что маленький красный огонек далеко виден во тьме. Вот так он и сидел: пил пиво и следил за домом Луиса Крида. Он верил в то, что Луис вернется домой, тогда-то Джад выйдет и хорошенько поговорит с ним, заставит Луиса отказаться от того, что он задумал.

И тут Джад почувствовал что-то еще, какую-то тошнотворную силу, которая таилась в дьявольском месте, где хоронили Микмаки. Он почувствовал запах гнили, тот запах, что шел из-под пирамидок...

«Стой подальше, старик. Стой подальше или ты очень-очень пожалеешь».

Джад сидел, пил пиво, курил... и ждал, пытаясь не обращать внимания на предупреждение.

ГЛАВА 47

Пока Джад Крандолл устраивался у себя дома, занимал позицию у окна, Луис съел обильный, безвкусный обед в столовой Ховарда Джонсона.

Обед был совершенно мерзким... как раз то, в чем нуждалось его тело. Снаружи уже стемнело. Свет фар проезжающих машин напоминал пальцы. Луис ковырялся в тарелке. Кусок чего-то... Лопнувший помидор... Рядом тарелка бобов, ярко-зеленого цвета. Клин яблочного пирога и вазочка мороженого, которое сверху полито какой-то чепухой. Луис сидел в углу зала, наблюдая, как входят и выходят люди, удивляясь: что, если тут появится кто-то из тех, кого он знает? Непонятно почему он хотел, чтобы так именно и случилось. И тогда ему зададут вопросы:

«Где Речел? Что ты делаешь здесь? Что дальше?» Такие вопросы могли привести к осложнениям. А может, осложнений он и искал? Может, он просто искал возможность отступить?

И если придерживаться фактов, пара, которую он знал, появилась в зале, когда он прикончил яблочный пирог и вторую чашечку кофе. Род Гриннелл — доктор из Бангора и его хорошенькая жена Барбара. Луис ждал, что они узнают его, усядутся за его столик. Но официантка повела их в дальний конец зала, и Луис потерял их из вида. Правда, иногда ему

удавалось разглядеть в той стороне какое-то белое пятно — преждевременно поседевшую голову Гриннелла.

Официантка принесла Луису счет. Луис вздохнул, записал номер своей комнаты, чтобы все заплатить сразу, и вышел через заднюю дверь.

На улице набирал силу ветер. Он заунывно стонал, заставляя дребезжать телефонные провода. Луис не видел звезд, но чувствовал, как у него над головой на большой скорости проносятся облака. Мгновение Луис постоял на дорожке, засунув руки в карманы, подставив лицо ветру. Потом он повернул назад, вернулся в свою комнату, включил телевизор. Было еще слишком рано идти на кладбище, а ночной ветер уже набрал полную силу. Луис разнервничался.

Часа четыре Луис смотрел телевизор, до восьми, плюс-минус полчаса. Передавали какое-то комедийное шоу. Луис решил, что очень много времени прошло с тех пор, как он спокойно, без перерыва, в таких количествах смотрел телевизор.

В Чикаго завывала Дора Голдмен:

— Лететь назад? Дорогая, почему ты хочешь лететь назад? Ты должна остаться здесь.

В Ладлоу, Джад Крандолл сидел у окна, курил и пил пиво, вспоминая прошлое и ожидая возвращения Луиса. Рано или поздно, Луис вернется домой, как в старых фильмах, всегда возвращается домой собака Лесси. Существовал и другой путь к Хладбищу Домашних Любимцев и к тому, что лежит за ним, но Луис не знал об этом. Если он решит сделать это, он вынужден будет отправиться в дорогу, избрав местом старта задний двор своего дома.

А Луис думал не о том, что будет. Луис сидел и смотрел телевизор. Раньше он никогда не видел этот телесериал, но слышал неопределенные рассказы: черная семья, белая семья, белый маленький ребенок, который был грубее богатых взрослых, с которыми жил, прислуга, женщина, вышедшая замуж, разведенная женщина... Луис смотрел эту жвачку, сидя в кресле, и, время от времени, он поглядывал за окно в ветреную ночь.

Когда по телевизору объявили, что уже одиннадцать часов, Луис выключил телевизор и начал воплощать в жизнь свои планы. Возможно, в это мгновение он видел перед собой бейсбольную шапочку Гаджа, лежащую на дороге, пропитанную кровью. Снова ему стало холодно, еще холоднее, чем раньше, но кроме холода было что-то еще... тлеющие угли нетерпения, любви и вожделения. Не важно. Эти чувства согрели его от холода и спасли от ветра. Посмотрев на свою «Хонду», Луис почувствовал, что, может, Джад и прав, говоря о растущей силе того места; Луис чувствовал сейчас какую-то силу, которая вела его (или подталкивала), и он удивлялся.

«Смогу ли я остановиться? Смогу ли я остановиться, если даже захочу?»

ГЛАВА 48

— Чего ты хочешь? — снова спросила Дора. — Речел... ты расстроена... тебе надо выспаться...

Речел только покачала головой. Она не объяснила своей матери, почему хотела вернуться назад. Желание вернуться нарастало в ней, словно поднимался ветер — легкое движение в траве, больше ничего; потом воздух начинал двигаться быстрее и быстрее, порывы превратились в сверхъестественный вихрь, дом затрясся и Речел показалось, что это ураган, а если ветер станет еще сильнее, он все сметет на своем пути. В Чикаго было шесть часов. В Бангоре Луис ел безвкусный обед, а Речел и Элли только слегка прикоснулись к еде. Речел подняла глаза от тарелки и обнаружила, что Элли внимательно смотрит на нее, словно спрашивая, что там за неприятности у папочки? Может, она может чем-то помочь в меру своих детских способностей?

Речел ждала, когда зазвонит телефон, позвонит Джад и скажет, что Луис вернулся домой. Один раз телефон и правда позвонил... Речел вскочила, Элли едва не разлила стакан с молоком, но звонили Доре. Звонила приятельница Доры по бридж-клубу, хотела узнать,

вернулась ли Дора и как у нее идут дела.

Голдмены и Речел с Элли пили кофе, когда Речел, неожиданно отбросив салфетку, встала и заявила:

— Мама... папа... извините, но я еду домой. Если будет самолет, я улечу этой ночью...

Голдмены удивленно посмотрели на нее. Элли закрыла глаза, явно почувствовав облегчение... Это было бы даже смешно, если бы кожа Речел не приобрела воскового оттенка.

Голдмены не понимали, и Речел не могла больше ничего объяснить; не могла рассказать ничего, кроме ощущения этих порывов ветра, теперь таких слабых, что едва ли они могли заставить покачнуться даже тонкую травинку. Она не верила в то, что Элли получила известие от мертвого Виктора Паскова, но этот факт отложился к ней в памяти.

— Речел, дорогая, — медленно заговорил ее отец, дружелюбно заговорил, так дружелюбно, как только мог говорить тот, кто пытается успокоиться и не впасть в истерику. — Причина всего — смерть твоего сына. Ты и Элли должны хорошо понимать это, и кто может вас в чем-то обвинить? Но ты сделаешь только хуже, если попытаешься...

Речел не ответила ему. Она подошла к телефону, нашла «Аэропорт» в желтом справочнике и набрала номер, в то время как Дора стояла рядом и говорила ей, чтобы она даже не думала об этом; они даже говорить об этом не хотят... а за ее спиной, насупившись, стояла Элли... и присутствие дочери придавало храбрости Речел.

— Аэропорт, — легко произнес голос на другом конце провода. — Меня зовут Ким. Чем я могу помочь вам?

— Надеюсь, чем-нибудь да сможете, — ответила Речел. — Мне этой ночью обязательно нужно попасть из Чикаго в Бангор. Я боюсь... это крайне необходимо. Можете ли вы зарезервировать место для меня?

Ким ответил с сомнением:

— Да, мэм. Но это будет дорого...

— Тогда, пожалуйста, зарезервируйте, — попросила Речел немного хрипло. — Денег у меня хватит.

— Да, мэм. Подождите, пожалуйста, — на другом конце провода трубку отложили в сторону.

Речел закрыла глаза и через мгновение почувствовала прикосновение чьей-то холодной руки. Она открыла глаза и увидела, что рядом с ней стоит Элли. Ирвин и Дора стояли чуть подальше и спокойно о чем-то говорили, глядя на них: «Так смотрят на людей обычно тогда, когда считают их лунатиками». Речел охватило тяжелое предчувствие. Собрав все свое мужество, она улыбнулась Элли.

— Не дай им остановить тебя, мамочка, — сказала Элли низким голосом. — Пожалуйста.

— Не остановят, моя старшенькая... — сказала Речел, а потом содрогнулась... они стали называть Элли «старшенькой», когда родился Гадж. Но кому же теперь она может быть старшей сестрой?

— Спасибо, — сказала Элли.

— Это очень важно, ведь так? Элли кивнула.

— Дорогая, я верю тебе. Но ты pomoжешь мне, если не станешь больше говорить. Это же был всего лишь сон?

— Нет, — возразила Элли. — Не только... нечто большее. Это пронизывает меня. Разве ты не чувствуешь, мамочка? Что-то похожее...

— Что-то похожее на ветер? Элли согласно вздохнула, кивнув. — Но ты не знаешь, что это? Ты не помнишь, что тебе снилось?

Элли серьезно задумалась, а потом неохотно покачала головой.

— Папочка, Черч. И Гадж. Я не все помню. Но я не помню, что их связывает, мамочка. Я не помню... Речел крепко обняла ее.

— Все будет хорошо, — сказала она, но тяжесть на сердце не исчезла.

— Да? — удивилась Речел, прижав к уху телефонную трубку и по-прежнему прижимая к себе Элли.

— Я думаю, мы сможем доставить вас в Бангор, мэм, но вы прилетите поздно ночью. Устроит?

— Не важно, ответила Речел.

— У вас есть ручка? Вам надо записать.

— Да. Я готова, — сказала Речел, взяв карандаш. Она приготовилась писать на обратной стороне конверта, лежащего возле телефона.

Речел внимательно слушала, записывая некоторые цифры. Кончив разговаривать по телефону, она сложила буквой «о» указательный и большой палец и показала Элли. Все в порядке. «Точнее, скорее всего, все в порядке, — поправила она. — Некоторые моменты выглядели достаточно сомнительно... особенно одна пересадка».

— Запишите все на счет, — сказала Речел. — И благодарю вас. Служащий записал имя Речел и номер ее кредитной карточки. Когда Речел, наконец, повесила трубку, у нее дрожали руки.

— Папа, ты отвезешь меня в аэропорт?

— Может быть, я должен сказать «нет», — заявил Голдмен. — Я думаю, я возьму всю ответственность на себя. В конце концов, это — безумие...

— Тыне посмеешь остановить маму! — закричала Элли. — Это не безумие. Нет!

Голдмен моргнул и отступил.

— Отвези ее, Ирвин, спокойно сказала Дора в наступившей тишине. — Я тоже начинаю нервничать. Я тоже почувствовала бы себя лучше, если бы узнала, что у Луиса все в порядке.

Голдмен посмотрел на жену и потом повернулся к Речел.

— Я отвезу тебя, если ты хочешь, — сказал он. Я... Речел, я поеду с тобой, раз ты так хочешь. Речел покачала головой.

— Спасибо, папа, но там вряд ли будет второй билет. Такое впечатление, что Бог зарезервировал тот билет специально для меня.

Ирвин Голдмен тяжело вздохнул. Мгновение он выглядел очень старым, и неожиданно Речел показалось, что ее отец очень похож на Джада Крандолла.

— У тебя есть время собрать чемодан, — сказал он. — Мы отправимся в аэропорт минут через сорок, и если я воспользуюсь дорогой, какой ездил с твоей мамой, когда мы только поженились, то мы успеем. Найди какой-нибудь большой чемодан.

— Мамочка, — позвала Элли. Речел повернулась к ней. Лицо девочки блестело от пота.

— Что, дорогая?

— Будь осторожна, мамочка, — попросила Элли.

ГЛАВА 49

Деревья были всего лишь шевелящимися тенями на фоне облачного неба, а дальше, у горизонта мерцал огнями аэропорт. Луис припарковал «Хонду» на улице Масон. Эта улица ограничивала кладбище «Плеасантвиев» с юга: ветер тут был таким сильным, что едва не вырвал дверцу машины из рук Луиса. Ему пришлось напрячь руку, чтобы удержать дверцу. Ветер набросился на куртку Луиса, когда он вышел из машины. Луис вытащил кусок брезента и завернул в него свои инструменты.

Он спрятался в тени между двумя уличными фонарями: стоял на обочине с парусиновым мешком и осторожно оглядывался. Луис не хотел, чтоб его видели, если это, конечно, могло помочь ему. Никто не должен был увидеть и запомнить его.

Рядом беспокойно постанывали на ветру старые вязы. Луис задумался о том, как бы самому не свернуть шею в темноте. Боже! Как он боялся! Не просто опасное мероприятие, а безумное дело!

Никакого движения на улице. Фонари отбрасывали белые круги — белые пятна на

тротуаре. По этому тротуару днем, после того как заканчивались занятия в Файрмоунтской школе ехали по домам на велосипедах мальчики, а девочки прыгали на скакалках, скакали по классикам, и никто из них не обращал внимание на близость кладбища, кроме как накануне Хеллоуина, когда шуточные, призрачные нити расползались над улицами. Возможно, они иногда пересекали и эту улицу, и дети вешали вырезанные из бумаги скелеты на железных воротах высокой ограды, хихикая над старыми шутками: «Это самое популярное место в городе Почему? Умерев, все люди отправляются сюда... Почему нельзя смеяться над могилами? Потому что все однажды оказываются их жильцами».

— Гадж, — прошептал он. Гадж был там, за этой железной оградой, несправедливо заключенный в саван темной Земли. И вот это-то не шутки. «Покатаем-ка кости. Твои кости, Гадж! — подумал Луис. — Или мне повезет, или выиграет Смерть!»

Луис пересек улицу с тяжелым свертком в руках, огляделся по сторонам и перебросил сверток через ограду. Тот тихо звякнул, ударившись о землю. Отряхнув руки, Луис пошел вдоль ограды. Даже если он забудет, где перебросил инструменты через ограду, он просто пройдет вдоль ограды с внутренней стороны, пока не остановится напротив «Циника» и там-то он и найдет свои инструменты.

Но будут ли ворота открыты так поздно?

Луис пошел вдоль улицы Мэсон, а потом остановился. Ветер гнал за ним, заставляя чуть пригибаться. Тени танцевали, извиваясь по дороге.

Он повернул за угол на улицу Пласант, направляясь к воротам кладбища. Свет фар машины заскользил вдоль улицы, и Луис осторожно шагнул в сторону, спрятавшись за вяз. Полицейская машина. Луис увидел, как одинокий автомобиль проехал по улице Хаммонд. Когда машина проехала, Луис пошел дальше.

«Конечно, ворота окажутся запертыми. Так и будет!»

Луис добрался до ворот, которые напоминали собор, выкованный из железа. Тонкое, грациозное сооружение, шевелящееся в играющем свете качающихся на ветру фонарей. Луис попробовал калитку.

Заперто!

«Ну, ты и придурок! Калитка заперта... или ты на самом деле думал, что муниципалитет оставляет кладбище незапертым после одиннадцати часов? Что никто не несет ответственности за сохранность могил? Что же делать теперь?»

Теперь он должен будет перелезть через ограду, устроить шоу в духе Карлсона; изобразить самого старого в мире ребенка, который вместо того, чтоб летать с моторчиком, перелезает через железную ограду.

«Эй, полиция? Я только выгляжу самым старым в мире ребенком, перелезающим через изгородь на кладбище „Пласантвиев“. Просто я люблю мертвых! Конечно, я выгляжу словно грабитель могил. Ребачливость? Ах, нет. Я серьезно интересуюсь мертвыми. Не можете ли мне отрыть одного из покойников?»

Луис прошел дальше вдоль ограды кладбища и повернул направо на следующем углу. Высокая железная решетка возвышалась над ним. Ветер стал холоднее и капли пота на лбу и на висках высохли. Его тень стала маслянистой и более бледной в свете уличных фонарей. Время от времени он поглядывал на ограду, а потом остановился, набрался сил, чтобы осмотреть ее повнимательнее.

«Ты хочешь перелезть через барьер? Не смей меня!»

Луис Крид был достаточно высоким человеком, чуть выше шести футов и двух дюймов, а ограда была чуть выше девяти футов. Каждый прут изгороди венчалось декоративное, похожее на пику, острие. Декоративным оно будет до тех пор, пока вы не залезете наверх, а потом не соскользнете ногой и не обрушитесь всем своим весом в двести фунтов... сядете верхом на один из этих стрелообразных наконечников. Вот тогда-то лопнут ваши яички! Именно так и будет, а вы окажетесь свиньей, насаженной на вертел, и будете завывать, пока кто-то не вызовет полицию; а потом приедет полиция, снимет вас и отвезет в госпиталь. Луис продолжал потеть. Мокрая рубашка прилипла к спине. Стояла тишина, которую

изредка нарушали автомобили, проскальзывающие вдали, по улице Хаммонд.

Но ведь можно же как-то проникнуть на кладбище!

«Должен быть выход... Повернись, Луис, лицом к фактам. Ты, должно быть, сошел сума, но ты же не сумасшедший. Может, тебе и удастся забраться на эту изгородь, но надо быть хорошим гимнастом, чтобы не напороться на острие, словно бабочка. И даже если тебе удастся залезть на кладбище, как ты перелезешь назад с телом Гаджа?»

Луис шел по тротуару, завершая прогулку вокруг кладбища. Ничего дельного ему в голову пока не пришло.

«Все правильно, вот в чем дело... Еще чуть-чуть и я поеду домой в Ладлоу и вернусь назад завтра, после обеда. Завтра я пройду через ворота часа в четыре, найду какое-нибудь укрытие до полуночи или еще до более позднего времени. Я, другими словами, должен ждать до завтра... Великая идея! О, Луис, — великий комбинатор!.., и в то же время, что я стану делать с большим мешком, который перебросил через стену? Кирка, мешок, потайной фонарь?.. То же самое, что поставить себе на лоб штамп гробокопателя — Грабителя Могил. Кто-то ведь сможет обнаружить его, черт побери!»

Все чувства на пределе. Но не было ощущения того, что все идет не так; сердце подсказывало Луису, что он уже не сможет завтра вернуться. Он не сможет вернуть себя в такое же безумное состояние... Только один раз, только один раз он мог решиться совершить такое.

Впереди показалось несколько домов... замигал квадрат желтого света на другой стороне улицы, и один раз Луис даже увидел отсветы работающего черно-белого телевизора и, посмотрев через изгородь, он увидел, что тут могилы были древнее, более округлые, иногда чуть покосившиеся в ту или иную сторону. Морозы и оттепели в течение многих лет. Сигнал стоп. Знак поворота направо. Луис повернул на улицу, параллельную улице Масона. А когда он вернется к тому месту, откуда начал, то что? Выбросить почти сотню долларов на снаряжение, а потом ходить вокруг да около?

Машина с включенными фарами свернула на улицу, по которой он шел. Луис шагнул за дерево, ожидая, пока машина проедет. Машина же двигалась очень медленно. Через мгновение белые лучи света ударили справа по тротуару, а потом пробежали по опасной ограде. Сердце Луиса сжалось. Полицейская машина, следила за кладбищем.

Луис вжался в дерево, содрал кожу на щеке, надеясь, что дерево достаточно толстое, чтобы спрятать его. А свет фар все приближался. Луис опустил голову, попытавшись скрыть белое, блестящее от пота, лицо. Пятно света достигло дерева, исчезло на мгновение, а потом метнулось к ограде уже за спиной Луиса. Тот быстро скользнул вокруг дерева. На мгновение взгляд Луиса остановился на темной мигалке на крыше автомобиля. Луис подождал, пока хвостовые, габаритные огни не засветятся ярко-красным светом. Он боялся, что вот сейчас неожиданно откроются двери, луч фонарика упрется в него, словно белый, указующий перст. «Эй, вы... вы, тот, кто там прячется за деревом! Выходите, чтоб мы могли увидеть вас, мы хотим увидеть, что у вас в руках ничего нет! Подойдите, сейчас же!»

Полицейская машина проехала мимо, она завернула за угол, спокойно просигналила и повернула налево. Луис по-прежнему стоял, прижавшись к дереву, учащенно дыша. Во рту было кисло и сухо. Луис был уверен, что полицейские видели его припаркованную «Хонду Цивик», но это не существенно! Парковать машины с 6 вечера до 7 утра на улице Масон — в этом нет ничего противозаконного. Там были припаркованы и другие машины. Полным-полно машин тех людей, кто живет напротив кладбища.

Луис поймал себя на том, что высматривает деревья, по ветвям которых можно было пройти над изгородью.

Над головой шумела листва. Луис был уверен, что сможет...

Раньше он не разрешал себе думать об этом. Он подошел к дереву и полез наверх, упираясь теннисками в каждый выступ. Вниз посыпался дождь коры и листьев. Потом Луису удалось упереться коленкой в одну из ветвей. Если вернется полицейская машина и полицейские станут высвечивать фонариками дерево, все решат, что это просто такая

странная птица сидит в ветвях. Значит, он должен действовать быстро.

Луис забрался на верхние ветви, одна из которых шла над изгородью на территорию кладбища. Луис чувствовал, что снова превратился в двенадцатилетнего мальчика.

Дерево было неподвижно; оно стояло, как скала, недвижимое на ветру, хотя листья его шелестели, бормотали. Оценив ситуацию, Луис чуть спустился и повис в воздухе, держась обеими руками за ветвь, которая теперь оказалась у него над головой. Ветвь была немного толще, чем рука взрослого мужчины. Луис висел в двадцати футах над дорожкой. Потом, повиснув на одной руке, Луис переставил другую руку ближе к ограде. Ветвь согнулась, но переламываться не собиралась. Луис слабо сознавал, что его тень великолепно видна на бетонных плитах тротуара — аморфная, черная обезьяноподобная тень. Ветер обдувал его, но только сейчас Луис почувствовал, что дрожит от холода. Тем не менее капли пота градом катились по лицу и шее грабителя могил. Ветвь согнулась и стала раскачиваться, вторя движениям человека. Каждый раз она сгибалась все сильнее. Руки... запястья Луиса начали болеть. Он боялся, что тонкие, потные пальцы соскользнут в любой момент.

Наконец, Луис почти дотянулся ногой до изгороди. Его ноги в теннисных туфлях на какой-то фут не доставали до копий ограды. Острия выглядели грозно. Они казались наточенными. Наточенные или нет, Луис неожиданно понял, что его яичкам ничего не грозит. Если он упадет, острия проткнут его насквозь, и он всем своим весом сам насадит себя на колья, так что колья проткнут его до самых легких. Вернувшиеся полицейские легко и с некоторым испугом обнаружат украшение Хеллоуина на ограде «Плеasantвиева».

Дыша учащенно, но еще не задыхаясь, Луис прикоснулся ногой к изгороди, желая сделать передышку. Мгновение он исполнял танец в воздухе, искал ногами опору, раскачиваясь, чтобы поставить ноги на острия.

Лучи света коснулись его и исчезли.

«О, Боже! Это машина! Проехала машина, какая-то машина...»

Луис попытался подтянуться на руках, но руки скользили.

Двигаясь с помощью рук, он повернул голову направо, глядя через плечо. Да, проехала машина. Она проскочила мимо, даже не замедлив хода. Удача. Если это...

Руки соскользнули чуть ниже. Луис почувствовал, как на голову ему сыплется крошево коры.

Сперва его нога промахнулась, но со второй попытки Луису удалось встать на острие и, боже, он едва смог удержаться в таком положении. Ветка еще больше согнулась. Руки соскальзывали. Затрещала одежда. Наконец, Луису удалось поставить обе ноги на острия. Те впились в подошвы его теннисных туфель, весьма болезненно впились, но Луис почувствовал опору под ногами. Облегчить нагрузку на руки казалось ему более важным, чем боль в ногах.

«Должно быть, я выгляжу весьма оригинально», — подумал Луис. Держась за ветвь левой рукой, он вытер правую о рубашку и куртку. Потом, держась правой, то же самое проделал с левой рукой.

На мгновение Луис замер, стоя на остриях ограды кладбища, а потом осторожно стал передвигать руки вдоль ветви, чтобы перейти в вертикальное положение. Он даже надеялся, что ему удастся сплести пальцы вместе, чтобы было уд обнес. Качнувшись вперед, словно Тарзан, он сбросил ноги с острых пик. Ветвь выгнулась, и Луис услышал опасный звук — треск. Острия как раз были под его задницей. Поняв это, Луис рванулся вперед, прыгнул вниз, понадеявшись на «авось».

Приземлился он плохо, одним коленом сильно ударился о чье-то надгробье. Страшная боль пронзила ногу. Луис свалился на траву, держась за колено, губы его растянулись в гримасу, похожую на ухмылку. Он лишь надеялся, что не сломал коленную чашечку. Наконец, боль начала слабеть, и Луис обнаружил, что может сгибать колено. Все будет в порядке, если он сможет двигаться. Может быть...

Встав на ноги, хромая, Луис пошел вдоль ограды назад к улице Мэсон, к тюку с инструментами. Колено сперва болело сильно, и Луис хромал, но острая боль постепенно

превратилась в тупую. Жаль, что аспирин остался в аптечке «Хонды». Только теперь Луис вспомнил, что взял таблетки с собой на всякий случай. Слишком поздно Луис вспомнил об опасности. Одна из машин быстро проехала мимо, высветив его, стоящего у самой ограды. Ему пришлось отойти дальше, в глубь кладбища.

Оказавшись напротив своей машины, Луис вернулся к ограде. Не доходя до нее несколько шагов, он споткнулся о свой сверток. Тут он услышал чьи-то шаги и женский смех. Он присел, спрятавшись позади могильного памятника... Садясь на корточки, Луис снова задел больное колено. По противоположной стороне улицы Масон шла пара. Луису даже показалось, что он смотрит странное телевизионное шоу. Он прошептал про себя:

«Час Привидений. Интересно, что эта парочка сделает, если он поднимется из-за могилы, подойдет к решетке и так тихонечко завоет, а потом крикнет им: „Спокойной ночи, миссис Калабаш, но куда же вы?“»

Влюбленные остановились в луже света от фонаря, как раз возле его машины и начали обниматься. Наблюдая за ними, Луис почувствовал тошноту и отвращение. Он сидел здесь, спрятавшись позади могильного камня, словно нечеловеческое существо из какой-нибудь дешевой книги ужасов, подглядывая за любовниками. «Столь тонкая грань между приятным и отвратительным? — удивился он и в этом для него был заключен некий потаенный смысл. — Между этими понятиями такая тонкая грань, что вы можете спокойно перешагнуть ее. Отрешиться от мелкой суеты. Забраться на дерево, повисеть среди листьев, упасть на могилу, подсматривать за любовниками... копать канавы? Просто? Или это синдром лунатропа? Восемь лет я проработал доктором, а теперь одним махом стал гробокопателем, и я — как раз тот человек, который станет вызывать духа...»

Луис зажал кулаками рот, чтобы не дать вырваться ни одному звуку, и почувствовал холод внутри.

Когда пара наконец ушла, Луис равнодушно посмотрел им вслед. Они поднялись по лесенке в одно из зданий. Мужчина достал ключи, и через мгновение они исчезли внутри. Над улицей воцарилась тишина, если не считать постоянных завываний ветра, шелестевшего в деревьях и нежно ворошившего волосы Луиса.

Луис снова побежал к изгороди и, пригнувшись, нащупал в кустах сверток. Сверток был тут — пальцы нашли грубую ткань. Луис отнес сверток на широкую дорожку, идущую между могилами от самых ворот, и остановился, пытаясь сориентироваться. Пройдя вперед, надо свернуть влево от развилки. Нет проблем.

Он пошел по краю тропинки, стараясь держаться в тени вязов. Вдруг он наткнется на сторожа или еще случится что-то непредвиденное?

От развилки Луис свернул влево, в поисках могилы Гаджа, и, неожиданно, с ужасом понял, что не может вспомнить, как выглядит его сын. Луис остановился, посмотрел на ряды могил, потертые монументы и попытался сосредоточиться. Отдельные фрагменты внешности сына всплывали в его памяти: светлые волосы, такие великолепные и светлые; его чуть раскосые глаза и маленькие белые зубы, маленький кривой шрамик на щеке — это после того как он упал на черной лестнице их домика в Чикаго. Луис видел все по отдельности, но никак не мог собрать все в единое целое. Луис снова видел Гаджа, бегущего навстречу грузовику «Оринго», но Гадж отвернулся. Луис пытался вспомнить лицо Гаджа таким, как видел его в колыбели в тот день, когда они пускали летучего змея, но видел только темноту.

«Гадж, где ты? Луис, неужели ты думаешь, что сослужишь своему сыну хорошую службу? Может, он счастлив там, где он сейчас... Может, все это не стоит того, чтобы затеваться? Может, он среди ангелов, а может, просто „уснул“... И если он спит, готов ли ты разбудить его?.. Ах, Гадж? Где ты? Я хочу, чтобы ты был дома, с нами».

Но может ли он, Луис, на самом деле контролировать свои действия? Или им руководит та злая сила, о которой говорил Джад? Почему он не может вспомнить лицо Гаджа и почему он не обратил внимания на все предупреждения?.. На предупреждения Джада, Ласкова и своего собственного сердца?

Луис вспомнил надгробья Хладбища Домашних Любимцев... эти неправильные круги, таинственно расходящиеся, и его снова обдало холодом. Почему же он оказался здесь и остановился, пытаясь вспомнить лицо Гаджа?

Ведь скоро он снова увидит его...

* * *

Надгробие было на месте. На нем было написано просто:

«Гадж Уильям Крид», а дальше шли две даты. Кто-то был тут сегодня и принес (или принесла) дань уважения погибшему мальчику (точнее его родителям). У надгробия лежали свежие цветы. Кто это мог сделать? Скорее всего Мисси Дандридж.

Сердце Луиса тяжело, медленно билось в груди. «Что же дальше? Нет, нельзя останавливаться, надо копать! Пора начинать. Впереди долгая ночь, но потом-то наступит день».

Последний раз Луис задумался и потом окончательно решился: он решил идти до конца. Он почти незаметно кивнул головой сам себе и выудил карманный нож, натянул ленту скоча, стягивающую баул, и перерезал ее. Развернув сверток, словно спальный мешок, милый такой мешочек для Гаджа, он разложил перед собой лопату, кирку, заступ и фонарик, как раскладывал хирургические инструменты в своей маленькой операционной.

Фонарик был с диафрагмой-заглушкой, изготовленной по рецепту продавца в скобяной лавке. Войлок был прочно укреплен поверх стеклянного экрана узкой лентой скоча. Свет вырывался через маленькую дырочку, прорезанную скальпелем в центре войлочной пластины. Кирка с короткой ручкой. Она сейчас пока не нужна, но Луис захватил ее на всякий случай. Ему нужно было только приподнять плиты, а не дробить камни, выкапывая могилу. Это на потом... Еще в свертке были заступ и лопата, длинная веревка и рабочие перчатки. Перчатки Луис взял, чтоб не натереть мозоли, копая землю.

Земля оказалась мягкой и работа шла легко. Форма могилы была четко определена, а размокшая земля, которой присыпали плиты, оказалась, как грязь. Мысленно Луис сравнивал эту грязь и каменистую, не получившую благословения землю, в которую, если все получится удачно, он поздно ночью похоронит своего сына. Вот там-то ему понадобится кирка. Луис попытался подумать еще о чем-нибудь.

Он кидал грязь налево от могилы, работая в определенном, нарастающем ритме, в то время как яма становилась все глубже и глубже. Потом Луис спустился в могилу, вдыхая сырой аромат свежей грязи — запах, напоминающий ему запахи лета, проведенного у дяди Карла.

«Землекоп», — подумал он и остановился, чтобы стереть пот со лба. Дядя Карл говорил, что у каждого могильщика в Америке есть свое прозвище. Друзья называли дядю Карла «землекопом».

Луис снова начал копать.

Остановился Луис только один раз, для того чтобы поглядеть на часы. Двенадцать двадцать. Он почувствовал, что время уходит сквозь пальцы, да к тому же эти пальцы смазаны жиром.

Через сорок минут лопата натолкнулась на что-то, и Луис до крови прикусил верхнюю губу. Взяв фонарь, Луис посветил вниз. Земля. А по земле диагональным разрезом шла серо-серебряная линия. Это была плита. Луис уже выгреб большую часть грязи. Но ведь он наделал так много шума. Казалось, на всем свете нет громче шума, чем шорох лопаты, счищающей грязь с бетонной плиты могилы в темную ночь.

Луис слез в могилу, прихватив веревку. Он продел веревку в железные кольца одной плиты с одного конца. Выбравшись из могилы, Луис расстелил брезент, лег на него и схватился за конец веревки.

«Луис, ты же думал об этом. За твой последний шанс... Ты прав. Это — последний шанс... и я, черт побери, должен воспользоваться этим».

Взявшись обеими руками за конец веревки, он потянул. Квадратная, бетонная плита легко поднялась, заскрежетав. Плита, которую Луис тянул за один конец, повернулась как на шарнире и стала почти вертикально, открыв половину могилы.

Луис снял веревку с колец и положил ее рядом, возле могилы. Теперь он мог просто встать у края и потянуть плиту вверх.

Установив плиту вертикально, Луис спустился в могилу, стараясь двигаться осторожно. Упав, плита непременно раздробила бы ему ноги. Вниз посыпались камешки, и Луис услышал, как они застучали по крышке гроба.

Нагнувшись, Луис схватился за край второй бетонной плиты и потянул ее наверх. Коснувшись плиты, он почувствовал под пальцами что-то скользкое и холодное. Потом и вторая плита была поставлена «на попа». Тогда Луис посмотрел на свою руку и увидел слабо извивающегося земляного червя, которого раздавил пальцами. Задохнувшись от крика отвращения, Луис стряхнул остатки червя с руки на стенку могилы своего сына.

Потом он посветил вниз фонариком.

Там стоял гроб, который он последний раз видел, когда его опускали в могилу. Тогда гроб окружал зеленый пластик. Вот она — коробка, в которой лежат останки его сына. Ярость, безумная, раскаленная ярость поднялась в Луисе, а потом нахлынуло ощущение чего-то холодного, отрезвляющего. Идиот!

Луис нащупал заступ. Замахнувшись, он изо всех сил обрушил его на замки гроба: раз, второй, третий, четвертый... Зубы Луиса сжались.

«Я пробьюсь к тебе, Гадж. Вот увидишь!»

Замок треснул с первого удара и, возможно, остальные удары были лишними, но Луис продолжал и продолжал бить, желая не столько открыть гроб, сколько разломать его. Некое подобие здравомыслия вернулось, и Луис остановился, занеся свое орудие для очередного удара.

Заступ погнулся. Луис отбросил его в сторону и выкарабкался из могилы, встал на ноги, чувствуя слабость в коленях. Его тело было словно каучуковым. Он почувствовал тошноту, и ненависть так же быстро покинула его, как и нахлынула. Холод кладбища наполнил холодом его душу. Ни разу в жизни он не чувствовал себя таким одиноким и покинутым, словно космонавт в скафандре, плывущий прочь от корабля в великой темноте космоса. «Билл Батермен чувствовал то же самое?» — удивился Луис.

Он лег на землю, на спину, переводя дух, успокаиваясь. Когда слабость отступила, Луис сел, прислонившись спиной к надгробию соседней могилы. Посветив фонариком в могилу Гаджа, он увидел, что замки гроба не просто сбиты, а сметены. Он измолотил гроб из-за внезапной вспышки ярости. Дерево вокруг замков было раскрошено.

Луис зажал фонарик под мышкой. Он осторожно присел на корточки. Его руки двигались ощупью, словно он пытался поймать пару кружащихся мух, готовый в любой момент прикоснуться к чему-то мертвому...

Нащупав крышки, Луис сунул в нее пальцы. На мгновение он остановился... не мог он сейчас отступить... а потом открыл гроб сына.

ГЛАВА 50

Речел Крид уже долетела до Бостона. Ее самолет из Чикаго вылетел вовремя (чудо само по себе) и опоздал в Нью-Йорк на пять минут. В Бостоне самолет приземлился уже на пятнадцать минут позже. В 23. 12. У Речел оставалось еще тринадцать минут.

Она еще могла бы успеть на следующий самолет, но автобус, который отвозил пассажиров в аэропорт, слишком долго кружил по взлетному полю и приехал чересчур поздно. Речел паниковала, переминаясь с ноги на ногу, так, словно хотела в туалет; то и дело перевешивала сумку своей матери с одного плеча на другое.

Автобус приехал только в 11. 25, и она начала очень нервничать, топтаться на месте у выхода из автобуса. Ее каблук были не высокими, но все равно... Больно ударившись

лодыжкой, Речел остановилась только на мгновение. Сняв туфли, она взяла их в руку и, только двери автобуса открылись, побежала босиком по зданию аэропорта. Она промчалась мимо регистраторов «Оллег-хени» и «Восточной Аэрокомпании», привлекая к себе внимание.

Воздух огнем обжигал ее легкие, каждый раз проникая все глубже и глубже.

Речел пробежала мимо регистраторов международных аэролиний. Она торопилась туда, где маячил знак компании «Дельта». Мотнувшись через дверь, она мельком взглянула на часы и увидела, что успевает. Было 23. 37.

Один из двух служащих с удивлением посмотрел на нее.

— Рейс 104, — тяжело выдохнула она. — В Портленд. Еще не улетел?

Служащий посмотрел на экран дисплея.

— Пока еще здесь, — проговорил он. — Но они закончили посадку пять минут назад. Я сейчас позвоню. Багажный чек вам нужен?

— Нет, — выдохнула Речел и смахнула волосы с глаз. Ей казалось, что ее сердце вот-вот выскочит из груди.

— Они не станут ждать. Я позвоню... но советую вам бежать как можно быстрее.

Речел бежала не так уж быстро... Она просто не могла быстро бежать. Она бежала, как могла. Эскалатор вел во тьму, и Речел затопала вверх по лестнице, чувствуя во рту вкус медных стружек. Добравшись наверх, она уронила сумку на ленту, чтобы ее, с помощью ультразвукового прибора осмотрела работница аэропорта. Речел сжимала и разжимала кулаки от нетерпения, ожидая свою сумку с другой стороны ленточного конвейера. Схватив сумку, Речел побежала дальше. Сумка болталась сзади, больно колотя по нижней части спины.

Пробегая мимо, Речел взглянула на один из мониторов.

«Рейс 104 Портленд. Отправление 23. 25. Посадка — выход 31».

Выход 31 находился в дальнем конце главного зала... и как раз когда Речел взглянула на монитор, «Посадка» изменилась на «Посадка закончена».

От обиды Речел закричала. Она пробежала через двери, но успела заметить горящую над выходом надпись: «Бостон — Портленд 23. 25». — Посадка закончена? — недоверчиво спросила Речел. — Она на самом деле закончена?

Служащий, улыбаясь, посмотрел на нее.

— Самолет вырывается на посадочную полосу. Извините, мадам. Вы почти успели, пусть это вас утешит. — Он показал в большое окно. Там Речел увидела большой 727. Огни делали его похожим на большую, рождественскую елку, которую положили на бок и поставили на колеса, так что теперь она могла катиться.

— Разве вам не позвонили о том, что я должна подойти? — воскликнула Речел.

— Когда они позвонили, уже сел 104. Если бы я задержал этот самолет, 727 пришлось бы ехать через толпу пассажиров, выходящих со взлетного поля через «30 выход». Пилот потом стер бы меня в порошок. Надо чтить интересы сотни других пассажиров. Извините. Вы опоздали на четыре минуты.., Речел пошла назад, не слушая извинения. Она пошла назад к кассам «Дельты», когда на нее накатила волна слабости. Споткнувшись, она присела, ожидая, пока тьма в глазах рассеется. Потом она надела туфли и вытащила последнюю сигарету из пустой, разлохмаченной пачки «Ларка». «Ноги так болят, что, наверное, я даже трахаться сейчас не смогла бы», — нерешительно подумала она.

Потом Речел направилась назад в кассы.

— Не успели? — с сочувствием спросила женщина из службы безопасности аэропорта.

— Не успела — да, ладно, — ответила Речел.

— Куда вы направлялись?

— Портленд. Потом Бангор.

— А почему вы не возьмете машину? Если вы в самом деле хотите попасть туда, то почему бы и нет? Обычно я советую отправиться в отель рядом с аэропортом, но если я вижу даму.. — Я редко вижу тут кого-то, кому в самом деле надо улететь. Вы — одна из таких

пассажирок.

— Да, — согласилась Речел. — Да, наверное, теперь мне надо взять машину. Ведь тут много агентств, которые дают машины напрокат?

Женщина кивнула.

— Сейчас машин тут полным-полно. А когда туман, все машины перегоняют в Логан. По крайней мере, так делают обычно.

Речел почти не слышала слов женщины. Она занималась подсчетами.

В Портленде она оставаться не могла, не могла она ждать следующий самолет на Бангор, даже если в нем будут свободные места. А если поехать на машине прямо сейчас? Сколько тут километров? Не так уж далеко по прямой. Двести пятьдесят. Точно. Джад как-то говорил об этом. Было начало первого, когда она смогла идти дальше, а может, даже почти половина первого. Уже проходя через турникеты, Речел решила, что у нее есть все шансы добраться до дома, не снижая скорости. Быстро пробежав пальцами, она поправила свою прическу, потом мысленно разделила двести пятьдесят на шестьдесят пять. Чуть меньше четырех часов. Ладно... скажем, четыре. Сейчас ей нужно зайти в буфет. И хотя спать совсем не хотелось, Речел знала, пока она приедет в Ладлоу, ей понадобится много черного кофе. Тогда она вернется в Ладлоу с первыми лучами зари.

Обдумав все это, она стала подниматься по лестнице на второй этаж здания аэропорта. Конторы, где можно было взять напрокат машины, располагались этажом выше.

— Удачи, милая, — сказала ей вслед женщина из службы безопасности.

— Спасибо, — ответила Речел и почувствовала, что ей и в самом деле понадобится много удачи.

ГЛАВА 51

От запаха, идущего из могилы, Луиса стало тошнить. Только он решил, что сумел взять себя в руки, как весь обильный, безвкусный обед вышел наружу. Луис стоял в дальнем от надгробия углу могилы, и ему пришлось отвернуться, чтобы не наблещивать на бранные останки своего сына. Наконец тошнота прошла. Желудок окончательно опустел. Сжав зубы, Луис направил вниз луч фонарика.

Сильный страх, который постепенно перерос в ужас, распростер над ним свои крыла.

Такой ужас обычно приходит, когда во сне видишь самые ужасные кошмары, те, что невозможно вспомнить, когда проснешься.

У Гаджа, лежащего в гробу, не было головы!

Руки Луиса задрожали так сильно, что он чуть не выронил фонарик. Ему показалось, что он увидел перед собой полицейского, сжимающего в руках служебный револьвер и уже прицелившегося. Луч фонарика бегал туда-сюда... Немного успокоившись, Луис снова осветил внутренности гроба.

«Это невозможно, — говорил он сам себе. — Голова должна быть на месте. Просто ты что-то не такое смотрел».

Он медленно провел лучом по телу Гаджа — по всем его трем футам; от новых туфель, вверх по штанам, маленькому пиджаку (ах, боже, ведь Гаджу еще и двух лет нет, а он уже носит костюм), открытому воротничку и...

Тяжелый вздох вырвался из горла Луиса. Вся злость, что накопилась в нем с момента гибели Гаджа, разом вернулась к нему. Страх перед сверхъестественным, паронормальным... Постепенно в нем нарастала уверенность, что он и впрямь переселился в страну безумия.

Луис полез в задний карман за платком и достал его. Держа фонарик в руке, он снова направил его на могилу, едва не потеряв равновесия. Если бы сейчас могильная плита упала бы, она бы раздробила Луису шею. Осторожно чистым носовым платком Луис стер грязь с лица Гаджа — черную жидкую грязь. Именно из-за нее Луису в первое мгновение показалось, что у Гаджа нет головы.

Грязь была жидкой и больше напоминала пену. Луис ожидал, что может увидеть тут

нечто подобное, но действительность превзошла все его ожидания. Ведь шли дожди, а могильные плиты, да и гроб, не были герметичными. Посветив с разных сторон, Луис заметил, что гроб лежит в глубокой луже. Его сын лежал в луже грязи! Владелец похоронного бюро не открывал гроб после того печального инцидента... владельцы похоронного бюро всегда поступают так. На вид его сын напоминал плохо сделанную куклу. Голова Гаджа странно вытянулась — череп малыша был раздавлен. Глаза малыша глубоко запали в глазницы. Что-то белое торчало у него изо рта — словно язык альбиноса. Сперва Луис решил, что владелец похоронного бюро переборщил жидкости для бальзамирования. Какое-то густое вещество. Глядя на ребенка, невозможно было сказать, сколько ему нужно влить жидкости...

А потом Луис понял — это вата. Потянувшись, он вытащил кусочек ваты изо рта мертвого малыша. Губы Гаджа казались темными. Когда кусочек ваты выскользнул изо рта, губы мертвеца захлопнулись с громким чмоканьем. Луис бросил кусок ваты в могилу, и тот поплыл по черной луже, сверкая в свете фонарика отвратительной белизной. Теперь одна из щек Гаджа стала напоминать ввалившуюся щеку старика.

— Гадж, — прошептал он, — пора выбираться отсюда. Лады?

Про себя Луис молился, чтобы никто не появился и не помешал ему. Смотритель кладбища делает свой обход в 12. 30, кажется, так. Но Луиса никто не остановит. Если бы луч фонарика смотрителя кладбища коснулся бы Луиса, когда тот, стоя в могиле, выполнял свою неблагодарную работу, Луис бы ни минуты не думая, нырнул бы в сторону и, взмахнув лопатой, обрушил бы ее на череп случайному свидетелю. В могиле Гаджа появился бы новый жилец.

Луис подхватил Гаджа под руки. Тело малыша стало расползаться в разные стороны, и неожиданно Луис почувствовал благоговение. Когда он укладывал Гаджа в гроб, тело малыша было расчленено, и владелец похоронной конторы сшил через край отдельные куски. Значит, вынимать Гаджа нужно осторожно. Луис застыл в развороченной могиле, чуть не завопи» в ужаса при этой мысли. А ведь если он закричит, его сразу обнаружат.

«Давай. Взятся, так делай!»

Он подхватил Гаджа под руки и, чувствуя пальцами неприятную жижу, начал осторожно поднимать Гаджа из могилы, точно так же как укладывал его в гроб.

Голова Гаджа сползла назад. Луис увидел усмехающийся круг стежков; голова, чтобы не упасть с плеч, была пришита грубым портным — владельцем похоронного бюро.

Снова его желудок спазматически сжался от запаха и от ощущения под пальцами бескостного тела — тела его же раздавленного, несчастного сына. Но Луис вытащил тело из гроба. Наконец Луис сел на край могилы, держа в руках мертвое тело: ноги Луиса свешивались в яму, лицо приобрело нездоровый синевато-багровый оттенок, рот растянулся в страшной улыбке сожаления и печали.

— Гадж, — повторил отец, покачивая тело на руках. Волосы Гаджа коснулись запястья Луиса. Они были безжизненными, словно проволока. — Клянусь, Гадж, все это правда. Этому придет конец, когда кончится ночь. Гадж, я люблю тебя. Папочка любит тебя.

* * *

В четверть второго Луис был готов покинуть кладбище. Прикосновение к телу было хуже всего... это было похоже на то, что испытывает космонавт, уплывающий в бесконечность. И сейчас, успокаиваясь, он еще чувствовал, как дрожит его спина: вибрируют мускулы. Он чувствовал: еще можно повернуть назад. Пойти назад.

Положив тело Гаджа на брезент, Луис завернул его и заклеил брезент скотчем, потом сложил вдвое веревку, завязал концы свертка. Получился брезентовый сверток, напоминающий небольшой свернутый ковер — не более. Потом, мгновение подумав, он убрал туда заступ. Пусть «Плеasantвиев» в обмен на Гаджа получит какую-нибудь реликвию. Луис закрыл гроб, а потом опустил бетонную плиту. Хотел было просто бросить вторую, но

испугался, что может надеть слишком много шума, и после некоторого колебания, продев веревку через железные кольца, медленно опустил бетонный блок. Потом Луис закидал яму грязью. Но в общем-то могила выглядела неплохо. Или наоборот плохо? Привлечет она внимание или нет?.. Луис не стал задумываться об этом, если это и заставит его поволноваться, то не сейчас... еще многое предстояло сделать. Много безумной работы. И еще, он очень устал.

Хей-то! Толи еще будет.

— Действительно, — пробормотал Луис.

Поднялся ветер. Пронзительно взвыл он среди деревьев, и этот звук заставил Луиса оглядеться. На сердце у него было тяжело. Луис прихватил лопату и кирку, которые ему еще понадобятся, перчатки и фонарик и все спрятал в мешок. Воспользоваться светом фонарика — искушение было велико, но Луис поборол его. Оставив тело и инструменты, Луис прошел назад, туда, откуда пришел, и оказался у высокой изгороди минут через пять. Там, на противоположной стороне улицы стоял «Цивик», припаркованный у обочины. Так близко и так далеко!

Луис мгновение смотрел на автомобиль, а потом пошел вдоль ограды. В этот раз он пошел в противоположную сторону, чем тогда, когда шел вдоль ограды снаружи. Он повернул с улицы Мэсон. На углу была прорыта дренажная канава, Луис заглянул в нее. То, что он увидел, заставило его вздрогнуть. В канаве было полным-полно увядших цветов, которые лежали слой за слоем. Видно, все цветы, что приносили на кладбище, рано или поздно оказывались в этой канаве.

«Иисус... Такие же останки собирались в дань более древнему богу, чем бог христиан. Люди называли его по-разному, в разные времена, но сестра Речел дала ему совершенно правильное имя: Оз — Векий и Ушасный — бог Мертвых Вещей, которому давным-давно пора лежать в земле; Бог увядших цветов в дренажной канаве. Бог тайны».

Луис смотрел в сточную канаву как загипнотизированный. Наконец, с легким вздохом, он отвел глаза... Казалось, этот вздох вывел его из гипнотического транса. Так иногда бывает, коща очень испугаешься, а потом замрешь и досчитаешь до десяти, стараясь не торопиться, в ожидании, когда страх схлынет.

Луис приблизился к канаве, но слишком близко подходить не стал, потому что за дренажной канавой он увидел то, что искал.

Здесь, неясно вырисовываясь в темноте, находился кладбищенский склад.

Тут, чтобы не раскапывать замороженную землю, хранили гробы до весны. И еще склад использовали, если нужно было оформить какие-нибудь бумаги.

Тут оформляли все дела, связанные с кладбищем. Ведь время от времени в этой местности, как и в любом месте, где жили люди, кто-то обязательно умирал.

— Все сбалансирование, — говорил дядя Карл. — Если у меня будет недели две в мае, когда никто не умрет, Луис, я с уверенностью могу сказать, что в ноябре будет десять покойников. Только в ноябре редко бывает наплыв клиентов, и никогда их не бывает перед Рождеством, хотя люди почему-то считают, что на Рождество умирает большинство. Это все — болтовня насчет Рождественской депрессии — нелепость. Только спросите любого директора кладбища. Большая часть людей по-настоящему счастлива перед Рождеством. Счастливы те, кто хочет жить. Поэтому они и не умирают. Вот в феврале у нас масса клиентов. Грипп и пневмония косят стариков. Но это не все. Есть люди, которые сражаются весь год с раком, или даже не год, а месяцев шестнадцать, а когда приходит февраль, им кажется, если они станут бороться и дальше, рак сметет их. Тридцать первое января — они расслабляются, чувствуя себя так, словно они в прекрасном состоянии, а двадцать четвертого февраля у них удар. В феврале у людей случаются сердечные приступы, удары, почечные колики. Февраль — плохой месяц. Люди устают в феврале. Мы пользуемся этим в нашем бизнесе, но иногда, без всякой видимой причины, такие вещи случаются в июне или октябре. В августе — никогда. Август — медленный месяц. Никаких взрывов газа, и автобусы не падают с моста. Никаких договоров в августе, все могут брать себе отпуск. Но только в

феврале нам приходится ставить гробы друг на друга, строя из них пирамиды, и надеяться, что успеем похоронить их всех и нам не придется брать в аренду холодильники.

Дядя Карл засмеялся тогда. И Луис тоже засмеялся, чувствуя в рассказе дяди некий привкус медицинской статистики.

Двойная дверь склада — покойницей, была сделана в поросшем травой склоне небольшого холмика, по форме такого же естественного и привлекательного как женская грудь. Этот холм, который по мнению Луиса, был скорее всего природным образованием, поднимался на фут или два над декоративными пиками железной изгороди, которая проходила в нескольких футах от его вершины. У ограды склон холма почти вертикально обрывался.

Луис огляделся, а потом полез наверх. На другой стороне холма была пустая площадка, может, акра в два. Но... но не совсем она была пустая. Там стояло сооружение, похожее на сарай. «Видимо, кладбищенская контора, — подумал Луис. — Очень возможно, именно там хранят инструкции, указывающие, как поступать с грабителями могил».

Свет уличных фонарей пробивался через качающуюся листву деревьев, растущих вдоль кладбища, — старых вязов и кленов. На улице все замерло.

Луис съехал с холма на заднице, стараясь не ударить поврежденное колено, и вернулся к могиле своего сына, чуть не споткнувшись об останки Гаджа, завернутые в брезент. Тут Луис понял, что ему придется ходить туда-сюда два раза. Первый раз — отнести инструмент, второй раз — Гаджа. Луис сморщился, протестуя, и подхватил сверток, чувствуя, как болтается тело внутри, твердо игнорируя ту часть своего разума, которая постоянно нашептывала ему о том, что он, должно быть, сошел с ума.

Луис отнес тело на вершину холма, который приютил гробницу «Плеasantвиев», спрятавшуюся за двухстворчатые стальные двери (двери подозрительно напоминали двухстворчатые ворота гаража) и увидел, что может поднять свою сорокафуттовую ношу наверх по крутому склону, только если станет тащить за веревку. Он сделал все необходимые приготовления, потом вернулся назад и стал карабкаться по склону, стараясь двигаться как можно более осторожно. Уже почти на самой вершине он поскользнулся и, падая, толкнул мешок как можно дальше вперед. Луис упал на колени. Тюк приземлился почти на вершине холма. Вскарабкавшись на вершину, Луис снова огляделся, но ничего подозрительного не заметил. Тогда Луис пошел назад за остальным.

Снова он полез на вершину холма, но в этот раз, надев перчатки и свалив в кучу фонарик, кирку и лопату на кусок брезента. Потом, успокоившись, он вернулся к изгороди. Новые наручные часы, которые Речел подарила ему на Рождество, показывали 2. 01.

Луис дал себе пять минут на то, чтобы собраться с силами, а потом перебросил лопату через изгородь. Он слышал, как та стукнулась о землю. Луис попытался упрятать фонарь в карман, но у него не получилось. Тогда Луис просто пропихнул его между железными прутьями и, упав на землю, фонарик покатился к дороге. Луис надеялся, что фонарик не ударится о камни и не разобьется. Теперь нужно было разобраться с тюком.

Вынув скоч из кармана, Луис стал закручивать липкой лентой один из концов брезентового рулона, снова и снова прикручивая к тюку кирку. Он приматывал кирку, пока не кончилась лента, а потом убрал пустую бабину из-под ленты себе в карман, приподнял сверток за один край и, раскачав, перебросил его через ограду. С мягким «шлеп!» сверток упал по ту сторону.

Потом Луис поставил ногу на перекрестье решетки, схватился за два декоративных острия и, подтянувшись, перекинул другую ногу через ограду. Соскользнув, Луис опустился на землю между свертком и изгородью. Он приземлился на ноги, но, не удержав равновесия, упал.

Лопата оказалась далеко в стороне... она чуть поблескивала в свете уличных фонарей, едва пробивавшемся сквозь листву деревьев. Была пара неприятных моментов, когда Луис уже решил было, что фонарик ему не найти... Как далеко он мог укатиться? Опустившись на четвереньки, Луис стал шарить в траве. Каждый вздох и удар сердца громом отдавались у

него в ушах.

Наконец, он заметил что-то черное в пяти футах от того места, где искал... Холм, скрывающий в себе кладбищенский склеп, не хотел отдавать фонарик. Схватив фонарик, Луис проверил стекло, закрытое войлоком, а потом нажал маленькую кнопку, включающую свет. Посветив себе на ладонь, Луис выключил фонарик. Оказалось, что все в порядке.

Поработав карманным ножом, он разрезал клейкую ленту, крепившую кирку к свертку, и отнес инструменты к деревьям. Подойдя к дороге, Луис посмотрел в обе стороны вдоль улицы Масон. Она оказалась совершенно пустынной. Только в одном окошке из всех зданий, стоявших вдоль улицы, горел свет — желто-золотой огонек в одной из комнат на верхнем этаже. Бессонница, возможно, или кто-то болен...

Двигаясь быстро, но не бегом, Луис пошел по тротуару. После тьмы на кладбище он чувствовал себя ужасно незащищенным. Он стоял на тротуаре всего в ярде от поворота на Бангор, сжимая в руке лопату, кирку и фонарик. Если бы кто-нибудь увидел бы его сейчас, то сразу бы понял, чем он занимается. Ошибиться было невозможно.

Луис, стуча каблуками, быстро пересек улицу. Его «Цивик» стоял в каких-нибудь пятидесяти ярдах. Для Луиса это было все равно, что пятьдесят миль. Потев, он пошел прямо к машине, боясь, что услышит звук приближающегося автомобиля, чьи-нибудь шаги, может, скрип открываемого окна.

Добравшись до своего «Цивика», Луис прислонил кирку и лопату к его боку и полез в карман за ключами. Их не было нигде. Пот начал заливать лицо. Сердце Луиса стало выбивать чечетку, и зубы залязгали от страха.

Он потерял ключи! Скорее всего куда-нибудь уронил, когда спрыгнул с ветки дерева и ударился коленкой о надгробие. Значит, сейчас ключи от машины лежат где-то в траве, и если он едва сумел найти свой фонарик, то как он сможет найти свои ключи? Это просто невозможно. Одна маленькая неудача и весь план оказался под угрозой.

«Нужно собраться с мыслями... Не торопись... Проверь заново все карманы... У тебя должен быть шанс... и если тебе и в самом деле везет, ты найдешь ключи».

В этот раз он проверял карманы намного медленнее, действовал последовательно, выворачивая карманы.

Нет ключей.

Луис оглядел машины, прикидывая, что делать дальше. Он может полезть назад, на кладбище, в этом он тоже был уверен. Оставит труп сына возле машины, возьмет с собой только фонарик, снова перелезет через ограду, и потратит остаток ночи на бесполезные поиски...

Неожиданно Луиса осенило. Наклонившись, он поглядел в салон машины. Его ключи торчали из гнезда зажигания.

Тихо, облегченно вздохнув, он обошел машину со стороны водителя, дернул дверцу, открыл ее и вынул ключи. В голове у него неожиданно зазвучал поучающий голос Зловещего Папаши — Карла Мадлена, от которого всегда плохо пахло сырой картошкой. Зловещий Папаша носил старую шляпу с ободранными краями и часто говаривал: «Запирайте свои машины! Не оставляйте ключи в машинах. Не помогайте хорошим парням становиться плохими, потому что соблазн угнать машину с ключами в гнезде зажигания, ох как велик...»

Подойдя к «Цивику» сзади, Луис открыл багажник, убрал туда кирку, лопату, фонарик, а потом захлопнул багажник. Только отойдя на двадцать или тридцать футов, он снова вспомнил про ключи. Луис опять забыл их в гнезде зажигания!

«Придурок, — обрушился он сам на себя. — Лучше поспеши и оттащи к машине своегодохлого парня, а обо всем остальном забудь».

Но вначале Луис все равно вернулся и забрал ключи.

Луис взял сверток с Гаджем на руки и проделал уже большую часть пути назад к своей машине, когда залаяла собака. Нет... не то, чтобы она просто залаяла. Она начала выть. Ее завывания наполнили улицу. Аугтгх-РУУУ! Аугтгх-РУУУУУУ!

Луис замер, спрятавшись за одним из деревьев, удивляясь и прикидывая, что может случиться дальше. Прячась за деревом, Луис выжидал: вот-вот и в обе стороны по улице начнут зажигаться огни. Но на самом деле зажегся только один огонек. Через мгновение чей-то грубый голос прокричал:

— Заткнись, ты, Фред!

— Ауптх-РууУУУУ! — ответил Фред.

— Заткни ему пасть, Сканлон, иначе я вызову полицию! — завопил еще кто-то. Луис подпрыгнул от этого крика, решив, что пустота и безлюдье лишь пригрезились ему. Ему показалось, что вокруг сотни глаз; а собака, будившая всех спящих, — его самый главный враг. «Пусть тебя проклянет бог, Фред, — подумал он. — О, пусть ты будешь проклят!»

Пес начал выводить новую песню. Он начал выводить: «Уаптх», но перед этим громко пролаял солидное «РУУУУУУ», потом раздался громкий чавкающий звук и серия глухих ударов-шлепков.

Тишина. Свет в соседнем от Фреда доме горел еще некоторое время, а потом погас.

Луис почувствовал сильное желание оставаться в тени, ждать. Он хотел вот так стоять, замерев, пока не упадет замертво, но пора было двигаться.

Нужно было перебраться через улицу.

Луис пошел к «Цивику». Он никого не видел. Фред молчал. Придерживая сверток рукой, Луис достал ключи и отпер багажник.

В багажник сверток с останками Гаджа не вошел.

Луис попытался впихнуть узел вертикально, потом горизонтально, потом по диагонали. Багажник «Цивика» оказался чересчур маленьким. Луис мог согнуть сверток и пинками загнать его внутрь... но он не смог заставить себя так поступить.

«Ладно, доставай его оттуда... Давай, не цепляйся».

Несколько мгновений Луис стоял в замешательстве, держав руках сверток с останками собственного сына. Потом он услышал звук приближающейся машины и поставил сверток на пол салона автомобиля, облокотив его о сиденье рядом с креслом водителя.

Заперев дверцу, Луис побежал вокруг «Цивика» и захлопнул багажник. Приближающаяся машина уже проехала перекресток. Луис слышал пьяные голоса. Нырнув на место водителя, он спрятался за рулем и, когда свет фар коснулся его, Луис вздрогнул от ужаса. Что, если Гадж сидит вниз головой. Может, его мертвые глаза все видят сквозь брезент?

«Невозможно, — взорвался Луис мысленно в диком, опустошающем всплеске. — О чем ты думаешь? Это не существенно! Но это так. Это же Гадж, а не узел с тряпьем!»

Потянувшись, Луис начал осторожно прижимать брезент, ощупывая контуры начинки. Он выглядел словно слепой, пытающийся определить, что перед ним. Наконец, он нащупал выпуклость, которая не могла быть ничем иным, кроме как носом Гаджа... направленным в нужную сторону.

Луис не сразу смог заставить себя завести «Цивик» и отправиться назад в двадцати пятиминутное путешествие обратно в Ладлоу.

ГЛАВА 52

В час ночи у Джада Крандолла зазвонил телефон. Он пронзительно зазвенел в пустом доме и разбудил Джада. Старик дремал и видел сон, а во сне ему было двадцать три и он сидел под навесом с Джорджем Чапином и Рене Мичаудом — все трое склонились над бутылочкой виски. Вставала луна — определенный штамп... тем временем снаружи донесся безумный крик, крик, разрушивший этот мир, тишину, разметавший в стороны призрачный

поезд, как раз подъехавший к станции... Они сидели неподалеку от старого Девианта, который следил, как мерцают угли за темным, слюдяным окошечком буржуйки. Пламя, словно искрящийся драгоценный камень, отбрасывало в разные стороны огненные тени. Приятели рассказывали друг другу истории, которые люди собирают годами, чтобы потом рассказать своим приятелям, перед тем, как отправиться по домам; истории как раз для такого вечера как этот. Словно огонек Девианта, это были мрачные истории; маленький красный огонек мерцал в сердце каждой из них. Тогда Джаду было двадцать три, и Норма была жива, хоть она уже давно легла спать, Джад в этом не сомневался. Норма знала, что он вернется домой поздно ночью. А Рене Мичауд рассказывал историю о еврейском коммерсанте из Бакс-порта, который...

Телефон зазвонил и Джад дернулся в кресле, повел окаменевшей шеей... «Вот так, — подумал он, — все эти годы между двадцатью тремя и восемьюдесятью тремя — целых шестьдесят лет пролетели одним мигом». А напоследок он подумал: «Ты же уснул, мальчик. Тебе не сбежать с той железной дороги... по крайней мере, не в эту ночь».

Он поднялся, стараясь держаться прямо, несмотря на то, что все его тело одеревенело, и направился к телефону.

Звонила Речел.

— Джад? Он вернулся?

— Нет, — ответил Джад. — Речел, где вы? Такое впечатление, что вы неподалеку.

— Да, — ответила Речел. И несмотря на то, что голос ее звучал четко, в трубке послышалось какое-то гудение. Может, это был шум ветра? К полуночи ветер усилился. В вое ветра Джаду всегда слышались голоса мертвых, вздыхающих хором, поющих где-то далеко-далеко песню Смерти. — Я неподалеку от Биддлефорда, на пункте оплаты при въезде в Мэйн.

— Биддлефорд!

— Я не могла оставаться в Чикаго. Что-то гнало меня... то, что чувствовала Элли... Я тоже это чувствовала. И вы чувствовали это. У вас голос дрожит.

— Да, — он достал сигарету Честерфильд из пачки. Чиркнув спичкой, он некоторое время смотрел, как мерцает огонек пламени в его дрожащих пальцах. Но его руки не дрожали до того, как все это началось... Джад слышал, как снаружи начинает выть ветер. Ветер словно бы обхватил дом могучими руками, встряхнул его.

«Сила растет, я чувствую это».

Словно где-то разбилось зеркало — великолепное, прочное и старинное зеркало.

— Джад, скажите, пожалуйста, что мне делать? Старик был уверен, что она и так все знает... должна знать. Он был уверен, что, если она чего-то и не знает, он ей все потом расскажет. Может, даже он расскажет ей всю историю. Он покажет ей всю цепочку, которая была выкована звено за звеном:

«Сердечный приступ у Нормы; смерть кота; вопрос Луиса: „хоронили ли там людей?“; смерть Гаджа... и один Бог знает, какое звено может выковать Луис прямо сейчас. Если все сложится, он ей все расскажет. Но не по телефону».

— Речел, как вы попали туда?

Она рассказала, как опоздала на самолет.

— ..Я взяла машину в фирме «Авис», но все оказалось намного сложнее. Проехав Логан я немного заблудилась и сейчас только на границе Мэйна. Я не думаю, что успею приехать до рассвета. Но Джад... пожалуйста... пожалуйста, скажите мне, что происходит. Я так боюсь, и даже не понимаю, почему.

— Послушайте меня, Речел, — сказал Джад. — Поезжайте в Портленд и оставайтесь там. Возьмите номер в мотеле и не делайте ничего...

— Джад, я не понимаю...

— И ложитесь спать. Не беспокойтесь, Речел. Кое-что может случиться тут этой ночью, а может и не случиться. Если же это случится... то, что я имею в виду... вам не стоит тут находиться. Думаю, я сам обо всем позабочусь. Я смогу лучше позаботиться об этом, потому

что все это случилось по моей вине. Если же ничего не случится, вы приедете днем, и все будет в порядке. Думаю, Луис по-настоящему обрадуется, увидев вас.

— Я не смогу уснуть, Джад.

— Да, — ответил он, размышляя над тем, что сам уже верит в то, что неминуемо произойдет... Черт побери! Петр, наверное, тоже верил в это, когда Иисус воскресил Лазаря. И, наверное, он тоже уснул на часах. — Да, вы можете и дальше оставаться за рулем и приедете сюда. Но чем вы сможете помочь Луису... и Элли, если случайно разобьетесь?

— Скажите мне, что происходит! Если вы скажете мне, Джад, что происходит, я, может и соглашусь послушаться вас. Но я должна знать!

— Когда вы доберетесь до Ладлоу, я хочу, чтоб сперва вы зашли ко мне. Я расскажу вам, что знаю сам, Речел. А пока я присмотрю за Луисом.

— Скажите мне, — попросила она.

— Нет. Не по телефону. Я не смогу, Речел, я не смогу. Поезжайте дальше. Доезжайте до Портленда и отдохните там. Наступила тишина. Долгая пауза.

— Ладно, — наконец проговорила Речел. — Может быть, вы правы, Джад, но скажите мне только одно. Скажите мне, насколько это плохо?

— Не могу объяснить, — печально проговорил Джад. — То, что может произойти, может оказаться, в сущности, не так уж и плохо.

Снаружи вспыхнули фары. Их свет медленно приближался.

Заметив их, Джад привстал, потом снова сел, когда, прибавив скорость, машина проехала мимо дома Кридов и исчезла из поля зрения.

— Хорошо, — проговорила Речел. — Я немного успокоилась. Словно камень упал с груди.

— Не волнуйтесь, милая, — продолжал Джад. — Пожалуйста... Приезжайте завтра!

— Вы обещаете, что завтра расскажете мне всю историю?

— Да. Мы возьмем пива, и я вам все расскажу.

— Тогда до свидания, — сказала Речел.

— До свидания, — согласился Джад. — Я буду ждать вас завтра, Речел.

И прежде, чем она смогла еще что-нибудь сказать, Джад повесил телефонную трубку.

* * *

Джад считал, что в аптечке у него есть таблетки кофеина, но найти их не смог. Оставшиеся банки с пивом вернулись обратно в холодильник... не без сожаления, конечно... А потом Джад сварил себе кофе. Вернувшись к окну, он снова сел и стал потягивать кофе мелкими глотками.

Кофе... и разговор с Речел... разбудили его минут на сорок, но потом он снова начал клевать носом.

«Не спи на посту, старик! Не дай сну овладеть тобой. Ты сделал что-то и теперь должен платить. Не спи на посту!»

Он зажег новую сигарету, вдохнул поглубже и закашлялся стариковским кашлем. Положив сигарету на край пепельницы, он потер глаза обеими руками. По шоссе проехал грузовик, высвечивая фарами ветреную ненастную ночь.

Поймав себя на том, что снова дремлет, Джад, чтобы отогнать сон, начал хлопать себя по лицу, щипать за мочки ушей. А потом в его сердце родился страх — опасный гость, пробравшийся в тайное место.

«Это Хладбище заставляет меня заснуть... гипнотизирует меня... Оно хочет, чтоб я спал. Значит, скоро должен приехать Луис. Оно пытается убрать меня с дороги».

— Нет, — сумрачно запротестовал Джад. — Не пущу. Слышите меня? Я должен остановить это. Дело зашло слишком далеко!

Под крышей свистел ветер, и деревья на другой стороне дороги покачивали листвой — гипнотический шорох. Мысленно Джад вернулся на товарную станцию к друзьям под навес,

который давно снесли. Теперь там устроили Мебельный Рынок Эварта. Они болтали всю ночь: он, Джордж и Рене Мичауд, а теперь остался он один... Рене раздавило, когда он оказался между двумя контейнерами, как-то ночью во время бури в 1939 году, а Джордж Чаплин умер от сердечного приступа в прошлом году. Из многих-многих Джад остался один и превратился в глупца. Иногда глупость превращается в детство, а иногда она маскируется под гордость... и тогда нужно рассказывать старинные секреты, выбалтывать все подряд, а потом идти дальше... разбивать зеркала...

— Так вот, еврейский коммивояжер пришел и сказал: «Я не стану утверждать, что видел вас раньше. Но вот эти картинки с дамочками в купальных костюмах... когда они намокают...

Джад кивал. Его подбородок опускался все ниже и ниже.

— ..становятся такими же голыми, как в тот день, когда родились! А когда они высыхают, одежда снова появляется. И это далеко не все, что есть у меня с собой...»

Рене рассказывал свою историю, сидя под навесом, наклонившись вперед. Он улыбался, а Джад держал в руках бутылку... он чувствовал, что держит в руках бутылку, а на самом деле сжимал в руках пустой воздух.

Сигарета в пепельнице полностью догорела. Наконец, качнувшись вперед, она упала в пепельницу, разлетевшись.

А Джад крепко спал.

И когда через сорок минут засверкали габаритные огни и Луис завел «Хонду Цивик» в гараж, Джад ничего не видел. Задвигавшись, словно почуяв что-то недоброе, он так и не сумел проснуться, точно так же, как Петр, когда римские солдаты арестовали бродягу Иисуса.

ГЛАВА 53

Луис нашел новую катушку со скочем в одном из выдвижных ящиков кухонного стола, а в углу гаража с прошлой зимы лежала бухта тонкого троса, которую Луис возил с собой зимой на тот случай, если автомобиль попадет в снежный занос. Скочем Луис связал воедино лопату и кирку и с помощью троса приделал к ним лямки.

«Инструменты повесить за спину, Гаджа взять на руки».

Повесив инструменты за спину так, чтоб не мешали, Луис открыл дверцу «Цивика» со стороны пассажира и вытащил сверток. Гадж был намного тяжелее Черча. Луис должен был дотащить малыша до земли, в которой хоронили Микмаки... и еще ему нужно было выкопать могилу, пробить путь через каменную, грубую твердь...

Ладно. Как-нибудь справимся...

Луис Крид вышел из гаража, остановился и, нажав лбом, выключил свет в гараже. Мгновение он постоял на месте, на том месте, где кончался асфальт и начиналась трава. Впереди он видел начало тропинки, ведущей на Хладбище Домашних Любимцев. Хорошо различимая даже ночью тропинка поросла короткой травой, которая вроде бы даже немного светилась во тьме.

Налетевший ветер запустил пальцы в волосы Луиса, и в одно мгновение к Луису вернулся старый детский страх перед темнотой. Луис почувствовал себя слабым, маленьким и испуганным. Неужели он в самом деле пойдет в лес, потащит туда труп своего сына, пройдет среди деревьев, где гуляет ветер, мчится из тьмы во тьму? Один в такое время?

«Не думай об этом. Ты должен это сделать».

Луис отправился в путь.

* * *

Он добрался до Хладбища Домашних Любимцев через двадцать минут, его руки и ноги дрожали от изнеможения, и он, задыхаясь, рухнул, переложив брезентовый сверток себе на

колени. Луис отдыхал минут двадцать, может, тридцать... больше он не боялся. Его страх истощился.

Наконец, он снова встал на ноги, по-настоящему не веря, что сможет забраться на бурелом, зная только; что обязательно должен попытаться. Сверток теперь, казалось, весил не два десятка футов, а все сорок.

Но это произошло до того, как Луис отправился дальше. Неожиданно он совершенно отчетливо вспомнил свой сон. Нет, не вспомнил, заново его пережил И, когда он поставил ногу на нижнее бревно бурелома, у него возникло странное ощущение. Луис возликовал, тяжесть ноши не исчезла, но стала терпимой... не имеющей значения, в конце концов.

«Следуй за мной и не смотри вниз. Нельзя колебаться и смотреть вниз. Я знаю дорогу, но идти нужно быстро и уверенно».

Быстро и уверенно. Да... так же, как Джад вырвал тогда пчелиное жало.

«Я знаю, как перелезть через бурелом».

«К тому месту, где хоронили Микмаки, ведет одна тропа, — так думал Луис. — Но ведь кто-то должен был первым показать дорогу... или нет?» Однажды Луис просто так попытался забраться на бурелом и не смог. В этот раз он уверенно начал подниматься, так же, как в ту ночь, когда Джад показывал дорогу.

Выше и выше, не смотреть вниз! У него в руках сверток с телом сына! Выше, до тех пор, пока ветер не станет снова играть у него в волосах, нестись, завывая, по бескрайним просторам!»

Мгновение Луис простоял на вершине, а потом стал быстро спускаться, так, словно шел по лестнице. Кирка и лопата звенели, иногда больно били его по спине. Прошло не больше минуты, а Луис уже стоял на тропинке, заново по-весеннему посыпанной хвойными иглами. Сзади возвышался бурелом. Он был выше, чем кладбищенская ограда.

Луис пошел дальше по тропинке, вслушиваясь в завывания ветра среди деревьев. Теперь этот звук не пугал его. То, что нужно было сотворить в эту ночь, было уже почти сделано.

ГЛАВА 54

Речел Крид миновала дорожный знак с надписью: «Поворот 8. Западная граница Портленда» и направила «Чеветту», взятую напрокат в фирме «Авис», к повороту. Речел уже видела зеленое здание гостиницы на фоне ночного неба. Постель. Сон. Конец этого постоянного, равномерного движения. Конец... небольшой перерыв в конце концов... отдохнуть от непрерывного страдания по ребенку, которого уже не вернешь. Это горе, как поняла Речел только теперь, напоминало боль от вырванного зуба. Сильная вначале, боль прячется, словно пес, поджав хвост. Боль ждет своего часа. А вот когда кончается действие новокаина, разве можно с уверенностью сказать, что больше болеть не будет?

«Пасков сказал Элли, что хочет предупредить... но не может вмешиваться. Он сказал, что будет рядом с „папочкой“, потому что „папочка“ был рядом, когда отлетела его душа... Джад что-то знает, но не хочет говорить. Что-то там происходит. Что-то... Но что?.. Луис хочет совершить самоубийство? Нет. Только не Луис. Я не верю в это. Но Джад о чем-то недоговаривал. И взгляд Луиса был лживым... о, черт побери, выглядел он так, словно лгал... увидела и попыталась остановить... потому что часть его словно... покончила с собой... Покончить с собой? Луис никогда не совершит самоубийства!»

Неожиданно Речел резко повернула руль влево, и машина резко дернулась. Взыли тормоза. На мгновение Речел подумала, что ее заносит. Но нет, она снова ехала на север, и гостиница осталась у нее за спиной. Следующий знак показался в поле зрения, отсвечивая сверхъестественно и жутко: «12 шоссе, Кемберленд. Центр Кемберленд. Жребий Иерусалима. Поворот на Фалмаут». «Жребий Иерусалима, — подумала Речел, — какое странное названий Неприятное название, но непонятно почему... Поехать в Иерусалим и выспаться...»

Нет, не суждено ей было уснуть в эту ночь. Совет Джада не был выполнен. Теперь она

хотела только одного: доехать как можно быстрее до дома. Джад знал, что происходит, и пообещал ей все рассказать. Он сам хотел попробовать остановить это, но ведь ему за восемьдесят. Всего три месяца назад он похоронил жену. Речел никогда не позволила бы Луису таким образом выставить ее из дома, но ее расслабила смерть Гаджа; Элли со своей фотографией (ее заплаканное личико — личико ребенка, неожиданно пережившего Торнадо или взрыв бомбы среди ясного неба). Когда началась собачья вахта, Речел уже почти возненавидела Луиса за то, что он привел ее в такое смятение, не создал ей условия для комфортабельного отдыха, в котором она так нуждалась (не дал ей самой позаботиться о себе). Она же любила Луиса так сильно, а лицо его при расставании было таким бледным... таким настороженным...

Стрелка спидометра «Чеветти» перескочила на одно деление, отметку шестьдесят миль в час. Миля в минуту. Два с половиной часа и будет Ладлоу. Может, она даже успеет до рассвета.

Речел покрутила настройку радиоприемника, поймала станцию, передающую рок-н-ролл из Портленда. Сделав звук как можно громче, она попыталась заставить себя не засыпать. Через полчаса станция замолчала. Тогда Речел настроила приемник на станцию «Аугуста», открыла окно, позволив ночному воздуху обдывать ей лицо.

Речел удивлялась: кончится ли когда-нибудь эта ночь?

ГЛАВА 55

Луис заново пережил свой сон. Оказался в его тисках. Каждые несколько мгновений он смотрел вниз, под ноги, чтобы уверить себя, что мертвое тело Гаджа не превратилось в зеленое чудовище. Он помнил, как проснулся утром, после того как Джад впервые привел его сюда... в то утро он едва смог вспомнить, где они были накануне и что делали. Но сейчас он живо вспомнил все — все те ощущения. Словно все его чувства ожили, выпорхнули из клетки, когда он вошел в лес, где, как казалось, каждое дерево обладало собственным разумом и находилось в постоянном телепатическом контакте с остальными.

Шагая по тропинке дальше и дальше, Луис заново открывал для себя эти места, места, где тропинка казалась такой же широкой, как 15 шоссе] места, где она сужалась. Там ему приходилось поворачиваться боком, чтобы протиснуться, раздвинуть ветви подлеска, не поцарапавшись; места, где тропинка шла между высокими, кафедральными деревьями. Луис чувствовал чистый, свежий запах хвойных иголок, слышал, как шуршат иголки под ногами... но ощущения были намного реальнее, чем звук.

Наконец, тропинка круто пошла вниз. Скоро ноги его зашлепали по воде, начали увязать в грязи... трясине, если верить Джаду. Луис посмотрел под ноги и увидел, что стоит в воде между травяными кочками и низкими, уродливыми кустами, которые распушились так, словно растут в тропиках. Он решил, что сейчас светлее, чем в другие ночи. Больше электричества в воздухе.

«Следующий участок пути похож на бурелом... Ты должен идти легко и быстро. Следуй за мной, но не смотри под ноги...» Да, ладно... Так и будет. А раньше ты видел где-нибудь в Мэйне такие кусты? В Мэйне или еще где-нибудь? Как же, черт возьми, они называются... не думай, Луис. Только... иди».

Он пошел дальше, глядя на влажные, болотные растения — слишком высокие для травы. Теперь Луис глядел только вперед. Его ноги сами несли его с одной кочки на другую... «Мы принимал ли нашу веру, как постулат, вроде силы тяжести», — подумал он. В колледже на теологическом и философском курсах об этом не было ни слова, но однажды в университете его преподаватель физики, где-то к концу семестра... этого Луис никогда не забудет...

«Луис допускал, что земля, где хоронили Микмаки, может оживлять мертвых, и шел по Маленькому Болоту Бога со своим сыном на руках, не глядя ни вниз, ни назад. Болото булькало так, как бывает в конце осени. Из камышей доносилось чириканье: хор стрижей

звучал неприятно. Густой туман заставил по особому вибрировать какие-то струны в их горлышках. Раз двадцать Луис замечал нечто напоминающее самолет-снаряд, пронесившееся по воздуху... может, летучие мыши?

Постепенно его ботинки испачкались в грязи. Потом он измазался до колен... а вскоре и вовсе превратился в шар — черные от грязи ноги исчезли, растворившись на фоне черной грязи. Луису показалось, что свет стал ярче. Свет шел отовсюду и пульсировал, словно его испускало некое гигантское сердце. Никогда раньше Луис не чувствовал, что природные силы, окружающие его, так могучи, реальны — имеют собственные органы осязания. Болото было живым. Если спросить точнее, Луис не смог бы сформулировать, в чем же заключалось то «живое». Он лишь понимал, что болото многое может и обладает силой. А сам Луис чувствовал себя очень маленьким, смертным существом.

Потом раздался звук. Луис хорошо запомнил его. Высокий, жадный смех, перешедший в рыдания. На мгновение наступила тишина, потом смех послышался снова и раздался безумный крик, от которого у Луиса кровь застыла в жилах. Туман продолжал сонно обволакивать его. Смех стих, оставив лишь гудение ветра, хотя у земли никакого ветра и в помине не было. Все просто: это геологические каверны в земле. Если ветер ударил бы сюда, он бы разнес туман в клочья... а Луис не был уверен, что хочет видеть то, что его окружало сейчас.

«Ты можешь услышать звуки, похожие на голоса, но это кричат гагары к югу от тропы. Эти голоса влекут к себе... Забавно».

— Гагары, — сказал Луис и почувствовал, как его голос сломался. Что-то призрачное появилось в его собственном голосе. Звучал он забавно: «Бог мне поможет!» — подумал Луис. Вот насколько забавно он звучал!

На мгновение Луис заколебался, а потом отправился дальше. Словно наказывая его за остановку, болото едва не отобрало у него ботинок, когда он шагнул на следующую кочку. Трясина, скрывающаяся под тонким слоем мха, едва не проглотила его башмак!

Голос (если это был, конечно, голос) послышался снова, — «этот раз слева. Через мгновение он стал доноситься справа... потом сзади, из-за спины. Казалось, если Луис обернется, то нос к носу столкнется с жаждущей крови тварью: обнаженные клыки и сверкающие глаза... но Луис не стал ждать. Глядя только вперед, он пошел дальше. Неожиданно туман сгустился, и Луису показалось, что впереди в тумане он видит чье-то лицо: злобное на вид и бормочущее; глаза имели раскосый восточный разрез — яркие, желтовато-серые, утонувшие в глазницах, сверкающие; не рот — дыра; вытянувшиеся губы прикрывали ее, кривые зубы с темно-коричневыми пятнами. Но поразили Луиса уши, которые были вовсе не ушами, а закрученными рогами... не дьявольскими рожками, а бараньими рогами...

Ужасная, плавающая в воздухе голова говорила... смеялась. Ее рот двигался, губы сжимались и растягивались до своего настоящего размера. Ноздри раздувались, словно существо дышало, жило.

Когда Луис подошел ближе, плавающая в воздухе голова высунула язык. Он оказался длинным, тонким и совсем желтым, покрытым шерстью и чешуей. И потом Луис увидел выползающего изо рта, словно скалолаз, белого червя. Кончик языка извернулся в воздухе и щелчком сбил червя назад, откуда тот выполз... Тварь смеялась...

Луис крепче прижал к себе Гаджа, обнял его так, словно это могло защитить его и, споткнувшись, соскользнул с кочки.

«Ты можешь увидеть Огни Святого Эльма... которые моряки называют дурацкими огоньками. Порой они тут принимают очень странные формы, но это ничего. Если увидишь какие-нибудь тени, и они заинтересуют тебя, постарайся все же смотреть в другую сторону».

Голос Джада заставил Луиса принять окончательное решение. Луис пошел вперед, сперва еще чувствуя страх, а потом все более уверенно, не глядя по сторонам, даже на то лицо он не глядел... если, конечно, это было лицо, а не туман, облекшийся в некую странную форму в его мозгу... Казалось, кто-то все время идет на некотором расстоянии от

него. А через несколько секунд или минут этот кто-то растворился в тумане.

«И никаких Огней Святого Эльма!»

Конечно, их тут и быть не могло. Место казалось переполнено духами, а не статическим электричеством. А если оглядеться по сторонам, можно было и с ума сойти. Но Луис об этом не думал. Не нужно ему было об этом думать. Не нужно...

Что-то приближалось.

Луис остановился, прислушиваясь к звуку... непреклонно приближающемуся звуку. Рот Луиса открылся, удерживающие нижнюю челюсть мускулы просто расслабились.

Подобного звука Луис раньше никогда не слышал... звук издавало какое-то живое существо. Громкий звук. Где-то неподалеку, все ближе и ближе, трещали ветви. Ветви трещали так, словно их давили ноги невообразимо громадного зверя. Желеобразная земля — плоть болота сотрясалась под ногами Луиса.

Только тут Луис понял, что и сам он тихо постанывает в такт приближающимся шагам...

(О, мой Бог! Мой милый Бог! Кто же там бродит в тумане?) ...снова, еще крепче прижал Луис труп Гаджа к груди. И только тут Луис заметил, что птицы-соглядайки и лягушки давно замолчали. Во влажном, болотном воздухе Луис почувствовал какой-то древний, кисловатый запах.

Впереди было что-то. Что-то огромное.

Луис уже не мог удивляться. Его перекошенное от страха лицо поднялось к небесам. Шаги твари неотвратимо приближались. Слышен был треск деревьев. Не ветвей, а стволов, падающих где-то поблизости.

Потом Луис кое-что увидел.

В тумане появилось серое, как сланец, пятно. Постепенно оно становилось все больше и больше. Оно появилось в шестидесяти футах над землей. Оно не имело определенной формы, но в то же время казалось реальным. Луис почувствовал движение в воздухе при приближении твари, слышал грохот ее шагов. Словно ноги мамонта ступали по земле.

На мгновение Луису показалось, что где-то над головой он видит желто-оранжевые огоньки. Огоньки, похожие на глаза.

Потом звуки начали удаляться, стихать. Словно тварь, оглядев его, уступила дорогу. Потом она позвала кого-то еще. Кто-то ответил. К их разговору присоединился третий, четвертый. Потом взревели пятый и шестой. Гагары... ага? Голоса стали удаляться (медленно, степенно) на север. Но хуже всего было то, что вокруг в тумане Луис почувствовал какое-то движение. Тише... тише... и все, наконец, смолкло.

Луис мог идти дальше. Его плечи и спину свело от напряжения — все это время он стоял неподвижно, изо всех сил прижимая к себе труп Гаджа, словно боялся, что неведомые существа отберут то, что по праву принадлежало ему. От пота его нижнее белье промокло насквозь. Первые в этом году москиты, только народившиеся и голодные, обнаружили его и облюбовали, признав в Луисе легкую добычу.

«Вакиньян... Боже правый, это был Вакиньян... это существо, которое бродит по северным лесам, существо, которое, коснувшись, может превратить вас в каннибала. Вот так. Вакиньян прошел в каких-нибудь шестидесяти ярдах от меня».

Сказав это себе, Луис отнюдь не нашел это забавным. Как в свое время не вызвали у него смеха странные идеи Джада насчет того, что можно увидеть и услышать на этом странном болоте, по ту сторону Хладбища Домашних Любимцев... тут были гагары, Огни Святого Эльма... а сам он скоро окажется в Нью-Йорке в камере предварительного заключения, с обвинением по делу о разграблении могил. Пусть все, что угодно, только не те существа, которые прыгают, ползают, скользят и тащатся, волоча ноги между мирами живых и мертвых. Пусть придет Бог, наступит утро, рассеется туман. Наступит воскресное утро, заулыбается епископ... только не надо темных, подкрадывающихся в ночи страхов.

Луис пошел дальше, и скоро земля у него под ногами стала тверже. Через несколько мгновений он подошел к упавшему дереву, крона которого терялась в тумане и казалась

огромной тряпкой, которую уронила гигантская домохозяйка. Дерево оказалось... расколотым... сломанным, и его желто-белая сердцевина истекала соком. Когда Луис коснулся места разлома, кровь дерева показалась ему теплой... а с другой стороны дерева оказалась яма. Дальше начинались приземистые кусты можжевельника, словно втоптаные в землю. Луис не мог заставить себя поверить, что это всего лишь следы ног. Конечно, он мог оглянуться и попытаться определить их форму, но вместо этого он пошел дальше, полез вверх. Он шел дальше. Ему было холодно. Во рту пересохло и хотелось пить. Сердце едва не выскакивало из груди.

Скоро грязь перестала хлюпать и под ногами снова зашуршали сосновые иголки. Потом появились первые камни. Луис почти добрался до цели.

Тропинка быстро пошла наверх. Луис больно ободрался о камень. Но это была не просто скала. Неуклюже вытянув руку, он дотронулся до скалы.

«Вот и ступеньки, вырезанные в скале. Надо идти дальше. Скоро-скоро доберемся мы до вершины. Мы будем там!»

Когда Луис начал подъем, усталость вернулась. Особенно сильно болела спина... но осталось совсем немного. Мысленно отсчитывая ступени, Луис поднимался все выше и выше, дрожа от холода, словно боролся с могучим воздушным течением, которое постепенно становилось все сильнее, рвало с него одежду, дергало края брезента, в который был завернут Гадж, отчего брезент хлопал, словно выстрелы из пистолета, так порой хлопают приспущенные, но не зарифленные паруса.

Оглянувшись, Луис увидел до безумия ярко горящие звезды. В небе не было созвездий, которые он мог бы узнать, и он снова оглянулся, забеспокоившись. Рядом была отвесная скала, но не гладкая, а расколотая, в выбоинах, раскрошившаяся; тут напоминающая лодку, там барсука, тут лицо человека, набросившего капюшон и нахмурившегося. Только ступени были гладкими.

Поднявшись на вершину, Луис остановился, опустив голову, качнулся, восстанавливая дыхание. Луис чувствовал болезненные уколы в легких — словно щепка впивалась ему в бок.

Ветер ерошил ему волосы и ревел в ушах, словно дракон.

Ночь выдалась светлой. Разве в тот, первый раз было облачно, или это ему только сейчас казалось? Теперь не важно. Но Луис хорошо видел индейское кладбище, и от этого зрелища холодок пополз у него по спине вдоль позвоночника.

Как тут все было похоже на Хладбище Домашних Любимцев!

«Конечно, ты же знал это, — мысленно прошептал он так, когда увидел, что пирамидки камней располагаются спиралью. — Ты знал это... или должен был знать это... не концентрические круги, а спираль...»

Да. Здесь на краю каменного стола, повернувшегося к холодному звездному свету, к черному пространству между звезд, была выложена огромная спираль. Но это же не настоящие пирамидки! Только теперь Луис увидел и понял это. Это не те пирамидки, под которыми лежали вернувшиеся к жизни существа. Те пирамидки рассыпались от ударов изнутри... из-под земли... когда те, кто был похоронен, вылезали на свет божий. А обломки скал и камни из рассыпанных бывшими покойниками пирамидок сами по себе падали так, что сложились в спираль.

«Интересно, кто-нибудь до меня видел это пятно в воздухе? — подумал Луис, а потом он подумал о той пропасти, что разделяет различные племена индейцев. „Видел ли это кто-нибудь из индейцев? А если они видели, интересно, как они это объясняли?“

Преклонив колени, Луис опустил тело Гаджа на землю со вздохом облегчения.

Наконец, он начал приходить в себя. С помощью карманного перочинного ножа, он срезал ленту, удерживающую кирку и лопату у него за спиной. Зазвенев, они упали на землю. Луис повернулся и на мгновение прилег, словно орел, разбросав крылья. Луис слепо уставился на звезды.

«А что же было там, на болоте? Луис, Луис, неужели ты на самом деле думаешь, что

вздремнуть в таком месте хорошая мысль? Можно ведь и не проснуться».

Поздно было поворачивать назад, пора было браться за дело.

«Ладно, — сказал Луис сам себе. — Все может получиться как надо. Ни одно дело не выходит, если не рисковать. А риска нет без любви. Сюда бы мой саквояж! Не тот, что внизу, а тот, что наверху, в ванной, на верхней полке; тот, за которым я послал Джада, когда у Нормы случился сердечный приступ. Шприцы на тот случай, если что-нибудь пойдет не так... что-нибудь плохое случится... Ведь никто точно ничего наперед не знает...»

Потом мысли Луиса стали совершенно путаными. Монотонно бормоча что-то себе под нос, Луис взялся за кирку. Стоя на коленях, он принялся рыть землю. Каждый раз вытаскивая кирку из земли, он наваливался на рукоять, как старый римлянин наваливается на рукоять меча, высвобождая его из живота варвара. Медленно-медленно яма приобретала форму, становилась все глубже и глубже. Луис выкатывал комья земли, камни; большую часть камней просто отшвыривала сторону, а часть откладывал...

...для пирамидки.

ГЛАВА 56

Речел хлопала себя по щекам, пока лицо не начало зудеть, но ей удалось отогнать сон, во всяком случае, на какое-то время она проснулась. Сейчас она была уже в Питтсфелде. Все пункты оплаты проезда остались позади. Ей до смерти надоели внимательные контролеры, чьи глаза сверкали холодным, голодным пламенем. Но теперь все они остались позади вместе с многочисленными пунктами оплаты проезда. «Чеветта» катила все дальше и дальше.

Речел, снова почувствовав, что задремала, резко крутанула рулевое колесо влево. Тормоза опять взвыли, и Речел показалось, что она услышала слабый «щелк!», словно бампер ее машины стукнулся об один из шлагбаумов пункта оплаты. Сердце Речел забилось учащенно, метнулось в груди так, словно готово было выскочить наружу. Перед глазами у нее все завертелось. В глазах то темнело, то светлело, в такт ударам сердца. Через мгновение разозлившись на близкую опасность, которую едва удалось избежать, на свой внезапный испуг и Роберта Гордона, недостаточно вдохновенно расппевающего «Красную жару» по радио, Речел снова стала дремать.

Потом в ее сонном мозгу родилась безумная, параноидальная мысль.

— Я сошла с ума, — прошептала Речел в такт завываниям рок-н-ролла. — Все правильно.

Она попыталась засмеяться, но не смогла. Не сумела. Потому что мысли ее замерзли, словно замороженные, а глаза невидящим взором устремились в ночь. Было в этой ночи что-то волшебное, привиденческое. Речел чувствовала себя, словно мультипликационная фигурка — абстрактное существо, которое мчится по резинке гигантской рогатки. А кто-то натягивал резинку все сильнее и сильнее, но ведь потом потенциальная энергия высвободится, превратится в кинетическую энергию движения... движения... движения по инерции... что?., элементарная физика... что-то словно пыталось... заставляло ее откинуться назад... оставайся там, где ты есть... и тело хотело отдыха, хотело, чтоб неумный разум оставил его в покое... как тело Гаджа... больше никакого движения.

В этот раз визг тормозов был протяжнее, опасность столкновения намного больше, С воющим, скрипящим звуком «Чеветта» промчалась, сдирая краску с борта о паребрик дорожного ограждения. Мгновение рулевое колесо не слушалось Речел. А потом машина Речел остановилась. Речел сидела за рулем и всхлипывала... плакала. Она могла уснуть намного крепче, а не слегка задремать. Уснуть и видеть сны. А машина неслась бы по шоссе со скоростью шестьдесят миль в час! Если бы не ограждение... если бы вдоль шоссе стояли отдельные столбики.

Речел, нажав на газ, проехала чуть дальше и там припарковала машину, а потом, закрыв лицо руками, заплакала навзрыд.

«Что-то пытается не пустить меня к Луису».

Когда она снова почувствовала, что снова может контролировать себя, успокоилась и поехала дальше. Система управления автомобиля ничуть не пострадала, но Речел полагала, что в компании «Авис» ей предъявят солидный счет, когда завтра вечером она вернет им машину на пункте проката неподалеку от Ладлоу. "Не думать ни о чем. Только о дороге. Эй, выпить бы немножко кофе. Да! Это первое, что нужно сделать».

На повороте на Питтсфелд Речел свернула с шоссе. Проехав еще с миллю, она увидела ярко светящуюся арку и услышала громкое рычание дизелей. Она прибыла сюда, чтобы заправить «Чеветту».

— Кто-то пропахал ей бока с обеих сторон, — сказал рабочий заправочной станции восхищенно.

А потом Речел заглянула в закусную, где пахло салом, вареными яйцами... и, без сомнения, крепким кофе.

Одну за другой, как лекарство, Речел выпила три чашки кофе... черного, сладкого кофе. Несколько водителей грузовиков сидели за стойкой или за столиками, обманутые официантками, которые каким-то образом ухитрились выглядеть словно нянечки, получившие плохие новости. А все из-за флюоресцентного света рекламы, горевшей на улице, зазывавшей одиноких путников ночи.

Заплатив по счету, Речел направилась к припаркованной «Чеветте», но машина отказалась заводиться. Ключ повернулся, раздался глухой щелчок... и все.

Речел сильно, но без особой злости ударила кулаком по рулевому колесу. Что-то пыталось остановить ее. Дело было не в машине, новенькой с иголки, накатавшей не более пяти тысяч миль и позорно, вот так, закончившей свой путь... Видимо, все-таки Речел придется тут застрять. В каких-то пятидесяти милях от дома.

Речел прислушалась, как гудят моторы больших грузовиков, и неожиданно у нее возникло ощущение, что среди этих грузовиков «Оринго» есть тот, который раскатал по шоссе ее сына... И мотор этого грузовика не бормочет, а хихикает!

Тогда Речел опустила голову и зарыдала.

ГЛАВА 57

Луис стукнулся обо что-то и упал, растянувшись на земле. На мгновение ему показалось, что подняться он уже не сможет... у него просто не хватит сил... Он просто лежал, прислушиваясь к хору птиц Маленького Болота Бога, оставшегося где-то там, позади. Он чувствовал, как ноет и болит все его тело, и мог лежать тут, пока не уснул бы. Или пока не умер. Скорее последнее.... ..он столкнул брезентовый сверток с Гаджем в яму, которую вырыл, а потом голыми руками засыпал яму землей. И он помнил, что должен собрать камни, потом сложить широкое основание...

С того момента, как он начал собирать камни, он помнил очень мало. Очевидно, спустившись вниз по ступенькам, он перешел болото... И все же, где он? Оглядевшись, Луис увидел, узнал высокие сосны, которые росли рядом с буреломом. Значит, он перешел через Маленькое Болото Бога, даже не понимая, что делает. Луис был в этом уверен. На все сто.

«Но я еще достаточно далеко от дома. Может, мне стоит поспать тут?»

Но эта мысль оказалась такой фальшивой, что Луис заставил себя встать на ноги и отправиться дальше. Ведь если он останется здесь, та тварь с раздвоенным языком может найти его... тварь, которая прячется на болоте, а может, и в лесу... может, даже сейчас она следит за ним.

Луис поднес руки к лицу. Увидел кровь. Удивился... Потом высморкался.

— Где же я так руки разодрал? — хрипло прошептал он и стал озираться, а потом заметил кирку с лопатой...

Через десять минут впереди показался бурелом. Луис перелез через него, спотыкаясь, но так и не упав. Когда он посмотрел себе под ноги, ветвь тут же затрещала («не смотри

вниз», — так говорил Джад). Задрожала соседняя ветвь. Луис упал в грязь, рядом с могилами Кладбища Домашних Любимцев. Ударил порыв ветра.

«Будь я проклят, если это не третье кладбище, на котором я валяюсь за одну ночь... и будь я проклят, если я не наелся этим...»

Луис снова нащупал кирку и лопату, подобрал их. На мгновение он оглянулся, разглядывая все, что можно увидеть при свете звезд. Рядом с ним была могила Смаки. «Он был послушным», — с трудом вспомнил Луис. А вот «Той кси, убитый на шоссе». Ветер стал сильнее, и Луис слышал слабые «тинк-тинк-тинк» кусочков металла. Может, это были банки «Дел Монте», трудолюбиво разрезанные теми, чьи Домашние Любимцы ныне покоились здесь; жестяные пластинки, прибитые к длинным палкам... и тут страх снова вернулся к Луису. Луис чувствовал, как некое тошнотворное настроение овладевает им. Оно постепенно усиливалось и усиливалось, превратившись, наконец, в спазмы желудка. Луиса вырвало. Эти «тинк-тинк-тинк», доносящиеся из темноты, звали его домой.

Луис пересек Хладбище Домашних Любимцев, оставив позади могилку «Марты, нашей любимицы-крольчихи, умершей 1 марта 1965 года» и могильный холмик Генерала Паттона. Он перешагнул неровный кусок доски, которая отмечала конец кладбища «Полинезия». Металл стал звенеть громче, и Луис остановился. Здесь, к краю тонкой доски, надгробием врытой в землю, был прибит жестяной прямоугольник. Луис прочитал: «Ринго — наш хомяк. 1964—1965 годы». Он и издавал тот самый, звенящий на все Хладбище металлический звук. Луис с остервенением отодрал кусок жести от палки-надгробия... и тут волосы у него встали дыбом.

Позади бурелома что-то двигалось. Что-то было там!

То, что услышал Луис — какие-то потаенные звуки... как потрескивание хвойных иголок. Вот сухо треснула ветка, зашуршала трава. Ветер, завывающий в вышине, почти заглушал эти звуки.

— Гадж? — хрипло позвал Луис.

Он сам отлично понимал, что делает... стоит в темноте и зовет своего мертвого сына. От осознания того, что происходит, у Луиса по спине поползли мурашки. Волосы его встали дыбом. Потом он сильно задрожал от беспомощности, объятый тошнотворным, убийственным страхом.

— Гадж?

Звуки стихли.

«Нет, конечно. Если бы Гадж появился сейчас, все получилось бы чересчур легко. Не спрашивайте меня, откуда я знаю, что это не он. Это не Гадж. Это... кто-то другой».

Неожиданно, так показалось Луису, он словно бы услышал голос Элли. Он вспомнил, как дочь как-то сказала ему: «И воскликнул во весь голос: „Лазарь, выйди оттуда!“ Потому что если бы Господь не назвал его имени, то все мертвецы из могил поднялись бы...»

С другой стороны бурелома снова послышались звуки. Слышал ли Луис что-то на самом деле... или ему только казалось?... Все заглушал ветер. А по ту сторону бурелома, повинаясь каким-то своим, древним инстинктам, бродила ужасная тварь. Лихорадочно возбужденный мозг Луиса нарисовал ужасную, тошнотворную картину: огромная моль — гигантская летучая мышь, скорее бегущая по земле, чем летящая по небу...

Луис пересек кладбище, больше поворачиваясь к бурелому, выглядевшему призрачным образованием, иссеченным шрамами темноты... Луис отправился назад по тропинке, потом он заторопился и, наверное, четверть мили бежал, до того места, где тропинка вынырнула из леса на поле за домом. Дальше бежать у него не было сил.

* * *

Равнодушно швырнув кирку и лопату в гараж, Луис замер на мгновение у въезда на асфальтовую дорожку, посмотрел назад на дорожку, которой он пришел, а потом заглянул в гараж. Было уже четыре пятнадцать, и Луис был уверен: скоро заря. Но пока тут, в Ладлоу,

царствовала ночь. Ветер стал сильнее.

Луис зашел в дом, пересек гараж, предварительно заперев заднюю дверь. Он прошел через кухню, не включая света, и зашел в маленькую ванную, между кухней и столовой. Здесь он включил свет. В первую очередь он увидел Черча, свернувшегося на крышке унитаза. Кот уставился на хозяина мутными желто-зелеными глазами.

— Черч, — сказал Луис. — Думаю, что кто-то сейчас снимет тебя оттуда.

Черч по-прежнему смотрел на Луиса с крышки унитаза. Да, кто-то должен согнать Черча с крышки унитаза, и Луис сделает это сам! Он помнил, что когда рабочий стеклил окошко в подвале, Луис сказал сам себе, что с котом все в порядке. Разве это не ребячество? Но... Когда Черч хотел пробраться в дом, ему это всегда удавалось... И еще, дело в том, что Черч после Воскрешения сильно изменился.

Не слишком заметно, но сильно. Изменились его поступки... ничего материального. Но у кота появилось что-то чуждое человеку, что-то от покачивающихся, шаркающих ногами зомби Джорджа Ромеро; что-то от героя поэмы Элиота об опустошенном человеке.

— Ничего, я еще живой! — заявил Луис хриплым голосом, расстегивая рубашку. — Я к тебе обращаюсь, Черч. Тебе лучше поверить в это.

Хорошенький синяк появился у Луиса на левом боку, точно посреди грудной клетки. А когда он снял свои штаны, то увидел, что колено, которое ударил о надгробие на кладбище «Плеасантвиев», раздуло. Колено стало пурпурно-черным. Луис решил пока ногу не сгибать, потому что, когда он попытался ее согнуть, стало очень больно, словно ногу пронзили тысячи игл. А выглядела она так, словно и не собиралась сгибаться до конца жизни Луиса.

Потянувшись, Луис схватил Черча, пытавшегося сделать так, чтобы его не заметили. Луис не хотел обижать кота, но кот рвался назад на облюбованную им крышку унитаза, выкручиваясь в руках Луиса самым сверхъестественным способом. Луис пересадил кота в другое место. Выходя из ванной комнаты, кот даже не удостоил Луиса взглядом.

Луис опустился на стульчик, посидел, ощупывая и растирая разбитое колено. Потом он стал растирать себе поясницу.

Покинув туалет, он отправился в гостиную, включил свет и какое-то время простоял у подножия лестницы, ведущей вверх. Как странно! Тут он стоял в Рождество, когда подарил Речел ту драгоценную цепочку. Коробочка с цепочкой долго лежала в кармане его халата. Вон там стоял стул, когда он рассказывал Элли о Смерти, после того как у Нормы Крандолл случился сердечный приступ... события, которые показались Луису теперь и вовсе не существенными... не существовавшими. А Рождественская елка стояла там. А там — индейка, сделанная Элли из бумаги. Эта индейка напоминала Луису что-то из искусства футуристов... шотландские занавески на окнах, а много раньше — тут просто была пустая комната, в центре которой сгрудились коробки Объединенной Воздушной Авиалинии, наполненные всяким барахлом, через всю страну доставленные сюда, на Запад. Подумав, Луис решил, что их вещи тогда выглядели и вовсе ненужными. Сложенные в коробки, они напоминали маленький бастион, которым Криды отгородились от внешнего мира; мира, в котором их имена, их привычки никого не интересовали.

Как это все странно! Как хотел бы Луис никогда не слышать об университете в Мэйне, о Ладлоу, Джаде и Норме Крандоллах. Не слышать во веки веков! Он поднялся по лестнице и отправился в ванную комнату второго этажа. Встав на унитаз, он достал маленький черный саквояж, заменяющий ему домашний медицинский кабинет. Он отнес саквояж в спальню и, сев на кровать, начал в нем рыться. Да, тут были шприцы и те внутривенные лекарства, которые могли понадобиться... и бинты — несколько пакетов первой помощи, хирургический скальпель и завернутая в бумагу ампула со смертоносной жидкостью.

Если, конечно, в этой ампуле возникнет необходимость. Защелкнув саквояж, Луис поставил его на кровать. Включив верхний свет, он лег, заложив руки за голову. Лежать на спине, отдыхая, было прелестно. Мысленно он вернулся в Диснейленд. Он увидел себя во всем белом; увидел, как он ведет грузовик, к которому прицеплены огромные мышинные уши. Ничто не указывало на то, что снаружи что-то происходит, ничто не пугало посетителей

Диснейленда.

Рядом с ним сидел Гадж. Кожа у него была сильно загорелой, а белки глаз сверкали. Тут, прямо... нет, чуть левее, стоял Гуфи. Он тряс руку маленькому мальчику. Ребенок был потрясен. Герой мультфильма оказался перед ним в плоти и крови! Винни Пух передразнивал двух смеющихся бабушек в брючных костюмах, а маленькая девочка, видимо, одевшая на прогулку свое лучшее платье, кричала:

— Я люблю тебя, Тигра! Я люблю тебя, Тигра! Луис и его сын проводили патрулирование. Луис и его сын охраняли обитателей волшебной страны и бесконечно, безостановочно курсировали по Диснейленду на белом автобусе с красной полосой. Они не видели ничего опасного для людей, но готовы были встретиться с любой опасностью лицом к лицу. Ведь что-то, какая-то опасность затаилась здесь в месте, посвященном невинным удовольствиям малышей. Вот улыбающийся человек, купивший «Мэйн Стрит», прижал газету к груди, пытаясь с ее помощью спастись от сердечного приступа; вон у беременной женщины, когда она выходила из «Небесной колесницы», начались предродовые схватки; десятилетняя девочка, такая же красивая, как крошки с плакатов Нормана Роквелла, неожиданно свалилась в припадке эпилепсии; бездельницы болтали, сидя на скамеечках, а потом попадали, как по приказу, — кровоизлияние в мозг. Доболтались! Солнечный удар... и кровоизлияние в мозг. Может, под конец лета у кого-нибудь случится куриная слепота от яркого солнечного света? Чего тут только не было. А почему? Потому что тут был Оз — Веикий и Ушшасный... может, это он проскользнул вдоль станции детской монорельсовой дороги, у входа в волшебное королевство Алисы? Вон он на одном из этих летающих Дамбо, сидит в вышине и шарит по толпе жадным, глупым взглядом... И тут Луис с Гаджем заметили гротескную фигуру, похожую на Гуфи, Мики, Тигру и даже на достойного всяческого уважения Дональда Дака. Это — Оз. Он всегда один, потому что никто не любит его, никто не хочет отдавать ему своего сына или дочь. Луис с Гаджем знали его, сталкивались с ним лицом к лицу в Новой Англии в прошлом, уже несколько раз сталкивались. А Оз — Веикий и Ушшасный постепенно сжимал круги, душил, шипел, словно привидение. Он — смерть в стакане земляных орешков, в куске мяса или рыбы, в следующей пачке сигарет. Он всегда рядом. Он осуществляет связь между смертными и Вечностью. Сухие хвойные иглы, ядовитые жуки, связанная узлами колючая проволока, лесные огоньки. Вертелись ролики скейтов. Маленькие дети ездили на скейтах по стране Диснея, пытаясь проскочить оживленные переходы, где их давили могучие грузовики. Даже отправляясь принять ванну, нужно взять с собой зрителя. Оз всегда с вами — зритель и друг в одном лице. Когда вы садитесь в самолет, Оз уже на борту. Когда вы пьете, Оз — в воде. Он в пище, которую вы едите. Кто это там? — кричите вы во тьму, когда одни и испуганы, и слышите ответ: «Не бойся, это я. Ха! Дорогуша, так у тебя же рак кишок! Заражение! Лейкемия! Воспаление мозга! Коронарный тромбоз! Энцефалия! Остеомиелит! Хей-хо, то ли еще будет!» В дверях наркоман с ножом... Телефонный звонок в полночь... Кровь в ваших жилах закипает, словно кислота... Большая горка пилюль. Жуйте! Жуйте! Эти особые таблеточки вызывают удушье... Последний раз попытайтесь спастись... «Нет, люди, никуда вы не денетесь. Мое имя Оз — Веикий и Ушшасный, но вы можете звать меня просто Оз, если хотите. Только остановитесь, и почувствуете сердечную слабость, и в голове у вас затвердеет тромб или еще что-то приключится. Не останавливайтесь... помните, нельзя останавливаться женщине, которая должна родить — земле, той где хоронили Микмаки...»

И в это время тоненький голосок закричал:

— Я люблю тебя, Тигра! Я верю в тебя. Тигра! Я всегда буду любить тебя, я останусь юным, и только Оз будет жить в моем сердце... Оз — ласковый факир-стрелок из Небраски! Я люблю тебя...

Мы прокляты... мой сын и я... потому что суть жизни не война и не секс — они лишь вызывают отвращение, если ими пересытиться. Суть жизни — Страх и благородная, безнадежная битва с ним, с Озом — Веиким и Ушшасным. Оз и я — оба мы прокляты. И Оз придет ко мне с красными бусинками глаз, скрытыми под капюшоном, и он придет к нам...

потому что, мужчина тоже выращивает, что может... и пожинает плоды.

Вот такие путанные, беспокойные мысли переполняли голову Луиса Крида. Но ему все же удалось выскользнуть из бессвязного кошмара, разогнав никчемные мысли... нырнуть в черный сон без сновидений.

* * *

Когда первые лучи зари коснулись неба на востоке, еще слабо светили звезды. Они светили слабо, но еще светили. Вот тогда в доме Кридов появилась Темная Тень. Появился запах... вонь. Крепко уснувший Луис зашептал и отвернулся не в силах вынести этот запах. Ему даже захотелось проснуться и нацепить респиратор.

Существо некоторое время постояло в дверях спальни своего хозяина не двигаясь. Потом оно вошло в комнату. Луис, не просыпаясь, спрятал лицо в подушку. Белые руки Твари вытянулись и открыли саквояж доктора Крида.

Что-то, позвякивая, зашуршало внутри.

Руки Твари перебирали содержимое саквояжа, отметая в сторону ампулы, таблетки и шприцы. Потом они натолкнулись на то, что Тварь искала. В первых, тусклых лучах зари сверкнула хромированная сталь.

Темное Существо покинуло комнату.

ЧАСТЬ III. ОЗ — ВЕЙКИЙ И УШШАСНЫЙ

...Он подошел к гробнице. Это была пещера, вход в которую прикрывал камень.

Иисус говорит: отвалите камень. Сестра умершего, Марфа говорит Ему:

Господи, от него уже пахнет, ведь четыре дня прошло.

И вот отвалили камень (от гробницы), в которой лежал умерший. Иисус же, подняв голос, воскликнул: восстань, Лазарь!

И тотчас появился умерший, руки и ноги которого были обвиты погребальными пеленами, а лицо покрывал платок. Иисус говорит иудеям: развяжите его, чтоб он мог идти.

Евангелие Иоанна (пересказ)

— Я только думала об этом, — истерично сказала она. — Почему я не думала об этом раньше? Почему я не думала об этом?

— Думала о чем? — спросил он.

— О двух других желаниях, — быстро сказала она. — Мы же загадали только одно.

— Разве не достаточно, — зло спросил он.

— Нет, — победно воскликнула она. — Мы загадаем еще одно. Давай поторопимся и вернем жизнь нашему мальчику.

В. В. Джакоб («Обезьянья лапа»)

ГЛАВА 58

Джад Крандолл с криком проснулся, едва не упав со стула. Он не знал, сколько времени он проспал: может быть, пятнадцать минут, а может, три часа. Посмотрев на часы, он увидел, что уже пять минут пятого. У него возникло чувство, что в комнате что-то изменилось, и позвоночник у него болел оттого, что он спал сидя.

«Ах, ты глупый старик, посмотри, что ты наделал!»

Он отлично понимал, что случилось, сердцем понимал. И касалось это не только его. Он не просто заснул на часах; он крепко заснул.

Это Огорчило старика, но существовало нечто, что по-настоящему напугало его: что разбудило его? Джаду показалось, что он услышал некий звук...

Старик задержал дыхание, прислушиваясь к испуганному трепету своего сердца.

Был какой-то звук — не просто звук, разбудивший его, а что-то более конкретное. Слабый скрип дверных петель?

Джад знал все звуки этого дома — как трещат доски пола, как скрипят ступеньки лестницы, как поет и завывает ветер в водосточной трубе, когда по-пьяному заиграется, как это было в прошлую ночь. Звук, который разбудил его, он знал так же хорошо, как все остальные звуки своего дома. Тяжелая дверь, ведущая на улицу, единственная дверь между верандой и прихожей; только она скрипела так, когда ее открывали. Поняв, что скрипело, старик еще раз попытался поподробнее вспомнить звук, разбудивший его. Тихий скрип двери, разделяющей веранду и прихожую.

— Луис? — позвал старик, не надеясь услышать ответ. Это был не Луис. Явилось возмездие за гордость и тщеславие Джада. Медленные шаги в прихожей.

— Луис? — снова позвал Джад, но только слабый скрип досок ответил ему, и старик почувствовал запах твари, которая вошла под утро в его дом. Сильный запах — запах гнилой земли.

Джад взглянул в нагромождение теней — кресло-качалку Нормы, стенной шкаф, комод — но деталей было не разглядеть. Он попытался шагнуть и почувствовал, как его ноги стали мокрыми. Тогда старик мысленно закричал: закричал, что не хочет встречаться с этим, что он слишком для этого стар. Ему хватило Тимми Батермена, к тому же тогда он был еще молод.

Со скрипом открылась дверь и появились новые тени. Одна из теней была более вещественна, чем остальные.

Великий Боже, что за вонь!

Шаркающие шаги в темноте.

— Гадж? — наконец Джаду удалось встать на ноги. Краешком глаза он увидел горку сигаретного пепла в пепельнице с Джимом Беамом. — Гадж, если это ты...

Ужасный мяукающий звук был ему ответом, и на мгновение кости Джада оледенели. Не сын Луиса вернулся из могилы, а какое-то ужасное чудовище.

Ничего подобного!

Это был Черч. Кот присел на пороге. Это он мяукал. Глаза кота горели, словно тусклые лампочки. Потом Джад перевел взгляд на вторую тень, появившуюся на пороге.

Джад качнулся, пытаясь собраться с мыслями и не сойти с ума от запаха. И как холодно стало тут — тварь принесла с собой холод могилы.

Джад пошатнулся. Кот подошел и стал тереться о ноги старика, заставив Джада сделать несколько неуверенных шагов назад, чтобы не упасть. Кот мурлыкал. Джад пнул его, погнав прочь. Кот оскалился на старика и зашипел.

«Подумай! Подумай, ты — глупый старик, еще не поздно, конечно, еще не поздно... оно вернулось, но его можно снова убить... если тебе только это удастся... если ты только сможешь решиться...».

Джад повернул на кухню, и сразу вспомнил о ящике с вилками и ножами, ящике рядом с раковиной. Там лежал нож, огромный, как у мясника.

Спиной старик прижался к двери, ведущей на кухню, а потом спиной открыл ее. Тварь, вошедшая в дом, затаилась, но Джад отлично слышал ее дыхание. Он даже разглядел белую рученьку, качающуюся туда-сюда... и что-то было зажато в этой рученьке, но что именно, старик не смог разглядеть. Дверь захлопнулась. Джад оказался на кухне. Повернувшись спиной к двери, старик метнулся к ящику с ножами: он искал нож для разделки мяса. Выдвинув ящик, Джад увидел его деревянную рукоятку. Схватив нож, старик снова повернулся к двери. Теперь в руках он сжимал оружие. Шаг... другой... Постепенно храбрость возвращалась к нему.

«Помни, это не ребенок! Тварь может кричать, может начать говорить что-то, когда ты

нападешь на нее... она может говорить на разные голоса... Но ты же не поддашься на обман. Ты делал глупости уже много раз, старик. Это — твой последний шанс!»

Со скрипом открылась дверь из гостиной на кухню, но вначале появился один кот. Джад мгновение следил за ним, а потом снова посмотрел на дверь.

Окна кухни выходили на восток. Светало, и первые лучи солнца уже врываются в окно — слабый, молочно-белый свет.

Вошел Гадж Крид, одетый в костюмчик, в котором был похоронен. Болотная тина испортила белую рубашку. Его великолепные, светлые волосы затвердели от грязи. Один глаз уставился в стену — ужасно сосредоточенно он смотрел в никуда; другой глаз изучал Джада.

Гадж усмехнулся старику. — Привет, Джад, — по-детски прогудел Гадж, но голос его стал совершенно иным. — Я пришел забрать твою гнилую, вонючую душу в ад. Ты уже выеб... меня однажды. Ты-то думал, что я не вернусь, чтобы выеб... тебя?

Джад поднял нож.

— Подойди, и я тебе приложу этой штукой. Мы еще посмотрим, кто кого выеб...

— Норма мертва, и тебя оплакивать будет некому, — сказал Гадж. — Она-то была дешевой подтиркой. Она перееб... со всеми твоими друзьями, Джад. Она им и через жопу давала. Это она любила особенно. Она теперь горит в Аду, вместе со своим артритом и всем остальным. Я видел ее там, Джад. Я видел ее там.

Тварь сделала два нетвердых шага к старику; ботиночки чудовища оставляли грязный след на линолеуме. Тварь выставила одну руку вперед, словно хотела дотянуться до старика, а другую прятала за спину.

— Послушай, Джад, — прошептало чудовище... и потом, открыв ротик, обнажив молочные зубки, хоть губы и не двигались, оно заговорило другим голосом, который вырывался из чрева существа... приглушенный голос, доносившийся издалека, голос Нормы:

— Я смеялась над тобой, Джад! Мы все смеялись над тобой! Ах, как мы смееееееееяались...

— Заткнись! — нож в руке Джада задрожал.

— Мы занимались этим в нашей кровати. Я и Гек. Я и с Джорджем была и со всеми остальными. Я все знала о твоих девках, но ты-то не знал, что женат на бляди. И как же мы все смеялись, Джад! Мы еб... и смеялись над...

— Заткнись! — завопил Джад. Он прыгнул на крошечную, качающуюся фигурку в грязном костюмчике строгого покроя. Из темноты вылетел кот и замер перед Джадом, сжимавшим мясницкий нож. Кот шипел, его уши были прижаты к черепу. Нож выскользнул из руки старика. Упав, он скользнул по искривленному и выцветшему линолеуму, закрутился. Со звоном он ударился об плинтус и отлетел под холодильник.

Джад понял, что снова свалил дурака. Единственное утешение, что в последний раз. Кот встал на задние лапы; пасть открыта, глаза сверкают. Он шипел, словно чайник. И тогда Гадж бросился на старика, по-прежнему усмехаясь и выпучив глаза. Его правая рука вынырнула из-за спины, и Джад увидел, что Гадж сжимает в ней скальпель из саквояжа Луиса.

— О, дорогой Иисус, — только и смог выговорить Джад, а потом, извернувшись, подставил правую руку, защищаясь от удара. У него возникло ощущение... точно в голове что-то вспыхнуло... Старик никак не мог понять, почему скальпель одновременно торчит с обеих сторон его ладони. Потом что-то теплое брызнуло ему в лицо, и он понял.

— Ух, как я натяну тебя, старик! — тварь в облике Гаджа сдавленно захихикала, выдохнув отравленный воздух в лицо старику. — Ох, как я выеб... тебя сейчас! Как я всех вас достану!.. Я... хочу этого!

Джад метнулся и поймал запястье Гаджа. Под его пальцами кожа с ручки ребенка соскользнула, словно перчатка.

Скальпель дернулся в руке старика, оставив глубокую рану.

— Всех... вас я... хочу...

Скальпель снова обрушился на Джада.
Снова...
...и снова.

ГЛАВА 59

— А теперь попробуйте, мэм, — сказал водитель грузовика. Он выглянул из-под поднятого капота машины, которую Речел взяла напрокат.

Речел повернула ключ зажигания. Мотор «Чеветты» заревел, оживая. Водитель грузовика опустил капот и подошел к дверце водителя, вытирая руки большим синим носовым платком. У него было приятное, открытое лицо. Шапочка «Водителей Грузовиков Дусарт» была одета задом наперед.

— Большое спасибо, — сказала Речел, готовая расплакаться. — Я не знаю, чем я могла бы отблагодарить вас.

— Да любой ребенок исправил бы это, — сказал водитель грузовика. — Странная поломка. Никогда ничего подобного не видел, особенно у новой машины.

— Почему? А что же там было?

— Отсоединилась одна из клемм аккумулятора. Ведь никто же не мог ее открутить, так?

— Никто не мог, — согласилась Речел, а сама подумала о том, что чувствовала ночью, о гигантской резинке, гигантской рогатке.

— Может, так получилось, когда вы ударились. Я так думаю. Но больше с этим у вас неприятностей не будет. Я крепко закрепил контакты.

— Сколько я вам должна? — робко спросила Речел. Водитель грузовика рассмеялся, словно бык проревел.

— Не надо мне ничего, дамочка, — сказал он. — Наши парни — рыцари дорог, запомните! Она улыбнулась.

— Хорошо — большое вам спасибо.

— Большое пожалуйста, — он улыбнулся ей, неуместно, наигранно. Первые лучи солнца расцвелили горизонт на востоке.

Речел улыбнулась в ответ и осторожно выехала со стоянки станции техобслуживания. Посмотрев в обе стороны на всякий случай, она выехала на шоссе и через пять минут была на развилке, в том месте, где свернула с дороги на север выпить кофе. Кофе помог больше, чем она думала. Она чувствовала себя полностью проснувшейся. Никакой дремоты. Ее глаза совсем не устали. Но у Речел осталось такое впечатление, что ее погладили против шерсти, ей казалось, что ею манипулируют какие-то силы. Отвалившийся контакт аккумулятора...

Но больше никаких задержек...

Она нервно засмеялась. А не опоздала ли она?

Что-то непоправимое уже случилось.

Глупо. Смешно. Но Речел стала гнать машину все быстрее и быстрее.

В пять часов, когда Джад попытался отразить первый удар скальпеля, взятого из черного саквояжа его хорошего друга доктора Луиса Крида; когда дочь Луиса Крида проснулась, вскочила с кровати с криком, испугавшись кошмара, который тут же милосердно растаял, Речел миновала поворот и проехала по улице Хаммонд неподалеку от кладбища, где в гробу ее сына вместо тела Гаджа Лежал заступ. Она проехала по мосту между Бревером и Бангором. В пять пятнадцать она уже мчалась по 15 шоссе в Ладлоу.

* * *

Она решила пойти прямо к Джаду и потребовать, чтобы он выполнил свое обещание. На дорожке перед ее домом «Цивика» не было, и хотя Речел и подумала, что машина может быть в гараже, дом выглядел спящим, пустым. Ничего не подсказывало ей, что Луис уже

дома.

Речел припарковалась возле дома Джада и вылезла из «Чеветти», осторожно оглядевшись. Трава стала тяжелой от росы, искрящейся в утренних лучах солнца. Где-то пропела птица, а потом наступила тишина. Только несколько раз в детстве, просыпаясь на заре, не потому что надо, а просто так, она чувствовала себя так одиноко и испытывала такой душевный подъем — парадоксальное ощущение смеси нового и старого. Но в это утро она не ощутила ничего чистого и хорошего. Было только постоянное, давящее чувство, от которого она не могла избавиться с момента тяжелой утраты.

Речел поднялась по ступенькам и остановилась у двери, ведущей на веранду, не позвонив в старомодный звоночек над дверью. Когда она увидела звоночек в первый раз, она была очарована, да и Луис тоже. Знаете, такой звоночек поворачиваете, потом отпускаете и раздается музыкальный звук — архаичный и восхитительный.

Речел вначале потянулась было к звонку, но потом ее взгляд скользнул на половик, лежащий на ступеньках, и она нахмурилась. По половичку тянулась цепочка грязных следов. Оглядевшись, Речел увидела, что следы ведут прямо к двери. Очень маленькие такие следы. Детские следы — так они выглядели. Но ведь Речел вела машину всю ночь, и нигде никакого дождя не было. Ветер был, дождя не было.

Она долго смотрела на следы — на самом деле долго... а потом с удивлением обнаружила, что у нее нет сил звонить в звонок. Рука Речел упала, словно омертвевшая.

«Я предвидела все это. Предвидела, что звонок не сможет нарушить этой тишины. Джад, скорее всего, улегся спать, после всего, что случилось. Звонок разбудит его...»

Но почему же она испугалась? Нервы Речел были напряжены до предела, страх засел глубоко в ней, с тех пор как она поняла, что кто-то пытается усыпить ее, а сейчас появился другой, сильный страх... что-то связанное исключительно с этими маленькими следами. Следами, размер которых...

Она попыталась отогнать эту мысль, но ей не удалось. Слишком поздно, соответствовал размеру ботиночек Гаджа. Остановить это. Но как ты сможешь это остановить? Пересилив себя, она потянулась и позвонила. Звук оказался даже громче, чем она предполагала, и совсем не музыкальный... грубый, скрипучий крик в тишине. Речел отскочила, нервно хихикнув, хотя во всем этом не было ничего смешного. Она ждала шагов Джада, но никаких шагов не было. Стояла тишина, полная тишина; Речел начала спорить сама с собой: стоит или нет снова звонить в этот звонок, а потом из-за двери послышался звук — звук, который Речел не ожидала услышать.

— Мяоу!.. Мяоу!.. Мяоу!

— Черч? — удивилась Речел и немного испугалась. Речел подалась вперед, но разглядеть ничего было нельзя: стекло на двери, ведущей в дом, было закрыто опрятной белой занавеской. Работа Нормы. — Черч, это ты?

— Мяоу!

Речел толкнула дверь. Та оказалась незапертой. Черч был там. Сидел на веранде прямо посреди, обернув хвостом передние лапы. мех кота был испачкан чем-то темным. «Грязь», — подумала Речел, а потом увидела капли на линолеуме. Капли были красными.

Кот поднял лапу и начал ее облизывать, но глаз с Речел не сводил.

— Джад? — позвала она снова, теперь уже по-настоящему встревожившись. Она шагнула вперед.

Дом молчал. Стояла тишина.

Речел попыталась собраться с мыслями, но единственное — образ ее сестры Зельды — был у нее в голове. А кроме Зельды только расплывчатые мысли. Речел видела, как перекручены руки Зельды; как та пыталась стукнуться головой о стену, когда приходила в ярость — разлетелись газеты, на штукатурке появились трещины. Но сейчас не время думать о Зельде, не сейчас, когда с Джадом могло что-то случиться. Может, он упал? Он ведь старик.

«Думай о Джаде, а не о снах, которые видела в детстве, снах, в которых ты открывала

дверцы стенного шкафа, а Зельда выпрыгивала оттуда, усмехаясь; снах о существе, спрятавшемся в ванной, и о глазах Зельды, следящих за тобой из унитаза; снах о Зельде, затаившейся в подвале за печкой; снах...»

Черч открыл рот, продемонстрировав острые зубы, и снова прокричал:

— Мяоу!

«Луис был прав. Мы никогда не сможем его исправить. Черч никогда не станет таким, как был раньше. Но ведь Луис сказал, что если кастрировать кота, то у него пропадут все агрессивные инстинкты. Луис ошибся насчет этого: Черч стал охотником. Он...»

— Мяоу!

Черч повернулся и нырнул в гостиную, стал подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж.

— Джад? — снова позвала Речел. — Вы здесь?

— Мяоу! — закричал Черч с верхней площадки лестницы, словно утвердительно отвечая на вопрос Речел, а потом он исчез.

«Как он попал в дом? Джад его пустил? Почему?»

Речел переминалась с ноги на ногу, не зная, что делать дальше. Хуже всего, что все это казалось... казалось... казалось какой-то скоростью, так словно что-то хотело заманить ее туда и...

А потом сверху донесся стон — низкий голос, полный боли — голос Джада, точно, голос Джада. «Он упал в ванной, может быть, споткнулся и сломал ногу, а может, только растянул сухожилие. Все может быть. Старые кости такие хрупкие, и о чем ты, девочка думаешь, во имя Бога, раз стоишь здесь, переминаясь с ноги на ногу, когда ты должна идти вверх? А ведь у Черча шкура была в крови. Джад до крови разбился, а ты стоишь здесь! Да что с тобой?!»

— Джад!

И снова донесся стон. Речел помчалась вверх по лестнице.

Раньше она никогда не была в этой части дома. Из-за того, что окно в конце коридора выходило на запад, к реке, тут было довольно темно. Коридор вел прямо от лестницы в заднюю часть дома; перила вишневого дерева придавали лестничной площадке наверху особую элегантность. Там, на стене, висела картина, изображающая Апокалипсис и...

(все эти годы Зельда ждала тебя и сейчас она за дверью, она там сгорбленная, кривая, воняющая мочой — мертвая. И в этот раз Зельда поймает тебя).

...снова раздался стон. Он донесся из-за второй двери справа.

Речел подошла к этой двери, ее каблуки стучали по доскам. Ей показалось, что она прошла какое-то искривление — не искривление времени или пространства, а просто через кривое зеркало. Речел снова стала маленькой. Картина Апокалипсиса уплывала все выше и выше, и скоро вырезанная из оргстекла ручка двери оказалась на уровне глаз Речел. Маленькая ручка девочки — ее рука сжала эту ручку и... и до того, как Речел толкнула дверь, та сама начала открываться.

А там стояла Зельда.

Зельда была сгорбленной и перекрученной, ее тело так жестоко деформировалось, что она словно превратилась в карлика, немногим больше двух футов ростом, и почему-то она носила костюм, в котором похоронили Гаджа. Но это точно была Зельда. Ее глаза горели безумным весельем, ее лицо покраснелось. А потом Зельда закричала:

— Наконец-то я вернулась за тобой, Речел! Теперь-то мы выгнем твою спинку, как выгнулась моя, и ты никогда больше не встанешь с кровати. Никогда больше не встанешь с кровати...

Черч восседал на плече Зельды. А потом ее лицо поплыло, стало меняться, и Речел, с закручивающимся спиралью ужасом, увидела, что на самом деле это не Зельда. Как она могла допустить такую глупую ошибку? Это был Гадж. Его лицо почернело от грязи и было измазано кровью. Оно распухло, словно от ужасной боли, и было растерто грязными ручками.

Речел позвала малыша, протянула к нему руки. Гадж подбежал к мамочке и залез ей на руки, и все это время он держал одну руку за спиной, словно у него там был букет цветов, собранных на заднем дворе...

— Мамочка, я кое-что приготовил для тебя! — закричал он. — Я приготовил для тебя кое-что! Я приготовил для тебя кое-что! Я приготовил для тебя кое-что!

ГЛАВА 60

Луис Крид проснулся от слепящего солнечного света. Он попытался приподняться и сморщился от внезапной, острой боли в спине. Страшная боль. Откинувшись назад, на подушку, он осмотрел себя. До сих пор он был одет. О, Боже!

Он еще полежал, сопротивляясь слабости, напрягая по очереди каждый мускул, а потом сел.

— О, дерьмо! — прошептал он. На несколько секунд... все поплыло у него перед глазами. Спина болела, словно больной зуб, а стоило ему пошевелить головой, казалось, что в сухожилия шеи впиваются ржавые бандитские ножи. Но по-настоящему плохо выглядело только колено. С ним надо было что-то делать. Луис снова отругал себя за то, что ударился об тот еб... й надгробный камень. Его штаны сильно натянулись на колене, которое распухло, выглядело словно воздушный шарик.

— Да, похоже штаны будет снять трудновато, — прошептал он. — Как был мальчишкой, так им и остался.

Он медленно наклонился, чтоб сесть на край кровати. От боли ему пришлось сжать губы так, что они аж побелели. Потом он начал понемножку сгибать ногу, прислушиваясь к боли, пытаясь решить, что же он там повредил на самом деле, если это...

«Гадж! Гадж вернулся?»

Луис вскочил на ноги вопреки боли. Шатаясь, словно зомби, он пересек комнату. Открыв дверь, он заглянул в комнату Гаджа. Комната оказалась пустой. Луис дохромал до комнаты Элли, которая оказалась тоже пустой, а потом до комнаты «для гостей». Эта комната, окнами выходившая на шоссе, тоже была пустой. Но...

На той стороне дороги стояла странная машина. Она была припаркована позади автомобиля Джада.

Откуда она взялась?

Станный автомобиль мог причинить много неприятностей.

Приподняв занавеску, Луис стал изучать автомобиль более внимательно. Это была маленькая, синяя машина «Чеветти». И, свернувшись колечком, очевидно уснув, на ее крыше лежал Черч.

Луис долго рассматривал машину, прежде чем опустить занавеску. У Джада появилась компания, вот и все... что из этого следует. Наверное, не стоит беспокоиться об этом, а стоит подумать: что случилось с Гаджем? Черч вернулся домой около часа, а сейчас было только девять часов. Девять часов утра. Такое прекрасное майское утречко. Сейчас Луис просто спустится вниз и сварит себе кофе, чтобы отогнать головную боль, перевяжет колено и...

...у что Черч делает на крыше автомобиля?

— Ладно, пойду вниз, — устало сказал сам себе Луис и похромал назад вниз в гостиную. Коты всегда спят, где придется: это в природе животных.

Если не считать того, что Черч больше не бегает через дорогу, помнишь?

— Забудь об этом, — прошептал Луис и остановился посреди лестницы, по которой ему приходилось спускаться боком. Он уже разговаривает сам с собой! Это плохо. Что...

Что за тварь бродила по лесу этой ночью?

Мысль о твари пришла к Луису непрошено, заставив его окаменеть, сжать губы до боли, как тогда, когда он слезал с кровати. Ему просто приснилась та тварь! Он видел во сне Диснейленд, который выглядел смесью натурального и сверхъестественного. Он видел, как во сне, существо, пришедшее из леса, прикоснулось к нему, испортив то хорошее, что он

видел во сне, заглушив все добрые мысли. Это был Вакиньян, и он превратил Луиса не в каннибала, а в отца каннибала. Во, сне Луис снова побывал на Кладбище Домашних Любимцев, но не один. Там были Билл и Тимми Батермены. Джад тоже был там; выглядел призрачно и мертвенно, держал своего пса Спота на кожаном поводке. И Лейстер Морган был там вместе с быком Ханраттом. Бык лежал на боку, и казался каким-то глупым, тупым. Да и Речел почему-то была там тоже. Его жена выглядела так же, как на поминках Гаджа. Видно, она разлила бутылку кетчупа, а может, капнула на себя чем-то, что было под клюквенным соусом, потому что все платье ее было в красных пятнах.

А дальше, позади бурелома возвышалась титаническая фигура. Кожа растресканная, желтая, как рептилий; глаза — глаза огромные запавшие фонари, и уши — не уши, а массивные, крученые рога — Вакиньян — зверь, который выглядел словно ящерица, рожденная женщиной. У Бога были когтистые пальцы, такие же растресканные как...

— Стоп, — прошептал Луис и содрогнулся от звука собственного голоса. Сейчас он вернется на кухню, так он решил, и сделает себе завтрак, как обычно. Холостяцкий завтрак, полный холестерина. Глазунью на два яйца, сэндвич с майонезом и ломтиками сладкого лука. Луис сладко улыбнулся. А разбираться в том, что случилось ночью, он будет позже. Даже раздеться сейчас оказалось нелегкой работой. Наконец, Луис решил, что может просто взять скальпель из саквояжа и разрезать штанину до распухшего колена. Черт возьми, это хороший медицинский инструмент, и ни один нож в доме не сможет с такой легкостью разрезать крепкую ткань джинсов, даже портновские ножницы Речел не подойдут.

Но вначале завтрак!

Луис пересек гостиную, заглянул в прихожую, и в окошке снова увидел синюю машину у дома Джада. Она сверкала от росы, а это означало, что она простояла там какое-то время. Черч лежал на ее крыше, но не спал. Он смотрел прямо на Луиса своими желто-зелеными глазами.

Луис быстро отступил от окна, так, словно этот взгляд испугал его.

Он пошел на кухню, с грохотом достал сковородку, вынул яйца из холодильника. Кухня сверкала чистотой. Луис даже попытался просвистеть какую-то мелодию... это должно было помочь ему собраться с мыслями... но не помогло. Все выглядело правильно, но что-то было не так. Дом казался смертоносно пуст, и содеянное в прошлую ночь тяжелым камнем легло на душу Луиса. Определенно, что-то было неправильно. Заметив свою дрожащую тень на стене, он испугался.

Прохромав в ванную, Луис принял пару таблеток аспирина и запил апельсиновым соком. Он возвращался назад к плите, когда зазвонил телефон.

Луис не сразу среагировал на телефонный звонок, но повернулся и посмотрел на телефонный аппарат, почувствовал себя медлительной, глупой пешкой в некой игре, которую только сейчас начал замечать, но так и не понял до конца.

«Не отвечай! Ты не хочешь отвечать, потому что сообщить могут только плохие новости. Тот конец провода ведет за угол, во тьму, и я не думаю, что ты хочешь узнать, кто там звонит тебе, Луис. На самом деле, я думаю, не стоит брать трубку. Не отвечай. Пусть звонит себе и звонит. Машина в гараже, садись на нее и уезжай, но не бери телефонную трубку...»

Луис пересек комнату и взял трубку, оперевшись одной рукой о стену, как всегда делал раньше. Звонил Ирвин Голдмен, и когда Ирвин уже сказал Луису «здравствуй», Луис заметил цепочку следов, пересекающих кухню, — маленьких, грязных следов — и сердце замерло у него в груди. Луису показалось, что глаза у него вылезли на лоб. Луису показалось, что если бы сейчас он увидел себя в зеркале, он увидел бы типичного лунатика семнадцатого столетия... Это были следы Гаджа. Гадж был здесь. Он приходил сюда ночью. Так где же он?

— Это Ирвин, Луис... Луис? Это ты? Алло?

— Да, Ирвин, — ответил Луис. Он уже знал, что скажет ему Ирвин. Он понял, откуда взялась синяя машина. Он все понял. Провод... провод и правда уходил в темноту... Луис

мог бы быстро пойти вдоль него, держась за него рукой. Ах, если бы он просто разрезал провод, а не поднимал трубку! Нет, это был провод для него, он должен был ответить на звонок.

— Я подумал было, что нас разъединили, — сказал Голдмен.

— Нет, просто трубка выскользнула из руки, — сказал Луис спокойным, печальным голосом.

— Речел добралась домой?

— Да, конечно, — сказал Луис, подумав о синей машине. Черч нежился на ее крыше, а машина стояла на месте. Луис не сводил взгляда с грязных следов на полу.

— Я хочу поговорить с ней, — сказал Голдмен. — Прямо сейчас. Это касается Елены.

— Элли? Что с Элли?

— Я думаю, Речел...

— Речел тут сейчас нет, — грубо сказал Луис. — Она уехала, чтобы купить хлеба и молока. Что с Элли? Говори, Ирвин!

— Мы отвезли ее в больницу, — неохотно сказал Голдмен. — Она видела плохой сон или несколько плохих снов. У нее началась истерика и нам не удалось привести ее в чувство. Она...

— Они давали ей успокоительное?

— Что?

— Успокоительное? — повторил Луис. — Они давали ей успокоительное?

— Да, да. Они давали ей таблетки и она снова уснула.

— Что она говорила? Что ее так сильно напугало? — Луис сжал телефонную трубку так, что у него побелели костяшки пальцев.

Молчание на том конце провода... Ирвин Голдмен долго молчал. Луис не прерывал молчания, он ждал.

— Слова девочки очень испугали Дору, — наконец сказал Ирвин. — Девочка еще долго бормотала после того... после того как накричалась. Дора сама почти... ты понимаешь.

— Что говорила Элли?

— Она сказала, что Оз — Великий и Ужасный убил ее маму. Только она сказала по-другому. Она сказала... она сказала: «Оз — Веикий и Ушшасный» так, как говорила наша другая дочь. Наша Зельда. Луис, поверь мне, когда я услышал это, захотел задать Речел вопрос: как много она рассказывала Елене о Зельде? Рассказывала ли она об этом тебе? О смерти Зельды?

Луис закрыл глаза. Земля ушла у него из под ног. Голос Голдмена доносился до него словно сквозь толстую подушку тумана.

«Ты можешь услышать звуки, похожие на голоса, но это кричат гагары дальше к югу от Тропы. Эти голоса влекут к себе...»

— Луис, ты слушаешь?

— Элли пришла в норму? — спросил Луис и собственный голос показался ему каким-то отрешенным. — Теперь с Элли все нормально? Что говорят врачи?

— Шок после похорон, — ответил Голдмен. — Я вызвал своего доктора. Латропа. Хороший человек. Он сказал, что девочка сильно возбуждена. Она проснется сегодня после полудня и будет в порядке, может, даже не будет ничего помнить. Но я думаю, что Речел должна вернуться в Чикаго. Я беспокоюсь, Луис. Я хочу, чтобы вы вместе приехали сюда.

Луис не ответил. «А Бог глазел на воробья», — так сказал Король Джеймс. Луис, однако еще незаметнее, и глаза Бога явно не смотрели в его сторону.

— Луис, Гадж мертв, — проговорил Голдмен. — Я знаю, это трудно осознать... для тебя и Речел... но твоя дочь жива, и очень нуждается в вас.

«Да. Я понимаю это. А вот ты, должно быть, глупый, старый пердун, Ирвин. Но, может, ужас, который случился, когда в апреле 1965 года твои дочери — две сестры оставались одни, затронул и тебя, а? Элли нуждается во мне, но я не могу приехать к вам, дорогая

доченька и милый свекор, потому что сам боюсь... ужасно боюсь... что на моих руках кровь твоей матери, милая Элли».

Луис посмотрел на свои руки, на грязь, засохшую на пальцах. Эта грязь очень напоминала грязь на кухонном полу.

— Все в порядке, — сказал он. — Я понимаю. Мы приедем, как только сможем, Ирвин. Возможно, к вечеру уже будем у вас. Спасибо.

— Мы сделаем все, что возможно, — сказал Голдмен. — Но, наверное, мы тоже уже состарились. А может, мы всегда были такими?

— Элли говорила что-нибудь еще? — спросил Луис. Ответ Голдмена похоронным колокольным звоном отозвался в сердце Луиса.

— Да больше ничего. Только в конце она добавила: «Паксов сказал, что уже слишком поздно».

* * *

Луис повесил телефонную трубку и отправился назад к плите, по-видимому решив продолжить приготовление завтрака... или для того, чтобы все убрать и забыть о еде. Он и сам не знал, на чем ему остановиться. На какое-то время он застыл посреди кухни, охваченный волной слабости, накатившей на него, совершенно обессилившей, а потом упал у двери... «упал в обморок» — так сказать было бы правильнее. Его разум устремился через мрачные бездны. Ему казалось, что его снова и снова переворачивает, словно он делал мертвые петли, раз или два. Потом он ударился больным коленом о хромированный болт и боль пронзила все его тело, подняла с пола и заставила закричать. Мгновение он простоял согнувшись, слезы навернулись у него на глаза.

Наконец, Луис поднялся на ноги, встал покачиваясь. В голове у него прояснилось. Что теперь?

Желание убежать пришло к нему снова, теперь уже в последний раз. Оно было сильнее, чем обычно... Луис снова ощутил приятную тяжесть ключей от машины, лежащих в кармане штанов. Он сядет в «Цивик» и уедет в Чикаго. Он приедет к Элли и останется рядом с ней. Конечно, Голдмены почувствуют, что тут что-то не так, что что-то неладно, а он просто заберет свою девочку... вырвет ее из их лап, если понадобится.

Потом у него опустились руки. Желание убежать было рождено не чувством опустошенности, не чувством вины, не отчаяньем или временной слабостью... Все дело в следах грязи — следах маленьких ножек на полу в кухне. Мысленно Луис представил себе тропинку этих следов, протянувшуюся через всю страну — сперва в Иллинойс, потом во Флориду... через весь мир, если понадобится. Ты породил это, признайся, и оно всегда найдет путь к твоему дому.

Однажды наступит день, когда ты откроешь дверь, а там будет стоять Гадж — безумная пародия на него, и ухмыляться грязной усмешкой. Его чистые, синие глаза станут желтыми и глупыми. Или Элли откроет дверь ванной комнаты, чтобы утром умыться, а в ванне будет сидеть Гадж, тело которого будут пересекать поблекшие шрамы, которые появились после того случая, когда его раскатало... А пахнуть от милого братика будет могилой.

Да, такой день непременно наступит... Луис ни на секунду не сомневался.

— Как я мог так глупо поступить? — сказал он, обращаясь к пустой комнате, а потом, сам для себя, снова повторил. — Как?

«Горе... оно не глупое, Луис. Тут все по-другому... чуть по-другому, но это — жизненно важно. Батарейка, которая сдохла. „То место обладает силой“, — говорил Джад, и он, конечно, был прав. И ты сейчас часть этой силы. Она питается твоими дарами... нет, даже больше. Она собирает их, возводит в куб, возводит в N-ую степень и приумножает свою силу. И питается оно не только дарами. Здравомыслием. Оно поедает твое здравомыслие. Нельзя допустить ни одной ошибки, никаких компромиссов. Это стоило тебе

жены, и почти наверняка оно прибрало к рукам твоего лучшего друга, так же как твоего сына. Все так. Оно побеждает, когда у тебя возникает желание уйти от того, что стучится к тебе в дверь в полночь, когда уже совсем стемнело. Теперь мне осталось только совершить самоубийство, — думал Луис. — Больше я ничего не смогу сделать, так? И все, что надо, есть в моем саквояже. Он мне поможет, поможет победить злую силу того места, где хоронили мертвых индейцев, поклонявшихся Вакиньяну... Злая сила загнала кота на дорогу и, скорее всего, загнала туда Гаджа; она не давала Речел сидеть в Чикаго, обращая все себе на пользу. Точнее, я знаю, что сделаю; я хочу это сделать... Ведь все должно идти правильно, разве нет?»

Да. Должно.

Луис подумал еще о Гадже. Гадж где-то здесь. Где-то неподалеку...

* * *

Луис пошел по грязным следам через гостиную, столовую, назад к лестнице. Тут следы были размазаны, размазаны самим Луисом, потому что он спускался, не заметив их. Следы вели в спальню. «Гадж был тут, — удивленно подумал Луис. — Он был тут». А потом Луис увидел, что его медицинский саквояж открыт.

Содержимое саквояжа, любовно разложенное Луисом, было... После долгих поисков Луис так и не смог отыскать скальпель. Тогда Луис закрыл руками лицо и некоторое время сидел молча. Слабый звук — сдавленный крик, полный отчаянья, вырвался из его горла.

Наконец, Луис снова открыл саквояж и стал перебирать его содержимое.

* * *

Снова вниз по лестнице.

Звук открывающейся двери кладовки. Потом звук открывающегося буфета. Визг открывашки для банок. Последний звук — открылась дверь гаража. Открылась и закрылась. И дом стоит пустой в ярких солнечных майских лучах, как он стоял пустым в августе, годом раньше, ожидая, когда приедут новые жильцы. Так он будет ждать новых хозяев. Может быть, молодая семейная пара, но без детей (со своими надеждами, планами). Счастливые молодожены будут пить итальянское вино и ловенбердское пиво. Муж возьмет кредит в Северо-восточном банке. Жена будет иметь диплом врача и, может быть, трехгодичный опыт ассистента. Муж наколет поленницу дров для камина. Жена будет носить брюки с высокой талией и ходить по полю миссис Винтон, собирать икебану из осенних трав. Ее волосы будут стянуты в хвост — красавица под серыми небесами, совершенно не подозревающая о том, что в этих небесах совсем недавно парил «ястреб». Молодожены будут радоваться тому, что совсем не суеверны, и тому, что они такие практичные, — купили дом задаром, несмотря на ужасную историю... Они расскажут друзьям, что им просто повезло, и станут шутить о призраках на чердаке, будут всех поить ловенбердским пивом и итальянским вином, а потом станут играть в «трик-трак» или «Миль Борн». И, может быть, у них будет собака...

ГЛАВА 61

Луис подождал на обочине, пропустив грузовик «Оринго», нагруженный химическими удобрениями, и потом пересек улицу, направившись к дому Джада. За ним, указывая на запад, протянулась тень. В руке у Луиса была открытая банка кошачьих консервов.

Черч увидел Луиса, сел, не сводя с хозяина глаз.

— Хи, Черч, — сказал Луис, осматривая дом Джада. — Хочешь перекусить?

Он поставил банку кошачьего угощения на капот «Чеветты» и стал смотреть, как Черч легко спрыгнул вниз с крыши и начал есть. Луис запустил руку в карман куртки. Черч подозрительно посмотрел на него, напрягшись, словно стараясь прочитать его мысли. Луис

улыбнулся и шагнул в сторону от машины. Черч снова вернулся к еде, а Луис вынул шприц из кармана.

Он вынул шприц из бумажного конверта и наполнил его 75 миллиграммами морфина и, положив шприц назад в карман куртки, пошел к Черчу, который недоверчиво поглядывал вокруг. Луис улыбнулся коту и сказал:

— Давай, ешь, Черч. Хей-хо, то ли еще будет, правильно?

Он погладил кота, почувствовав, как выгнулась спина зверя, и когда Черч, немного успокоившись, вернулся к еде, Луис выхватил шприц и вонзил иглу глубоко в ляжку кота.

Черча словно электрический разряд пронзил. Кот боролся изо всех сил, кусался и царапался, но Луис, крепко держа его, вогнал полную дозу. Только тогда он отпустил зверя. Кот соскочил с «Чеветты», шипя, словно чайник. Его желто-зеленые глаза казались дикими и зловещими. Игла шприца торчала из его ляжки, а потом вылетела. Но Луису было все равно. Он уже сделал свое дело.

Кот метнулся через дорогу, потом повернул назад к дому, словно вспомнив о чем-то. Остановившись посреди асфальтовой дорожки — подъезда к дому Крандоллов, он начал пьяно раскачиваться. Собравшись с силами, он снова пошел к дому, потом прыгнул и упал. Кот лежал на дорожке в каком-нибудь футе от крыльца, едва дыша.

Луис заглянул в «Чеветту». Там он увидел то, что ему хотелось увидеть меньше всего на свете: на сиденье лежали косметичка Речел, ее шарфик и пачка использованных билетов на самолет.

Потом он повернулся и пошел к дому Крандоллов, к крыльцу. Бока Черча поднимались быстро — трепетали. Черч умирал. Снова.

Перешагнув через кота, Луис поднялся по ступенькам и вошел на веранду.

* * *

— Гадж?

На веранде было холодно. Холодно и темно. Единственное слово упало в тишине, словно камень в глубокий колодец. Тогда Луис снова позвал:

— Гадж?

Ничего. Даже часы в гостиной остановились. В это утро не было ни ветерка.

Но на полу были следы.

Луис пошел в гостиную. Там был запах сигарет, мочи и чего-то выгоревшего. Он увидел стул Джада, стоящий у окна. Стул стоял как-то косо, словно кто-то внезапно вскочил с него, а потом не пододвинул назад. Занавески были раздвинуты и в пепельнице возвышалась гора окурков.

«Джад сидел тут на вахте. Чего же он высматривал? Конечно, меня высматривал — когда я вернусь домой. Только он пропустил меня. Как-то прозевал».

Луис посмотрел на четыре банки из-под пива, выстроенные на ближайшей полке. Нет, от этого старик не заснул бы, а может, он в туалет вышел? Однако очень странно, что эти события случайно совпали, ведь так?

Грязные следы шли мимо стула у окна. Смешанные с человеческими следами, появились отпечатки кошачьих лап. Видно, Черч топтался по грязи, которую оставляли за собой маленькие ботиночки Гаджа. Следы исчезали за приоткрытой дверью на кухне.

С дрожью в сердце Луис отправился по этим следам.

Толкнув дверь на кухню, Луис увидел вывернутые ноги Джада, его старые тапочки, потом клетчатую фланелевую рубашку. Старик вытянулся в большой луже крови.

Луис закрыл лицо руками. Но все было очевидно: Луис увидел глаза Джада, открытые, обвиняюще смотрящие на Луиса, а может, старик обвинял сам себя за то, что запустил всю эту карусель?

«Неужели это сделал Гадж? — удивился Луис. — Неужели Гадж на самом деле это сделал?»

Джаду о том месте рассказал Станни Б., а Станни Б. рассказал о нем его отец, а отцу Станни Б. его отец — последний траппер, француз из северной страны, приехавший сюда еще в дни Франклина Пайерса...

— Джад, извини, — прошептал Луис. Пустые глаза старика воззрились на Луиса.

— Извини, — повторил Луис. Его ноги, казалось, двигались сами по себе, а Луис тем временем мысленно вернулся к прошедшему Дню Благодарения, не к тому вечеру, когда он и Джад потащили дохлого кота на Хладбище Домашних Любимцев, а к праздничному обеду, который устроила Норма. Луис вспомнил, как они смеялись и разговаривали. Мужчины пили пиво, а Норма выпила стакан вина. В тот день Норма постелила на стол белую льняную скатерть. Норма постелила ее на стол, а потом, чтобы скатерть не соскользнула, поставила на нее оловянные подсвечники, в то время как Луис...

Сейчас Луис смотрел, как скатерть волнами ложится на тело Джада, словно упавший парашют, милосердно закрыв мертвое лицо. Почти немедленно на скатерти проступили розовые лепестки, которые потемнели и стали черными на фоне белой равнины.

— Извини, — сказал Луис в третий раз. — Из...

И тут где-то над головой Луиса послышались шаркающие шаги, и слово замерло, так и не сорвавшись с его губ. Тихие, шаркающие шаги. Кто-то ходил там, специально ходил, чтобы его слышали. Да, Луис был в этом убежден! Звук был ясно различим.

Луис затрясло, но ему не сразу удалось взять себя в руки. Подойдя к кухонному столу, застеленному клеенкой, Луис вынул из кармана три больших одноразовых шприца, снял с них бумажные упаковки и разложил их в ряд. Он зарядил каждый шприц огромной дозой морфина из ампулы. Каждой дозы хватило бы, чтоб убить лошадь... или Ханратта — быка, если, конечно, бык окажется поблизости. Потом Луис убрал шприцы назад в карман.

Выйдя из кухни в гостиную, Луис остановился у подножия лестницы.

— Гадж?

Откуда-то из теней, собравшихся наверху, послышалось хихиканье — холодный, безрадостный смех, от которого кожа Луиса пошла мурашками.

Луис стал подниматься наверх.

Поднимался он долго. Теперь Луис отлично понимал, что похож на приговоренного, медленно поднимающегося (а на самом деле так ужасно быстро) на эшафот, где ему должны отрубить голову... а если его, повесят, так ему еще и обмочиться предстояло.

Наконец, Луис поднялся наверх и, держась у стены, запустил руку в карман. Как долго он стоял на месте? Он не знал. Он чувствовал, как здравомыслие начинает возвращаться к нему. Реальное восприятие окружающей действительности. Интересно. Он чувствовал себя, как дерево, ветки которого покрыты толстым слоем льда... если, конечно, деревья вообще что-то чувствуют... Интересно... и немного удивительно.

— Гадж, хочешь поехать со мной во Флориду? Снова кто-то захихикал.

Луис повернулся и увидел свою жену, лежащую посреди коридора, и тоже, мертвую. Ее ноги были вывернуты, так же как у Джада. Ее спина и голова были прислонены к стене. Речел выглядела женщиной, которая заснула, читая в кровати.

Луис подошел к ней.

«Здравствуй, дорогая, — подумал Луис. — Вот ты и вернулась домой».

Кровь забрызгала стену идиотскими пятнами. Сколько ей нанесли ударов? Дюжину? Две дюжины? Кто знает? И сделано это было его скальпелем!

Неожиданно Луис осознал, что же он видит, и тогда он закричал.

Его крик эхом пронесся по дому, который теперь стал обителью мертвых. Глаза выпучены, лицо посинело, волосы встали дыбом — Луис кричал: звуки вырывались из его распухшего горла, словно из адского колокола, ужасный крик, который возвещал гибель не его жены, а его здравомыслия. У, него в голове обрели свободу ужасные образы: в лазарете на ковре умирал Виктор Пасков; Черч вернулся домой с кусочками зеленого полиэтилена в усах; шапочка Гаджа, лежащая на дороге, до краев полная крови; но самое страшное из всего — тварь, которую он видел на Маленьком Болоте Бога; тварь, которая сломала дерево;

тварь с желтыми глазами, Вакиньян — существо северной страны — мертвая тварь, которая обладает невероятным аппетитом, Речел не должна была умереть!

Что-то было... что-то случилось с ней.

(щелк!) В голове у Луиса что-то щелкнуло. словно что-то взорвалось и мгновенно сгорело. Звук обрушился на Луиса, звук открывающейся двери.

Луис, онемев, посмотрел туда, откуда доносился звук. Крик замер в его горле. Там был Гадж. Ротик мальчика был испачкан кровью, которая еще капала у него с подбородочка, губы растянулись в адской усмешке. В одной руке малыш держал скальпель Луиса.

И когда мальчик опустил скальпель, остатки здравого смысла покинули Луиса. Скальпель пронесся рядом с лицом папочки, но при этом Гадж потерял равновесие. «Он такой же неуклюжий, как Черч», — подумал Луис и что есть силы пнул ногой Гаджа. Малыш неловко упал, и Луис оказался на нем, прежде чем тот поднялся. Луис уселся верхом на мальчика, прижав коленом руку малыша, державшую нож.

— Нет! — задыхалась под ним тварь. Ее лицо исказилось и скривилось. В глазах — смерть, опасная смерть и глупая ненависть. — Нет, нет, нет...

Луис вытащил один из шприцов. Он старался действовать как можно быстрее. Тварь под ним была словно скользкая рыба; рука со скальпелем все время вырывалась из зажима Луиса. Вдруг лицо малыша пошло рябью и изменилось. Теперь это было лицо Джада, мертвое и невыразительное; изменения продолжались, и перед Луисом появилось лицо Виктора Паскова: безумно выпученные глаза. Тут же, словно отраженное в зеркале, Луис увидел свое лицо, искаженное болью, — лицо лунатропа. Потом лицо малыша изменилось снова и превратилось в лицо той твари, что Луис встретил на болоте, — низко надвинутые брови, мертвые, желтые глаза, длинный раздвоенный язык и усмешка... шипение.

— Нет, нет, нет-нет-нет...

Тварь брыкалась. Шприц вылетел из руки Луиса и полетел в дальний угол коридора. Луис выхватил другой шприц и вогнал его в спину Гаджа.

Тварь закричала. Тело напряглось и выгнулось, едва не сбросив Луиса. Усмехаясь, Луис выхватил третий шприц и сделал инъекцию в руку Гаджа, полностью выдавив содержимое шприца. Потом он встал и, пятась, медленно побрел назад по коридору. Гадж тоже медленно поднялся и, шаркая, отправился за отцом. Пять шагов — и скальпель выпал из его руки. Он упал на пол острием вниз и, глубоко впившись в дерево, задрожал. Десять шагов — и странный желтый свет в глазах малыша увял. Дюжина... и ребенок упал на колени.

Гадж смотрел на отца. На мгновение Луис увидел своего сына... своего настоящего сына... лицо Гаджа казалось несчастным, полным боли — нестерпимой боли.

— Папочка! — закричал он, а потом упал на пол лицом вниз. Луис постоял мгновение, а потом подошел к Гаджу, двигаясь осторожно, ожидая какого-нибудь трюка. Но никаких трюков не было. Не подпрыгнула неожиданно рука мертвеца. Осторожно Луис прижал пальцы к горлу малыша, нашел пульс и некоторое время следил за пульсом. Последний раз в жизни Луис исполнял обязанности врача. Луис ждал, а пульс постепенно становился все слабее и слабее, пока и вовсе не исчез.

Когда это случилось, Луис поднялся и спустился вниз. Там он присел, свернулся, втиснулся в угол, пытаясь забиться как можно дальше. Он хотел стать совсем маленьким. Если бы только он смог...

* * *

Так Луис просидел больше двух часов... а потом мало-помалу ему в голову закралась темная, но реально осуществимая идея. Засунув палец в рот, Луис решил...

(хей-хо, то ли еще будет!)

...попробовать снова.

* * *

В комнате, где прятался Гадж, Луис содрал покрывало с кровати и отнес его вниз. Осторожно, нежно, он завернул в покрывало тело своей жены, хотел было чего-нибудь спеть над трупом, но потом передумал.

* * *

В гараже Джада Луис нашел бензин. Пять галлонов в красной канистре. Больше, чем надо. Луис пошел на кухню, где под скатертью для Дней Благодарения лежал Джад. Луис облил труп бензином, потом, опустошая канистру, пошел в гостиную, предварительно открыв все газовые конфорки. В гостиной он облил бензином диван, журнальный столик, стулья, протянул бензиновую дорожку до спальни в задней части дома. Запах газа стал сильным, насыщенным.

Спички Джада лежали возле стула, где он нес свою вахту; рядом с сигаретами. Луис взял спички. Выходя на улицу, ой бросил горящую спичку через плечо. Обжигающий жар. Дикая вспышка. Но спина и шея Луиса ничего не чувствовали. Луис плотнее прикрыл дверь. Мгновение он постоял на пороге, наблюдая за оранжевыми языками пламени, бушующими за занавесками, потом перешел через дорогу, на мгновение остановился, вспоминая, как миллион лет назад он пил пиво с Джадом, прислушиваясь к мягкому, нарастающему реву пламени внутри дома.

Потом Луис исчез в своем доме.

ГЛАВА 62

Стив Мастертон повернул, и перед ним появился дом Луиса. В то же мгновение Стив увидел дым, поднимающийся, но не над домом Луиса, а над соседним.

Стив приехал сюда этим утром, потому что беспокоился о Луисе... очень сильно беспокоился. Чарлтон рассказала Мастертону о том, что днем звонила Речел, и тогда Стив удивился, где может быть Луис... и что он делает?

Его беспокойство было смутным, но оно занозой засело в голове. Стив почувствовал, что все идет так, как надо, если бы приехав сюда, увидел, что все в порядке... в порядке настолько, насколько позволяют обстоятельства...

Весна опустошила лазарет, словно по волшебству, и Саррендра предложил Стиву прогуляться. Саррендра мог обойтись и без него. Так что Стив вскочил на свою «Хонду», которую он вывел из гаража всего неделю назад, и поехал в Ладлоу. Может быть, он гнал мотоцикл быстрее, чем необходимо, но он беспокоился. Что-то мучило его. И вместе с беспокойством пришло абсурдное ощущение, что уже слишком поздно. Глупо, конечно, но в недрах желудка появилось то же ощущение, что он испытал, когда неожиданно в лазарет внесли Паскова — ощущение чего-то зловещего, что случится непременно. Стив не был религиозным человеком (в колледже Стив был членом Атеистического клуба целых два семестра и вышел из него, когда ему посоветовал это сделать куратор — тогда многие бросали кружок, потому что это могло потом помешать поступлению на медицинский факультет), но считал, что небольшая степень религиозности необходима человеку. Смерть Паскова, казалось, задала тон всему году. Нехороший получился годик, и все об этом знали. Двое родственничков Саррендры попали в тюрьму по каким-то политическим обвинениям. Саррендра потом сказал, что один из них умер в тюрьме. Саррендра тогда плакал, и его слезы — слезы индейца испугали Стива. И мать миссис Чарлтон совсем расхворалась. Стойкая медсестра не теряла оптимизма, считая, что у ее матери еще есть шансы выкарабкаться. Стив сам присутствовал на четырех похоронах с момента смерти Виктора Паскова... он похоронил: сестру своей жены, погибшую в автомобильной катастрофе; двоюродного брата, погибшего при странных обстоятельствах в собственной ванне (он был

убит электричеством, когда, слушая репортаж хоккейного матча в ванне по приемнику, потянулся, чтобы поправить антенну); двоюродного дедушку; и, конечно, сына Луиса.

Луис нравился Стиву, и Стив хотел убедиться, что с Луисом все в порядке.

Когда Стив увидел поднимающийся столб дыма, он решил, что это очередной привет от Виктора Паскова, который, кажется, умирая, пробил некий сверхъестественный барьер между обычными людьми и смертью. Но все это было глупостью и дом Луиса служил тому доказательством. Дом Кридов выглядел тихим, белым. Этаким маленький кусочек Новой Англии, нежащийся в утреннем солнце.

Люди собрались поглазеть на пожар, а Стив оставил свой мотоцикл на противоположной стороне улицы. Он увидел, как кто-то из добровольцев бросился на пылающую веранду, нырнул в дверной проем, а потом вылетел обратно. Хорошо, что он успел сделать это вовремя. Мгновением позже стекло на двери взорвалось и из дома ударило пламя.

Стив слез с мотоцикла, на мгновение забыв о Луисе. Он был зачарован таинством огня. Уже собралось с полдюжины зрителей, кроме того «героя», который растянулся на лужайке перед домом Джада. Остальные держались на безопасном расстоянии.

Стекло засверкало в воздухе — вылетели оставшиеся стекла. «Герой» только закрыл голову, а потом, вскочив, отбежал подальше. Огонь стал лизать внутренности веранды, словно чьи-то руки, на ощупь ищущие что-то. На стенах пузырилась краска. Пока Стив глазел, один из плетеных ротанновых стульев сперва начал тлеть, а потом взорвался.

Еще один взрыв, и Стив услышал голос, «героя» — голос, полный абсурдного оптимизма:

— Наверное, мы потеряем дом! Он сгорит! Джад внутри, дурак! Я же тысячу раз говорил ему про ту бочку с толуолом!

Стив подошел поближе и поинтересовался, звонили ли пожарным, но тут же услышал отдаленный вой сирен. Много машин. Они выли сиренами, но «герой»-то был прав: дом сгорит. Пламя теперь вырывалось через дюжину окон, и передний фасад здания лишь смутно просвечивал сквозь прозрачную мембрану огня.

Отвернувшись, Стив вспомнил о Луисе... Но если Луис дома, почему он не тут... не на улице?

Потом Стив что-то заметил, самым краешком глаза.

За домом Луиса тянулось поле, а дальше поднимался пологий, постепенно поднимающийся холм. Там все поросло травой, такой зеленой, какой она бывает только в мае, но Стив заметил тропинку, подстриженную, как стригут обычно площадки для гольфа. Тропинка длинным шрамом протянулась вверх по склону холма, исчезая среди высоких зеленых деревьев, где-то у горизонта, там, где бледная зелень молодой листвы встречалась с густой зеленью трав. Там двигалось что-то белое. Оно исчезло, только Стив заметил движение, но Стиву показалось, что он успел разглядеть мужчину, тащившего какой-то сверток.

«Это — Луис, — подсказало ему что-то. — Это — Луис, и ты бы лучше поспешил, потому что что-то ужасное уже случилось, а если ты не поспешишь, случится еще что-нибудь. Ты должен поспешить и остановить его».

Стив постоял в нерешительности у дороги, переминаясь с ноги на ногу.

«Мальчик Стив, ты трусил до усрачки, разве нет?»

Да. Струсил. Он трусил до усрачки, хоть для этого и не было никаких причин. Была лишь уверенность... уверенность...

(цирк, да и только) ...но ведь что-то было на той тропинке, тропинке, ведущей на холм и дальше в лесную чащу... А может, тропинка и в самом деле куда-то вела, разве такое невозможно? Конечно, так и было! Все тропинки обязательно куда-то ведут.

«Луис. Не забывай о Луисе, ты болван! Луис был тем человеком, понимаешь?! Но ведь ты приехал в Ладлоу не для того, чтобы исследовать проклятые леса».

— Что ты там нашел, Ранди? — послышался крик «героя». Его пронзительный голос

звучал задорно и был полон оптимизма.

Ответ Ранди Стив едва расслышал из-за приближающегося воя сирен.

— Мертвый кот.

— Обгорел, что ли?

— Нет, вроде, — сказал Ранди. — Только он почему-то мертвый.

И мысли Стива неумолимо, как отраженное эхо, вернулись к той фигуре, которую он заметил краешком глаза. «Да, точно это был Луне!»

Стив пошел через поле, побежал вверх по тропинке под сень деревьев, оставив пожар позади. Ему пришлось сильно попотеть, пока он добрался до леса. А в тени стало холодно. Тут царил мягкий аромат сосны и канадской ели, коры и смолы.

Однако, оказавшись в лесу, Стив продолжал бежать. Он не смог бы объяснить, почему бежит, но был уверен, что надо бежать, и сердце его учащенно билось в груди. Его дыхание со свистом вырывалось из легких. Он бежал до бурелома, тропинка была хорошо видна... он достиг арки входа на Хладбище Домашних Любимцев; едва волоча ноги. Что-то огнем кололо его под правой подмышкой.

Его взгляд остановился на кругах камней — обломках камней, кусках жести и досках. А потом его взгляд замер на причудливом зрелище, открывшемся перед ним. Стив замер, уставившись на Луиса, который лез на бурелом, пренебрегая законами гравитации. Луис делал шаг за шагом и смотрел вперед, словно человек, который загипнотизирован, как лунатик. В руках у него был белый сверток, от которого Стив глаз отвести не мог. Если всмотреться, его форма не оставляла сомнений — это было тело. Одна нога в черной туфельке с низким каблуком торчала наружу. И Стив неожиданно понял, что Луис тащит тело своей жены Речел.

И еще, Луис стал совсем седым.

— Луис! — закричал Стив.

Луис не колебался, не останавливался. Он достиг вершины бурелома и уже начал спускаться с той стороны.

«Он же упадет! — неожиданно подумал Стив. — Пока ему чертовски везет, но ведь он не может не упасть. А если он сломает ногу...»

Но Луис не упал. Он спустился, а потом на мгновение удостоил Стива взглядом, и потом еще раз, прежде чем скрыться в лесу.

— Луис! — снова закричал Стив.

В этот раз Луис остановился и обернулся.

Стив был поражен тем, что увидел. Кроме того, что Луис поседел, лицо его невероятно постарело.

Вначале Стив даже не узнал Луиса. Рот Луиса подергивался. Не сразу Стив понял, что Луис улыбается.

— Стив, — заговорил Луис хриплым голосом. — Привет, Стив. Я иду, чтобы похоронить ее. Я вырою могилу голыми руками, я так решил. Это нужно сделать до наступления темноты. А земля-то там, как камень. Я не уверен, что ты бы решился сделать это как я — голыми руками!

Стив открыл рот, но у него не нашлось слов. Злость от удивления, злость от ужаса... он хотел бы остановить Луиса, но... Однако тут, в лесу, все происходящее выглядело правильным, очень... очень естественным.

— Луис, — ухитрился прохрипеть Стив. — Что случилось? Она... она обгорела на пожаре?

— С Гаджем я протянул слишком долго, — объяснил Луис, словно не слышал вопроса. — Что-то захватило его тело, потому что я слишком долго тянул. Но с Речел я все сделаю по-быстрому, Стив. Я знаю.

Луис слегка пошатнулся, и Стив решил, что Луис окончательно сошел с ума... Стив увидел это совершенно отчетливо. Луис сошел с ума, выглядит он невероятно усталым. Но как ему удалось протащить жену на вытянутых руках такое расстояние?

— Я бы согласился, если бы кто-то помог, — сказал Луис.

— Луис, даже если бы я хотел тебе помочь, я не смогу перелезть через бурелом.

— Нет, — ответил Луис. — Ты сможешь. Ты только должен идти вперед и не смотреть под ноги. Вот в чем секрет, Стив.

Он отвернулся. Стив снова позвал его по имени, когда Луис направился к лесу. Несколько мгновений Стив еще видел белый сверток, мелькающий среди деревьев. Потом Луис исчез.

Стив бросился к бурелому. Он полез и почувствовал, что руки легко слушаются его. Стоило ему начать карабкаться и безумная смелость охватила его, словно он неожиданно хлебнул чистого кислорода. Стив поверил, что сможет перелезть через бурелом... он сделает это! Двигаясь быстро и уверенно, он добрался до вершины. Мгновение он постоял там, раскачиваясь, глядя, как Луис идет по тропинке... тропинке, которая продолжалась по ту сторону бурелома.

Луис повернулся и снова посмотрел на Стива. На вытянутых руках перед собой он держал завернутый в окровавленное покрывало труп жены.

— Ты можешь услышать звуки, — сказал Луис. — Звуки, похожие на голоса, но это кричат гагары к югу от Тропы. Эти голоса влекут к себе... Забавно.

— Луис...

Но Луис уже ушел.

Еще мгновение и Стив пошел бы за ним...

«Я могу помочь ему, раз он хочет... и я хочу помочь ему, да.. Это — правда... Все, что он говорил — правда, потому что в глазах у него что-то было. Я бы хотел узнать, что именно там... Очень... очень... очень важно узнать это. Тут, кажется, какой-то секрет... Тайна».

Неожиданно под ногами затрещала ветвь. Такой сухой, неприятный звук, словно стартовый пистолет выстрелил. И этот звук привел Стива в чувство. Он понял, где он и что он тут делает. Ужас охватил его, и Стив повернул назад, едва не потеряв равновесия. Его язык почувствовал елейный привкус страха, лицо исказила испуганная гримаса человека, который проснулся и обнаружил, что поднимается по лестнице, уходящей в небо и там обрывающейся в никуда...

«Она умерла. Может, Луис убил ее? Луис же выглядел безумным, совершенно безумным, но...»

Но в его сумасшествии было что-то неправильное... что-то большое, более опасное, чем просто безумие. Что-то магнетическое. Где-то в этом лесу находится что-то, что любит встречать в дела людей. Оно тащило Стива туда же, куда Луис унес Речел. "Пошли. Спускайся на тропинку... Пошли, посмотрим, куда она ведет? Мы тебе кое-что покажем. Но ведь в кружке атеистов тебе вдалбливали, что ничего в лесу такого быть не может..."

А потом, возможно потому, что в этот день жертв уже было предостаточно, и Стив тайному месту был неинтересен, неведомая сила отпустила Стива. Вдохнув, как можно глубже, Стив стал спускаться с бурелома на Хладбище. Но теперь ветви опасно затрещали у него под ногами, и он чувствовал, что еще чуть-чуть и он полетит вниз: резкий треск не дал ему скрыться тайком, и потом острый осколок впился ему в ногу. Стив рванулся изо всех сил. Он упал на поляне, где было Хладбище, едва избежав удара об острый угол обломков оранжевого ящика, стоящего на одной из могил.

Встав на ноги, Стив огляделся, изумляясь, удивившись всему, что случилось с ним... или тому, что должно бы было случиться. Все происходящее больше напоминало сон.

Там, в глубине леса, за буреломом, где деревья стояли так густо и казались такими зелеными, кто-то утробно засмеялся. Станный и страшный звук. Стив даже вообразить не мог, какое существо может издавать такой звук.

Вот тогда Стив и побежал. Даже один ботинок потерял. Он пытался кричать, но не мог. Бегом он добрался до дома Луиса, снова попытался закричать, когда уже выбежал на 15 шоссе. Но в это время подъехали пожарные из Бревера. Под мотоциклетным шлемом, который Стив так и не снял, его волосы стояли дыбом.

Стив поехал к себе домой. Потом он совсем не помнил того, что случилось с ним в Ладлоу. Позвонив в аптеку, сразу, как приехал домой в тот злополучный день, он заказал себе успокоительного, а потом, приняв лекарство, лег и уснул.

Больше Стив Мастертон никогда не вспоминал свою поездку в Ладлоу... только в глубоком сне, в предутренние часы, возвращались к нему кошмары.

И эти кошмары были больше, чем просто сны. Они заставляли его дрожать во сне... что-то из Ладлоу пыталось добраться до него... но той нечеловеческой фигуре было никак не дотянуться до Стива.

Чьи-то огромные, желтые глаза, которые светились, словно болотные огоньки...

Иногда, после таких снов, Стив в ужасе просыпался. Его глаза были широко открыты, и странные мысли приходили ему в голову.

«Ты можешь услышать звуки, похожие на голоса, но это кричат гагары к югу от Тропы. Эти голоса влекут к себе... Забавно».

Откуда такие мысли, Стив не знал.

На следующий год он нашел себе работу в Св. Луисе в другом конце страны.

И до самого своего отъезда, никогда больше, Стив не заезжал в Ладлоу...

ЭПИЛОГ

Полиция позвонила после полудня. Полицейские задавали вопросы, но в их голосах не было подозрения. Пепелище на месте дома Джада было еще горячим; полицейские выглядели бодро. Луис спокойно отвечал на их вопросы. Полицейские казались удовлетворенными. Они говорили на улице, и Луис был в шляпе. Это было хорошо. Если бы полицейские увидели его седые волосы; они могли бы стать гораздо любопытнее. А вот это было бы нежелательно. И еще Луис надел садовые перчатки — вещь тоже необходимая. Руки Луиса были окровавленными и изуродованными.

В эту ночь он сидел еще долго после полуночи.

Он приводил в порядок свои изуродованные руки, когда слышал, как хлопнула входная дверь.

«Вот оно и случилось. Рано или поздно и ты вот так явишься домой», — подумал Луис Крид.

Он не стал резко вставать с места, когда слышал тяжелые шаги. Там — Королева Пауков! Луис держал себя в руках.

Кто-то остановился у него за спиной.

Тишина.

Холодная рука опустилась на плечо Луиса. Голос Речел показался ему скрипучим и каким-то недобрым.

— Дорогой, — сказала она.